

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Анна
Ветлугина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Фигура Данте окутана ореолом мистики, а его «Божественная комедия» беспрерывно продолжает будоражить умы. Современных писателей, кинематографистов и даже разработчиков компьютерных игр особенно вдохновляет тема ада. Это неудивительно: великий поэт упрятывал туда своих врагов, описывая подлинные обстоятельства их смерти. Описывая... а может быть, предчувствуя или даже создавая? Ведь время возникновения черновиков «Комедии» никому не известно. Зато сохранились документы судебного процесса XIV века, где обвиняемый заявил, что пользовался услугами величайшего мага Италии — магистра Алигьери. Данте имел связи с загадочным и зловещим орденом тамплиеров. А жители Вероны будто бы явственно видели на лице поэта следы адского пламени Но это лишь одна сторона личности гения Другая — наполнена светом неземного чувства к Беатриче — рано умершей подруге детства. Эта любовь выводит поэта из мрака преисподней, через тяготы чистилища в небесную обитель рая.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Анна Ветлугина](#)
    -
    - [ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННИК](#)
    - [Пролог первый](#)
    - [Пролог второй](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)

- [illegible]

[illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

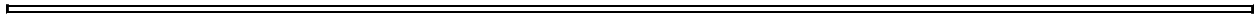
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [Анна Ветлугина](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2022

(1822)

Анна Ветлугина

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Автор благодарит за помощь
Дмитрия Володихина и Дмитрия Максименко.*

*На переплете — фрагменты портрета Данте в исполнении
Сандро Боттичелли (около 1495 г.), триптиха Элизабет Сонрель
«Сцены из «Новой жизни» Данте Алигьери» (конец XIX в.) и
картины Эжена Делакруа «Ладья Данте» («Данте и Вергилий в
аду»; 1822 г.).*

© Ветлугина А. М., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННОК

Много или мало мы знаем об истории?

С одной стороны, много: одно лишь итальянское Средневековье, о котором идет речь в этой книге, оставило после себя громадное количество хроник, мемуаров, писем, деловых бумаг, которые досконально изучили поколения историков. С другой стороны, огорчительно мало — даже о таких знаменитейших людях той эпохи, как Данте Алигьери. Важные моменты их биографии скрыты завесой молчания, неизвестны истинные мотивы их поступков, обстоятельства семейной и личной жизни, многие черты характера. Нашим современникам, интересующимся всем этим, остается прибегать к услугам романистов, в меру сил закрашивающих оставленные историками белые пятна. Это таит в себе угрозу: воображение часто уводит писателя слишком далеко от истины, искажая не только обстоятельства событий прошлого, но и их суть. Такие отступления от истины особенно сильны в русской литературе, где писательский субъективизм десятилетиями дополнялся сознательной фальсификацией в духе господствующей идеологии. Неменьший вред причиняет — и на Западе, и у нас — коммерческое освоение исторических событий, приносящее истину в жертву цветистой, пошло-романтической сказке.

В этих условиях можно только порадоваться наличию литераторов, которые в своих произведениях описывают реальную, а не скроенную по голливудским лекалам жизнь исторических персонажей, заполняя лакуны в их биографиях бережно и аккуратно. Именно такова книга о Данте, созданная Анной Ветлугиной — писательницей, музыкантом, композитором, хорошо знакомой с Италией и ее древней культурой. Ей удалось уйти как от сухого пересказа обстоятельств жизни героя, так и от неудержимого фантазирования, которое в данном случае особенно соблазнительно. Всегдашнее бунтарство Данте, его пылкая и в то же время совершенно бесплотная любовь к Беатриче, его скитания по нездешним мирам — все это соблазняет объявить его пророком, безумцем, адептом тайных знаний... Короче, кем угодно, только не обычным (пускай и гениальным) человеком своей эпохи. Между тем герой книги Ветлугиной — именно такой человек. Мальчик, зябнувший от холода телом и душой в доме сурового, нелюбимого отца. Юноша, мечтающий о любви и творчестве и добившийся высшей цели, обессмертив в творчестве свою любовь. Политик, потерпевший провал из-за своей гордости и

несгибаемости, отвечающих его истинному имени Дуранте — «твердый». Поэт, впервые решившийся писать о высоких материях «кухаркиной речью», из которой с его легкой руки вырос итальянский литературный язык.

Главный порок современных романов, в том числе исторических — малолюдье. Их населяют картонные люди-функции, люди-маски, оттеняющие облик главного героя, обычно до смешного похожего на автора. Книга Ветлугиной (как и ее предыдущие труды) не такая: в ней живут и беседуют живые, не похожие друг на друга персонажи. При этом говорящие и думающие именно так, как говорили и думали итальянцы XIII века — без неуместных новаций, которыми щедро усеяны псевдоисторические книги и особенно фильмы. Этому неторопливому стилю средневековых хроник вольно или невольно следует и автор, что придает написанному ею дополнительную убедительность. Перед читателем словно наяву проходят персонажи — нелюбимая, страдающая жена Данте Джемма Донати, ее жестокий кузен Корсо Донати, вынудивший поэта покинуть родную Флоренцию, коварный друг героя Гвидо Кавальканти, их общая, одна на двоих, возлюбленная Джованна — мимолетная «земная любовь» Данте в отличие от любви небесной, вечной — Беатриче. Ее тень витает над страницами романа, как витала некогда над всей жизнью Данте с его первой — в девять лет! — встречи с девочкой в красном платье. Важная деталь: принято считать, что поэт общался со своей Донной лишь дважды, но у Ветлугиной описаны их куда более частые встречи и разговоры. Это больше похоже на правду: жить рядом с предметом любви и не перекинуться с ней ни словом, ни взглядом сложно даже для такого робкого влюбленного, каким был Данте. Беатриче в романе предстает не поэтическим идеалом, а живой девушкой — умной, обаятельной, практичной. Умелыми штрихами писательница рисует черты ее и других персонажей, вплоть до самых незначительных вроде няньки Паолы. Есть и герой-загадка, герой-символ — птичник Луций, провожающий героя на земном пути, как Вергилий провожал в неземном странствии его поэтического двойника.

Великому творению Данте — «Комедии», получившей века спустя эпитет «божественной», — в книге уделено не так уж много места, как и другим сочинениям поэта. Это вполне оправданно: перед нами не трактат о творчестве Данте, а его художественная биография, где жизнь самого автора, его мысли и чувства важнее приключений его героев. Жаль, что неподготовленный читатель остается в неведении о содержании «Комедии», о ее связи с историей, литературой, богословием той эпохи,

нашедших в лице Данте гениального, хотя и резко пристрастного истолкователя. Но это легко исправить, обратившись к самой поэме — к любому из пяти ее русских переводов, хотя предпочтительнее, конечно, привычный перевод Михаила Лозинского с подробными комментариями. К сожалению, научно-популярных работ о Данте в нашей стране не выходило уже полвека, со времен книги Ильи Голенищева-Кутузова в серии «ЖЗЛ». Но, конечно, такие работы еще появятся — ведь при всей своей «средневековости» мысли и чувства великого флорентийца близки нам, как мысли и чувства всех истинных гениев. А значит, Данте остается нашим современником, что еще раз подтверждает увлекательная книга Анны Ветлугиной.

Кандидат исторических наук

Вадим Эрлихман

Пролог первый **ПОЧЕМУ... ДАНТЕ?**

В мире литературы известны яркие, бесспорно гениальные произведения — своеобразные текстовые глыбы, сравнимые разве что с высокими труднодоступными горами. Эти громады властно отбрасывают вокруг себя густую тень, надолго скрывающую все остальное. Таковы, например, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, знаменитые пьесы Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса. В этот, весьма ограниченный, шорт-лист великих книг всех времен и народов, несомненно, входит и «Божественная комедия» Данте Алигьери.

Литературные памятники живут долго — многие десятилетия и даже века. Но следует признать, что пищей для ума новых поколений они не служат. Высокое слово классика сиюминутно не воспринимается, не настраивает на панибратство, да и читателя больше «цепляют» современные, пусть и не столь выдающиеся тексты. Иногда классические шедевры пытаются переосмыслить, осовременить в экранизациях или театральных постановках. Подобные авангардные версии вызывают противоречивые эмоции: кто-то не признает их вообще, довольствуясь первоисточником, другие проявляют кратковременный, быстро угасающий интерес. Все эти каверы и кроссоверы, сколь бы талантливы ни были их создатели, все же не смогут стать базисом подлинной культуры, да и не должны — ведь они вторичны по определению.

В итоге литературные памятники так и остаются холодными заснеженными вершинами. На них благоговейно взирают издали. Самые смелые из читателей могут даже подняться и, борясь с недостатком кислорода, полюбоваться их величественной красотой с более близкого расстояния. Но остаться на этой высоте жить, тем более, что называется, «расти» на этих книгах, мягко говоря, сложновато.

Кажется, что «Божественная комедия» Данте полностью подпадает под определение ценного музейного экспоната мировой литературы. Она не только описывает малопонятные, не встречающиеся в обычной жизни вещи и события, но и язык повествования выбран, словно специально для того, чтобы испытать читателя на прочность. Стихи, да еще и неквадратные. Терцины. Зачастую Данте даже приписывают изобретение данной рифмовки. Но, по словам самого поэта, автором столь изящной

стихотворной формы был его учитель — Брунетта Латини. Данте же использовал терцины потому, что в числе «три» видел образ Пресвятой Троицы.

Какую актуальность в наши дни сплошного экшена может иметь толстенный фолиант возвышенной поэзии? Казалось бы, она должна стремиться к нулю. А между тем с середины XX века интерес к творчеству флорентийского гения постоянно растет. Хорхе Луис Борхес в 1982 году создал «Девять эссе о Данте» с цитатами из «Божественной комедии». В 1949 году Дерек Уолкотт, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, находясь под влиянием Данте, написал «Эпитафии на молодых: XII песен»^[1].

К концу XX столетия пиетет перед «Божественной комедией» в статусе литературного памятника постепенно сменяется прямо-таки нездоровым интересом. В Америке особым трендом становится переосмысливать и использовать творение Данте в своих текстах. В 1976 году американские писатели Ларри Нивен и Джерри Пурнель создают продолжение «Божественной комедии» — роман «Инферно»^[2]. По сюжету некий фантаст во время встречи с читателями умирает и попадает в ад, где почему-то главенствует Муссолини. Более тридцати лет спустя, в 2009 году, появляется «продолжение продолжения» — роман этих же авторов «Побег из ада»^[3]. И одна из создателей афроамериканской литературной традиции, писательница Глория Нейлор в своем романе 1985 года «Линден Хиллз»^[4] использует «Ад» великого флорентийца, чтобы рассказать о путешествии двух темнокожих поэтов, пытающихся заработать в домах богатых соотечественников накануне Рождества.

В 2002 году еще один американец — Ник Тошес издает роман «Рукою Данте». По его сюжету подлинная рукопись «Божественной комедии», оказывается, исчезла много столетий назад. Теперь она найдена — и об этом удивительном факте становится известно американскому исследователю творчества Данте. Но сенсация мирового масштаба быстро превращается в неразрешимую загадку. Финал литературного памятника написан явно не флорентийским гением. Но кем же?

Весь этот список литературы достаточно известен за пределами Америки, но первую строку рейтинга современных дантовских фанфиков, несомненно, занимает «Инферно» Дэна Брауна (2013). Писатель сделал историю создания «Божественной комедии» и ее содержание одной из главных сюжетных линий своего романа. Книга вызвала большой интерес во всем мире, включая Россию. Причем ее почитатели — вовсе не

утонченные знатоки и любители Средневековья, а широкая читательская аудитория. Ничего удивительного: действие романа происходит в наше время, а сам текст представляет собой качественный детектив со всеми признаками жанра — злодеем, погоней, тайным обществом, опасными агентами. Главный герой уже известен читателю по предыдущей нашумевшей работе Брауна «Код да Винчи». И снова он исследователь. Утонченный эстет и специалист по не слишком расхожим вещам — истории искусства и символизму, — американский профессор.

Уже от этого шедевра популярной литературы многие «настоящие» ценители Данте могли бы брезгливо скривиться. Но им пришлось пережить еще большее оскорбление. В 2010 году появилась компьютерная игра «Dante's Inferno» («Ад Данте») — кровавый боевик, главный герой в которой — гений всех времен и народов Данте Алигьери.

Исполнительный продюсер Джонатан Найт отзывается о «Dante's Inferno» так: «Сюжет построен на первой части поэмы, в которой Данте отправляется в ад, чтобы вернуть душу своей возлюбленной Беатриче, которую похитил сам Люцифер. Главному герою предстоит пройти через девять кругов ада: лимб, сладострастие, чревоугодие, жадность, гнев, ересь, насилие, обман и предательство... Это замечательная возможность объединить великолепную игру с великолепным сюжетом».

Сюжет и вправду оказался крайне подходящим для виртуальной реальности. Динамичная «бродилка» по фантастическому, но очень подробно и четко выстроенному миру. В описании игру называют «высокотехнологичным боевиком от третьего лица». Но «технологии» здесь применимы, скорее, к высокому качеству анимации, чем к сюжетным подробностям. Пользователей XXI века сложно удивить сверхдальностью и сверхточностью оружия, как и любителей фэнтези изощренной магией. И на сцену выходят древние христианские символы. Данте сражается косой, в которой нет ничего волшебного. Она не выкована из серебра на горе в день полнолуния и не сделана гномами в недрах земли. Она лишена магических свойств, не ищет себе жертв сама, как меч Тюрвинг из «Старшей Эдды», и не останавливает кровотечение, как ножны меча короля Артура. Ее сила в другом — она трофей, захваченный Данте в бою со Смертью. Второй предмет, с которым главный герой никогда не расстанется, это распятие, подаренное Беатриче. Помимо своего основного культурно-религиозного кода, оно — семейная реликвия рода его любимой девушки. Здесь можно было бы поговорить о вечных человеческих или традиционных ценностях, но вряд ли эта тема послужила причиной неожиданной актуальности стихов средневекового поэта. Тогда что?

В самом конце XX века в дантоведении появляется новая необычная фигура: Франко Нембрини (род. 1955), педагог и писатель. Он рос в непростых условиях: в семье было десять детей, а отец страдал рассеянным склерозом. С двенадцати лет Франко пришлось работать помощником продавца в чужом городе. Однажды после десятичасового рабочего дня ему велели разгрузить машину.

В своей трилогии «Данте, поэт желаний» Нембрини вспоминает: «...у меня не было больше сил работать, но я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился — оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из «Рая», где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».*

Двенадцатилетнему Франко в тот момент показалось, что он не один. Рядом оказался человек, умерший более шести веков назад, но удивительным образом знающий и чувствующий, что творится сейчас, в конце 1960-х, в душе простого итальянского мальчика.

Этот удивительный духовный опыт мог так и остаться мимолетным переживанием, но Нембрини, став взрослым, выстроил на его основе концепцию. Итальянский исследователь увидел в Дантовом творении интерактивный квест за несколько десятилетий до создания компьютерной игры «Dante's Inferno». В аннотации к книге Нембрини указано, что «Божественная комедия» не просто средневековый шедевр, а живое произведение, предлагающее читателю пройти путь каждого дня и всей жизни на должной высоте, когда «...даже самая ничтожная деталь, каждое слово, любая привязанность, зародившаяся сегодня вечером, или симпатия, возникшая накануне, — всё, даже самое мелкое и незначительное, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено».

Франко Нембрини открыл новую страницу в дантоведении. Он начал говорить о «Божественной комедии» с аудиторией совершенно неподготовленной, далекой и от поэзии, и от средневековых реалий. Его книги о Данте стали итогом более чем тридцатилетнего опыта публичных лекций для школьников и домохозяек, с которыми он выступал в Бергамо в школе «Ла Трачча» либо в театре. Он демонстрировал, что «Божественная комедия» — не заумный текст, а приключение, цель которого понять, как

человек может найти в себе силы жить в наитруднейшей ситуации и как научиться быть верным себе, не предавая своих устремлений.

Подобные мысли о творчестве Данте звучат и в лекциях нашего современника — украинского философа Александра Филоненко. По его словам, «Божественная комедия» — это «...книга о том, как взять человека, открывшего страницы, и ввергнуть его из бедственного состояния в состояние счастья. Этот путь и есть задача автора».

Как же все-таки поэту средневековой Флоренции удалось создать такой «интерактивный» текст, цепляющий за живое человека XXI столетия?

Никто не в силах измерить гениальность линейкой и определить в процентном соотношении, как действует на читателя тот или иной литературный прием. Но какие-то тенденции прослеживаются. Первое: как уже говорилось, «Божественная комедия» — стопроцентная «бродилка». Ее мир наполнен богатейшей галереей персонажей и одновременно схематичен, как компьютерная игра. Персонажи, в свою очередь, имеют двойственную или даже тройственную природу: герои дантовского повествования, во-первых, — великолепно выписанные живые люди; во-вторых, они, как правило, — реальные исторические личности; и, в-третьих, они представлены аллегорическими фигурами, воплощающими тот или иной порок или какую-либо добродетель. Если всматриваться в «Божественную комедию» именно под этим углом, приходит мысль: почему игра «Dante's Inferno» появилась так поздно? Почему не в числе первых компьютерных игр? Хотя на это имеется простой ответ: компьютерная индустрия должна была дорасти до определенного уровня совершенства, прежде чем браться за Данте.

Итак, мы частично разобрались с «декорациями» этого удивительного повествования и с персонажами, составляющими свиту, или кордебалет. Но кто же главный герой?

Отыскивая ответ, мы вновь сталкиваемся с многогранной наполненностью личности, совершенно обычной для персонажей современных книг, включая жанровые, но абсолютно нехарактерной для литературы времен Данте.

Итак, главный герой «Божественной комедии» несет в себе такое же триединство, как и мир, его окружающий. Он — активно действующий, живо представленный на страницах книги человек. Он же — аллегорическая марионетка, мечущаяся между зыбкостью человеческих страстей и стабильностью Божьих заповедей. И он же — бесстрастный автор, создавший героя и наперед знающий его путь.

Последнее обстоятельство привносит в повествование тень искушения. Фигура Данте окутывается ореолом мистики. Известно, что великий поэт упрятывал в ад своих врагов, описывая подлинные обстоятельства их смерти. Описывая... а может быть, предчувствуя или даже создавая?.. Ведь время возникновения черновиков «Комедии» никому не известно. Зато известны строки первого биографа Данте Алигьери поэта Джованни Боккаччо:

«Когда творения Данте уже повсюду славились... он шел однажды по улице Вероны мимо дверей, перед которыми сидело несколько женщин, и одна из них сказала, понизив голос:

— Посмотрите, вон идет человек, который спускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается...

На что другая бесхитростно ответила:

— Ты говоришь истинную правду: взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма».

Сохранились и документы судебного процесса 1320 года против некоего Маттео Висконти, который будто бы хотел извести черной магией папу Иоанна XXII и, не достигнув результата, обратился за помощью к «величайшему магу Италии» — магистру Алигьери из Флоренции. Данте якобы имел и тесные связи с загадочным и зловещим орденом тамплиеров. Скорее всего, это было какое-то обычное сотрудничество, общение, не более того, но оно тоже обросло темными легендами.

К счастью, это касается лишь одной части личности гения. Другая — наполнена светом неземной любви к рано умершей подруге детства Беатриче. Эта любовь выводит поэта из мрака преисподней, через тяготы чистилища, в небесную райскую обитель.

Так все же почему поэма Данте стоит особняком? Ведь в мировой литературе хватает произведений с элементами квеста. Но именно «Божественная комедия» позволяет пережить своего рода личностный квест, путешествие человека внутри самого себя, в своей душе — от мрака к свету. Не случайно вспомнившийся фрагмент «Божественной комедии» помог дотащить юному Франко Нембрини тяжелые ящики. Не случайно Данте и его шедевр становятся основой сюжета новых книг и темами многочисленных лекций. Постоянно появляются всё новые и новые дантоведы, среди которых наш современник, итальянский ученый, философ и писатель Умберто Эко (1932–2016). Именно он выделил в «Божественной комедии» непривычный «мейнстрим» ада, а в описании рая сумел разглядеть гениальную схему-пророчество новой виртуальной реальности, которая уже существует и в ближайшем будущем коснется всех

нас.

Пролог второй

УБИТЬ ДАНТЕ

Такое название, наверное, лучше бы подошло мультипликационному фильму «Ад Данте: Анимированный эпос»^[5], созданному в 2010 году мультипликаторами США, Японии, Сингапура и Южной Кореи, почти одновременно с компьютерной игрой «Dante's Inferno». Кажется, все перипетии сюжета этого эпического аниме преследуют лишь одну цель: увеличить количество батальных сцен и число опасностей, подстерегающих главного героя. Ужасы, с которыми в реальном тексте «Божественной комедии» главному герою чаще всего приходится сталкиваться визуально, вызывая лишь эмоциональную реакцию: «...и я упал, как падает мертвец», в мультипликационном экшене превращаются в бесконечный кровавый интерактив. Таков закон жанра боевика. Трудно втиснуть в эти декорации образ Данте с мрачной гравюры Густава Доре или с портрета работы Сандро Боттичелли в лавровом венке и с гордым профилем мыслителя! Правда, если задуматься, то шедевр Боттичелли плохо вяжется с расхожим стереотипом о том, как должен выглядеть поэт. И правильно. Романтичным «юношей бледным со взором горящим» наш герой никогда не был. Как и кабинетным ученым, ничего вокруг себя не видевшим, кроме пыльных манускриптов. Создатель «Божественной комедии» ощущал себя больше политиком, чем литератором, и достиг на этом поприще немалых высот, став одним из семи приоров — правителей независимой коммуны города Флоренции. О воинском деле он тоже знал не понаслышке, приняв участие в жестоком Кампальдинском сражении между флорентийцами и жителями Ареццо.

Так, может, анимационный персонаж, лихо размахивающий косой смерти и, в конце концов, побеждающий самого Люцифера, правдивее депрессивного визионера Доре или увенчанного лаврами философа Боттичелли? Однако любой человек, хоть немного разбирающийся в европейской культуре эпохи Возрождения и знающий биографию Данте, пусть даже поверхностно, в сценарии мультфильма «Ад Данте» сразу же найдет грубые ошибки и несоответствия. При этом «дантово» аниме никак нельзя назвать дешевым ширпотребом. К созданию этого фильма продюсеры подошли очень серьезно, пригласив известнейших режиссеров, среди которых Ясуоми Умэцу, автор аниме «Кайт — девочка-убийца»^[6]

(1998) и «Красотки-головорезы»^[7] (2002), и Мурасэ Сюко, создатель научно-фантастического аниме «Эрго Прокси»^[8] (2006) и аниме-сериала «Робин — охотница на ведьм»^[9] (премьера в 2002 году). И уж, конечно, вряд ли бы в таком дорогом проекте стали бы экономить на консультантах-дантоведах.

Конечно, все ошибки были сделаны сознательно. Сюжет требовалось адаптировать в расчете на многомиллионную аудиторию, большая часть которой не только никогда не читала Данте, но даже и не планировала делать этого. Перед авторами сценария «Ада Данте» стояла точно такая же задача, как перед любым рядовым сценаристом, работающим в производстве телесериалов: написать историю, которая бы максимально воздействовала на определенную аудиторию. В данном случае — любителей компьютерных игр и боевиков. Нужно было не столько упростить сюжет, сколько расставить в нем немного другие акценты и добавить батальных сцен, тем самым полностью изменив жанр. «Божественная комедия» ведь вовсе не боевик, а вполне мирное, хотя и достаточно эмоциональное путешествие наблюдателя по некоему аллегорическому миру, населенному вполне реальными персонажами. Понятно, что неадаптированный первоисточник для игры и анимационного фильма не сгодился бы.

Как оценивать масштабный труд создателей «Ада Данте»? Как надругательство ради денег над памятником культуры? Как любопытную кавер-версию классики? Или, может, как некий способ миссионерства?

Последняя версия не так уж парадоксальна, ведь сценаристы кровавого мультфильма немногим отличаются от своих средневековых предшественников, сочинявших назидательные истории для площадных мистерий. В этих постановках христианская мораль и крайняя набожность с легкостью совмещались с разнузданными, почти богохульными фрагментами. В основу какого-либо канонического сюжета вставлялись так называемые дьяблери (дьявольские сцены) или просто бытовые фарсовые сценки. Тем не менее мистерии считались не развлекательным, а просвещающим мероприятием для безграмотного народа, не читавшего Священного Писания.

Таким образом, вопрос о профанации высокого искусства и эстетическом надругательстве над Данте в компьютерной игре и в аниме остается открытым.

Интереснее другое. Почти одновременно с выходом в свет игры «Dante's Inferno» комиссия европейских экспертов под руководством

итальянки Валентины Серен и решила изъять «Божественную комедию» из всех школьных программ за недостаточную толерантность и «элементы расизма».

Этот факт возмутил многих, в том числе русского поэта и специалиста по Данте Ольгу Седакову. В статье «Дело Данте» она писала:

«Многие годы занимаясь Данте, я была... поражена этим диагнозом (расизм!)...

«Комедия» уже входила некогда в список запрещенных книг, но по другому поводу: ее автор высказывался о современных ему папах и вообще о праве Понтифика на светскую власть таким образом, что иначе как еретичеством это не могло быть названо. Данте был одним из первых, защищавших идею «разделения властей», духовной и светской: иначе говоря — одним из отцов секуляризма.

Этот проект, осуществившийся в Европе много позже, после Просвещения, предполагает, что общественная жизнь управляется не теократическими законами, а универсальными законами разума и морали, общими, как предполагалось, для всех людей и заключенными в самой человеческой природе.

Обвинение в еретичестве давным-давно снято с «Комедии». Два ключа — мирской и духовной власти — сохраняются в гербах пап, но о мирской власти Церкви речи уже давно не идет. Иоанн Павел II лично покровительствовал Дантовскому обществу. Теперешнее требование запретить Данте исходит как раз от секуляризма в той его форме, которую он принял к нашим дням».

Вот уж действительно всё в точности, как в поговорке: за что боролись, на то и напоролись! Данте стал авторитетом для римских пап, а современному европейскому обществу его «Божественная комедия» показалась чрезмерно «католической».

За два года до «Дела Данте» Совет Европы потребовал удаления распятий из итальянских школ. Тогда и школьники, и преподаватели вышли на улицы с плакатами «Большинство тоже имеет свои права!». Протестовавшие не считали себя особенно верующими. Просто они ощутили, что распятия, висевшие в школах много веков подряд, неотделимы от их культурной самоидентификации, и встали на ее защиту.

Современный цивилизованный мир всё чаще называют «постхристианским», но его культурный базис построен на христианских символах. В этом заключен конфликт идей, который прорывается наружу не только на страницах книг и в решениях Совета Европы, но и — увы — в терактах. Ольга Седакова прямо называет в своей статье подобные

процессы битвой за Крест. Оружием в этой битве становится христианская культура, воплощенная в книгах, в живописи, в музыке. Вопрос: как пользоваться этим оружием? Хорошо сохранять шедевры в неприкосновенности? Только музей однажды может сгореть, и тогда окажется, что сердца людей — более надежное хранилище. Мы далеки от мысли превознести до небес компьютерную игрушку про Данте, но ведь наверняка многие, поиграв в нее, заглянули в подлинную «Божественную комедию». А если бы создатели побоялись нарушить историческую правду и замысел классика, то охват аудитории оказался бы в разы меньше. Да что там говорить, вообще бы никакой игры не получилось!

Вспоминаются слова Христа: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»^[10].

Так что «убийцы» великого классика могут с легкостью оказаться невольными (а может, и осознанными) сеятелями нового интереса к его творчеству.

Биографий Данте Алигьери, как и анализа его «Божественной комедии», за семь с половиной веков уже написано множество томов на самых разных языках. Какой путь должен выбрать создатель новой биографии? Систематизировать все эти почти тысячелетние исследования? Скорее всего, такая систематизация не поместится в одной книге, ведь Данте изучали не только очень долго, но еще и с разных позиций. Кого-то интересовала поэтика, кого-то — библейские сюжеты и модели, кого-то — исторический контекст и психология героев. Есть даже исследование о том, как именно читал и воспринимал Данте Александр Сергеевич Пушкин^[11]. Есть «Разговор о Данте» Осипа Эмильевича Мандельштама, и есть исследование этого «Разговора» авторства Константина Глебовича Исупова. Последний, кстати, отмечает «беспрецедентную торопливость», «с которой возникают первые комментарии к «Божественной комедии» (сыновья Данте, Боккаччо, создавший кафедру по изучению наследия великого соотечественника, что дало повод знаменитому золотых дел мастеру, ваятелю и поэту эпохи Чинквеченто, современнику Леонардо, Микеланджело и Рафаэля — Бенвенуто Челлини, сказать: «...эти толкователи заставляют его (Данте. — А. В.) говорить такое, чего он никогда и не думал»»).

Вина здесь не многочисленных комментаторов, а самого Данте. Уж слишком необычную и многослойную конструкцию ему удалось создать. Каждому, кто проникся ее величием, так и хочется выразить свое к ней отношение, а может, даже поиграть в «Dante's Inferno»? Думал ли Франко

Нембрини, что прославится своими лекциями о Данте для домохозяек? Великий флорентиец вошел в его жизнь без стука и пригласил пройти квест по самопознанию.

*

Для автора этой книги Данте стал одним из проводников в мир христианства, здесь тоже имело место нечто глубоко личное. Именно это, личное, и сподвигло автора взяться за художественную реконструкцию биографии итальянского гения, чтобы найти для себя ответ всего на одну из многих дантовских загадок. А именно: всегда ли Данте творил в плоскости Священного Писания? Не было ли магическое мышление одним из его искушений? Не пытался ли он влиять на своих недоброжелателей с помощью текста? В «Божественной комедии» описаны страдания и гибель папы Бонифация VIII, французского короля Филиппа IV Красивого, папы Климента V, родственника и смертельного врага Данте Корсо Донати... Скорее всего, печальные события сначала произошли с этими людьми, а потом уже стали сюжетными линиями поэмы, но... точной даты создания каждой из песен никто не знает. Зато есть упоминание о «величайшем маге Италии», есть связи с тамплиерами, есть некий мистический ореол вокруг личности поэта. Вероятно, он возник как раз из-за темы ада, столь тщательно разработанной в поэме. Но что мог подумать об этом сам Данте, если картинки врагов, мучающихся в аду, появлялись в его воображении все-таки раньше их реальной гибели?

В игре «Dante's Inferno» всё абсолютно честно и примитивно построено именно на магии. Таков формат подобных компьютерных игр. При этом в ней воссоздана абсолютно христианская картина мира, где существуют два пути — две ветви — развития: порок и святость. Именно они и отвечают за умение и навыки игрока. Если покарать врага или заблудшую душу, то вы получите очки опыта в ветвь порока. Если освободить душу, то вы получите очки опыта в ветвь святости. На каждую ветвь приходится по семь ступеней (уровней), повышая их, вы приобретаете себе новые навыки. Кстати, весьма в духе мировоззрения средневекового человека. Но не везде и не всегда XIII век понятен XXI. Поэтому интересно сопоставить два мира Данте: исторический и созданный для современного массового восприятия. Мы попробуем сделать это. От кадров жестокой кровавой анимации перенесемся во Флоренцию, Париж и Равенну времен Данте, пойдем, где создатели компьютерной игры

переписали историю и почему.

Глава первая

ДРАГОЦЕННЫЕ ШАРИКИ

Аниме «Ад Данте» следует сюжету «Божественной комедии», а не биографии ее создателя. Но в самом произведении много биографических черт, и авторы мультфильма увлеченно рассказывают историю Данте и с помощью красочных флешбэков, и путем встреч в аду с некоторыми умершими (как было и в оригинале). Поэтому, чтобы «выпрямить» линию жизни Данте, нам придется выискивать в мультфильме биографические куски и расставлять их по порядку.

Итак, детство. Среди комментариев к игре мне запомнился крик души неизвестного пользователя: «...все нервы растерял на отце дантэ, наверное попытки с 20 только убил» (орфография сохранена. — А. В.). Отец там действительно редкостный подонок, помешанный на богатстве, он зверски избивает мать нашего героя, не забывая при этом издеваться над его желанием стать поэтом. В аниме справедливость торжествует, если это можно так назвать. Нарисованный герой вступает в поединок со своим отцом, побеждает, затем низвергает родителя в кучу золота, где тот показательно тонет.

Как же происходило на самом деле? Характер Алигьеро Алигьери (так звали отца нашего героя), видимо, впрямь имел не сахарный. Сын его недолюбливал и к тому же всю жизнь стыдился из-за занятия родителя ростовщичеством. Но в то время люди знали и ценили свое родословие намного больше, чем сейчас. Поэтому в противовес «плохому» предку Данте совершенно необходимо было найти «хорошего». И таковой, конечно же, имелся. Согласно семейному преданию, род поэта вел свою историю от знатных римлян Элизеев, основавших Флоренцию. А прапрадед нашего героя, Каччагвида был героем Крестового похода 1147–1149 годов, организованного германским королем Конрадом III. Сам король посвятил Каччагвиду в рыцари, после чего тот погиб в бою с мусульманами. Героический прапрадед и стал предком-гордостью, которого Данте противопоставлял недостойному отцу.

Интересно, что фамилию Алигьери наш герой получил по женской линии. Героический Каччагвила был женат на даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Имя Альдигьери переделали в Алигьери и назвали им одного из сыновей Каччагвиды, с него-то и началась официальная

история рода. Его сын Беллинчоне, дед Данте, пострадал от борьбы гвельфов и гибеллинов, как позже его знаменитый внук. Но дедушке повезло больше: он смог вернуться в родной город после поражения и гибели Манфреда Сицилийского при Беневенто. Это случилось в 1266 году, когда Данте исполнился год.

Кстати, Данте — всего-навсего сокращенный вариант имени Дуранте, столь же распространенного в Италии, как у нас «Петя» или «Вася». Удивительно, что такой уважаемый человек вошел в историю под неполным именем.

Дуранте Алигьери пришел в этот мир в 1265 году, во времена, когда о загробной жизни думали больше, чем сейчас, и день смерти значил больше дня рождения. Поэтому точной даты появления на свет одного из крупнейших поэтов в истории человечества не сохранилось. Но примерно известно, что это была последняя декада мая. Он сам писал, что родился под знаком Близнецов. Да, в XIII веке люди тоже имели представление о таких привычных для нас знаках зодиака, а сама астрология, очевидно, появилась вместе с человечеством. Во всяком случае, в Вавилоне она точно процветала, а некоторые исследователи относят ее возникновение к периоду так называемой мустьерской эпохи, то есть около сорока, а то и ста тысяч лет назад.

Но вернемся к детству нашего героя. Каким бы «плохим» ни был его отец, он не мог избивать свою жену на глазах Данте, поскольку мальчик матери не помнил. Она умерла очень рано, а его воспитывала мачеха, мадонна Лаппа, о которой ничего плохого сказать нельзя.

Попробуем представить себе отчий дом великого поэта. Хотя зачем представлять, когда можно съездить и посмотреть? Музей Данте располагается в центре Флоренции, в старинном квартале недалеко от церкви во имя святой Маргариты Антиохийской (Санта-Маргерита-деи-Черки). Там, на улочке Санта-Маргерита будущий поэт встретил маленькую девочку, которую потом прославил в веках.

Дом семьи Алигьери имеет мрачный вид, как положено средневековым строениям, материал тоже вполне аутентичный. Вот только время его постройки относится к началу XX века. Неудивительно. Флоренция постоянно и активно перестраивалась. Это касается даже известных соборов, которые вырастали на фундаментах античных храмов и сильно менялись с течением веков. Что и говорить о частных постройках!

Дом Данте ушел в небытие, возможно, еще при жизни хозяина, ведь жилище изгнанников порой разрушали с назидательной целью. А вновь его решили отстроить из патриотических настроений. В середине XIX века

Италия стала единым государством и этому государству срочно понадобилось «наше всё». Помимо масштаба творчества — бесспорного и недостижимого — Данте имел еще один плюс: он не принадлежал безраздельно к какому-либо одному городу, за него боролись родная Флоренция, его изгнавшая, и Равенна, приютившая изгнанника.

Район Флоренции, где когда-то стоял дом семьи Алигьери, был давно застроен новыми зданиями, но к делу подключились историки и археологи. Они достаточно точно установили бывшее местонахождение родового гнезда великого классика. В 1911 году началось его воссоздание.

Сейчас в Доме-музее Данте представлено много книг, монет, керамики и других предметов XIII–XIV веков. Они не имеют прямого отношения к Данте, но создают атмосферу, помогающую представить быт семьи Алигьери. Семья ростовщика — человека довольно зажиточного, но не уважаемого обществом. Представим тот, старый дом и мы.

*

— Паола, Паола, проснись! А неужели, правда, ростовщики грешнее убийц?

— Ох, и что же не спится тебе? Скоро уж колокол прозвонит, а ты все вертишься!

— Паола, это слишком важно. Как можно спать, когда не дает покоя такой вопрос?

— Как, как... А вот так, — отчаянно зевая, проворчала нянька и решительно укутала мальчика пуховым одеялом. Снова улеглась подле кровати — на пол, застеленный потертыми коврами.

— Мне бы такую кровать, как у тебя, — продолжала она бурчать себе под нос, — я б уж наспалась всласть! И перинка, и балдахин, чтоб мухи не кусали. Так он сам себе покою не дает, хуже мухи! Смотри уж, за окном сереет. Никак и впрямь колокол скоро? Или то луна, не пойму...

Женщина попыталась расположиться на жестком ковре поудобнее, но за перегородкой раздался плач младенца. Кряхтя, она поднялась и поковыляла туда — досмотреть за молодой кормилицей. Паола была старшая служанка в доме Алигьеро Алигьери, потомка легендарного рыцаря Каччагвиды, сраженного кривым сарацинским ятаганом в бою за Гроб Господень. До прошлого года она к тому же официально считалась нянькой хозяйского первенца, Дуранте. Теперь бывший воспитанник не нуждался в опеке, но Паола продолжала, по старой памяти, спать в его

комнате.

Нянькины шаги стихли. Издалека слышались воркующие увещевания. Они мягко обволакивали младенческие всхлипы, те затихали, становясь реже. Наконец наступила тишина.

Мальчик пошарил под периной. Осторожно, стараясь не скрипнуть кроватью, встал и подошел к узкому высокому окну, затянутому импанатой — густо наскипидаренным полотном. Ткань промасливали, чтобы сделать прозрачнее, — якобы так лучше проходил свет.

Ничего не лучше. Даже полная луна, стоящая прямо перед окном, давала какую-то невразумительную серость. При этом освещении пять коралловых шариков казались зловеще черными. Может, все же стоит сказать о них отцу?

Его размышления прервали приближающиеся шаги Паолы. Одним прыжком ребенок преодолел расстояние от окна до кровати, но нянька успела заметить непорядок.

— Опять не спишь! Вот патер-то узнает! — грозно начала она, но сразу смягчилась: — Ты бы поспал, Данте, а то гляди, в школе болваном выйдешь, учитель побьет.

При воспоминаниях о школе мальчик сердито засопел:

— Паола, мне уже восемь лет. Изволь называть меня полным именем.

— Успеешь еще показываться. — Нянька снова безуспешно пыталась укутать его одеялом. — Да и не похож ты пока на свое имечко. Дуранте! Это же значит — твердый, терпеливый. А ты плачешь всякий божий день.

«Гадкие слезы! — думал он, зарываясь лицом в подушку. — Пожалуй, я не смогу объяснить отцу про четки, разрыдаюсь. Тайно подложить ему в комнату? Ну уж нет! Грешник должен понести наказание!»

Коралловые шарики отягощали кулак, будто горсть булыжников. Внезапно тяжесть вышла из руки и разлилась по всему телу. Маленький Данте провалился в сон. Проснулся он уже от колокола, созывающего всех жителей Флоренции на утреннюю молитву.

*

Резкий холодный звон разбивал на мелкие осколки полусонные грезы. Дрожа от утреннего холода, мальчик сбежал по крутой лестнице на первый этаж. Все давно встали. Мачеха, мадонна Лаппа, торопливо надевала зеленое драповое мантио. Паола завязывала капор на голове сестрички Гаэтаны. Попутно придирчиво оглядывала младенца Франческо, спящего

на руках кормилицы. Минута — и все семейство, за исключением главы, выскочило на узкую улочку, по которой бежали ручейки грязной воды, и помчалось вместе с другими флорентийцами, дабы не опоздать на мессу.

«Опять он пропускает службу!» — со злостью думал мальчик, глядя под ноги, чтобы не ступить в навоз. Соседи Алигьери держали корову, которая частенько бродила по улице, просовывая морду в чужие дворы в поисках травы. В целом она приносила меньший урон, чем стадо свиней с противоположного конца квартала. Те пытались сожрать все, до чего дотягивались. От свинского произвола страдали уличные художники, размешивающие яичные желтки для изготовления красок, и нотариусы, составляющие важные документы на скамьях под навесами. Однажды наглый боров ухитрился сжевать уже готовое завещание. Поднялся ужасный скандал, после которого список наследников значительно укоротился.

... Вместе с толпой маленький Дуранте втиснулся в кафедральный собор Святой Репараты, уже давно признанный слишком тесным для постоянно увеличивающегося населения Флоренции и доживающий свои последние годы. Мальчик забился в боковой неф, где стояла статуя святой, земной путь которой окончился в 12 лет. По преданию, за исповедание христианства девушку бросили в печь, но она вышла оттуда невредимой. Тогда Репарате отрубили голову, и безгрешная душа в виде белого голубя взмыла к облакам.

Коралловые шарики тянули карман. Но еще больше угнетало воспоминание об ужасной сцене, после которой они появились.

Два дня назад Дуранте, возвращаясь из школы, еще с улицы услышал гневный голос отца и внутренне сжался. Тяжелую руку предка его бока знали очень хорошо. Правда, ничего плохого сегодня не происходило. Даже магистр ни разу не замахнулся на него палкой. Но патер в пылу гнева мог припомнить кувшин сладкого миндального молока, выпитый без разрешения на прошлой неделе. А детская находилась под самой крышей, путь туда лежал мимо отцовского кабинета.

Мальчик осторожно переступил порог родного дома и застыл, прислушиваясь к перебранке на втором этаже.

— Сначала умоляете помочь! Валяетесь у меня в ногах, прося денег! Заставляете меня рисковать последним куском хлеба, а потом смеете угрожать адскими муками! — Отец задыхался от гнева. — Вы сами достойны худших из них!

— Я обратился к тебе, как к потомку славного рыцаря, а ты ломишь проценты хуже еврея! — Незвестный собеседник был разъярен ничуть не

меньше. — Где я тебе возьму столько денег? Верну то, что ты мне дал, а лихвой будет эта славная реликвия. Ее кораллы помнят руку святого Франциска!

— На Меркато-Веккьо таких реликвий пруд пруди!

— Ну уж не скажи, — голос незнакомца стал вкрадчивым, — есть многие, которые...

Он перешел на шепот, и Дуранте перестал разбирать слова. Некоторое время слышался лишь глухой бубнеж, дававший некоторую надежду на примирение, но вдруг раздался возмущенный крик отца:

— Так у тебя нет и этого? Сатанинское отродье! Зубы мне пришел заговаривать? Я засажу тебя в тюрьму!

Дверь кабинета распахнулась. Мальчик стремительно юркнул под лестницу, слыша над головой топот и тяжелое дыхание отцовского должника:

— Побойся Бога, Алигьеро. Да и не только его. Сам знаешь, как все любят ростовщиков.

Отцовский голос прозвучал неестественно, будто он декламировал стихи:

— Я всего лишь помог тебе. А ты не выполнил уговора. Так и быть, я засчитаю эту твою дешевку залогом. Но если через неделю не вернешь всего обещанного — лучше тебе не жить.

Поперхнувшись, незнакомец пробормотал ругательство. Потом мрачно произнес:

— Я передумал отдавать тебе эту святыню. Верни ее. И подумай о своих детях. Как бы не остаться им сиротами.

— Да кто ты такой, чтобы угрожать порядочному человеку! — вспыхнул Алигьери-старший. — Отдавай живо четки и проваливай. И без денег...

Его перебил поток проклятий, потом лестница задрожала от жестокой борьбы, происходящей на ней. На голову Данте посыпались коралловые шарики. Потом по ступеням вниз пронесся рослый черноволосый бородач и, хлопнув дверью, выскочил на улицу.

Наверху отцовские шаги зашаркали, приближаясь. Мальчик съежился в своем убежище. Если патер заметит его, то наверняка накажет за подслушивание, как однажды уже было. Хотя о каком подслушивании можно говорить, если они кричали на весь дом?

Шаги замерли на краю лестницы, потом начали удаляться и затихли в кабинете.

Красные коралловые шарики лежали на каменном полу под лестницей.

Четыре маленьких и один побольше. Приятные на ощупь, они напоминали планеты, о которых говорил учитель в школе. Следовало отдать их отцу, но Данте боялся напоминать о себе в связи с такой неприятной историей. Оставлять их лежать под лестницей тоже нельзя — маленькая Гаэтана обязательно найдет и может проглотить. Если только улучшить момент, когда отцовский кабинет будет открыт, и подложить их тайно. Пока он сунул шарики себе в карман.

А на следующее утро в церкви проповедник говорил о грехе ростовщичества, который бывает хуже убийства. Дуранте совсем потерял покой. То он решал вовсе не возвращать кораллы — может, тогда отец, пострадав от их отсутствия, немного искупит грех. То боялся за себя — не станет ли он в этом случае вором? Но больше всего страшили слова дюжего бородача, угрожавшего оставить детей Алигьеро сиротами. Дуранте не любил отца, тот не скупился на тычки и бранные слова, но все же чувствовалось: сын ему небезразличен. А мачеха — мадонна Лаппа — та едва замечала мальчика. Своей матери Данте не помнил. Она умерла, когда ему исполнилось два года. Единственным человеком, с которым он привык разговаривать обо всем, была Паола.

...Звуки григорианских песнопений величественным пологом накрыли суетную толпу, собравшуюся в храме.

«Все же надо рассказать о шариках Паоле, — думал мальчик, — жаль, я еще не могу исповедоваться. А может, наоборот, хорошо. Как говорить о таком священнику? Бедные взрослые...»

После окончания мессы, благостные и неторопливые, все двигались домой. Вдруг послышались отчаянные крики. Из переулка выбежало несколько человек. В одном из них Дуранте, к своему ужасу, узнал чернобородого отцовского должника. Он неслся прямо на мальчика, сверкая выпученными глазами, белки которых покраснели. Огромная ручища сжимала обнаженную шпагу. Сейчас проткнет и — конец...

Данте съежился и закрыл глаза.

— Чего напугался? — Рука Паолы тормозила ласково, но энергично. — Ему не до тебя, его самого ловят. Смотри!

Огромная фигура, подпрыгивая, скрылась в узкую щель между домами. Следом полезли стражники и любопытные обыватели. Через площадь медленно проехал гонфалоньер со знаменем — красные ключи на желтом фоне. Это значило, что в городе произошло крупное происшествие: вооруженная стычка между кварталами или еще хуже — попытка мятежа.

Весь день Данте провел беспокойно. Ночью ему приснился сон: бородач захватил власть во всей Флоренции и распорядился повесить

каждого, у кого нет кораллового шарика. Пришли проверять. Мальчик протянул на ладони свои, но прибежала Гаэтана и схватила шарики. Маленькие съела, а большой отдала младенцу Франческо. «Ха-ха-ха! — захохотал бородач. — У мальчишки нет кораллов. Повесьте его, но перед этим хорошенько подвергните пыткам, ибо он совершил кражу священной реликвии!»

Наутро у Данте обнаружился сильный жар и его оставили в постели. Паола побежала на Меркато-Веккьо за свежим молоком. Вернулась она с последними новостями: бородач пойман, это не кто иной, как пополанин ^[12] Буаноконте Строцци. Он стоял во главе заговора, который готовился гибеллинами, изгнанными из Флоренции.

— Что с ним теперь сделают? — спросил Данте, дрожа то ли от лихорадки, то ли от страха.

— Язык вырвут, не иначе, — охотно объяснила Паола, обтирая край кружки самым чистым из углов своего фартука. — И то верно. С таким грешным языком ему уж точно не попасть в Царство Божие.

Мальчик, ежась, отхлебнул теплого молока:

— Он может и без языка сделать что-нибудь ужасное.

— Э-э нет! — Паола торжественно подняла палец. — Господь не станет помогать гибеллинам, уж поверь мне. Они ведь идут против Его воли, когда помогают императору против папы. А Ему сверху все хорошо видно!

На следующий рыночный день, ровно в полдень, в конце квартала послышался оглушительный собачий лай. Псы яростно облаивали какую-то процессию. По мере приближения к дому Алигьери становились слышны людские голоса и даже вопли. Дуранте, уже почти выздоровевший, спустился на улицу.

Он сразу узнал отцовского должника, хотя тот сильно изменился. Буаноконте Строцци шел, сильно хромая, один глаз заплыл, лицо почернело от огромных синяков. Его вели, поддерживая, четыре стражника. Одновременно защищали от посягательств сопровождающих зевак. Те так и норовили то толкнуть преступника, то плюнуть на него. Одна весьма дородная дама, уловив момент, ткнула несчастного кухонным ножом. Все остальные отреагировали одобрительным ревом.

Данте содрогнулся от отвращения и хотел вернуться к себе под крышу, но его ноги сами двинулись вслед ужасной процессии. Шествие долго двигалось по улицам. Прошло мимо Меркато-Веккьо — городского рынка, после которого толпа заметно увеличилась. Мимо церкви Святой Маргариты, проводившей преступника звоном колоколов. Наконец впереди

показались серые городские стены и виселицы, на которых болтались тела казненных, полусъеденные птицами. От некоторых почти ничего не осталось. Рядом на стенах виднелись искусно нарисованные фигуры людей — заочно осужденные, находящиеся в бегах.

Ругательства и оскорбления, сопровождающие преступника на протяжении всего пути через город, разом стихли. Мрачная картина заставила всех вспомнить о собственных грехах. Окруженный стражниками опальный гибеллин медленно шел к виселице, недавно сколоченной из свежеструганных досок. Отныне каждый шаг его имел особое значение, поскольку из этих последних шагов состояла теперь вся его оставшаяся жизнь.

— И ты, постреленок, уже здесь! — Паола схватила мальчика за плечо, стремясь удержать, словно одно небольшое движение в направлении виселицы могло стать для него роковым. От няньки кисло пахло винным перегаром. Данте прижался к ее толстому животу, продолжая неотрывно наблюдать за происходящим.

— Сейчас на него наденут белую рубашку, — зашептала Паола, — и поминай как звали! Здесь во Флоренции не дают драться с палачом. А вот в одном городке, где я работала девчонкой, был такой обычай. Ежели повалишь палача на землю — тебя сразу оправдают. Этот бы точно повалил, такой дюжий... Хотя это если только Бог поможет, а Он не помогает гибеллинам. Во Франции, говорят, девушкам позволено брать осужденных в мужья. Если кто возьмет, тогда не вешают. Жаль, я давно не девушка. О! Смотри, какие у него сильные плечи! А какие красивые ноги! Зачем он не родился гвельфом?

Переодевание закончилось. Судья огласил приговор. За участие в заговоре и подстрекательство к мятежу пополаин Буаноконте Строцци приговаривался к смерти через повешение. Несчастный, встав на колени, принял последнее причастие. Затем последовало исполнение приговора.

Казалось, время замедлилось. Так тягуче тянулись последние минуты, пока преступник поднимался по ступенькам и ему вдевали голову в петлю. Даже когда у него из-под ног выбили лестницу — казалось, она падает плавно, будто перышко. И тут петля затянулась и все изменилось. Будто стрелка башенных часов вдруг пустилась вскачь. За мгновение Данте успел увидеть мелькание тысячи выражений на лице повешенного, затем их сменила судорога смерти. Послышались страшные хрипы. Мальчик, не в силах смотреть, зарылся лицом в нянькину рубаху.

По дороге домой Дуранте долго молчал. Потом спросил Паолу:

— Алигьери ведь не гибеллины?

— Еще чего выдумал! Конечно, вы — гвельфы. А то бы я не работала в вашем доме.

— А откуда они взялись?

— Кто? Гвельфы или гибеллины?

— И те и эти.

— Ты разве не знаешь? Это пошло с тех времен, когда мессир Буондельмонте обещал жениться на дочери другого мессира — Одериго Джантруфетти. А жена мессира Донати, коварная мадонна Альдруда, уже задумала выдать за него свою дочь. И вот она увидела Буондельмонте в окно на улице, вышла нарядная на балкон своего дворца и говорит: «Зайди, у меня что-то есть для тебя». Он зашел, а она привела к нему дочку и говорит: «Это тебе. Бери ее в жены, не правда ли, она красива, как королева?» Тот смутился, он не мог нарушить обещания, данного Джантруфетти. Но Альдруда сказала:

«Можешь. Я заплачу им пеню». И он согласился. Девушка была удивительно хороша. А мессир Одериго почувствовал себя смертельно оскорбленным, ведь его дочерью пренебрегли. Он пожаловался друзьям из знатного рода Уберти, и они вместе порешили убить вероломного изменника прямо во время свадьбы. Так брачный пир потонул в крови и началась вендетта между Буондельмонте и Уберти. А они имели огромную силу, и от их войны весь город раскололся на две части.

— Эти коварные Донати, конечно, были гибеллины? — спросил мальчик.

Служанка отмахнулась:

— Кто сейчас уже это помнит? Полвека прошло с тех пор.

«Странно все это, — думал Данте, — если они поссорились из-за невесты, при чем тут император и папа? А отец... получается, он помогал врагу... да нет, почему же помогал, он просто искал для себя выгоды. Или все же хотел помочь? И эти шарики? Части святыни, украденные неблагодарным сыном, или никчемные безделушки?

Голова грозила лопнуть от обилия тяжелых мыслей.

— Паола, — начал мальчик, — ты должна выслушать меня, как если бы ты была священником.

— Что за ересь ты несешь, — недовольно проворчала та, — к тому же слушать мне сейчас некогда: пора варить похлебку.

— Но, Паола...

— Потом, потом...

Короткие южные сумерки уже готовились выйти из тени оливковых рощ, когда старшая служанка, наконец, нашла время.

— Немедленно иди к отцу, — велела она, дослушав.

Дуранте потупился.

— Думаешь, выдерет розгами? — подмигнула Паола. — Ничего не бойся. Это, наоборот, хорошо. Если у тебя есть грех — отцовское наказание его смоет. Лучше ведь один раз пострадать, чем потом вечно мучиться в аду.

На дрожащих от страха ногах мальчик поднялся из кухни в кабинет отца. Патер находился в превосходном расположении духа. Он сидел за своим любимым резным столиком, потягивая вино из кружки и рассказывая соседу Гвидо о Божественном Промысле.

Вообще-то провинившимся детям следовало подходить к отцу без свидетелей, но присутствие постороннего давало надежду на снисхождение. Данте притаился за дверью, собираясь с силами.

— Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут, — гудел голос Алигьери-старшего, — видишь, все сказано в Писании. Совпадений не бывает.

— Я говорю не о совпадениях, — возразил сосед, — те случаются, когда не ждешь. Но казнь Строцци трудно назвать неожиданной.

Алигьери усмехнулся:

— На то и рука Господня, чтобы вести путями закономерности тех, кто достоин этого.

Последние слова явно задели гостя.

— С каких это пор лихоимцы стали особенно достойны? — пробормотал он немного невнятно.

Хозяин, однако, и не думал смутиться:

— Вовсе не достойны. Ибо сказано в Писании: «...не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником или лихоимцем... с таким даже и не есть вместе»^[13]. Угощайся, кстати. Этот цыпленок особенно хорош с кардамоном.

Дуранте, вновь погружившийся в тяжелые мысли, забыл, что он прячется, и громко шаркнул башмаком.

— Кто там?! — крикнул отец.

Прятаться дальше стало бессмысленно. Мальчик вошел и решительно протянул на ладони пять коралловых шариков:

— Вот. Я нашел их под лестницей.

Жесткая рука патера схватила его за подбородок:

— Когда нашел? Сейчас?

Сын, преодолев искушение кивнуть, тихо ответил:

— Несколько дней назад. Я их спрятал. Вдруг сестрица проглотит. Или подметут.

— Почему не принес мне сразу?

— В тот день вы были заняты. А потом я уже боялся.

— Чего боялся?

— Ну... они ведь дорогие, наверное. Вдруг вы бы подумали, что я украл.

— А теперь больше не боишься? — хохотнул отец.

— Боюсь, — ответил Данте, — но адские муки страшнее.

— Молодец! — Алигьеро, отпустив подбородок, взъерошил сыну волосы и гордо сказал: — Вот какой у меня первенец!

Отпил еще вина и велел мальчику:

— Забирай их себе. Особой ценности они не представляют, а тебя нужно наградить за твою честность.

Так коралловые шарики остались у Данте. В летние праздничные дни он часами играл с ними в крохотном садике между домами. Там росло два деревца — лимонное и апельсиновое. Под одним из них мальчик вырыл небольшую ямку и с помощью конуса из куска грубой кожи придал ей форму перевернутой пирамиды. Глинистая почва не позволяла его творению осыпаться. На стенках Данте разместил на разных расстояниях четыре мелких шарика, а в сужающуюся воронку положил большой. Это была Земля, а вокруг нее ходили планеты. На закате, когда город затихал, мальчик садился на корточки и долго неотрывно смотрел в темную ямку. Ему казалось, будто он владеет целым миром, подобно Богу...

*

...Мы можем нарисовать портрет Алигьеро Алигьери лишь приблизительно. Но все же контакта с сыном ему явно не хватало, иначе бы наш герой был добрее к своему родителю. В то же время он поместил ростовщиков в своем аду в один круг с содомитами и богохульниками не из-за обиды на отца, а по другой причине. Церковь в те времена называла ростовщичество противоестественной деятельностью — «contra natura», то есть «против природы», противоестественной, как и однополую любовь и оскорбление Творца. Существа, «пренебрегшие самой природой», вот за кого почитались в христианском мире XIII века люди, дающие деньги в рост.

Что касается няньки Паолы, то никаких сведений о таковой нет, но в

зажиточных аристократических семьях дети сразу же после рождения отдавались кормилице, и потом до семи лет родители не особенно интересовались ими. Поэтому маленькие аристократы часто мелькали где-нибудь возле прислуги.

Конечно, какая-то нянька у Данте была, и с очень большой долей вероятности она имела с воспитанником более доверительные отношения, чем законная родительница, в данном случае — мачеха. Интересно, что в семьях с родной матерью расклад оставался примерно таким же, если еще не хуже. Дело в том, что к детям в средневековой Европе относились совсем не так, как сейчас. Детства в современном понимании не существовало. В бедных семьях ребенка как можно раньше заставляли работать, ведь содержать лишний рот было накладно. Но и при богатых родителях беззаботности малышам не доставалось.

Они ценились как наследники, но вопрос их количества тяготил любую семью. С одной стороны, отсутствовала контрацепция, с другой — была высока детская смертность. Никакой возможности планирования деторождения не существовало, а многодетность, как и бездетность, отражалась тогда на жизненном укладе намного болезненнее, чем в наши дни. Не иметь наследников равносильно проклятию, о чайлдфри в те времена никто и не слыхивал. В то же время слишком большое количество детей еще хуже — предстоит дележ имения, обязательно найдутся смертельно обиженные. Отсюда и происходило некоторое обезличивание ребенка: Бог дал, Бог взял, лучше ни к кому не привязываться слишком сильно.

Был и еще один, весьма неожиданный для современного человека, момент в восприятии детей. Взрослые стеснялись и опасались хаотичной «звериной» детской природы. Считалось, что «неокультуренное» поведение детей искажает и унижает образ Божий, присутствующий в каждом человеке. Казалось бы, парадоксальная ситуация — ведь именно в Евангелии сказано: «Будьте как дети»^[14]. Но средневековые педагоги так не считали, сводя основные аспекты воспитания к «улучшению» детской природы. Родительская строгость считалась формой служения Господу, а детское непослушание объяснялось тем, что в дитя вселился бес и его нужно выбить, даже если при этом ребенок получит травму. Есть документальные свидетельства антигуманного отношения к детям, например, автобиографическая книга «Счет жизни» младшего современника Петрарки, Джованни Конверсини да Равенны^[15]. Вспоминая годы учения, автор рисует ужасающую картину педагогики позднего

Средневековья: «Молчу о том, как учитель бил и пинал малыша. Когда однажды тот не сумел рассказать стих псалма, Филиппино высек его так, что потекла кровь, и между тем как мальчик отчаянно вопил, он его со связанными ногами, голого подвесил до уровня воды в колодце... Хотя приближался праздник блаженного Мартина, он [Филиппино] упорно не желал отменить наказание вплоть до окончания завтрака». В итоге мальчик был извлечен из колодца полуживым от ран и холода, «бледным перед лицом близкой смерти».

Так выглядел родительский и учительский долг во времена нашего героя. К счастью, нянькам за их незначительностью ничего подобного не предписывалось, поэтому именно они, а не родители, могли не то чтобы баловать детей, но хоть с какой-то теплотой общаться с ними.

Глава вторая

ДЕВОЧКА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Ну какой же Данте без Беатриче?! Ее образ пронизывает всю «Божественную комедию», да и вообще всю жизнь поэта. В аниме «Ад Данте» она становится его любовницей, но при этом остается «чистой душой». Такого расклада в средневековом мировоззрении не могло сложиться никоим образом. Женщину тогда оценивали не как человека, а как некую философскую категорию. С одной стороны, это была грешная Ева, склонившая Адама к первородному греху, с другой — непорочная Мария, родившая Спасителя. Две эти ипостаси никогда не смешивались, разве только грешница могла получить прощение благодаря заступничеству святых.

Итак, мультипликационная Беатриче довольно спокойно отдается Данте под романтической сенью деревьев, а тот, уходя в Крестовый поход, обещает по возвращении взять ее в жены. Ничего подобного не могло произойти, иначе бы образ Беатриче не приобрел бы ореола святости, сияющего до сих пор. Да и наш герой в рядах крестоносцев — чисто продюсерский ход с целью прибавить персонажу боевика харизматичности. В действительности, последний, девятый Крестовый поход на восток закончился, когда Данте едва исполнилось семь лет. В этом возрасте он еще не знал Беатриче. Знакомство с ней ожидало его двумя годами позднее...

Какой же была реальная Беатриче, Биче, как иногда уменьшительно называл ее наш герой в своих текстах? Одна из самых известных женских персонажей в литературе, получившая свою «звезду» на астрономической аллее славы — в ее честь названа борозда Беатриче на Плутоне. И в то же самое время обычная, ничем не выдающаяся женщина. Кто она?

Стопроцентно верного ответа на этот вопрос не существует, но есть общепринятая версия, которую за давностью лет привыкли считать правдой. Согласно ей полное имя музы Данте Беатриче ди Фолько Портинари, дата рождения — апрель 1266 года, дата смерти — 9 июня 1290-го. Ее отцом был уважаемый человек, банкир Фолько ди Портинари. Пустил в мир эту версию Боккаччо, который якобы узнал о ней из первых уст, от троюродной сестры Беатриче монны Лаппы, урожденной Портинари. Эта монна Лаппа приходилась матерью мачехи самого Боккаччо, из чего можно предположить, что сведения получены Боккаччо

из надежного источника. Почему тогда нельзя назвать эту версию бесспорной? Дело в том, что в дантоведении есть традиция не до конца доверять Боккаччо по причине его богатой художественной фантазии, которую он проявлял при написании биографии Данте.

Точный факт в том, что Фолько Портинари жил по соседству с семьей Алигьери. Есть документальные подтверждения тому, что он не был коренным флорентийцем, а переехал во Флоренцию из Портико-ди-Романьи. Помимо Беатриче у него было еще шестеро дочерей. Он прославился благотворительностью, основав и щедро жертвуя больнице Санта-Мария-Нуова во Флоренции.

До сих пор существование Беатриче продолжает считаться недоказанным, хотя о ней знает каждый образованный человек. Ученым не хватает документальных подтверждений, строки писателей в расчет не принимаются. Хотя упоминание о музе Данте встречается во вполне прозаическом документе — завещании Фолько ди Портинари от 1287 года. Там есть такая фраза: «...item d. Bici filie sue et uxoris d. Simonis del Bardis reliquite... lib. 50 ad floren» — «Биче, его дочь и жена Симона деи Барди наследует...»

Да, прекрасная дама вышла замуж за человека своего круга — банкира деи Барди по прозвищу Мона. По одним сведениям, это произошло в январе 1287 года, по другим — намного раньше, когда она еще была девочкой-подростком.

Последнее предположение основывается на новых находках в архиве династии Барди. Недавно там обнаружился документ 1280 года, касающийся продажи Симоне своему брату участка земли, которая производится с согласия «его жены Беатриче».

Симоне деи Барди совершенно точно имел детей — не менее троих, — но вот родились ли они от Беатриче или от следующей жены, которую звали Билия (Сибилла) ди Пуч-чо Дечиаиоли, неизвестно.

Смерть Беатриче принято объяснять тяжелыми родами, хотя есть сведения о том, что она в целом имела слабое здоровье. В принципе, одно другого вовсе не исключает, даже наоборот.

Традиционно считается, что могила музы Данте находится в церкви Санта-Маргерита-деи-Черчи, неподалеку от домов Алигьери и Портинари, там же, где похоронены ее отец и вся семья. Именно здесь находится мемориальная доска. Однако вдумчивые исследователи подвергают эту версию глубокому сомнению. По обычаю женщину хоронили в родовой гробнице мужа, а не отца. Тогда это оказалась бы церковь (базилика) Святого Креста (Санта-Кроче), находящаяся рядом с капеллой Пацци.

Именно туда Данте и ходил оплакивать потерю возлюбленной.

*

Апрель 1274 года выдался холодным и пасмурным. Воды Арно будто потемнели и потяжелели. Временами поднимался ветер, и тогда отражения исчезали под серой рябью, одним своим видом заставляющей прохожих ежиться и плотнее закутываться в плащи и манто.

— Как же праздновать Календимаджо^[16] по такому холоду? — беспокоились флорентийцы.

В городе царило уныние. На Меркато-Веккьо торговля шла из рук вон плохо — все ждали теплых дней. Каминны не топили, поскольку по календарю давно наступила весна. Школьный магистр, замерзший и злой, уже несколько раз подряд ломал свою трость о спины учеников. Дуранте Алигьери, которому уже шел десятый год, в эти дни не раз испытал на себе учительское недовольство. Он любил помечтать на уроках, а это невинное развлечение не помогало отвечать на внезапные каверзные вопросы.

23 апреля выпал снег.

— Прогневали мы Господа, не иначе! — сокрушались флорентийские кумушки и скрепя сердце покупали в церкви лишнюю свечку. Им казалось, будто множество огоньков в храмах принесут городу долгожданное тепло. Так и случилось. В последнюю апрельскую неделю выглянуло солнце. Холод мгновенно позабылся. Теперь все думали только о грядущем Календимаджо, празднуемом в первый день мая. Флорентийские кварталы, предпраздничная суeta. Во дворах сооружали беседки для праздничного угощения (корти), плели гирлянды. Судачили о том, где в этом году посадят ритуальное дерево, а главное — кого выберут майскими королем и королевой.

— Они танцуют весь день, а потом становятся мужем и женой, но только до восхода солнца, — объяснила Паола своему бывшему воспитаннику.

— Разве их венчают по другому обряду? — удивился мальчик. Он помнил чин брака, который ему не раз приходилось слышать на свадьбах родственников. Жених с невестой клялись не разлучаться «во все дни жизни», а вовсе не на одну ночь.

Нянька засмеялась:

— Их вовсе не венчают. Такое позволяется лишь раз в году и только

майскому королю с королевой.

— Но это ведь грех, — произнес Дуранте полуутвердительно. Подумал и спросил: — А как выбирают майского короля? Меня могут выбрать, когда я вырасту?

— Могут, — пообещала Паола и замурлыкала себе под нос швабскую песенку, которую знала с юности. В былые времена судьба нередко заносила старшую служанку Алигьери в разные концы Европы, от Парижа до рейнских берегов.

*Chrumer, gip die varwe mir
die min wengel roete,
damit ich die jungen man
an ir dank der minnenliebe noete.
Seht mich an, jungen man!
Lat mich iu gevallen!*

Мальчик не понимал слов, но по хитрым Паолиным глазам догадывался, что песенка не совсем приличная. Он был недалек от истины. Текст означал примерно следующее:

*Торговец, продай мне румяна,
чтобы накрасть щеки,
пусть алый румянец поможет
завлечь молодого парня.
Взгляни на меня, красавчик!
Чарам моим поддайся!*

На следующий день Флоренция закружилась хороводом праздничных нарядов и цветочных гирлянд. В садиках и на корти звенели лютни, пелись песни. Семейство Алигьери на этот раз вышло из дома в полном составе. Правда, глава семьи гулял по улицам вместе с супругой и детьми совсем недолго, тут же осев с кружкой вина под одним из навесов возле дома богатого патриция. Жена Алигьери, мадонна Лаппа, быстро нашла утешение неподалеку, в компании соседок, поглощавших сладкие пирожки.

Дуранте слонялся, разглядывая стены, украшенные коврами и яркими тканями. Хозяйки вывешивали их, хвалясь друг перед другом, так что рябило в глазах. Только дворец богатого банкира Фолько Портинари,

находящийся в соседнем переулке от дома Алигьери, почему-то забыли украсить.

Надежда встретить на улице кого-нибудь из знакомых мальчишек таяла с каждым шагом. Все дети исчезли, будто их украли внезапно набежавшие цыгане. Скучая, мальчик дошел до площади перед церковью Святого Мартина (Сан-Мартино-дель-Весково), где вокруг музыкантов собралась целая толпа. Девушки в цветочных венках, разряженные кавалеры, потехи ради нацепившие шутовские колпаки, — все отплясывали тарантеллу — танец, который завезли во Флоренцию бродячие музыканты с юга. Раскрасневшиеся лица бешено кружились, словно планеты, затеявшие нечеловеческий хоровод. В какой-то момент мальчику показалось, что он вознесся над ними и созерцает всю историю рода человеческого, но музыка смолкла. Задышающиеся и счастливые танцоры покидали круг, разбиваясь на группки или пары. В этот момент из переулка вышла девочка в алом платье и закричала:

— Приглашаем в дом Портинари! Идите к нам праздновать. Отец будет рад видеть всех!

Пестрая толпа тут же с радостным гвалтом хлынула в переулок. Данте остался один на площади. Девочка в алом платье подошла к нему:

— Ты не хочешь идти к нам на праздник?

Мальчик покачал головой.

— Почему?

Отвечать не хотелось, но она терпеливо ждала. Наконец, не выдержав, он честно сказал:

— Твой отец — банкир. А давать деньги в рост — большой грех.

Девочка звонко рассмеялась:

— Ты просто не знаешь! Банкиры никогда в жизни не займутся ростовщицеством. Если кто-то из них это сделает — его тут же с позором выгонят из гильдии. Пойдем со мной, ничего не бойся.

Вот, оказывается, куда подевались дети с улиц! Целая толпа мальчиков и девочек резвилась вокруг длинных столов с закусками, накрытых прямо на траве внутреннего дворика, среди роз и азалий. Взрослые гости с изящными кубками в руках расположились на плетеных стульях в одной из галерей. Дуранте не относился к любителям поесть, но яства, одновременно вкусные и необычные на вид, увлекли его. Особенно впечатлил пирог, скрывающий под тонкой корочкой целую стаю мелких жареных птичек. Но более всего его захватила беседа с девочкой в алом платье, дочерью хозяина дома. Ее звали Беатриче.

— Можно просто Биче, — тут же предложила она.

После закусок начались игры в мяч. Дуранте отошел к галерее. От беготни и визга у него закружилась голова. Он не помнил, как случилось, что они с Биче решили улизнуть с праздника.

— Сколько можно носиться, словно угорелые! — солидно говорила она, идя рядом с мальчиком по переулку, такому узкому, что два полных человека смогли бы преодолеть его только гуськом. — На свете есть много куда более интересного. Например, блуждающие огни или падающие звезды. Они появляются к счастью или это гнев Божий? А знаешь, почему при грозе человек сначала видит свет и только спустя некоторое время слышит звук? Потому что глаз имеет выпуклую форму, а ухо — полую. А еще...

Она знала на удивление много и рассуждала, будто взрослая, хотя оказалась младше Дуранте почти на целый год. После некоторых колебаний он решил показать ей свой тайный коралловый космос в земляной воронке под лимонным деревцем. Воровато оглянувшись по сторонам, дети взялись за руки и помчались между домами в тихий тесный дворик.

Мальчик отодвинул серый булыжник, скрывающий ямку от посторонних глаз.

— Красиво! — Беатриче, присев на корточки, разглядывала красные шарики. Теперь каждый из четырех мелких кораллов сидел на отдельном шнурке, распяленном на глиняных стенках воронки. Это были орбиты. Неподвижная земля, лежащая в центре перевернутого конуса, шнурка не имела.

Девочка сняла с себя цветочный венок и положила на землю, окаймив ямку:

— В космосе тоже празднуют Календимаджо! — Потом вдруг задумалась. — Знаешь, не огорчайся, — сказала она, снова надевая венок, — но у тебя получился совсем не космос. Небо не может быть перевернутым, все перевернутое — от дьявола. Ты сделал ад с кругами, а внизу торчит красная голова Люцифера.

Дуранте растерялся, не зная как ответить. В этот момент где-то за домами тяжело ударил колокол, возвещающий очередной канонический час.

Мальчик попытался защитить свое творение:

— Разве все подземное обязательно — ад? Наш магистр недавно рассказывал о термальных водах. Один богослов тоже считал, что их производит преисподняя. Но если бы они вытекали оттуда, то были бы вредоносными, а они ведь целебны.

Биче покачала головой:

— Тут главное не земля, а перевернутость. Дьявол всегда все переворачивает. И потом смотри: у тебя сужается книзу. Чем глубже, тем меньше места. Так и должно быть в аду. Самые страшные грехи встречаются гораздо реже обычных. Это мой папа так говорит, а ему сказал один священник.

— Сейчас закопаю. — Дуранте оглянулся в поисках подходящей палки, но девочка остановила его:

— Не надо! Ад нужен людям. Иначе разве Бог допустил бы его существование?

— Это тоже сказал тот священник?

— Вообще-то нет, — она потупила взор, — это я так думаю. Ну и папа иногда говорит.

Он отчаянно скосил глаза, чтобы получше разглядеть ее (посмотреть прямо в лицо не хватило смелости). Щеки были бледными, шея казалась слишком тонкой, а нос — слегка вздернутым. Но большие карие глаза — такие понимающие, умные, добрые и одновременно жизнерадостные — как бы хотелось глядеть в них каждый миг жизни!

— Ты чего так смотришь? — обеспокоилась девочка. — У меня, наверное, майский жук в волосах. Он оглушительно жужжал только что. Интересно, они не кусаются?

— Нет жука, — выдохнул Дуранте, — ты... — Он не смог выразить чувств словами, спутался и покраснел.

Биче опасливо потрогала прическу:

— Хорошо, что нет. Я боюсь их, если честно. А в остальном я довольно смелая. Мне кажется, я бы даже смогла спуститься в царство мертвых, как Эней. Ты читал про него? Это — моя любимая книга!

Мальчику показалось, что щеки сейчас запылают огнем от стыда. Отвернувшись, он небрежно пробурчал:

— Разумеется! Кто же не знает Энея?

— О, — обрадовалась Беатриче, — а кто тебе из героев больше всех нравится?

— Эней, — с отчаянием в голосе сказал Дуранте.

Девочка понимающе кивнула:

— Конечно, он настоящий воин. Но мне ближе Дидона. Очень жалко ее. Она ведь даже не подозревала, что самоубийство — страшный грех.

— Разве? — Он обрадовался перемене темы. — А мне кажется, предательство хуже. Ведь нет грешника страшнее Иуды, вчера на проповеди даже говорили.

— Ну правильно, так он ведь и повесился, — рассудительно сказала девочка, — хотя предательство тоже ужасно. А вообще... слушай, я тут подумала: самоубийство — тоже предательство, ведь когда ты убиваешь себя, то предаешь Бога, который тебя сотворил.

— Ты такая умная... — восхитился он.

Биче рассмеялась:

— Я просто люблю слушать отца. Вот он действительно умный. Приходи к нам в гости, тоже послушаешь.

...Дети медленно шли назад по переулку. Освещение уже неуловимо изменилось. Тени стали длиннее, очертания резче. В сторону берегов Арно медленно пролетела большая чайка, и в ее полете тоже виделось нечто вечернее.

— Ты приходи к нам, — сказала Беатриче, — у нас часто устраивают праздники.

— Благодарю... — Он замялся. Хотел прибавить цветистый комплимент, как настоящий взрослый кавалер, но не вспомнил ни одной подобающей фразы. Девочка рассмеялась, но не обидно, а как-то по-дружески. Они постояли немножко у дверей ее роскошного дома, из-за которых неслись звуки продолжающегося веселья.

— Может, зайдешь еще раз? — спросила она, стряхивая сухие травинки с алого платья. В это время дверь резко распахнулась, выглянула нарядная женщина:

— Вот ты где, Биче! А мы уж обыскались! Бежим скорее, тебя выбрали майской королевой нашего дома!

Обе тут же унеслись, обдав мальчика ветром от длинных юбок. Без всякого сомнения, можно было последовать за ними — его ведь приглашали, даже дважды. Но почему-то он не пошел. Боялся испортить впечатление о себе какой-нибудь досадной оплошностью или не хотел видеть майского короля?

Данте уже в третий раз рассеянно брел по переулку. Подходя к своему дому, бросил взгляд на лимонное деревце, под которым, прикрытый булыжником, продолжал свое существование перевернутый земляной конус с коралловыми бусинами. Маленький ад... В таком случае лимон, растущий над ним, можно смело считать деревом познания. Откушал лимончика — добро пожаловать в преисподнюю! Он с сожалением подумал, что не сможет больше играть в прежнюю игру.

Отец с мачехой и малышами еще не вернулись. Дом казался непривычно пустым и гулким. Только Паола на кухне мурлыкала песенку. Внезапно мальчик почувствовал себя очень одиноким и бросился к бывшей

няньке.

— Паола!

Она сидела на скамье, чуть покачиваясь в такт мелодии. Рядом стоял большой винный кувшин, наполовину пустой.

— А, это ты пришел. — Ее улыбка выглядела более щербатой, чем раньше. Такое с ней уже случалось в прошлом году, когда она ходила праздновать Календимаджо за город и подгулявшие ремесленники выбили ей два зуба. — Ну как праздник?

— Паола...

Он привык рассказывать ей всё еще с раннего детства. Рассказал и про чудесную девочку в алом платье.

— Портинари — богачи, — проговорила нянька, зевая, — у них и платья красные, и пироги с пряностями. А твой отец, хоть и гордый аристократ, такого себе позволить не может. Смотри, не бегай к ней, выдерет он тебя, как пить дать!

— Но ты же не выдашь меня, правда?

— Правда, правда... — Она потрепала его по затылку. — Иди спать, завтра чуть свет на мессу.

Мальчик поднялся в свою комнату под самой крышей. Быстрые сумерки уже охватили город. Где же отец с мачехой? В ночное время ходить по улицам запрещено. Или в праздник все же есть послабление?

Он лег на кровать под балдахином, совсем недавно казавшуюся ему верхом роскоши. Та и вправду стоила немало. И на стенах спальни висели дорогие каполетти — ковры, крепившиеся к камню коваными крючьями. А у многих ведь и вовсе не было никаких кроватей. В домах ремесленников мебели не знали. Какой же тогда должна быть кровать Беатриче? Наверное, полог ее выткан из золотых нитей, перина набита пухом райских птиц, а вместо одеяла спящую девочку укрывают небесные облака. И, конечно, нужно немедленно почитать про этого Энея. Прямо завтра же...

С такими мыслями Данте заснул. Ночью его несколько раз будил голос отца, раздраженно выговаривающий Паоле. Она жалобно оправдывалась, сквозь сон мальчик вроде бы слышал свое имя. Но утром все ночные воспоминания заглушили беспощадные голоса колоколов.

Семейство помчалось на мессу в полном составе. После службы немного погуляли по городу. Мачеха показала Дуранте майского короля с королевой, выбранных накануне, и свежесаженное дерево. Гирлянд на нем висело больше, чем листьев. А король с королевой и вовсе не впечатлили.

Проходя мимо дома Портинари, мальчик невольно замедлил шаги.

Отец заметил это и усмехнулся. «Может, совпадение?» — подумал Данте, но сердце неприятно сжалось. Патер пошел дальше, ничего не сказав. Однако, когда вернулись домой, вызвал сына к себе в кабинет.

— Растет первенец... — неопределенно начал отец. Мальчик почувствовал себя беззащитным под его пристальным взглядом. Застыл, пытаясь угадать, какое прегрешение совершил и как его за это накажут. — Взрослеет, — продолжал родитель, — уже начал понимать, зачем нужны бабы.

Щеки Дуранте вспыхнули от негодования. В глазах затаились злые слезы. Ненавистный отцовский голос продолжал буравить слух:

— Это неплохо, когда мальчику нравятся женщины. За городской стеной живет много красоток, которые делают для мальчиков всё, что те попросят, хе-хе. Только ты еще маловат. Дорасти хотя бы до двенадцати, и я отведу тебя туда. Жену тебе я тоже уже присмотрел — красавицу из дома Донати. Через пару лет пойду, официально договорюсь с ее отцом, он точно мне не откажет. А к Портинари не ходи. Не наш круг. Вот так-то, хе-хе. Ну, иди, играй в мяч.

Лучше бы сто розог, чем такой разговор! Мальчик вылетел из отцовского кабинета и, забившись под лестницу, беззвучно зарыдал. Немного успокоившись, он стал думать: откуда отец узнал? Его же не было дома, когда они с Биче сидели во дворе. Неужели Паола нарушила обещание и предала?

В бешенстве он влетел на кухню. Служанка толкла в ступке мясо для пирога. Под ее глазом чернел синяк.

— Ты сказала ему про Беатриче?! — Слезы мешали говорить. Дуранте яростно шмыгнул носом. — Ты предательница!

— Да не говорила, зачем говорить... — испуганно забормотала она, — папаша твой выгнать меня хотел, пью вроде как много, а куда мне идти, если выгонит?

Мальчик всхлипнул:

— Так говорила или нет?

— Он мне еще пригрозил, твой папаша, что погонит меня голую по городу, кто же меня тогда возьмет в прислуги? Не плачь, вот сейчас пирожка тебе испеку...

Он решительно вытер слезы и посмотрел ей прямо в глаза:

— Знаешь, почему самый большой грешник — Люцифер? Потому, что он предал.

Паола низко согнулась над ступкой, изо всех сил перемешивая будущую начинку. Данте выскочил из кухни и помчался к себе под крышу.

Там он упал на колени перед темным прикроватным распятием и надолго замер.

«Господи! Да будет Твой суд справедливым! Да сбудется воля Твоя! Да не избегнет грешник расплаты!»

Помолившись, он лег в постель и ощутил знакомые признаки лихорадки. Она накрывала жарким дыханием. Целые вереницы коралловых шариков со свистом уносились через коническую воронку к центру Земли. На высоко парящих белых облаках сидела девочка в алом платье и говорила о вечности. Где-то далеко на краю появилась яркая комета и начала неудержимо расти, превращаясь в дракона, готового поглотить всех... но тут запекшихся губ коснулась прохладная струйка из глиняной кружки.

А дом Алигьери жил обычной жизнью, наполненный топотом маленькой Гаэтаны, плачем младенца Франческо, голосами, грохотом на лестнице за дверью, запахом подгорелого пирога...

Помилуйте, но почему же такой дым повсюду? Паола совсем не следит за своей стряпней? Раньше такого не случалось. Вот и мачеха удивлена такой бесхозяйственностью. «Паола, как не стыдно! Пирог совсем сгорел!» — доносится ее недовольный голос. В ответ что-то кричат младшие служанки. «Да где же она, в конце концов?» — негодует мадонна Лаппа.

На лестнице слышались шаги. Кто-то сдавленно произнес: «Матерь Божия!» — и раздался пронзительный женский визг. Мальчик вскочил с кровати, бросился к двери и высунулся посмотреть. Паола лежала на ступеньках вниз головой, шея странно вывернулась, как будто старшая служанка хотела подсмотреть в щелку что-то крайне любопытное. Вот только остекленевшие глаза совсем не выражали интереса. Рядом стояла глиняная кружка, почему-то не разбившаяся. Теряя сознание, Данте увидел как бы со стороны падение своего тела. «Так падает мертвец», — успел подумать он, ныряя во тьму.

«А что если она все же никого не предавала? Нет, невозможно. Иначе ее бы не постигла кара». — Эти тяжелые мысли появились, едва он пришел в себя. Более всего Дуранте волновал вопрос: не погубил ли Паолу он сам своей страстной мольбой о справедливом суде? Мальчика разрывали противоречивые чувства: жгучая жалость к няньке и к себе самому, оставшемуся без близкого человека, и смутное ощущение собственной опасной силы. Бог слышит его и даже исполняет желания. Но желания одного, оказывается, могут разрушить жизнь другого...

Выздоровев, Данте старался не вспоминать о Паоле и обходил стороной переулок, где стоял дворец банкира Портинари. Только девочку в алом платье забыть не мог. Она приходила к нему во сне, и они снова и

снова беседовали в тихом дворике под лимонным деревом.

Он спросил своего магистра про Энея. Тот сказал, что книга неподходящая для столь юного ума, но все же дал почитать, дабы воспитанник лишний раз поупражнялся в латыни. Это оказалась длинная поэма, некоего Вергилия, жившего почти полторы тысячи лет назад. Поначалу мальчик откровенно скучал, пролистывая описания взаимоотношений языческих богов и пути Энея в Карфаген. Но когда царица Дидона, увидев отплывшие корабли возлюбленного, бросилась грудью на меч, — сердце Данте сжалось, и он уже не мог оторваться от тяжелого чеканного стиха, будто воочию наблюдая, как герой, вооруженный одной лишь волшебной золотой ветвью, сходит в царство мертвых.

Когда Дуранте исполнилось 13 лет, отец пошел к мессире Донати и просватал его дочь Джемму за своего первенца. Его не смутило, что к этому роду принадлежала коварная Альдруда, из-за вероломства которой Флоренция раскололась на два лагеря.

— Они же гибеллины... — прошептал Дуранте, узнав о своей участи.

Патер расхохотался:

— Кто тебе сказал? Они — гвельфы, как и мы, притом весьма оборотистые. Родство с ними крайне выгодно нашему дому.

— Да... — еле слышно отозвался мальчик и начал отчаянно тереть глаза кулаками, пока во тьме не появились сверкающие звезды. В их лучах он снова увидел миловидное лицо Беатриче, и по щекам покатились слезы. Схватив плащ, он выскочил из отцовского кабинета и побежал к ее дому — вдруг посчастливится увидеть ее хотя бы мельком?

Двери украшала гирлянда из белых лилий. «Наверное, опять пригласили всю улицу», — подумал Дуранте. Вышла служанка и начала подметать ступени. Он решился спросить:

— У вас праздник?

— Да, — ответила та, — сегодня радостный день. Наша юная госпожа помолвилась с почтеннейшим и достойным господином Симоне деи Барди.

...Его звали принять участие в праздновании. Он чуть не ответил грубостью, но в последний момент сдержался. Звали-то от всей души. Портинари славилась гостеприимством. Да и никакого права на недовольство, если честно, Данте не имел. С того майского праздника он больше не разговаривал с Беатриче. Разве только несколько раз приветственно кивал ей, встречаясь в церкви, а потом долгие недели жил ее улыбкой. И вечерами старался лечь спать пораньше в надежде увидеть ее во сне. Но кто же про это знает?

Стараясь не расплакаться, он сухо поблагодарил служанку и бросился в ближайший переулок. Там прислонился лбом к пахнувшей сыростью замшелой каменной стене и замер.

Он не услышал шагов за спиной и вскрикнул от неожиданности, когда почувствовал у себя на плече чью-то тяжелую руку.

*

Здесь нужно объяснить загадочные слова Беатриче: «Банкиры никогда в жизни не займутся ростовщичеством». Разве это не одно и то же занятие?

Да, здесь очень много сходного, но разница все же есть, и она частично отражена в одной из пьес Шекспира «Венецианский купец». Католическая церковь позднего Средневековья, подвергая анафеме ростовщиков, не трогала «честных банкиров», потому что те действительно не нарушали евангельских предписаний и ссужали деньги безвозмездно. Естественно, сразу же возникает вопрос: зачем они это делали? И как в условиях беспроцентного ссужения средств смогли вырасти крупные банковские конторы, например знаменитый «Дом Медичи» во Флоренции?

Разумеется, банкиры из гильдии, к которой принадлежал отец Беатриче, не были меценатами. Просто они нашли варианты обхода церковных запретов. Ссуды выдавались беспроцентно, но в векселях прописывались суммы не в местной валюте, а в деньгах соседнего государства, курс которого был выше. Если вспомнить, что вся Италия времен Данте состояла из городов-государств, то и вариантов поиграться с курсами валют находилось немало. Например, получив 500 флорентийских лир, должник обязывался вернуть 500 венецианских дукатов. Или наоборот, в зависимости от курса. Издержки по транзакции, разумеется, оплачивал заемщик, и банки неплохо существовали, при этом оставаясь вполне безгрешными организациями. Одним из главных талантов итальянского банкира считалось предугадывание соотношения лиры с дукатом. Самые удачливые считались волшебниками, управлявшими курсами валют с помощью силы мысли.

Вернемся к Беатриче. Личная жизнь Данте из аниме с точки зрения биографии поэта описана неверно, но персонаж крестоносца, кем сделали Данте создатели мультфильма, довольно реалистичен. Он на кресте клянется любимой в верности, но, уйдя в Палестину, погружается в атмосферу безнаказанности. Ведь согласно мультфильму, епископы-фанатики обещают отпустить солдатам все грехи, лишь бы они доблестно

сражались против мусульман. Поддавшись этим уверениям, глубоко порядочный и верующий в Бога Данте с легкостью вступает на путь греха: он изменяет своей возлюбленной, причем не по причине возникновения новых чувств, а использует несчастную иноверку, готовую отдаться христианскому рыцарю, дабы спасти своего мужа. Далее герой пускается во все тяжкие и начинает развлекаться с блудницами. В жизни реального Данте не случилось ничего подобного, такой сюжет не особенно популярен и в рассказах о крестоносцах, но в военных походах такое наверняка случалось. И, конечно же, подобные хитросплетения сюжета находят отклик у современного зрителя.

В аниме «Ад Данте» Данте направляется в преисподнюю с определенной целью: спасти Беатриче, пострадавшую из-за его предательства. Вернувшись из Крестового похода, Данте видит ее умирающей от клинка того самого мусульманина, чья жена отдалась ему ради спасения мужа. На глазах Данте чистую и непорочную (!) Беатриче забирает Люцифер, и наш герой, не раздумывая, бросается в погоню.

В оригинале «Божественной комедии» он оказывается в аду вроде бы случайно, заблудившись в лесу.

*Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа*^[17] —

так написано в поэме. В то же время читатель смутно догадывается, что «адское» путешествие было predetermined. Первая строчка — знаменитое «Земную жизнь пройдя до половины» — словно подсказывает, что поэт достиг возраста, требующего совершить какой-то определенный шаг.

Исследователи очень любят подчеркивать, что поход в преисподнюю начался в 1300 году, ведь Данте верил Библии, а там написано, что стандартная человеческая жизнь длится 70 лет^[18]. Если считать от его года рождения (1265-й), то 1300 год приходится на 35-летие поэта, то есть как раз — середина жизни. Пытаются рассчитать даже день начала «адского» похода. Так, уже в I песни повествуется о созвездиях «с неровным кротким светом...»^[19]. Считается, что это созвездие Овна. Эта привязка дает основание предполагать, что в «темный лес» Данте попадает в ночь со Страстного четверга на пятницу (с 7-го на 8 апреля) 1300 года. То есть он спускается в ад вечером Страстной пятницы — строго, как Христос.

Конечно же, масштабные и пугающие образы адских бездн приходили ему в голову значительно раньше. Ад был для средневекового человека чем-то привычным, почти бытовым. О его существовании регулярно говорили священники с амвона, им пугали детей. Он предполагался как возможная перспектива для каждого. Вопрос: насколько это сдерживало людей от совершения беззаконий? Судя по всему, не слишком. От постоянного «употребления» ад, скорее всего, терял для них большую долю своей невыносимости, превращаясь просто в очень плохое место, где все же можно жить.

А еще пребывание в христианском мире предполагало постоянное присутствие рядом дьявола. И общение с ним, пусть через отторжение и неприятие...

Глава третья

ПТИЧИЙ ТЮРЕМЩИК

Личность формируется в детстве. И роль учителей в этом формировании порой не менее важна, чем родительская. Мы не знаем точно, какая женщина давала и тепло и заботу маленькому Дуранте Алигьери, но имя его наставника известно, хотя исследователи спорят, была ли это официальная учеба или просто дружеское общение.

Итак, Брунетто Латини (около 1220–1294), ученый и поэт, один из знаменитейших флорентийцев. Благодаря его деятельности во Флоренции начали серьезно изучать риторику и общественно-политические науки. Научные труды Латини писал на французском языке, а стихи — на итальянском. Его дидактическая поэма «Малое сокровище»^[20] оказала существенное влияние на нашего героя.

Они принадлежали к разным поколениям, разница в возрасте составляла больше сорока лет, но именно Брунетто пробудил в юном Данте тягу к созданию миров. Исследования показывают, как много в дантовской космогонии заимствовано из работ учителя.

Их дома располагались по соседству, как и жилище Беатриче. Флоренция XIII века не поражала своими размерами. Наш герой, познакомившись с Латини, легко мог ходить к нему в гости.

Во всех своих упоминаниях о наставнике Данте выражает огромное уважение, и даже восхищение. Тем не менее в «Божественной комедии» Латини обитает в аду, причем не в первом и не во втором, а в седьмом круге, где собраны ужасные грешники. Блестящий ум, просветитель, развивавший систему образования в родном городе, томится рядом с лихоимцами, то есть на современном языке — взяточниками. Какие же непомерные взятки он брал при жизни? Все оказывается не так просто. Согласно ранним толкованиям «Божественной комедии», «лихоимцы делают плодным то, что природа задумала стерильным, а именно золото, тогда как гомосексуалисты, наоборот, делают бесплодным то, что природа создала плодотворящим, — половое влечение».

Наш герой видит своего бывшего учителя нагим в пустыне под огненным дождем и сочувствует ему.

Себя открыл рассудку моему;

*Склонясь к лицу, где пламень выжег пятна:
«Вы, сэр Брунетто?» — молвил я ему.*

*И он: «Мой сын, тебе не неприятно,
Чтобы, покинув остальных, с тобой
Латино чуточку прошел обратно?»*

*Я отвечал: «Прошу вас всей душой;
А то, хотите, я присяду с вами,
Когда на то согласен спутник мой»^[21].*

Уже никогда не узнать (да и нужно ли?), что движет поэтом в данной сцене: сострадание или печально знаменитый «стокгольмский синдром»?

Парадокс: по средневековым европейским понятиям Данте уж очень толерантен к греху, а по современным — его хотят изъять из школьной программы как раз из-за недостаточной толерантности. Уважаемый в мире дантоведения исследователь Эдвард Мур объясняет: великий поэт вовсе не оправдывает грех, он хочет показать, что человек может оставаться привлекательным, даже совершив тяжкое преступление.

Не господин ли Брунетто первым показал величие ада маленькому мальчику?

Но, конечно, до образа Люцифера ему было далеко. И слава богу.

*

Мальчик и мужчина средних лет сидели на остывающем от дневного зноя камне у первого круга флорентийских стен, помнящих еще родоначальника Алигьери, доблестного рыцаря Каччагвиду.

— Из всего сказанного тобою я заключаю, что ты мнишь свое положение безвыходным, — сказал этот странный человек.

Данте снова мельком взглянул на его лицо, отвратительное и неудержимо притягательное. Сейчас незнакомец сидел вполоборота, задумчиво озирая Флоренцию, купающуюся в свете заката, и показывал собеседнику свой благородный римский профиль. Но мальчик знал: с другой стороны черты безобразно перекошены, а глаз съеден бельмом.

«Как-то нехорошо, — вдруг подумалось Дуранте, — я рассказал ему почти всю свою жизнь, а в ответ не услышал даже имени».

— Кстати, прости, я настолько преисполнился сочувствием к твоему страданию, что даже забыл представиться, — отозвался тот, будто услышав, — меня зовут Луций. Можно Лука, если тебе так удобнее.

— Почему... удобнее? — растерялся мальчик. — Луций — обычное имя.

— Неважно. Ты не ответил на вопрос.

— На какой? Ах да... ну, конечно, мое положение безвыходное. Ее отдают за какого-то Симоне деи Барди.

— А тебя? Женят на ком-нибудь?

— На какой-то Джемме. Даже имя противное.

Луций резко повернулся к Дуранте. Луч закатного солнца упал на уродливую половину лица и угас, столкнувшись с мертвым глазом.

— Ты ошибаешься. Джемма значит — драгоценность.

Помолчав немного, он добавил:

— Я могу помочь тебе. Хочешь?

В глазах снова зацепало. Тяжело сглотнув, мальчик кивнул.

— Тогда завтра не позднее полудня приходи ко входу в Меркато-Веккьо.

Меркато-Веккьо — старый рынок... Как часто Данте ходил туда в детстве вместе с Паолой! Покойная служанка покупала там продукты и пробовала разные вина, расплачиваясь за дегустацию прибаутками, срамными песенками и просто сплетнями. Болтала она так заразительно, что ей всюду охотно наливали, вследствие этого ее походка быстро утрачивала твердость. Своего воспитанника она тоже не обижала, покупая ему засахаренные фрукты и шерстяные мячики. Сколько радости они приносили тогда!

Уже на подступах к базару улочка оказалась запружена народом. Мальчика пару раз толкнули. Какая-то дородная донна наступила ему на ногу. Интересно: как найти в этой толпе вчерашнего собеседника?

Он уже зашел на территорию рынка. Вдруг, перекрывая гул, послышалось многоголосое птичье пение, будто Меркато-Веккьо превратился в весенний лес. Данте удивленно завертел головой, ища источник звука, и увидел множество клеток, стоящих на прилавке и просто на земле. Рядом с маленьким птичьим городом сидел Луций.

— О, наследник дома Алигьери пожаловал, — поприветствовал он мальчика, — ну садись, торгуй, а я пока схожу по своим делам.

Дуранте вспыхнул от обиды и разочарования.

— Хм, — сказал Луций, — ты ожидал от меня подарка? А зачем мне помогать тебе бесплатно? Разве мы друзья?

Сутулая спина торговца, раскачиваясь, удалялась. Мальчик сидел, сердито закусив губу, и глядел на землю перед собой, по которой неторопливо ползла букашка. Вокруг шумела толпа. Над площадью гордо высился знаменитый дворец Тосиньи, украшенный тонкими мраморными колоннами и уходящей далеко в небо главной башней.

Внезапно Дуранте улыбнулся пришедшей мысли и торопливо начал открывать клетку за клеткой. Он уже представлял, как радостно взмоют к небу маленькие арестанты и какое злобное лицо будет у Луция. Но птицы не торопились покидать клеток. Выращенные в темницах, они испуганно жались к стенкам из прутьев. Наконец маленькая серая мухоловка робко вылетела наружу, но нетренированные крылья оказались слабы. Пролетев несколько шагов, птичка упала под ноги людям, снующим между прилавков. Мальчик метнулся к ней, но поздно: кто-то уже успел наступить на серое тельце.

— Не уберег птичку... — прошамкала старуха, выбирая трясущейся рукой бобы из корзины, — лучше б не заводил, коль не смотришь.

— Попробуй все же поторговать, — слышался откуда-то голос Луция, — а то так и не услышишь совета насчет твоей подружки.

Дуранте оглянулся, но птичника не увидел. Тогда с каким-то злым азартом он закричал:

— Птицы, певчие птицы! Самые сладкоголосые певуны! Берите!

И подумал: если отец сейчас увидит его — наверняка выгонит из дому. Тогда уж точно не придется жениться на этой Джемме из противного рода Донати.

Так он сидел, глядя в землю, и выкликал покупателей. Птиц становилось все меньше, а кучка денег росла. И вот осталась последняя клетка. Ею заинтересовалась девочка лет семи. И тут Дуранте заметил, что дверца не заперта и птичка с любопытством оглядывает выход черными бусинами. Ему вдруг отчаянно захотелось вернуть утраченную веру в птичье свободолюбие. «Лети же, глупая!» — мысленно начал он уговаривать маленькую узницу.

— Что за птица? Сколько стоит? — спрашивали родители девочки. А он беззвучно внушал пернатому созданию, что крылья, данные Богом, не подведут, надо только поверить и броситься в безбрежную синеву.

— Эй! У тебя клетка открыта! — закричала девочка. — Ты плохой продавец.

— Мальчик, закрой клетку, мы хотим купить у тебя...

«Скорее же!» — почти крикнул он, видя, как детские руки тянутся к плетеной дверце. Раздалось тихое «фррр!», и птичка радостно взмыла над

толпой.

Девочка, надув губки, жаловалась матери:

— Зачем ему разрешили торговать?

Мать не отвечала, ее внимание поглотила узорчатая ткань на соседнем прилавке.

— А ты неплохо поработал! — похвалил вернувшийся Луций. — Давай выручку.

И он сгрэб все деньги.

У мальчика от обиды задрожали губы:

— Это нечестно! Я работал на вас полдня!

Луций усмехнулся:

— Двух птиц не хватает. Твой заработок ушел на штраф. Ну-ну, не гневайся, это вредно для здоровья, — он схватил Дуранте за локоть, не давая уйти, — ты ведь тоже нечестен. Разве ты пришел ко мне ради заработка?

Мальчик сердито помотал головой.

— А то, за чем пришел, — ты получил, — строго сказал птичник и поднял с земли две пустые клетки. — Подумай сам. Ты убедился, насколько душа привыкает к тюрьме. И ты смог убедить ее вырваться на свободу. В тебе большая сила, мальчик, вот что я хотел тебе показать. Надо лишь развить ее, и ты многое сможешь. Например, убрать эту... Джемму и того солидного господина.

— Угу. И закончить свои дни на виселице, — мрачно подытожил Дуранте, — как все колдуны, алхимики и гибеллины. К тому же я все равно не гожусь для Портинари, мой отец недостаточно богат.

— Ну... — Луций задумался, — и не так уж он и беден. Твой отец — ростовщик, хотя и не самый удачливый, тебе может повезти больше. Кстати, на виселицу попадают, как правило, плохие колдуны. А гибеллины... Ты их зря так не любишь. Как знать, может, когда-нибудь тебе придется стать одним из них.

— Ни за что! — Он вскрикнул так, что напугал проходившую мимо торговку рыбой. И добавил уже тише: — Колдовать тоже никогда не буду, не хочу, чтобы Бог наказал меня.

Луций шел, согнувшись, размахивая пустыми клетками. Мальчик смотрел на его мерно раскачивающуюся спину. Вдруг он резко обернулся и пристально взглянул на мальчика:

— Бог тебя все равно накажет.

Сказал и быстрым шагом скрылся за углом...

Дуранте брел по переулку, шаркая ногами. Он думал о том, что нужно

уехать из этого города, куда-нибудь... все равно куда. Отцу он не нужен, ему милее дети мадонны Лаппы. А может, даже и они не нужны. В последнее время старому Алигьери все стало безразлично, он не заказал мессы, когда тяжело болела сестричка Гаэтана, да и братца Франческо отдал в дешевую школу. Все копит и считает деньги, а как праздник — напивается в хлам и бесстыдно жалуется на бедность, хотя владеет домами и землями. Но у братика с сестрой хотя бы есть мать, а у Дуранте давно уже нет даже Паолы.

...И Беатриче тоже нет. Она все равно что умерла, лучше бы она умерла...

*«Беги отсель иль в пламени сгори!»
Лицо мое цвет сердца отражает.
Ищу опоры, потрясен внутри...*

Он испуганно оглянулся, сам зная, что сие совершенно напрасно — голос прозвучал внутри. Строки чеканные, как ограда дуомо Санта-Репарата, подхватили его и понесли, словно давешнюю птицу. Откуда же эти стихи? Может, их читал учитель на уроке латинской грамматики? Но Данте не помнил таких строк. Да и ведь это не латынь вовсе, а народный язык.

Неужели это его сочинение? Ни разу еще он не ощущал такого восторга, даже когда наблюдал за своей моделью мироздания, спрятавшись под лимонным деревцем. Теперь его не могли устроить ни отец, ни Джемма, ни прочие невзгоды. Он умеет создавать строки, управляющие жизнью, как напишет — так и случится.

Надо было придумать продолжение, но на ум не приходило никакой рифмы, кроме «умри». Он упрямо шевелил губами, перебирая варианты так яростно, будто смерть и вправду угрожала ему. Он не замечал, что разговаривает сам с собой. Переулок становился все уже, казалось, серые каменные стены сейчас сомкнутся, как волны, и поглотят его.

*Мне камни, кажется, кричат: «Умри!»
И чья душа в бесчувствии застыла,
Тот не поймет подавленный мой крик...*^[22]

Дуранте жадно искал продолжения, но магический ветер,

подхвативший его душу, сник так же внезапно, как появился. Остались лишь сладко ноющая боль в груди и странное чувство благодарности... только вот к кому?

Пиная носком башмака мелкие камушки, мальчик медленно шел к дому, не замечая двух маленьких девочек, внимательно наблюдающих за ним из окна.

— Смотри, Джемма, это ведь твой жених идет, — сказала одна из них. — Какой смешной, сам с собой разговаривает.

— Ну и пусть, — отозвалась ее подружка, — какое тебе дело?

— А тебе разве не интересно, какой у тебя жених? Вдруг он сумасшедший?

— Какой ни есть — зато мой, — ответила Джемма, — а тебя вот вообще не просватали.

И она решительно закрыла ставни.

*

Личная жизнь Данте отражена в мультипликационном фильме да и во многих других популярных источниках весьма однобоко. Беатриче, платоническая возлюбленная, как, вероятно, было в действительности, она же — нежно-жертвенная любовница (по версии создателей «Ада Данте»), и абстрактные блудницы (опять же по аниме-версии). Между тем у Данте была нормальная, вполне благополучная семья: жена и трое детей, которые, кстати, оказались верными поклонниками отцовского творчества. Супруга Джемма Донати, подарившая поэту детей и на несколько лет его пережившая, не удостоилась ни одного, даже самого незначительного упоминания о себе в его творчестве. По какой причине? Неужели женщина, с которой он так долго прожил, была ему полностью безразлична? В книге немецкого историка Франца Вегеле (1823–1897) «Данте Алигьери: Его жизнь, сочинения и политическая теория» (1879) этот вопрос освещается весьма подробно. Немецкий исследователь пишет о рыцарском культе Прекрасной Дамы, привнесенном в итальянские города трубадурами из Прованса. Этот культ не имел отношения к браку и даже к любви в нашем понимании. «Трубадур, — пишет Вегеле, — мог воспевать какую угодно женщину, только не собственную жену; для него было безразлично, была ли замужем или нет та дама, служению которой он себя посвящал, и нравилось ли ей или не нравилось это поклонение».

То есть Данте мог вполне сносно относиться к Джемме и даже любить

ее, просто говорить о чувствах к своей жене считалось для поэта дурным тоном.

Кстати, замужество Беатриче тоже никоим образом не повлияло на любовное чувство Данте. Воистину «высокие отношения». Нам, живущим в совершенно иных реалиях, крайне сложно понять совершенно особую атмосферу XII–XIII веков, когда по дорогам бродили трубадуры, воспевающие Прекрасную Даму, то есть Богородицу. Каждый мужчина того времени имел возможность очистить душу небесной улыбкой своей личной Прекрасной Дамы, о плотских отношениях с которой даже и не помышлял. Болезненность Беатриче в таком контексте могла стать для Данте дополнительным плюсом. Когда умирает ее отец, первая мысль, которая посещает поэта: скоро умрет и она. Итальянский литературовед Скарточини^[23] объясняет этот факт весьма любопытно: именно из-за крайней болезненности она и стала для поэта неземным существом, ведь только такую девушку и можно любить лишь платонически. Как написал Михаил Дубинский (М. Полтавский) в книге «Женщина в жизни великих и знаменитых людей» (1900): «Там, где болезнь и смерть, не может быть и мысли о низменных чувствах; там, где могильный мрак, нет места для брачного ложа...»^[24]

Беатриче действительно умерла очень рано, ей было всего 23 года. Никто ее не убивал и не насиловал, как это показано в аниме, где авторы явно представили образ «*vierge souillee*», девушки с развращенной плотью, но с непорочной душой, пришедшей из XIX века, а вовсе не от Прекрасной Дамы XIII.

Возможно, возлюбленная Данте даже успела насладиться семейным счастьем. Во всяком случае, нет никаких сведений о том, что ее брак с господином Симоне деи Барди оказался неудачным.

Глава четвертая

ПРАЗДНИК СВЯТОЙ РЕПАРАТЫ

Как уже говорилось в прологе, Данте ощущал себя скорее политиком, нежели поэтом. Эта часть его жизни в сюжете аниме не отражена. А вот читая «Божественную комедию», можно догадаться об активной политической позиции ее автора по многим репликам и диалогам с обитателями преисподней, когда-то занимавшими в политике видные позиции.

Поэтому мы не оставим без внимания общественную жизнь Флоренции конца XIII века и представим читателю несколько зарисовок, основанных на исторических документах.

Когда читаешь эти источники, сразу вспоминаются популярные фильмы про итальянскую мафию. Та же клановость, те же «доны», живущие по своим кодексам чести и не желающие подчиняться никаким правительствам. При этом внутри сообщества, при всем самодурстве дона, обязательно прослеживалась некая демократия и многие вопросы действительно решались голосованием.

Собственно говоря, ничего странного в этом нет. Даже само слово «мафия» родилось в Италии как раз во времена Данте. Как ни странно — это аббревиатура, но не какого-то заведения или корпорации, а военного лозунга: «Morte alia Francia! Italia anela!» («Смерть Франции! Вздохни, Италия!»). Под этим девизом в 1282-м, в год семнадцатилетия нашего героя, сицилийцы подняли восстание против французских оккупантов. Есть и другие версии. Согласно одной из них термин «мафия» имеет арабские корни и происходит от слов *mu'afah* (*mu'* — сила, усилие, безопасность; *afah* — упорствовать, охранять, защищать). Другое сходно звучащее арабское словосочетание *ma fi'at* можно перевести как «затененное место». А некоторые исследователи усматривают связь с названием арабского племени *maafir*, селившегося когда-то на Сицилии вблизи Трапани. Есть и поклонники французской версии: *mauvais* в переводе означает «плохой», «злой».

Не будем углубляться дальше: история итальянской мафии интересует нас лишь как штрих, характеризующий менталитет народа, к которому принадлежал наш герой. Подобные сведения иногда что-то проясняют в мотивации тех или иных поступков человека. В данном случае —

активность Данте, его тягу к политической жизни, которая не только способствовала его полному краху и привела к изгнанию, но и стала косвенной причиной его смерти, когда, будучи больным, Данте поехал в Венецию на важные дипломатические переговоры.

В чем же проявляется пресловутый итальянский менталитет, породивший Данте, мафию, а также львиную долю шедевров мирового искусства?

Прежде всего, в стремлении к сепаратизму и желании самоорганизоваться. Города-государства, города-коммуны со своими законами и валютой — Болонья, Венеция, Флоренция, Милан... В виде целостной страны Италия, как она существует сейчас, сформировалась лишь к концу XIX века, позже всех крупных европейских национальных держав.

Но в то же самое время именно в Италии находился Рим — одна из точек земного универсума. Вечный город сплотил вокруг себя сначала языческую империю, а потом — христианскую. И центростремительный универсум тоже неоднозначен. С одной стороны, Святой престол, папа, духовная власть; с другой — император Священной Римской империи. Это противоречие и породило конфликт гвельфов и гибеллинов, сломавший жизнь нашему герою и множеству его современников. Борьба представителей этих течений более двух веков определяла внутреннюю политику городов Центральной и Северной Италии, и сами участники порой с трудом разбирались в происходящем.

Казалось бы: что тут сложного? Всего две партии. Гибеллины поддерживают императора, гвельфы — папу. Но на реальной политической арене противостоящих сил оказывалось гораздо больше, чем две. Тот же Данте, будучи гвельфом, пострадал вовсе не от гибеллинов, а от враждебного крыла своей же партии. К моменту его изгнания гибеллинов во Флоренции практически не было, зато гвельфы разделились на черных и белых. Черные, как им и полагалось, поддерживали папу, а белые, к которым имел несчастье принадлежать Данте, ратовали за независимость Флоренции ото всех и были не прочь объединиться с гибеллинами. Черные гвельфы тогда победили вовсе не из-за прогрессивности взглядов, а из-за стечения обстоятельств, где не последнюю роль сыграл внезапно вернувшийся из изгнания лидер черных, харизматичный Корсо Донати.

Но в 1270-х годах — время юности Данте — политическая карьера Корсо еще только начиналась...

...Дворец Моцци не имел столь высокой башни, как дворец Тосиньи, что на площади Меркато-Веккьо, но туда приглашались высочайшие гости. В нем гостили особы королевской крови и даже понтифик — Григорий X, посетивший город пять лет назад, в 1273 году. С виду замок ничем не отличался от других флорентийских дворцов — серый, сложенный из крупных каменных плит. Надежно зарешеченные окна-бойницы мрачно взирали на городскую суету.

Внутренние покои дворца не производили гнетущего впечатления, особенно второй, «благородный» этаж, где располагалась приемная зала. Ее стены, некогда голые, теперь покрывали фрески. Геометрические фигуры на них чередовались с идиллическими сценами из сельской жизни. Одну из стен украшали тяжелые ковры-каполетти. Здесь совсем не чувствовалось сырости, обычной в огромных каменных жилищах в осеннее время. Может быть, из-за новомодного камина, в котором весело потрескивали дрова, но скорее благодаря большому скоплению гостей, пришедших на праздник святой Репараты, покровительницы Флоренции.

Народу и вправду собралось много. Помимо семьи Моцци за столом сидели еще человек сорок — богатые и знатные флорентийцы. Были представители семей Строцци, Фрескобальди, Риччи, Каппони, Черки, Кавальканти. Был там и отец Беатриче, Фолько Портинари.

Гости как раз только дослушали длиннейшую канцону в сопровождении лютни о жизни святой Репараты и принялись беседовать. Разговор быстро перешел от праздника к разным городским делам. Начали обсуждать недавний бунт больных в госпитале Сан-Якопо-ди-Сан-Эусебио.

— Они потеряли всякий стыд! — возмущался синьор Риччи, член Совета ста, один из управляющих делами города. — Их лечат да еще и кормят лучше, чем наемных работников. Знаете, у них каждый день мясо и вино!

— Но содержат их действительно хуже скота, — возразил Фолько Портинари, — в помещениях вообще не убирают, а людей кладут на узкие кровати по двое.

Риччи покачал головой:

— Это только тех, кто не слишком болен, чтобы не привлекать бездомных. Тяжелобольным полагается отдельное место.

— Я согласен, флорентийские больницы не напоминают райские сады. Но почему эти драчуны требуют что-то от нас? — вступил в разговор

синьор Черки, также входящий в Совет ста. — Забота о здоровье граждан не входит в обязанности совета. У нас этим занимаются монахи и сами горожане. Вот пусть и занимаются.

— А разве мы не горожане? — заметил Фолько Портинари. — К тому же правительство города обязано следить за порядком. А в госпитале Сан-Якопо порядок нарушали задолго до бунта. Ведь общий больничный устав гласит: «Принимать больных, как самого Христа».

Хозяин дома с улыбкой прервал его:

— Любезный Фолько, не укоряй нас, грешных, своим возвышенным примером. Мы знаем, что ты собираешься подарить Флоренции новую больницу. Не все способны на такое, но, поверь, у нас тоже душа болит за родной город.

С другой стороны послышался тяжелый вздох старого рыцаря Берто Фрескобальди:

— Да уж! Мне жизнь не мила с того самого дня, как этот пособник дьявола Фарината дельи Уберти предал нас, объединившись с сиенцами. Вы помните этот ужас? Воды Арбии окрасились кровью флорентийского воинства... Как он мог поступить так с родным городом?

— Почему бы нет, — отозвался хозяин замка, — его же изгнали.

— Я понимаю. Но позволить сиенцам захватить нашу карроцч^[25]?!

— Они хранят ее как бесценный трофей, — вставил синьор Черки.

Он хотел сказать еще что-то, но Фрескобальди с гневом перебил:

— А ты-то откуда знаешь? От своих гибеллинских друзей?

Черки возмутился:

— А что в этом преступного? Между прочим, во Флоренцию уже едет папский легат Латино деи Франджипани. Папа поручил ему подписать соглашение между гвельфами и гибеллинами.

— Но-но, ты еще молод спорить, — Фрескобальди важно поднял палец, — скорее луна упадет в Арно, чем гвельфы помирятся с гибеллинами. Послушай меня: Совет ста еще никого не защитил от изгнания. Лучше заводить друзей более разборчиво.

Брат Черки, сидящий за другим столом, где расположилась молодежь, крикнул:

— Нечего обвинять нашу семью! Мы, в отличие от других, не вздыхаем, а собираем людей, способных дать достойный ответ сиенцам.

Прозвучало это не очень-то любезно. Хозяин с тревогой взглянул на старого Фрескобальди. К счастью, тот сделал вид, что не слышит. Зато один из молодых Донати, зовущийся Корсо, издевательски хохотнул:

— Собираете людей? Вы, Черки? С каких это пор деревенщина

возомнила себя вождями народа?

Черки (его звали Вьери) побледнел, начал нервно двигать по столу свой кубок. Корсо насмешливо наблюдал. Наконец молодой человек собрался с духом и сказал, глядя в глаза обидчику:

— Может, мы не так аристократичны, как вы, зато наша семья не охотилась за торговыми караванами по большим дорогам!

Корсо вспыхнул:

— Что?! Ты назвал Донати разбойниками? Придется за это ответить. Выйдем-ка во двор, продолжим беседу.

И он, нарочито громко звякнув мечом, висящим на поясе, встал из-за стола и двинулся к выходу. Вьери деи Черки бросился за ним.

Хозяин подошел к старому Манетто Донати, отцу Джеммы, который увлеченно беседовал на другом конце зала, не заметив ссоры своего племянника с молодым Черки. Тихо сказал ему:

— Корсо пошел помахать мечом во дворе моего замка. Думаю, за него не стоит тревожиться — он не позволит Вьери убить себя. Мне тоже не с руки лезть в чужие дела. Ты уж сам реши: нужна ли твоему роду вендетта с Черки?

Манетто реагировал быстро. Минуты не прошло, как он стоял на лужайке внутреннего двора перед драчунами. Оба тяжело дышали, но крови ни на ком не было видно.

Старый Донати схватил племянника за плечо:

— Корсо, уймись.

— Эта деревенщина обозвала Донати разбойниками.

— Ну да, а ты обозвал Черки деревенщиной, — продолжил Манетто, крепко прижав к себе локоть Корсо. — У всех своя история, но Черки — уважаемые люди, а ты еще молокосос и не должен выступать от имени рода. Сейчас ты извинишься перед Вьери и вернешься за стол.

— Я? Перед ним? И не подумаю!

— Хорошо. Тогда мне придется поговорить с твоим отцом. Разве ты забыл, что он просватал тебя за Антонию деи Черки? Поверь, я найду слова, после которых ты останешься без наследства.

Лицо Корсо перекосилось. Он подошел к Вьери и прошипел слова извинения. Тот молчал.

— Прости уж его Христа ради, — с фальшивой кротостью попросил Манетто, — а то я и с твоим отцом поговорю. Он меня, кстати, уважает.

— Прощаю, — деревянно произнес Вьери, глядя себе под ноги.

— Вот и прекрасно, — одобрил это решение старый Донати и, приобняв обоих молодых людей, повел их обратно в пиршественный зал.

Там уже вовсю обсуждали предполагаемый приезд папского легата Латино деи Франджипани. Большинство присутствующих считали сие событие полной бессмыслицей.

— Да за этим столом уже сидел папа Григорий! — громко возмущался Берто Фрескобальди. — Если уж самому понтифику не удалось помирить нас с гибеллинами, что уж говорить про какого-то легата!

— В этом деле многое зависит от нас, — тонко улыбнувшись, заметил хозяин дома.

Манетто Донати потрепал юнцов по головам и пошел на свое место — поближе к остальным градоправителям.

Корсо, оглянувшись по сторонам, ткнул Вьери в бок и незаметно плюнул на пол. Тот, не поворачиваясь, сделал то же самое. Корсо, посопев немного, успокоился и занялся угощением. Вьери же неподвижно просидел весь вечер.

Глава пятая

БОЛОНСКИЕ БАШНИ

Еще одна важная часть жизни Данте совершенно не вписалась в жанр боевика и даже не была упомянута. Это годы его студенчества в Болонском университете.

Все наше современное высшее образование родом из европейского Средневековья. Как раз тогда сложились университетские традиции и принципы преподавания, многие из которых актуальны и сейчас.

Первой и главной из наук, лежащих в основе системы европейского образования, оказалась вовсе не математика и не Закон Божий, а юриспруденция. На то имелись веские причины. Двоевластие (папа — император), ярко проявившееся уже со времен начала правления династии Каролингов (VIII век), провоцировало постоянные конфликты между Святым престолом и империей.

Для их мирного урегулирования требовались хорошие юристы. Поэтому и папы, и императоры активно поддерживали изучение римского права.

Почему университеты появились именно в Италии? Да потому что на месте бывшего центра Римской империи было проще восстановить систему. Это опять-таки вопрос менталитета, но также и прочных зданий, хороших дорог и прочей инфраструктуры.

Первый университет Европы появился в Болонье, точная дата его открытия не известна. История уходит корнями в XI век, когда жил и преподавал глоссатор^[26] Ирнерий (около 1050 — после 1125), и еще дальше в глубь веков, ко времени правления Юстиниана Великого, византийского императора, создавшего *Corpus juris Civilis* — Свод гражданского права. Именно Ирнерий (его имя также транскрибируется как Варнерий, Вернерий или даже Гарнерий) основал в Болонье правоведческую школу, ставшую впоследствии университетом.

От прочих высших учебных заведений Европы болонская школа отличалась властью студентов (*universitas scholarium*), а вовсе не профессоров (*universitas magistrorum*), как это было принято повсюду. Профессора избирались студентами на строго определенный срок, причем им запрещали преподавать в иных местах. Болонский профессор полностью зависел от своих учеников и не имел никакого особого статуса,

кроме таланта и харизмы. Тем не менее преподавать туда шли охотно, университет процветал, заставляя расти и развиваться и сам город, наполняемый приезжей молодежью со всех концов Европы.

Двери университета были открыты и для женщин, причем их даже допускали к преподаванию. Дочь юриста Аккурсия, Дота д'Аккорсо, удостоилась степени доктора права еще в XIII веке, сохранились в летописях имена и других известных юристок.

Постепенно вузы начали появляться и в других странах Европы. В середине XII века в Париже открылась Сорбонна, а когда вскоре оттуда по политическим причинам отчислили всех англичан — появился Оксфорд.

К моменту рождения Данте в Европе насчитывалось уже около полутора десятка университетов. Возник вечный конкурент Оксфорда — Кембридж, во Франции к тренду подключились Тулуза и Монпелье, а на Пиренейском полуострове открылись сразу три крупных университета — в Лиссабоне, Саламанке и Мадриде.

Все они имели немного разные специализации, Болонский же университет традиционно специализировался в правоведении. Наш герой планировал стать юристом, поэтому, конечно же, он оказался в Болонье.

*

— Все же не люблю я гулять под ней. Такое ощущение, что она вот-вот обрушится на тебя. А ее ведь еще хотят поднять вверх.

— Тебе ли, флорентийцу, бояться башен? У вас их как грязи.

— Есть, да только стоят они обычно недолго. Только кто-нибудь построит башню повыше, смотришь — его в чем-нибудь уже обвинили и строение сровняли с землей. А камни утащили, чтобы выстроить свою башню.

— Да уж... хорошо, что я не из Флоренции. Но Пистойя недалеко от нее, боюсь, мы еще увидим, как она станет флорентийской окраиной. Вы уже давно накладываете на нас свои длинные руки. И у вас выйдет, я не сомневаюсь. Говорят же: есть пять стихий — огонь, вода, воздух, земля и... флорентийцы.

Так разговаривали двое студентов-правоведов, стоя под сенью знаменитых болонских башен — Азинелли и Гаризенды — ранним весенним утром 1282 года. Одного, совсем юного, звали Чино да Пистойя^[27], другой, постарше, был наследник дома Алигьери, Дуранте. Молодые люди готовили себя к серьезной жизни юристов. Правда, это не

мешало им пописывать стихи на полях завещаний. Подобное развлечение грехом не считалось. Наоборот, исписанные поля служили своего рода защитой от происков хитрых родственников, которые так и рвались вписать в документ какой-нибудь незаметный, но крайне выгодный для себя пункт.

Чино да Пистойя разделял гибеллинские взгляды. Это было очень закономерно для человека, увлеченно изучающего римское право, ведь идеалом гибеллинов являлась империя. Данте тоже чувствовал величие идеи о гигантской общине, организованной по единым имперским законам, принципам и нормам. Как и все болонские студенты-правоведы, он почитал Ирнерия, жившего в конце XI века. Этот гений юриспруденции создал новый метод изучения римского права и разработал форму глосс — ясных и логичных примечаний, которые объясняли смысл законов.

Гвельфская картина мира, складывающаяся из множества мелких общин, в каждой из которых жизнь обустраивается по-своему, нравилась Данте значительно меньше, но он называл себя гвельфом, не решаясь нарушить семейной традиции. К счастью, в университете конфликт между политическими партиями переживался не столь остро, как во Флоренции. Студенты жили более интересными вещами.

— Зачем ты меня сюда привел, — спросил Данте товарища, — смотреть на облака?

— На облака, разумеется, — хихикнул Чино, — и чуть ниже. Смотри, вон красотка из рода хозяина этой башни. Подойдем, познакомимся?

Мимо действительно проходила молодая девушка в дорогой зеленой накидке. Данте хмыкнул:

— Хозяина какой именно башни? Надеюсь, Гаризенды? А то еще заставят построить такую же!

— В каком смысле? — удивился Чино.

— Ты что, не знаешь эту историю? — Алигьери усмехнулся. — Один молодой человек влюбился в дочку богача, и ему пришлось построить самую высокую в городе башню, чтобы папаша отдал за него дочку. Удивительный осел!

Он расхохотался так громко, что девушка обернулась и, ускорив шаги, скрылась за башенным углом.

— Ну вот, — обиженно протянул Чино, — ушла. И ты все напутал. Азинелли вовсе не осел, а хозяин выючных ослов. Он действительно построил башню для будущего тестя, когда нашел клад в реке.

Данте пожал плечами:

— Конечно, осел. Кто же тратит клад на тестя?

— Правда? — Чино разыграл неподдельное удивление. — А по-моему,

осел это ты. Из-за тебя мы упустили такую красотку! Ну ладно, не злись, еще красивее найдем, — поспешно прибавил он, видя помрачневшее лицо друга. — Ты, Данте, сам не свой в последнее время. Зачем сегодня опять сидел со свечой всю ночь? Я видел, перед тобой не было ни книг, ни писчих принадлежностей.

— Я... размышлял, — неохотно ответил Алигьери. — Ну пойдем, послушаем магистров, заодно попикируемся стишками.

Они ускорили шаги и скоро затерялись в толпе студентов. Развлечься стихосложением не вышло. Вечером, когда закончились лекции, к Чино подошел профессор и предложил провести диспут на тему истории римского права. Пистойя, который спал и видел, как бы получше зарекомендовать себя, помчался в библиотеку готовиться. Данте же отправился в свою комнату и снова всю ночь смотрел на пламя свечи.

Наутро Чино да Пистойя выступал перед собранием профессоров и студентов. Алигьери в аудитории не было, это уязвило докладчика. «Вот она, флорентийская дружба, — думал Чино. — Как развлекаться, так пожалуйста, а проснуться пораньше, чтобы поддержать товарища, сил не находится».

Диспут получился на славу. Чино достойно ответил на все вопросы, ни разу не сбившись и не спутав ни одного имени или даты. Разгоряченный успехом, он шел с другими студентами через внутренний двор университета, продолжая рассказывать о римском праве, и вдруг увидел Данте. Тот стоял, трогая рукой темно-красную стену, и что-то шептал.

Пистойя, оставив спутников, подошел к нему.

— Прискорбна твоя нерадивость, друг мой... — начал он и осекся, увидев мрак в глазах товарища. — Что-то случилось?

— Из Флоренции приезжал посланник, — ответил Алигьери, — я должен вернуться на родину.

— Как? Ты же подаешь надежды! Я слышал, как отзывался о тебе магистр.

— Придется оставить надежды вместе с учебой, нужно заботиться о брате с сестрой и мачехе.

— Отец?

Алигьери кивнул:

— Его больше нет.

— Да покоится его душа в мире, аминь. — Чино сочувственно обнял друга. — Ты, верно, почувствовал беду, потому и полуночничал при свече.

Данте отстранился:

— Почувствовал? Скорее уж я ее накликал. Видишь ли, я как раз

сидел, смотрел на огонь, как замороженный, и все представлял его смерть.

Пистойя замотал головой:

— Даже и не думай о таких глупостях. Он был уже давно мертв, когда ты смотрел на свечку. От Флоренции до Болоньи несколько дней ходу.

— Почему же «ходу»? Гонец был на лошади. И потом, — Алигьери тяжело вздохнул, — я ведь думал о его смерти не только последние два дня.

— Все равно предчувствовал, — не сдавался Чино. — Родные души всегда слышат друг друга на расстоянии.

Данте неприятно расхохотался:

— Родные души?! Как же! Для меня в нем нет ничего родного. Уверен — мой прапрадед Каччагвида сильно бы расстроился, узрев такого потомка. Который, предав благородную кровь, погряз в ростовщичестве.

Чино с удивлением смотрел на своего товарища. Тот всегда казался сдержанным. Так обрушиться, и на кого? На родного отца!

— Вас, флорентийцев, не поймешь, — наконец отозвался он, — то вы возводите изворотливость в высшую доблесть, а то собственная родня для вас недостаточно благородна. Кстати, разве не отец давал тебе деньги на обучение?

Алигьери глухо подтвердил:

— Давал, верно. Но я их не проматывал, тратил, как он велел, мне стыдиться нечего.

Он помолчал и добавил:

— Давай перейдем на более приятные темы. Я хочу сделать стихотворный портрет Болоньи. Но для этого нам нужно пойти к башням. Будем писать стихи с натуры, чтобы не упустить важных изменений.

— Изменений? В башнях? — рассмеялся Чино. — Да они простоят как есть до второго пришествия.

— Насчет стен я согласен с тобой, дорогой друг, — рассудительно ответил Данте, — простоят, если, конечно, болонцы не начнут учиться у флорентийцев искусству мести. Но я не про стены. Мимо них ходят прекрасные донны, а они — явление весьма непостоянное.

Из-за угла выскочил какой-то студент.

— Эй, Чино! — обрадовался он. — Говорят, ты был сегодня на высоте, надо отметить сие событие.

Алигьери откланялся:

— Мне нужно идти. Увидимся вечером.

Однако ближе к ночи, когда Чино в самом веселом расположении духа ввалился в комнату к товарищу, он обнаружил только письмо:

«Любезному Чино из Пистойи с подобающим почтением, с чувством

признательности и с благодарностью душевной за дни, проведенные вместе.

Сожалею, что вынужден отъехать внезапно с подвернувшейся оказией. Если приведет Бог свидеться снова — нам не придется искать, чем бы занять свой досуг, ибо столько недописанных канцон еще витает над нашей дружбой. Кстати, о родных душах: не знаю, откуда взялись твои столь идиллические представления о родственниках, возможно, судьба хранила тебя от жестоких разочарований. Но неужели до тебя не дошла ужасная весть из Римини? Правитель этого города убил свою жену, прекрасную Франческу, дочь синьора Равенны. Такое зверство объясняется тем, что он застал ее со своим родным братом Паоло. Брата синьор Римини не пощадил также. Сие полностью перечеркивает твое утверждение о якобы существующем душевном родстве по крови.

Итак, любезный Чино, мы расстаемся. Портрета свободолюбивой Болоньи написать мне не довелось. Но несколько строк про твою любимую башню я все же успел сделать:

*Как Гаризенда, если стать под свес,
Вершину словно клонит понемногу
Навстречу туче в высоте небес...* [\[28\]](#)

Р S. Кстати, тот ословладелец поступил правильно, вот только интересно: как ему удалось разыскать клад в реке? По всем приметам тот должен был либо уйти в песок, либо уплыть по течению. Уж не подложила ли его дочка богача?

Да поможет тебе Бог!
Твой навеки, Данте Алигьери».

*

Франческа и Паоло... один из самых популярных в мире любовных сюжетов, на уровне Ромео и Джульетты или Отелло и Дездемоны. Изначально не самостоятельное произведение, а всего лишь часть V песни «Ада» из «Божественной комедии», эта история неоднократно вдохновляла литераторов, художников, музыкантов... Боккаччо, Джон Китс, Габриеле Д'Аннунцио, Петр Чайковский, Сергей Рахманинов, Александр Блок, Дмитрий Мережковский, Огюст Роден, Жан Огюст Доминик Энгр, Гюстав

Доре — вот еще не полный список создателей произведений по мотивам этого небольшого фрагмента дантовской поэмы. Есть и фильм «Паоло и Франческа», снятый в 1949 году режиссером Раффаэлло Матараццо, с Одиль Версуа (сестрой Марины Влади) в главной роли.

Почему их всех так взволновала банальная тема супружеской неверности? Только ли потому, что она описана очень талантливо? Думается, прежде всего, из-за очень личного отношения автора к героям. Прелюбодеяние относится к смертным грехам, и Данте помещает Паоло и Франческу в ад, но все же в самом его начале. Сочувствие поэта к несчастным любовникам так велико, что он сам начинает испытывать мучения:

*Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;*

И я упал, как падает мертвец^[29].

Конечно, этим сочувствием сразу же заражается читатель, тем более на протяжении всей истории многим частенько хотелось исключить прелюбодеяние из «черного» списка. Есть даже анекдот: когда Моисей излагал соотечественникам десять заповедей Божиих, седьмая — «не прелюбодействуй» народу так не понравилась, что ее тут же попытались вычеркнуть, оттого семерка в свитках перечеркнута. Может быть, Данте, думая о Паоло и Франческе, вспоминал свою несбывшуюся любовь? Но сам-то он в адюльтере замечен не был.

История несчастных влюбленных имеет неожиданное продолжение: в июне 1992 года в Равенне состоялся публичный судебный процесс по делу Джанчогго Малатесты, мужа несчастной Франчески, обвиняемого в убийстве жены и брата. Итальянцы вообще любят подобные шоу: в конце XX века подобным образом судили Сальери. В ходе слушаний выяснилось, что Моцарта он не травил и вообще был хорошим человеком.

А вот в деле влюбленных выяснились новые интересные моменты, о которых молчали целых семь столетий. Вполне возможно, что адюльтера вообще в природе не существовало, а причиной убийства послужило вовсе не состояние аффекта ревнивца, а холодный политический расчет. Дело в том, что как раз незадолго до кровавой расправы Паоло был отмечен вниманием папы римского. Паоло был не только более красив внешне, но и

более способным и удачливым в делах, чем его старший брат, а Джанчотто отнюдь не собирався с кем-либо делить власть в Римини, даже с близкими родственниками. Поэтому избавиться от конкурента под видом ревности оказалось для него крайне выгодно. Самое интересное, что он при этом даже не терял родства с отцом своей жены Гвидо I да Полентой, правителем Равенны, так как брат убитой Франчески был женат на сестре Джанчотто.

Одним из косвенных доказательств этой версии служит полное отсутствие документальных источников. С момента гибели Паоло и Франчески убийца на долгое время становится единоличным хозяином Римини, имея в своем подчинении буквально всё, включая архивы, откуда мог изъять любой компромат.

Кстати, Джанчотто Малатесту судили еще раз — уже в XXI веке, в мае 2010 года. Причиной послужила очередная обида Флоренции на Равенну за опошление памяти Данте. Эти два города борются за причастность к его наследию уже семь столетий.

Кстати, сама Франческа — нежная и мечтательная красавица, почти Беатриче — в жизни была совершенно иной. Профессор Урбинского университета Ферруччо Фарина, много лет изучающий ее биографию, в одной из своих работ пишет: «Она никогда не была красавицей, и первое время художники ее так и изображали — с довольно неприятными чертами лица». Франческа, судя по всему, и характер имела совершенно не соответствующий идеалу кроткой возлюбленной. Образованная женщина, дочь крупного политика, она серьезно изучала литературу. Возникает вопрос: неужели Данте, который имел знакомства в Равенне, не знал всего этого? А может, кто-то специально попросил его написать эту красивую историю, чтобы отвлечь внимание от правды?

К сожалению, а может, и к счастью, этого никто уже точно не узнает. Поэтому вернемся к реконструкции жизни нашего героя.

Глава шестая

ВТОРОЙ КРУГ

В аниме «Ад Данте» Данте неоднократно совершает предательские поступки. Он не только изменяет беременной от него Беатриче, но и допускает гибель ее брата Франческо, которому обещал защиту и покровительство. Зачем создатели мультфильма придали главному персонажу столько негативных качеств? Может быть, затем, чтобы приблизить его к главному предателю на свете — Люциферу? У них ведь должно быть что-то общее. Не случайно в финале аниме дьявол предлагает Данте сотрудничать чуть ли не на равных, но герой не соглашается. Все-таки наше общество еще в достаточной мере чтит христианские ценности, пока еще невозможно менять местами добро и зло. А насчет предательства... Апостол Петр трижды отрекался от своего Учителя, но это не помешало Христу принять его глубокое раскаяние, простить и сделать одним из первоверховных апостолов.

Вернемся к юноше по имени Франческо. Таковой действительно имелся, но не в семье Беатриче. Он был братом Данте и спасти его поэту приходилось неоднократно, правда, не от смертельных опасностей, а от собственного разгильдяйства. Братец вырос транжирой и любителем азартных игр. Нашему герою приходилось проявлять большую твердость в воспитании юного шалопа, одновременно оплачивая его обучение.

*

Данте стоял на Понте-Веккьо, задумчиво глядя на ленивые воды Арно. Ничего не изменилось в этих краях, хотя он не был здесь больше года. А вот в нем самом многое переменилось. Только сейчас он понял, сколь сильно влиял отец на его мироощущение. Как часто он совершал поступки ради того, чтобы чувствовать себя непохожим на старого Алигьеро. Даже не пил вина его любимого сорта, стараясь убедить себя, что оно невкусное. И до отъезда в Болонью Данте старался как можно реже бывать дома, избегая разговоров с патером, который под старость стал крайне словоохотлив. Более того, он, наконец, будто заметил первенца и постоянно лез с нравоучениями, ставя в пример личные достижения. По правде

сказать, — крайне сомнительные. Пол-Флоренции хихикало над неудачными обменными операциями Алигьеро Алигьери. К тому же он раньше срока продавал залоги своих должников. Однажды ему пришлось две недели прятаться в пригороде от разъяренного рыцаря, пришедшего выкупать свою особо ценную реликвию. Только неожиданная смерть клиента спасла положение.

Старый Алигьеро угнетал сына каждым своим словом, каждым жестом, постоянно пытаясь навязать ему свою порочную систему ценностей. Юноша задыхался от его назойливости, оттого и возникали время от времени преступные фантазии о смерти родителя.

И то же время отец был для Данте своего рода моральной опорой, так как он самоутверждался, отрицая то, что ценил Алигьеро. Теперь, когда старика не стало, он чувствовал себя потерянным.

Он медленно шел по знакомым улочкам, стараясь оттянуть момент возвращения домой. За крышами уже мелькала гордо поднятая рука башни дворца Тосиньи. А вот и Меркато-Веккьо. Сегодня не базарный день, площадь пустынна, только воробьи скачут, внимательно осматривая мостовую в поисках просыпавшегося зерна. Данте вспомнил детство, свою глупую игру в мироздание и Луция с его птицами. Каким же значительным тогда казался обычный городской сумасшедший!

— Данте, это ты?!

Резкий окрик прозвучал столь внезапно, что юноша чуть не вскрикнул. Обернулся. Его догонял какой-то тощий подросток. Приглядевшись, Алигьери узнал своего брата Франческо. Как же сильно тот вытянулся за эти полтора года!

— Наша мама так ждет тебя, ты же теперь глава семьи, — сказал он, поравнявшись со старшим братом и во все глаза его разглядывая. — Расскажи: а правда в университете студенты главнее профессоров?

— Неправда. Студенты могут лишь выбирать, у кого учиться.

— А вы кричали звериным криком перед началом учебного года? Мне об этом говорили.

Данте усмехнулся:

— Наверное, тебе рассказывали о каком-то другом университете. В Болонье подобной дикости не водится.

Братья уже вошли в дом и поднимались по лестнице, под которой оба когда-то прятались от отцовского гнева. На шум выглянула мадонна Лаппа в траурном одеянии.

— Ты приехал! — Она с надеждой посмотрела в глаза пасынку. Впервые в жизни. Раньше ему не удавалось поймать мачехиного взгляда —

она всегда устремляла его на мужа. — Отец оставил много неразрешенных дел. Тебе нужно их закончить... ну и разобраться, как вообще вести подобные дела.

— Это еще зачем?

— Разве ты не собираешься продолжать? Осталось столько полезных связей...

Данте посмотрел на мачеху с яростью, она испуганно потупилась и тихо заговорила:

— Нам ведь деньги понадобятся. Ты еще университета не окончил, Франческо надо учить, Гаэтано придется замуж выдавать. Кстати, ты не подумал, за кого ее просватаешь?

— Я?

— Отец не успел, — вздохнула мадонна Лаппа, — ты знаешь, он болел в последнее время. Кстати, тебе нужно нанести визит семье Донати. Ты не забыл о своей невесте?

Разумеется, он помнил о факте существования Джеммы, но не саму девушку. Он даже не узнал бы ее на улице. Когда Алигьеро ходил договариваться с ее отцом, Данте ждал его во внутреннем дворике. Он видел каких-то маленьких девочек, кажется, ему даже показывали, кто из них его невеста, но он не запомнил.

— Не много ли для начала? — поинтересовался он у мачехи. — Не будет ли более благоразумным вначале заняться приведением в порядок дел?

— А женитьба разве не дело? — удивилась мадонна Лаппа. — Дело, да еще какое! Донати просто спасение для нас — они очень зажиточные, чем скорее наши семьи соединятся, тем лучше. Но я совсем заболтала тебя, проходи скорее к столу.

Пасынок, пробормотав что-то нечленораздельное, начал подниматься на верхний этаж, где находилась его бывшая детская.

После долгой отлучки комната показалась ему странно маленькой. На столе лежали нераспечатанные письма. На верхнем виднелась подпись «Донати». Что еще за новости? Разве он обязался жениться в какой-то определенный срок?

Чувствуя, как внутри вскипает гнев, Алигьеро вскрыл письмо и увидел сонет. Троюродный брат его невесты по имени Форезе предлагал свою дружбу. Он узнал от общих знакомых об удачных поэтических опытах Данте и решил познакомиться с будущим родственником поближе. Стиль послания напоминал веселую студенческую пикировку. Форезе в стихах предлагал Данте пройти вместе по злачным местам Флоренции, но

опасался, что будущий нотариус испортит обувь, ибо боится жира, который может испортить важные документы, и не намажет свои сапоги, как это делают все нормальные люди. Алигьери, развеселившись, присел за стол и накатал ответный сонет — еще более заковыристый и безумный — на тему полноты Форезе, о которой узнал из послания.

«Душа моя преисполнена беспокойством о тебе, о будущий друг, — написал он под стихами, — ведь злачные места бывают порой невероятно узки. Немало смелых искателей приключений застревают, пытаясь проникнуть в долины земных наслаждений. Им приходится пребывать в этом жалком состоянии многие дни, ожидая, пока какой-нибудь добрый горожанин не вытащит их, будто затычку из кувшина, или пока они не исхудают вследствие вынужденного воздержания от пищи».

Посмеиваясь, он сложил листок и позвал слугу, приказав ему немедленно отнести послание в дом Донати. Тут же откуда-то появилась повзрослевшая Гаэтана.

— Братец приехал!

Походила вокруг, поспрашивала о болонской моде — как будто брат ездил учиться не на факультет правоведения, а в портновский цех.

— Мода как мода. Уж не как во Флоренции — с сосцами напоказ.

Гаэтана хмыкнула:

— А сам? Не успел приехать — уже записочки посылаешь!

Данте не удостоил сестру ответом.

Слуга скоро вернулся со встречным посланием. Форезе приглашал будущего родственника в гости — помянуть старого Алигьеро за стаканом доброго вина. Повод — достойнее не придумаешь. К тому же заодно можно было исполнить долг чести, навестив невесту и ее родителей. Наскоро перекусив мачехиной стряпней, он отправился знакомиться.

Форезе оказался толще самых карикатурных предположений. Его жирное тело так и норовило выползти из весьма обширного кафтана. Впрочем, чему удивляться? Ел он, можно сказать, без перерыва. Знакомясь с Данте, успел умять полтарелки засахаренных фруктов. При этом он носил прозвище Биччи, что значит «Башенка».

Покончив со сладостями, Биччи-Форезе предложил новому приятелю выпить успокойную чашу не дома, а в одном замечательном погребе. Старому Алигьеро повезло. Его сын сильно озаботился упокоением отцовской души. Чаша следовала за чашей. Наконец Данте вспомнил о своей невесте.

— А разве вы еще не обручены? — удивился Форезе.

— Мне только восемнадцать, — возмутился Данте, — уж не хотите ли

вы сказать, любезный друг, что уже пресытились нашей едва родившейся дружбой и хотите избавиться от меня, пихнув в объятия вечно ворчащей жены?

Форезе захохотал так, что складки жира пустились в пляс.

— О нет, почтеннейший! Противопоставляя нашу дружбу всему иному как драгоценнейшее сокровище, я желаю сохранить ее исключительно бережным и заботливым к ней отношением. Горячее чувство к вам все же не позволяет мне обойти молчанием следующий факт: обручение — не цепь, а скорее кость, которую можно кинуть кровожадному Гименею, дабы он оставил тебя в покое на некоторое время.

Данте поднял одну бровь:

— Да ну?! За это следует выпить еще одну, особую чашу.

...Ближе к вечеру, когда Данте ощутил полную гармонию с миром и возлюбил нежной братской любовью свою малознакомую невесту, приятели пошли наносить визит. Их встретил старый Манетто Донати. Познакомившись с будущим зятем заново, он настоятельно посоветовал тому оставить дурную компанию, то есть — Форезе. Толстяк скроил обиженное лицо, но спорить не стал. Позвали Джемму. Данте изо всех сил пытался запомнить ее лицо, а то, не дай бог, встретит на улице и не поздоровается. Тут и до вендетты недалеко.

Невеста была еще подростком, но обещала стать симпатичной. Жених вытащил кольцо, купленное для этой цели еще старым Алигьеро, вручил, сказав цветистую фразу. Джемма заученно улыбнулась, потом напустила на себя страшно надменный вид, и Данте потерял к ней интерес. Некоторое время он провел, беседуя с ее отцом, после чего Форезе потащил своего будущего родственника гулять по городу.

Выпитое вино придавало знакомым улицам неземной оттенок, оранжевые лучи заката, преломляясь в тихих водах Арно, усиливали нереальность пейзажа. Молодые люди шли, перебрасываясь стихами. Пытались ерничать, но красота, разлитая вокруг, подчиняла себе их мысли. Наконец, устав, они замолчали. Каждый думал о своем. Данте представлял себе, как он будет вести дела семьи, писать стихи, а через несколько лет женится на этой симпатичной... как ее там... Как раз она подрастет.

Три дамы шли навстречу.

— О, это же молодой Алигьери! — слышался чей-то смутно знакомый голос. — Ну, здравствуй!

Данте, еще пребывая в своих мыслях, машинально поклонился. И вдруг задрожал, словно пронзенный молнией. На него смотрели глаза, которые он так часто видел во сне и не хотел в этом признаваться. Глаза

девочки из далекого майского праздника 1274 года. Она сильно изменилась за девять лет, но не узнать ее было невозможно.

Кровь загудела в голове, точно колокола собора Санта-Репарата. Он изо всех сил схватил себя за локти — чтобы не дать себе броситься к ней и заключить в объятия, но, видимо, тяжелое дыхание выдало его. Беатриче смутилась, растерянно оглянулась на сопровождавших ее дам. Положение спас Форезе, который начал нести веселую, ни к чему не обязывающую чепуху. Дамы заулыбались. Она тоже успокоилась, даже смеялась над шутками. На прощание одарила Алигьери благосклонной улыбкой.

Когда женщины скрылись в переулке, Данте разрыдался, как ребенок.

— Бедная, бедная Франческа! — повторял он, яростно размазывая слезы по щекам.

— Какая еще Франческа? — удивился Форезе. — Насколько мне известно, ее зовут Биче. Биче Портинари. А, нет, уже не Портинари. Она недавно вышла замуж, не помню за кого.

— Я и говорю. Ужасная история. Франческа, дочь синьора Римини, она влюбилась в младшего брата своего мужа. Это ад, даже хуже ада, когда любимый постоянно рядом с тобой, а ты не можешь, ты должна быть с этим стариком — жестоким, непонимающим, чужим...

Исчерпав все слова, Алигьери бросился к замшелой стене и несколько раз ударился головой о камень. Форезе схватил его за плечи, сильно встряхнул:

— Ну-ка прекращай, дружище! Что-то вино пошло тебе не на пользу. Какие старики? Муж Биче Портинари в самом расцвете сил, насколько мне известно.

Данте, словно проснувшись, внимательно посмотрел на приятеля:

— А при чем тут Биче? Я вообще... ее почти не знаю и знать не собираюсь. Я имел в виду ужасную историю, которую слышал в Болонье. Только историю, ничего больше.

Форезе покачал головой, ничего не сказав в ответ.

*

Судя по всему, Форезе Донати, флорентийский поэт, принадлежащий к школе Рустико Филиппи, стал очень близким человеком для Данте. Хотя бы только поэтому трудно представить поэта совершенным изгоем в семье Донати, а его брак с Джеммой — полностью лишенным каких-либо чувств. Данте и Форезе часто встречались, проводя время в пивнушках, и к тому же

постоянно переписывались, обмениваясь стихами и каламбурами. Со временем шутки становились все более едкими и все менее пристойными. Возможно, это и послужило причиной взаимного охлаждения.

Однако в «Божественной комедии» Данте встречает своего рано умершего приятеля и собутыльника не в аду, а в чистилище. И очень сочувствует бывшему толстяку — за чревоугодие тот осужден на муки голода и выглядит изможденным. Общаются они при этом так же, как и на земле: ругают Флоренцию и ее распутных дам. Ругает в основном Форезе, а наш герой продолжает надеяться на встречу с Беатриче.

Глава седьмая

ВОСКРЕСНЫЕ ЗАБОТЫ

Мы снова на улицах Флоренции, в этот раз на виа-деи-Таволини, где находится знаменитая башня делла Беллы (Торре-деи-делла-Белла). Она, в отличие от дома нашего героя, не новодел, но тоже связана с известной личностью, правда, не такого грандиозного масштаба. В конце XIII века в ней жил Джанно делла Белла, аристократ, боровшийся за права бедных. Не только гвельфы и гибеллины воевали между собой во времена Данте, существовала также извечная классовая ненависть.

Флорентийское общество считало себя отчасти демократическим. Между тем пополаны сильно страдали от аристократов, не соблюдавших никаких законов. От их произвола простых людей не спасали даже должностные лица, поскольку нобили^[30], поддерживаемые кланом своих родичей, всегда оказывались правы. Пополаны начали бороться силами своих профсоюзов, тогда это называлось цехами (*arti*). Лидеры цехов потребовали у правительства города всегда назначать особого гонфалоньера правосудия обязательно из числа пополанов и еще давать ему в поддержку тысячу вооруженных людей из числа приписанных к двадцати отрядам цехов. Первый из таких гон-фалоньеров, Убальдо Руффоли, смог добиться разрушения дома нобилия Галетти за убийство пополана. Потом подобные суды начали стопориться, поскольку все боялись свидетельствовать против аристократов, и те вновь начали нагнеть.

Когда всем уже казалось, что для простых людей нет выхода, появился Джанно делла Белла. Он добился права для гонфалоньера от ремесленников. Отныне тот заседал вместе с приорами и имел под своим началом четыре тысячи человек. Этим дело не закончилось. В 1293 году делла Белла написал «Установления справедливости» («*Ordinamenti di giustizia*») — свод законов, согласно которым вся власть в городе переходила к пополанам, а нобили становились ущемленным сословием, их карали за преступления гораздо строже, причем ответственность несла вся семья. Какие возвышенные мотивации стояли за этой тягой к справедливости? Флорентийский историк Сципион Аммирато (1531–1601) считал, что делла Белла просто отомстил таким изощренным способом знатной семье Фрескобальди за личное оскорбление. Так или иначе, делла Белла довольно сильно повлиял на ситуацию во Флоренции, доведя в итоге

дело почти до гражданской войны.

*

В одно из воскресений семейство банкира Моцци, по обыкновению, отправилось на мессу. Они не любили кафедрального собора и ходили в церковь Сан-Пьер-Скераджо, неподалеку от реки. Здесь их знали, никто из прихожан не занимал скамей, которые обычно выбирали Моцци. И тамошний маленький хор казался им благозвучнее большой капеллы в Санта-Репарата. Так как Моцци были весьма уважаемыми людьми, всегда находились желающие встретиться с ними или просто поприветствовать поклоном. Поэтому на службах в Сан-Пьер-Скераджо стало многолюдно.

Сегодня Моцци, как всегда, пришли заранее. Близ банковских скамей восседал старый рыцарь Берто Фрескобальди. Моцци, увидев его издалека, срочно начал перебирать четки, сделав вид, что молится. Фрескобальди буквально преследовал банкира требованиями вложить деньги в войну с Сиеной, чтобы наконец вернуть флорентийскую кароччо. При этом собственных средств старый хитрец имел предостаточно, просто не хотел тратить их на общественные нужды, предпочитая громкие слова.

Однако сегодня Фрескобальди, издалека поклонившись Моцци, даже не сделал попытки завести беседу. Рядом с ним сидел небогатый аристократ Джанно делла Белла, старый Берто разговаривал с ним, явно пытаясь склонить к чему-то. Делла Белла отрицательно качал головой, а старик буквально навис над ним, яростно жестикулируя.

— Нет и еще раз нет, — ответил тот, повышая голос. В этот момент прозвонил колокольчик, возвещавший начало мессы, но Фрескобальди в приступе гнева его не услышал. Выхватив кинжал, он схватил Джанно за нос и завопил:

— Только посмей мне перечить, сейчас отрежу к дьяволу!

Завизжали дамы, загомонили синьоры. Священники, торжественно следовавшие к алтарю, замедлили шаг и недоуменно переглянулись.

«Какой глупец!» — подумал Моцци. Он знал, что делла Белла имеет колоссальное влияние в пополанских кругах и к тому же не умеет прощать обиды. Пройдет неделька-другая — этого Фрескобальди вместе с верными охранниками вытащат из какой-нибудь канавы мертвыми. И наказывать будет некого. Мало ли безвестного сброда ютится в лачужках за городскими стенами?

Дюжий монах, появившийся будто из-под земли, молча встал перед

Берто.

— Зачем ты лезешь? — сказал ему старик. — Это мои земные дела, с Богом они никак не связаны.

Монах, не отвечая, продолжал смотреть на руку Фрескобальди, сжимающую нос несчастного Джанно. Наконец зарвавшийся аристократ выпустил своего собрата. Тот ненавидяще сверкнул глазами и отошел к дальним скамьям.

...После мессы во дворце Моцци снова собрались знатные персоны. За обедом спорили: к чему же пытался принудить Джанно старый Фрескобальди? Кто-то вспомнил: кажется, делла Белла построил дом на спорной земле, которой когда-то якобы владели Фрескобальди.

— Да не в стройке дело, — перебил хозяин, — они оба торгуют сукном, и Джанно оказался расторопнее. Когда изгнали гибеллинов, он первым наладил связь с неаполитанскими Анжу. Тогда это не казалось таким перспективным, и Берто упустил время. Теперь он требует поделиться покупателями, грозя отнять спорные земли.

— Гибеллины... — мрачно произнес Риччи, — после приезда этого папского легата от них спасу не стало. Коалиционное правительство им подавай!

— А они и рады, — вздохнул Кавальканти. — Вернулись, связи прежние ищут. Помяните мое слово, если так пойдет дальше — рассорят они нас с папой и закончится наше торговое благоденствие.

Корсо Донати ухмыльнулся:

— Недолго им уж осталось.

— Да... — Моцци вышел из задумчивого состояния, — ты прав. Я пригласил вас сегодня как раз поэтому. Наши местные гибеллины сами по себе не представляют опасности. Италия постепенно очищается от имперской заразы, но есть один очаг, все вы знаете, я говорю об Ареццо. Этот город упорно поддерживает императора, несмотря на многочисленные беседы наших друзей. К счастью, этот факт беспокоит не только нас. Папа и Карл Анжуйский готовы помочь флорентийской армии.

Риччи встрепнулся:

— Насколько? Как много наемников они оплачивают?

Моцци помолчал, внимательно оглядев собравшихся. Покрутил в пальцах изящный серебряный кубок.

— Наемники, да. Разумеется, они будут. Но видите ли, в чем дело, друзья мои. Я думаю, мы никогда не победим окончательно чужими силами. Нужно формировать армию, и в ней обязательно должны воевать и флорентийцы.

Риччи хмыкнул:

— Многие предпочтут откупиться, а не посылать своих сыновей.

— Вот и хорошо, — отозвался Корсо Донати, — купеческие сынки все равно воевать не умеют.

— Насколько я понимаю, — тонко улыбнулся Моцци, — ты предпочтешь воевать лично.

— Мог и не спрашивать, — гоготнул Корсо, — представь меня прячущимся под прилавком.

— Или под чьей-нибудь юбкой, — закончил хозяин дома и подытожил: — Друзья, кто не собирается махать мечом или посылать на войну сыновей — нужно поучаствовать средствами.

— Только не берите у Фолько Портинари, — попросил Риччи, — он и так много сделал для родного города. Его больницу Санта-Мария-Нуова знают даже в Англии, и его дочь немало помогала ему. К тому же он крепко нездоров нынче.

— Согласен с тобой. — Моцци вытащил огромную конторскую книгу и начал делать пометки.

Старый Манетто Донати положил на стол два золотых флорина.

— Вот. Несмотря на воинственный настрой моего родственника. За сим прошу позволения откланяться. Душно что-то нынче, еле дышу.

— С Богом, почтеннейший. — Хозяин дома кликнул слугу и приказал проводить гостя.

Мессир Манетто хотел поскорее вернуться домой, дабы лишний раз проследить за незамужней дочерью. В последнее время она отлынивала от домашних дел ради прогулок с подругой — некоей Лаисой из пополанской семьи. Этот факт раздражал старого Донати. Хотя девушку тоже можно было понять: ей исполнилось 19 лет, давно пора начать семейную жизнь, да вот жених не торопился идти под венец. Бедная Джемма умирала от скуки.

В этот воскресный вечер подруги вынесли во внутренний дворик большое блюдо с фруктами и уселись рядом с ним на траву.

— Нет, все же тебе не повезло с женихом. — Судя по всему, Лаиса поднимала эту тему не первый раз. — Мало того что небогат, так ты ему еще и неинтересна. Вспомни, три дня назад мы шли из церкви и встретили его с твоим Форезе. Так он тебя даже не узнал.

— Потому, что смотрел в другую сторону, — невозмутимо ответила Джемма.

Подруга пристально посмотрела на нее:

— Это называется: выдавать желаемое за действительное, дорогая. Ты же видела, как они нас поприветствовали.

— В таком случае, чем ты недовольна? — пожала плечами дочь Донати. — Поприветствовал — значит узнал. И вообще, позаботься лучше о себе. Вся Флоренция судачит о твоих тайных ночных свиданиях.

Лаиса, вспыхнув, быстро проговорила:

— Это жених мой, мы обручены, просто никто не знает.

— Вот и плохо, что знают о тебе не то, что нужно. — Решительным движением Джемма взяла с блюда последнюю виноградину и с аппетитом съела. — А он еще и не здешний. Сделает тебе ребенка и поминай, как звали!

— Ты... ты злая! — Лаиса схватила пустое блюдо, неубедительно замахнулась, но решила перевести дело в шутку. Ссориться не хотелось — тогда пришлось бы лишиться подарков, которые дочка мессира Донати нет-нет да и посыпала подруге. Сославшись на недотканный гобелен, Лаиса ушла.

Джемма осталась сидеть на траве, лениво наблюдая за воробьями. Неслышно подошла служанка:

— Кариссима, пойдем домой, не застудилась бы ты, земля сегодня сырая. Да и патер скоро вернется.

— Мне нужно с ним поговорить, — отозвалась девушка, проворно вставая.

Услышав приближающийся стук копыт, Джемма спряталась в простенке у входной двери. Она умела определять настроение отца по походке, это очень помогало не попадать под горячую руку.

Сегодня шаги звучали четко, но не топали. Это значило: старший Донати доволен жизнью, не утомлен и не разгневан. Подождав, пока он умоется с дороги и пройдет в комнату, дочь сбегала к себе за рукоделием. Она уже вторую неделю вышивала букет роз.

— Отец, могу я показать вам? — Девушка протянула ему рамку с вышитой картиной. Манетто долго смотрел. Ему очень понравилось. Правда, не красота роз, а количество стежков, которые пришлось сделать дочери. Трудолюбива и упорна, это хорошо.

— Ты достойна похвалы. — Он погладил ее по голове. — Иди к себе.

Джемма не уходила.

— Ну что там у тебя? Говори.

— Отец... Мне уже девятнадцать и я обручена. Когда вы считаете, будет свадьба?

Манетто внимательно посмотрел на дочь:

— Торопишься замуж?

— Не тороплюсь, просто хочется знать.

Старый Донати усмехнулся:

— Живи спокойно, пока Бог позволяет. Чует мое сердце, наплачемся мы с этим твоим женихом.

Глава восьмая

ГЕНИЙ ЛОГИКИ

Совместные развлечения и пьянки, а также чувство юмора и любовь к каламбурам несомненно объединяли Дуранте Алигьери и Форезе Донати, но гораздо более наш герой добивался дружбы другого человека, Гвидо Кавальканти (около 1259–1300), блистательного мыслителя, носящего титул первого поэта Флоренции. Не все было гладко в этой дружбе с самого начала. Гвидо состоял в браке с дочерью врага рода Алигьери, Фаринаты дельи Уберти (1212–1264). Наш герой многому научился у Гвидо, и сам впоследствии стал зваться первым поэтом. Дружба закончилась печально. Советом приоров, в который входил Данте, Кавальканти был изгнан в болотистую Сарцану, где заболел малярией. Ему сделали послабление, разрешив вернуться во Флоренцию, но поэт все равно умер, и этот факт, по-видимому, мучил Данте всю жизнь.

В «Божественной комедии» Гвидо упоминается в X песни, но в аду автор встречает не его самого, а лишь его отца, еретика-эпикурейца и гвельфа Кавальканте Кавальканти. Их диалог очень интересен. Кавальканте, видя Данте, ищет глазами своего сына и, не увидев того, вопрошает:

*«Если в этот склеп слепой
Тебя привел твой величавый гений,
Где сын мой? Почему он не с тобой?»*

*«Я не своею волей в царстве теней, —
Ответил я, — и здесь мой вождь стоит;
А Гвидо ваш не читил его творений»^[31].*

В ответ несчастный отец начинает кричать:

*«Как ты ответил?
Он их не читил? Его уж нет средь вас?
Отрадный свет его очам не светел?»^[32]*

Считается, что в момент, когда Данте писал этот текст, Гвидо Кавальканти еще был жив и умер лишь несколько месяцев спустя. Мы опять-таки можем только догадываться и фантазировать, что думал наш герой, создавая эту сцену. Он же сам в своем творении медлит с ответом, будто что-то знает и не хочет говорить:

*И так как мой ответ на этот раз
Недолгое молчанье предваряло,
Он рухнул навзничь и исчез из глаз*^[33].

*«Что близится, что есть, мы этим трудим
Наш ум напрасно; по чужим вестям
О вашем смертном бытии мы судим.*

*Поэтому, — как ты поймешь и сам, —
Едва замкнется дверь времен грядущих,
Умрет все знание, свойственное нам».*

*И я, в скорбях, меня укором жгущих:
«Поведайте упавшему тому,
Что сын его еще среди живущих;*

*Я лишь затем не отвечал ему,
Что размышлял, сомнением объятый,
Над тем, что ныне явственно уму»*^[34].

Но вернемся к началу дружбы Данте с Гвидо Кавальканти, на тот момент — первым поэтом Флоренции.

*

— Ну почему же «одно пьянство»? — лукаво подмигнул Форезе. — Я предлагаю пойти сегодня в дом Кавальканти. Гвидо объявил поэтическое состязание.

— Сам Гвидо Кавальканти? — восхищенно переспросил Данте и засомневался: — Любезный Форезе, а стоит ли мне там показываться? Я ведь не самый опытный стихотворец.

— Ты считаешь опыт за ценность? — прищурился Бичи. — А если он отрицательный? Представляешь, каких глубин пошлости можно достигнуть, упражняясь в сочинении плохих стихов?

— Тебе этого не удалось, — усмехнулся Алигьери. — Ты написал плохих стихов больше, чем звезд на небе, а все еще не умер для поэзии.

— Тогда тем более пошли! — заключил толстяк. — К тому же у Кавальканти подают бесподобное вино. Жаль, что он сам — редкий скупердьяй, больше пары наперстков отведать не даст.

Данте был потрясен роскошными хоромами первого поэта Флоренции. Голова кружилась от пестроты восточных ковров, каждый из которых стоил целое состояние. Они украшали стены и даже пол. На столике, за которым Гвидо сочинял свои знаменитые канцоны, красовались две античные статуэтки: Аполлон, преследующий нимфу, и голова богини Дианы. По периметру рабочего кабинета стояли расписные сундуки, в которых хранилась библиотека поэта: рукописи античных греков и провансальских трубадуров, латинские переводы Аристотеля с комментариями Аверроэса, медицинские трактаты Гиппократы, Галена и Авиценны, а также французские романы и руководства по риторике. Вот только иконам и распятию в этом роскошном доме места не нашлось.

...Вино и вправду оказалось удивительным — легкое и пьянящее, да еще с необычным тонким ароматом. Угощал хозяин действительно неохотно — кубки были небольшие и закуски совсем немного, — но приятелям, пришедшим рано, удалось вкушать и того, и другого. Все это как-то особенно удачно развязало язык Данте. Ему удалось выстоять в быстрой стихотворной перепалке терцинами. Да не просто выстоять, а обратить на себя внимание гостей. Правда, первый поэт Флоренции к восторгам не присоединился, дав понять: он разделяет поэзию и хорошо подвешенный язык. К тому же оказалось — это было вовсе не состязание, а так, репетиция перед началом вечера. Данте пожалел, что пришел. Гвидо выражал свое мнение крайне презрительно и выглядел при этом мэтром с заоблачных высот. Даже не верилось, что он старше Алигьери всего на шесть лет.

Тем не менее присутствующие пожалели, что блестящую импровизацию Данте не слышали дамы, которых ожидали здесь с минуту на минуту. Форезе поинтересовался:

«Достаточно ли хороши собой сии дамы? Ибо сказано:

*Любовь от зримой формы происходит,
Что входит в ум возможный в виде знанья*

*И чье влиянье — одухотворенье,
Ведь чувственное чуждо ей боренье,
И с свойствами она родства не водит...»*

Это была канцона, принесшая славу Кавальканти. Форезе обладал отличной памятью. Он любил невзначай прочесть какому-нибудь автору его творение и получить лишний кубок вина. Однако с Гвидо этот номер не прошел.

— Закрой свой рот, Форезе, — прервал он излишества толстяка, — сегодня у меня вечер поэтических состязаний, а не цитат. Не сможешь выдать из себя собственных строк — я прикажу слугам выпроводить тебя вместе с твоим дружкой.

И он горделиво откинул назад темнокудрую голову, украшенную символическим лавровым венком. В этот момент Данте хотелось только одного: сочинить нечто такое, что впечатлило бы этого небожителя. Он начал прикидывать строки, и тут за дверью послышалась возня. Кавальканти немедленно принял галантный вид:

— О, я слышу ангельские голоса наших прекрасных гостей! Кстати, друзья мои, одна из них действительно ангел. Подобно святой Кьяре, она ухаживает за больными в новой городской богадельне, которую построил ее отец.

Дамы уже входили, смеясь и весело переговариваясь, но Данте не замечал их, увлеченный сочинением баллады, которая пробила бы брешь в щите высокомерия первого поэта Флоренции.

— Не ожидала встретить тебя здесь, — раздалось у него над ухом. Образы и рифмы мгновенно разлетелись, будто стая испуганных воробьев. Он едва нашел в себе силы поздороваться с Беатриче и поспешно отошел от нее. Выяснилась пренеприятнейшая вещь: Данте совершенно не мог находиться с ней под одной крышей. Голова гудела и кружилась, а все мысли складывались в одну: схватить ее на руки, унести отсюда и где-то там, куда не долетают звуки города, вечно смотреть в ее лицо.

Вдруг ему стало страшно. Она замужем. В памяти всплыло имя: Симоне деи Барди. Какой человек стоит за этим именем? А вдруг ее муж вспыльчив, как правитель Римини? За себя Данте не боялся, но воспоминание о судьбе несчастной Франчески привело его в содрогание.

Он решил срочно замести следы, чтобы никакая, даже самая мельчайшая тень не упала на любимую.

— Данте, ты тоже пишешь стихи? — послышался ее голос, снова

всколыхнувший все его существо. — Мне было бы приятно послушать.

— Это не столь важно, — пробормотал Алигьери, не глядя на нее. Неожиданно он бросился к незнакомой даме, сидящей на другом конце зала, и рассыпался перед ней в довольно смелых комплиментах. Дама покраснела.

— Э-эй, не увлекайся, она замужем, — шепотом предостерег Форезе.

— Мужья — не самое страшное творение Господа, — прошептал в ответ Данте, чуть громче допустимого. Это услышала не только дама, но и Беатриче, которая недовольно отвернулась. А незнакомую даму происходящее, похоже, начало веселить. Она подбадривающе улыбнулась и явно ожидала продолжения. Молодой человек в смятении оглянулся на Форезе, но тот отошел к столу, за которым хозяин дома уже объяснял условия поэтического состязания.

Данте было не до стихов. Он страдал от нестерпимой душевной боли. Ему хотелось броситься с Понте-Веккьо в реку или погибнуть в бою. В этот самый момент Гвидо Кавальканти позвал его принять участие в состязании, выказав надежду на более удачные строфы, которые «могли бы оставить след в чутком сердце». Собственно, ради этого Данте здесь и появился. Он давно искал повода познакомиться с Гвидо поближе. И вот сейчас представился такой удачный случай...

Гвидо выбрал в качестве темы состязания любовь. Не сладостную, не безмятежную и не жертвенную. Кавальканти интересовал тяжелый любовный недуг, сжигающий человека.

— По традиции право начать мы уступаем новичку. — Звучный голос Гвидо наполнил собой зал. — В чем-то первому легче — ему не надо искать рифмы к строфам соперников. С другой стороны, именно от него будет зависеть стиль нашего состязания. Итак, любезный друг, имеете ли вы смелость...

...Это походило на изощренное издевательство — заставлять человека выносить свои мучения на публику. Впечатление усугублялось презрительным взглядом короля поэтов, а где-то в соседней зале находилась Она. И вдруг, сметая отчаяние, будто порыв свежего ветра, возникла музыка стиха:

*Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца...
Любовь, любить велящая любимым...
Любовь вдвоем на гибель нас вела...*

Данте прочитал эти строки и, не выслушав ни мнений по поводу своего творчества, ни продолжения темы, выскочил на улицу.

Стояла теплая погода, но его трясло, будто в лихорадке. Стараясь унять дрожь, он прислонился к стене дома и закрыл глаза. Послышались торопливые шаги — из дома выбежал Форезе.

— Ну что же ты! — напустился он на приятеля. — Уйти, когда тебя, наконец, заметили! Совсем не мудро, если не сказать грубее.

Данте молчал. Биччи внимательно посмотрел на него:

— Э, да ты болен! Не иначе как Гвидо поразил твою душу этим страшным и многозначительным любовным недугом. Но я знаю, как тебе помочь. Пойдем!

Для начала зашли в таверну, где Форезе усердно поил друга вином. Потом, положив его руку себе на шею, для устойчивости, потащил к городским воротам.

Там находилась еще одна таверна. За столами сидели несколько крикливо одетых женщин. Они радостно загомонили, увидев Форезе, — видно, хорошо знали его.

— Помогите моему приятелю, — попросил их толстяк, — волею роковой судьбы он влюблен в замужнюю даму.

— И всех делов-то? — хихикнула одна из них. — Пусть подождет немного. Все эти замужние только в первый год строят из себя примерных жен. А потом уж разберутся, что к чему — и ничем не отличаются от нас.

Форезе развел руками:

— Нам, к сожалению, попалась праведница.

— Ну коли так, стоит ли тратить на нее свою жизнь? — удивилась женщина. — Вон сколько красавиц кругом, полная Флоренция! Да и мы неплохи, ну не правда ли, Биччи? Кстати, почему ты еще до сих пор не купил вина своим верным подружкам?

Данте, одарив толстяка возмущенным взглядом, двинулся к выходу.

— Эй! — закричал тот, бросаясь следом. — А как же лечение?

Он догнал приятеля уже на улице.

— Не стыдно тебе? — мрачно поинтересовался Алигьери. — Утром в церковь, а накануне — в дом терпимости?

— А что, собственно? — хмыкнул Форезе. — На сегодня мой долг отдан, почему я не могу развлечься? Церкви отсюда даже не видно, а веселые подружки никому еще не повредили. Да и твое ханжество мне, по правде говоря, не вполне понятно. Ты учился в Болонье, тамошние

блудницы славятся не в пример выше флорентийских.

— Кто тебе дал право обвинять меня? — вспыхнул Данте.

— Э-э, тихо, я не сказал о тебе ничего плохого. — Толстяк терпеть не мог бурного выяснения отношений, а перспектива драки приводила его в глубокую тоску. — Не нравится, так иди домой и поспи.

— Уже иду. И не смей больше предлагать мне подобного!

Толстяк с опаской посмотрел вслед уходящему приятелю. Алигьери особой силой не отличался, но в такой ярости и слабак может ненароком угробить. Неужели эта замужняя дама так дорога ему?

Продажные красотки обрадовались возвращению Форезе.

— Мы уж боялись, что он убьет тебя, — сказала одна из них, краснощекая брюнетка, — как зыркнет своими глазищами, как зыркнет!

Рыжеволосая толстушка поинтересовалась:

— Поди аристократ? Нос у него тонкий и руки, как на картине.

— Толку-то с его рук, коли он марать их не хочет, — проворчала брюнетка, — не приводи его больше, Биччи, скучный он.

— А не пора ли нам купить вина? — заглянула в глаза толстяку самая молодая из женщин.

К столу подошел подавальщик. Форезе начал снимать с пояса кошель, и тут дверь с грохотом распахнулась. Женщины испуганно завопили, увидев Данте с обнаженным кинжалом в руке.

— А ну-ка иди домой, презренный развратник! — Он приставил кинжал к горлу приятеля. — Разве ты забыл, что женат?

— Но моя жена... ее бесконечное нытье... — начал было Биччи. — О нет! Иду, иду! — засуетился он, почувствовав холод лезвия на своей шее.

— Э, лучше б он был скучным, — разочарованно скривилась брюнетка, наблюдая, как Форезе послушно бредет к выходу, — лишил нас такого хорошего кавалера! Ни себе, ни людям!

Данте и Форезе почти ощупью брели по темным переулкам.

— Ну почему твой обличительный приступ не произошел раньше, когда еще не стемнело! — причитал толстяк. — Сейчас ведь ничего не стоит сломать ногу, упав в какую-нибудь канаву!

— Твоей семье это пошло бы на пользу, — отозвался Алигьери, — меньше бы бегал по злочным местам, деньги были бы целее, и жена перестала бы ныть. Хочешь, я сильно толкну тебя, исполнив тем самым свой дружеский долг? Там справа наверняка та самая канавка.

— Да я и сам могу без твоей помо... ай!!! — Форезе поскользнулся, но в последний момент успел схватиться за рукав приятеля.

Данте расхохотался:

— Ты и вправду всемогущ! Купи тогда новое одеяло своей жене, а то из-под старого у нее ноги вылезают и ей приходится спать в чулках.

— Что за богомерзкую ересь ты несешь!

— Я не прав? Она уже научилась засыпать с поджатыми ногами?

Биччи, сердито засопев, парировал:

— Зато не с поджатым хвостом, как некоторые. Это надо же: испугаться какой-то дамы и упустить самого Гвидо Кавальканти! Хоть ты и мой будущий родственник, Алигьери, но я честно скажу тебе: любезный друг, ты осел.

Он произнес это слово и с опаской глянул на Данте — как раз лицо ему осветил тусклый отблеск факела, висящего над входом в очередную таверну. Но тот, похоже, не услышал конца фразы, углубившись в свои мечтания.

— Она не какая-то, Форезе, — тихо сказал он наконец, — она, будто аллегория, скрепляющая собой все мои помыслы. Я помню ее с детства и... — будто проснувшись, он тряхнул головой, — впрочем, Бог с нею. Скажи мне лучше, как зовут ту, вторую даму?

— Джованна, — вспомнил Биччи, — но друзья всегда зовут ее Примавера.

— Ты серьезно? Господи, как же это красиво!

— Что красиво? — Толстяк встал на цыпочки, пытаясь разглядеть выражение лица Данте. — А не бредишь ли ты, друг любезный?

— Какой уж тут бред! Чистая логика, — весело объяснил Алигьери, — Примавера ведь означает не только «весна», но также «идущая впереди». Если растолковать именно так, вполне естественно сопоставить настоящее имя Примаверы — Джованна с именем Иоанна Крестителя — предтечи Христа! Какая безупречная красота! Решено, я буду ее официальным поклонником.

— Э! Она ничего, конечно, но у нее муж. И вообще кощунство... — пытался возразить Форезе, но весьма вяло. Он уже понял, что логика у его друга своя собственная и сделана она из каленого железа.

*

Превратить свои чувства в категории философии и теологии — вот настоящая магия Данте. Здесь нет ничего общего с попыткой «поверить алгеброй гармонию». Поэт даже не думает разложить свою жизнь на винтики, подвергнув ее систематизации и анализу, он просто угадывает в

ней знаки, совпадающие с Евангелием или... дорисовывает их. Любовь к Прекрасной Даме, которой не суждено реализоваться, становится мощным средством постижения Бога. И потом, когда возлюбленная умирает, — поэт находит утешение в мистических числовых конструкциях.

«...Я говорю, что, если считать по обычаю Аравии, ее благороднейшая душа вознеслась в первый час девятого дня месяца; а по счету, принятому в Сирии, она покинула нас в девятом месяце года, ибо первый месяц там Тизирийн первый, называемый у нас октябрём; а по нашему исчислению, она ушла в том году нашего индикта, считая от Рождения Господня, когда совершенное число завершилось девять раз в том столетии, в котором суждено ей было пребывать на этом свете, она же принадлежала к роду христиан XIII века. Причина, по которой число «девять» было особенно ей любезно, быть может, следующая: согласно с Птолемеем и христианской истиной, девять — число движущихся небес, а, согласно с общим мнением астрологов, упомянутые небеса влияют на дольний мир в соответствии с их взаимной связью; отсюда следует, что число это было столь ей свойственно, ибо при ее зачатии все девять небес находились в совершеннейшей взаимной связи. Вот одна из причин; но, рассудив утонченнее и не отступив от непреложной истины, число это было ею самой; я говорю о сходстве по аналогии и так понимаю. Число «три» является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять; ибо очевидно, что трижды три — девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец чудес в Самом Себе — Троица, то есть Отец, Сын и Дух Святой — три в одном, то следует заключить, что эту даму сопровождало число «девять», дабы все уразумели, что она сама — девять, то есть чудо, и что корень этого чуда — единственно чудотворная Троица. Быть может, более утонченные в мыслях люди смогли бы прибегнуть к еще более сложным доводам, однако я привожу тот, который пришел мне на ум и который наиболее мне нравится»^[35].

Именно на такую логику опирался наш герой и считал этот путь единственно возможным. В начале XI песни «Рая» есть такие строки (1 — 12):

*О безрассудство всех земных забот!
Под бременем нелепых силлогизмов
Наш падший дух крылами землю бьет.
Те медицины мудрых афоризмов
Искали, тех взманил духовный сан,
Царили третьи с помощью софизмов;*

*Тот руку запускать в чужой карман.
Иной служил отчизне благородно,
Тот страстью был, тот ленью обуян.
Лишь я один из всех людей свободно
Вознесся с Беатриче к небесам
К приему славному стезей угодной!..* [\[36\]](#)

Эти строки созданы поэтом в самом конце жизни, как подведение итога. Сейчас мы говорим о совсем другом периоде его жизни, ему чуть больше двадцати, примерно 1288 год. Промежуток между окончанием учебы в Болонском университете и участием в сражении с аретинцами на Кампальдино, которое произошло 1 июня 1289 года.

Глава девятая

ПОЭТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Продолжим реконструировать первую часть «земной жизни» нашего героя, протекавшую в родном городе.

Друг Данте, поэт Гвидо Кавальканти был женат на дочери гибеллина Фаринаты дельи Уберти, официального врага рода Алигьери. Считал ли сам Данте Фаринату врагом?

Действительно, предки Данте, будучи гвельфами, дважды пострадали от гибеллинского лидера Фаринаты. В первый раз это произошло в 1248 году, когда гибеллинам на помощь пришла конница императора Священной Римской империи Фридриха II. Тогда всех влиятельных гвельфов изгнали за пределы Флоренции, а их дома разрушили. Не прошло и трех лет, как они вернулись, накопили силы и в 1258 году прогнали Фаринату и всех его сторонников. Те обосновались в Сиене и при поддержке короля Сицилии Манфреда (внебрачного сына Фридриха II) в 1260 году сделали ответный ход, разбив гвельфов наголову близ замка МонтAPERти на реке Арбии. Об этом сражении Данте упоминает в III песни «Чистилища».

По итогам битвы при МонтAPERти гибеллины завоевали почти всю Тоскану, кроме Лукки. Правители гибеллинских городов собрались в Эмполи, чтобы решить судьбу края. Тогда прозвучал призыв полностью разрушить Флоренцию, как рассадник гвельфской заразы, потому, что «только сам факт существования этого города может восстановить мощь партии гвельфов». Жителей планировалось расселить по другим городам. Члены гибеллинского собрания горячо поддерживали эту идею, но вмешался Фарината дельи Уберти. Как пишет в своем труде «История Флоренции» («Istorie fiorentine») Никколо Макиавелли, Фарината «стал открыто защищать Флоренцию, говоря, что приложил много труда и подвергался многим опасностям только для того, чтобы жить на родине, что теперь отнюдь не склонен отвергнуть то, к чему так стремился и что даровано было ему судьбой, а, напротив, скорее станет для тех, у кого иные намерения, таким же врагом, каким он был для гвельфов; если же кто-либо из присутствующих страшится своей родины, пусть попробует сгубить ее, — он со своей стороны выступит на ее защиту со всем мужеством, которое воодушевляло его, когда он изгонял гвельфов».

Такое заявление поставило партию гибеллинов на грань раскола.

Чтобы избежать конфликта, граф Гвидо Новелло, организовавший собрание, снял «флорентийский» вопрос с повестки. Флоренция отделалась разрушением пяти загородных замков и уступила Сиене все спорные территории.

Надо заметить, флорентийцы никоим образом не выразили Фаринате благодарности за спасение города. Даже наоборот. Когда в 1266 году покровитель гибеллинов Манфред погиб в сражении при Беневенто, гвельфы заручились поддержкой неаполитанского короля Карла I Анжуйского, разбившего в той битве германцев, и в ночь на Пасху 1267 года навсегда выгнали гибеллинов из Флоренции. Так вот, особенно сурово победители поступили с родом Уберти: многих убили, все их дома, обсыпав солью, разрушили, постановив оставить «проклятое место» пустым и не строить здесь ни одного здания^[37]. И потом еще долгое время потомкам Уберти под страхом смерти запрещалось появляться в городе, хотя другие изгнанники имели шанс получить амнистию. Данте отразил все это в VII песни «Чистилища».

К счастью для себя, Фарината умер раньше этих событий, в 1264 году. Но ему ухитрились досадить даже после смерти. В 1283-м его осудила инквизиция как еретика и эпикурейца.

Что касается личного отношения Данте к официальному врагу своего рода, то оно ясно выражено в X песни «Ада». Фарината спрашивает у нашего героя:

*«Поведай мне: зачем без снисхожденья
Законы ваши всех моих клеймят?»*

*И я на это: «В память истребленья,
Окрасившего Арбию в багрец,
У нас во храме так творят моленья».*

*Вздохнув в сердцах, он молвил наконец:
«Там был не только я, и в бой едва ли
Шел беспричинно хоть один боец.*

*Зато я был один, когда решали
Флоренцию стереть с лица земли;
Я спас ее, при поднятом забрале»^[38].*

Данте сидел в бывшем кабинете отца, в очередной раз пытаясь разобраться в его документах. Это оказалось непросто, хотя почерк старого Алигьеро выглядел понятным и даже красивым. Но старик старался лишь при составлении списка пожертвований или записи дел не особо существенных, вроде покупки ковра и выбора подарка учителю Франческо. Как только речь шла о ростовщичестве — буквы превращались в непотребные каракули и приходилось буквально разгадывать каждое слово. К тому же сын подозревал, что о самых запутанных делах папаша вовсе не делал никаких записей.

В дверь робко постучали. Такую «деликатность» проявлял братец Франческо, когда ему требовались деньги.

— Заходи, — разрешил Данте, не отрываясь от отцовских закорючек. Младший брат нерешительно потоптался на пороге, проявляя уважение.

— Опять все потратил? — строго спросил старший. — И на что? На учебу? А я вот слышал, будто ты собираешь веселые компании с лютнями и виолами.

— Какие виолы? — скорбно вздохнул Франческо. — Одна лютня была, и то мы сами играли. И учусь я, как муравей, — ежедневно и до кровавого пота.

Данте сочувственно покивал:

— Да уж! Безгранично всемогущество Божие, если он способен создавать муравьев не только разумных, но и склонных к самопожертвованию. Но я не об этом. Мне интересно другое. Вчера на улице я совершенно случайно имел счастье лицезреть моего брата в новом костюме, расшитом золотом. Будучи заинтересован еще более, я пошел к твоему учителю. Я был уверен, что ты задолжал ему, но все уроки оказались оплачены. В свете вышесказанного становится непонятно: откуда мой брат взял деньги на роскошную одежду?

Франческо замялся:

— Ну... вы же, любезный братец, даете мне причитающиеся деньги.

Благородное лицо Данте потемнело:

— Франческо, не делай из меня дурака. Я умею считать не хуже тебя. Такой костюм стоит пол года твоего обучения. Ты играешь в кости? Не смей отпираться, я все равно все выясню. К сожалению, я не мог повлиять на отца, но уж тебе-то не позволю позорить славного рода рыцаря Каччагвиды, отдавшего жизнь за освобождение Гроба Господня. Ну? Ты

будешь отвечать?

— Я не играю, — выдавил юноша, — это деньги отца.

— Как это? Он завещал тебе содержание, которое я выплачиваю до твоего совершеннолетия. И также дом с участком земли у третьего круга стен.

— Помимо этого он оставил мне еще часть средств, — признался Франческо.

— Почему я ничего не знаю об этом?

Младший брат густо покраснел и опустил голову.

— Понятно, — усмехнулся старший, — ты решил стать ласковым телком, сосущим двух коров. А отец... тоже мне, сеятель справедливости...

Франческо переминался с ноги на ногу.

— Братец, мне очень стыдно, — наконец промямлил он, — вы, конечно, теперь перестанете мне платить, и это справедливо. Только, пожалуйста, не вычеркивайте меня из вашего сердца.

— Перестану? — удивился Данте. — Отчего же? Я не хочу уподобляться виноградарям из Писания, которые потребовали увеличить себе плату, когда узнали, что другие работали меньше.

— Правда? — Франческо просиял. — Какой же у меня брат праведный!

— Только ты тоже будешь мне должен кое-что, — продолжал старший, не слушая младшего, — во-первых, ты обязуешься мне помогать, когда станешь совершеннолетним. Если меня постигнут трудности, ты выручишь деньгами и не возьмешь за это с лихвой. А во-вторых, я запрещаю тебе упоминать имя нашего отца.

От удивления юноша даже глаза выпучил:

— Как это «запрещаешь упоминать»?

— Очень просто. Я не хочу ни произносить, ни слышать его имени. И тебе советую забыть о нем. Мне стыдно за наше родство. Из-за таких, как он, Флоренция из благородной аристократки превратилась в гулящую девку.

— Но... — Франческо растерялся, не зная, как реагировать на столь решительное заявление.

— Иди, братец, — сказал ему Данте, — а то как бы я не передумал насчет двух коров.

Когда шаги брата по лестнице затихли, Алигьери аккуратно собрал отцовские записи и положил их в камин. Разжег огонь, сел на скамью напротив и задумался. Неужели все-таки он виноват в смерти отца? Интересно, если у человека есть способности к колдовству, — могут ли они

проявиться непроизвольно? Хотя почему же «непроизвольно»? Не он ли сам периодически представлял, как пошла бы жизнь, если бы отца не стало. А мысль явленная — уже действие. Сказал же Христос: «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»^[39].

Вдруг до него дошел буквальный смысл этой фразы. С ужасом он подумал о Беатриче и поспешно начал представлять ее в небесном сиянии — так, как она являлась ему во сне. Потом перед внутренним взором предстала смеющаяся Джованна-Примавера...

— Братец, а братец? — раздался шепот. Дверь приоткрылась, в щель просунулась голова Франческо.

— Кажется, я приказал тебе убираться отсюда. — В голосе Данте не звучало ни нотки братской любви.

— Там Форезе, с важной вестью, — прошептал Франческо и совершенно бесшумно исчез.

Через минуту толстяк, отдуваясь, вполз в комнату. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Не напрасно воссиял свет нашей дружбы, — изрек он, переведя дух, — ты везунчик, Алигьери. Я думал — после вчерашнего наш первый поэт и видеть тебя больше не захочет. Ан нет! Вот прислал приглашение, да еще наговорил кучу благостных слов вдогонку. Пойдешь? Я бы на твоём месте поспешил. Это ведь не поэтическая вечеринка, а личный визит. Гвидо Кавальканти зовет к себе нечасто.

...Данте шел через площадь Приоров к дому первого поэта. Площадь эта возникла вопреки планам градостроителей. Во времена древней Римской империи на ее месте располагался театр. Позднее он пришел в запустение, и к его стенам предприимчивые отпрыски семейства Уберти пристраивали свои многобашенные жилища, которые после известных событий сровняли с землей.

Гвидо Кавальканти, имевший прямое отношение к опальному роду, сумел сделать жест, выражающий поддержку политики Рима: он вступил в брак с Биче дельи Уберти, дочерью вожака гибеллинов Фаринаты, в преддверии официального примирения гвельфов и гибеллинов, которого добился папский легат Латино в 1280 году. Во всяком случае, так говорил сам Гвидо. Злые языки, однако, судачили, что никакой симпатии к понтифику и близко не было. Первого поэта связывало с тестем общее мировоззрение, которое папа римский уж точно не мог разделять: Фарината слыл убежденным последователем учения Эпикура. Вполне возможно, так оно и было. Венчался — то Кавальканти в 1267 году, аж за 13 лет до того

самого примирения!

Данте вошел в дом тайного эпикурейца, снаружи мало чем отличавшийся от его собственного. Такие же серые стены и окна-бойницы. Зато внутри...

На этот раз Гвидо вообще не предложил закусок, ограничившись одним вином. Данте вспомнил: Кавальканти славился не только своими великолепными канцонами, но и редкостным скупердяйством.

Первый поэт Флоренции уселся напротив гостя и стал бесцеремонно его разглядывать.

— Значит, «любовь, любить велящая любимым»? Откровенно говоря, я не ожидал встретить такое в компании пьянчужки Форезе. Кстати, если ты хочешь войти в возвышенный круг истинной поэзии, тебе следует перестать с ним водиться.

— То есть неправильные связи могут пагубно сказаться на уровне моего поэтического мастерства? — уточнил Алигьери. — Продумывайте фразу, прежде чем произнести ее, дабы она не звучала столь смехотворно и недостойно Гвидо Кавальканти.

— Э, да у тебя не только в поэзии язык подвешен. Говорят, ты учился на факультете правоведения? Может, нанять тебя, мне как раз нотариус нужен.

Данте повертел в пальцах кубок:

— Хорошее дело. Вот только душа моя отвернулась от юриспруденции, ей милее общество мадонны Философии.

Гвидо захохотал:

— Мы видели вчера твою мадонну. Неплохой выбор, только уж очень она суровая. Весь вечер говорила о богадельне, которую построил ее отец.

Алигьери удивленно поднял брови:

— Да? А мне показалось, что она, напротив, весела и дружелюбна. Не зря же ее прозвали Весной.

— Весной? Это которая Джованна? — нахмурился Гвидо. — Так ты влюблен не в Биче деи Барди, дочку Фолько Портинари?

— Нет. — Данте произнес это нарочито небрежно и ощутил странное чувство нереальности происходящего. Будто они с Кавальканти разговаривали во сне, и Беатриче незримо присутствовала где-то рядом. Он даже разглядел укор в ее глазах. Стало страшновато. Однако первый поэт никаких странностей не заметил, только щедрее, чем обычно, подлил своему гостю вина.

— Совершенно неважно, каково ее имя, — заметил Гвидо, — главное, она дает тебе пищу для чувства, без которой поэт мертв. По большому

счету даже неважно, как возлюбленная выглядит — ведь мы видим ее только глазами тела, но не зрением рассудка. То есть мы не можем познать ее умом в качестве возлюбленной. Значит, она может быть какой угодно.

— Даже уродливой? — усмехнулся Алигьери.

— Ну нет, разумеется, она должна быть красивой, иначе Амор не станет утруждать себя натягиванием тетивы. Я говорил не о внешней оболочке. Так все-таки: как ее зовут?

— Амор не любит, когда выдают его тайны, — уклончиво ответил Данте. — К тому же это может быть вовсе и не она. Наши сердца порой так переменчивы.

Они немного посмаковали вино в молчании. Затем Кавальканти с убедительностью произнес:

— Настоящая любовь подобна лихорадочному жару, который воспламеняет душу, делая ее способной создавать сладостные канцоны. Правда, эскулапы полагают, что такое состояние разрушает здоровье. Во всяком случае, так говорит мой приятель, врач Якопо да Пистойя. Он очень меня ценит и даже посвятил мне один из своих трактатов.

Данте почтительно покивал.

— Однако разрушительная яркая страсть, заставляющая умолкнуть блеклую добродетель, — неперемнная спутница поэта, — продолжал Гвидо. — Ты должен научиться пользоваться этим состоянием, извлекая из своей мадонны выгоду, которая бы покрыла причиненные страдания.

— Боюсь, мои страдания слишком глубоки, их не искупить простой выгодой. — Данте говорил с улыбкой, маскирующей серьезность тона. — Думаю, месть должна быть более изощренной. Я сделаю явленной ее божественную природу.

— Джованны? — Гвидо зашелся в приступе смеха, пролив полкубка своего драгоценного вина. — Ты правда влюблен в Джованну? Тебе понадобится изрядная проницательность, ибо сие спрятано у названной дамы очень глубоко.

— Не беспокойся, мессир Кавальканти, я умею искать и находить.

С этими словами Алигьери решительно взял винный кувшин и налил себе бокал до самых краев.

Первый поэт неожиданно холодно заметил:

— Вот как? Знаешь ли, есть вещи, которые лучше не искать и уж тем более — не находить.

Данте тогда еще раз вспомнил о скупости Гвидо. Может, не стоило вести себя так бесцеремонно? Однако об истинной причине внезапного изменения настроения Гвидо он узнал гораздо позже.

Глава десятая

РОДСТВЕННИКИ

Одна из башен, расположенных в историческом центре Флоренции на виа-дель-Корсо, 31–33, по сей день носит имя Донати (Торре-деи-Донати). Она четырехугольная, встроена в линию зданий. В ее стене можно разглядеть специальные отверстия, в которые крепились строительные леса, ведь первый башенный кран появился лишь в начале XX века. Неподалеку возвышаются другие башни, принадлежавшие семейству Донати, молчаливо свидетельствующие о былом величии их хозяев. В том же районе находятся башни Черки, лютых врагов Донати. А во дворах между ними когда-то стояло несколько домов, принадлежащих роду Алигьери. Вот так тесно все сплеталось на узких флорентийских улочках.

Когда гвельфы раскололись на белых и черных, отношения между разнопартийными соседями накалились и муниципалитет решил хоть как-то изолировать противников друг от друга. Для этого разрушили часть построек в конце переулка, вследствие чего образовалась «аллея скандала», до сих пор открывающая вид на здания, стоящие справа от башни Донати.

Итак, род Донати, законной супруги нашего героя, был известен во Флоренции с XI века. Располагая дорогостоящей недвижимостью и крупными земельными угодьями, Донати активно влияли на городскую жизнь. После принятия «Установлений справедливости» авторства делла Беллы всем представителям рода Донати пришлось потесниться, от городских дел их отстранили и, вероятно, многие тогда позлорадствовали. Однако такой сильный клан невозможно сбросить со счетов одним махом. Конечно же, Донати немедленно стали в оппозицию и начали готовить реванш.

К 1288 году лидером рода, бесспорно, стал Корсо Донати. Дата рождения его неизвестна, судя по всему, он старше Данте. За непомерное высокомерие он снискал прозвище Барон, несмотря на то, что остальные флорентийские нобили скромностью и кротостью уж точно не отличались. Именно Корсо своей яростной активностью расколол гвельфов на черных, во главе которых встал, и белых, принадлежащих партии Вьери Черки, именно Корсо впоследствии лишил Данте родины. При помощи французов, а конкретно — войска Карла де Валуа — лидер рода Донати в 1302 году развязал войну с партией белых гвельфов во главе с Вьери Черки и победил

их. А побежденных во Флоренции традиционно отправляли в изгнание.

Корсо Донати планировал стать единоличным правителем Флоренции, но удача отвернулась от него. В 1308 году его предали товарищи по партии, объявив изменником. Он был убит при попытке бежать из города.

Корсо Донати можно назвать личным врагом нашего героя. Неприязненны ли были их взаимоотношения? Не факт, ведь Данте дружил с Форезе, братом Корсо. Хотя трудно представить себе, что наш герой мог испытывать симпатию к самодовольному Барону. В «Божественной комедии» упомянуты оба брата и их сестра Пиккарда. Есть там и другие имена из рода Донати. Только о своей супруге Джемме Донати поэт не написал ни строчки.

*

Флорентийские улочки плавилась от жары. Во двориках, источая аромат, увядали листья лимонных деревьев. Кое-где в тени домов лежали изнеможенные свиньи. Брезгливо подергивая ушами, они пытались отогнать наглых мух, но те и не думали пугаться.

По этому раскаленному царству решительно шла Джемма. На ней были надеты, как полагается молодой аристократке, без всяких скидок на погоду, — два платья из тяжелых тканей. Верхнее, высоко подобранное, имело широкие рукава с разрезами, позволявшими увидеть драгоценные застёжки нижнего платья, наглухо застегивающегося высоко под шеей. Наряд девушки дополнял такой же тёплый и плотный красный платок, замотанный вокруг головы наподобие покрывала. Дойдя до перекрестка, она замедлила шаги, остановилась в раздумье. Потом опасливо огляделась. Вокруг царила пустота, никто из флорентийцев не решился выйти из дома в такую жару. Значит, и тот, к кому она шла, наверняка на месте. Джемма поправила платок и, повернув направо, пошла ещё быстрее, чем раньше.

Перейдя виа-Пальмиери, она остановилась у подножия огромной серой башни, венчавшей один из домов ее родственника Корсо Донати.

За последние годы он приобрел во Флоренции немалое влияние. Правда, его скорее боялись, чем уважали. Он окружил себя отчаянными головорезами, которым ничего не стоило совершить набег на дом какого-нибудь неугодного пополанина или даже аристократа, поджечь его или разгромить. Когда мессир Корсо проезжал со своей свитой по флорентийским улицам, многие выкрикивали: «Да здравствует Барон!»

Джемма приходилась ему троюродной сестрой. Она виделась со своим

знаменитым братом только по случаю — в церкви или на праздниках, и так же, как многие флорентийцы, побаивалась его. Прежде чем попросить его о помощи, она долго колебалась. Но кроме него обратиться было не к кому. Старый Манетто лежал, сраженный апоплексическим ударом. А сносить насмешки Лаисы ей было больше не под силу.

Корсо, лежа на кровати, пускал лезвием кинжала солнечных зайчиков.

— Дочь вашего родственника, мессира Манетто Донати, — доложил слуга. Барон кивнул, продолжая следить глазами за пятнышками света. Скоро за дверью послышались легкие девичьи шаги. Джемма минуты две нерешительно топталась за дверью. Корсо в это время пытался убить муху плевком. Получилось только повредить крыло. Насекомое взлетело, но как-то криво. Не вписавшись в проем окна, шлепнулось на подоконник. В этот момент троюродная сестра наконец собралась с духом.

— Слава Христу! — поприветствовала она родственника.

— Во веки веков, — отвечал тот, пытаясь дотянуться до мухи кончиком кинжала. — Какая редкая птица ко мне пожаловала. С чем пришла, сестренка?

Она, смущаясь, развернула гобелен, который делала несколько месяцев. На тканой поверхности цвели цветы. Над ними летали райские птицы.

— Это вам, братец, я недавно выткала...

— Ну ничего себе! — Корсо разглядывал работу. Вещица выглядела на редкость изящно. — Не ожидал. Правда сама? И служанки не помогали?

— Нет, — кротко отвечала девушка.

— Не знал, что в нашем роду есть такие мастерицы. Прямо чудо!

— Я рада, что вам понравилось. Отец передает вам привет. А мне пора возвращаться к маме. Прощайте.

Произнося эти слова, она скорбно потупилась, став похожа на ангела с богатого надгробия. Корсо с интересом рассматривал ее.

— Послушай, — вдруг спросил он, — а с чего это вдруг тебе вздумалось дарить мне подарки? Мы с тобой вроде бы не слишком дружны. И почему ты пришла сама? Разве у вас в доме нет прислуги?

Джемма вздохнула так горько, что это походило на всхлип.

— Я хотела повидать братца и...

— Тебе не идет притворство, — перебил ее Барон, — давай, говори, с чем пришла. Видно же, что у тебя какой-то умысел. Говори, а то рассержусь.

— Понимаете... — Джемма замялась, — мой жених...

— Пьяница и разгильдяй? — хохотнул Корсо. — Сочувствую тебе,

сестренка. Ничего не поделаешь, ты просватана. Теперь, чтобы отказаться, нужно заплатить кругленькую сумму, а то может дойти и до вендетты. Думаю, твои родители навряд ли согласятся на такое.

Проговорив сию тираду, Барон снова плюнул на несчастную муху, делающую попытки взлететь.

— Вы не так поняли меня, мессир Корсо, — робко возразила девушка, — я рада выбору моего отца. Молодой Алигьери — достойный человек, но... почему-то он не торопится связать себя узами брака. А мои годы идут. Мне уже двадцать, все подруги давно замужем. Вы — мой родственник, в городе вас все уважают, вот я и решилась... Вы могли бы, допустим... напомнить ему, что... — Совсем смутившись, она замолчала.

— О да, я могу напомнить! — подтвердил Корсо. — Не забудет до самой смерти. Только он у тебя гордый. Скажет мне что-нибудь некуртуазное, а я не смогу сдержаться и отвечу. Лучше уж послать к нему в качестве напоминальщиков моих приятелей. Правда, после разговора с ними его могут найти в канаве с перерезанным горлом. Тогда можно будет просватать тебя за кого-нибудь другого.

— Нет, нет, не надо, — испугалась Джемма, — пусть будет, как есть, я лучше подожду.

— Как знаешь, сестренка. — Барон, зевнув, спрятал кинжал в ножны. — Правда я бы на твоём месте не дожидался слишком долго.

...Жара стала терпимее, горожане понемногу выползали из жилищ. Через площадь навстречу Джемме шли два молодых человека, в одном из них она признала своего жениха, второй был её родственник, поэт и пьяница Форезе Донати. Алигьери, посланный ей Богом в качестве предполагаемого спутника жизни, громко рассуждал об Аморе и возвышенной сущности женской красоты.

— Не... Джованна, все же, Джованна не в состоянии отвечать этому... как его, ик... идеалистическому построению миросозерцания... — перебил его Форезе. По голосу родственничка Джемма поняла, что тот, как обычно, пребывает под влиянием винных паров. — А вот... ик! Смотри! Дева, наделенная изящной поступью и... ой, какое знакомое лицо! Это же...

— Сия синьора прекрасна, — согласился Алигьери, — я не против почтить её канцоной, разумеется, если она не против.

Данте решительно двинулся к Джемме, не обращая внимание на непонятные знаки, которые почему-то подавал ему приятель.

— Сальве^[40], благородная дева, — начал он и осекся. Форезе, со всей силы толкнув его в бок, прошипел:

— Осел! Это же твоя невеста!

Данте покраснел:

— Простите меня, синьора, я так спешу нынче! До встречи! — пробормотал он виновато и быстро ретировался в ближайший переулок. Толстяк догнал его не сразу — видимо, заглаживал родственной беседой неприятное впечатление. Наконец послышались его шаги и шумное дыхание. Алигьери не обернулся, продолжая неторопливо идти.

— Еще и отворачивается! — возмутился Форезе. — Нет чтобы «спасибо» мне сказать! В следующий раз будешь сам выпутываться, посмотрим, как у тебя получится.

— Ты преувеличиваешь, Биччи, — скучающим тоном возразил Данте, — что я такого сделал? Ну не узнал ее! Разве мы часто видимся?

— Все же у тебя не армия невест, а всего одна. Мог бы и запомнить. А не восхищаться у нее на глазах Джованной.

Данте сказал, вложив в свой голос как можно больше назидательности:

— Ты же не боишься, будучи женатым, ходить к девкам. Ах, бедная твоя жена, пока ее муж поит вином падших женщин, у нее нет даже денег на дрова, ночами она дрожит от холода, протягивает руку, дабы нащупать муженька. Разумеется, его нет. Он развлекает жриц любви.

Форезе нахмурился, собираясь гневно ответить. Но добродушный характер и лень перевесили. Толстяк, привалившись к стене ближайшего дома, сделал трагическое лицо.

— О да, мы страшно бедны. — Он всхлипнул. — И к продажным дамам мне приходится ходить с единственной целью: согреться. Нелла поделилась бы со мной одеялом, но за ней строго следит ее мать. Старая карга ненавидит меня за то, что я помешал ей выдать дочку за одного из графов Твиди. Понимаешь?

Алигьери солидно кивнул.

— Только ты понимаешь меня! — прорыдал Форезе. — Кстати, — переменил он тон, — если жена не нащупала меня, это еще не значит, что я у проституток. Может, я пошел на заработки. Однажды так оно и было. Вот слушай:

*Средь ночи кашель на меня нашел,
Укрыться было нечем — вот причина,
И я не выспался, но все едино.
Чуть свет уже на промысел пошел.*

*Понять нетрудно, до чего я зол:
Ведь вместо клада — что за чертовщина! —*

*Или хотя бы одного флорина
Я Алигьеро средь могил нашел.*

— Кого ты нашел? — переспросил Данте, не веря своим ушам.

— Твоего папашу, разумеется, — не моргнув глазом, ответил толстяк.
— Он почему-то был завязан в узел, вот только не знаю — в Соломонов или в какой другой.

— Иди проспись! — гневно прервал Алигьери. — Как ты смеешь смеяться над моим отцом?

— А ты над моей Неллой? — парировал Форезе.

— Я лишь говорю о твоём к ней отношении.

— Я тоже. Ты ведь ни разу не был на могиле отца. Сказать кому — так не поверят.

— Отчего ж не поверят? В людной Фьоренце нет столько жителей, столько кривотолков и всяких измышлений возникает каждый день. Все слабы рассудком и верят всякому вранью. Даже в церквях падки лишь на остроты да на ужимки. Что уж говорить о друге? Да и друг ли ты мне? Может, просто ходишь за мной, преследуя какую-нибудь свою цель?

На этой последней фразе миролюбие Биччи наконец закончилось. Побагровев от ярости, он закричал:

— Он ещё смеет подозревать меня в корысти! Да ты сам постоянно кланчишь у меня деньги! Все знают: твой папаша уговаривал старого Манетто отдать за тебя Джемму целых две недели, потому что вашему роду, кроме фамильной гордости, похвалиться нечем!

— Что ты сказал?! — Рука Данте выхватила кинжал. В этот момент в переулочек с криками влетели всадники. Приятель инстинктивно вжался в стену. И вовремя: там, где они только что стояли, пронёсся вороной конь. Другой заржал, резко осаженный всадником.

— Эй, Биччи! Опять слоняешься без толку? — донеслось сверху.

— Отчего же, многоуважаемый Барон, — отвечал Форезе, аккуратно поправляя скособочившийся кафтан, — я занят крайне важным делом. Ищу свою голову, потерянную давеча где-то на этой улице.

Корсо Донати (это был именно он) захохотал:

— Я и говорю «без толку». У тебя никогда не было головы на плечах, Форезе. Или я не прав?

— Разумеется. Ты всегда прав, мессир Корсо, ибо правда любит сильных.

— Да-да. — Барон рассеянно комкал поводья. Вороной нетерпеливо

переступал, ожидая команды. — А кто это с тобой? Не наш ли будущий родственник?

Алигьери сдержанно поклонился.

— Кажется, правовед... — припомнил Корсо, — полезное ремесло и весьма доходное. К чему тратишь время на дурную компанию?

Форезе скорчил обиженную гримасу:

— Э, мессир, мы все же с вами братья. Зачем поливать родню помоями?

Барон, не удостоив толстяка вниманием, продолжал внимательно разглядывать его спутника. Решив что-то для себя, он обратился к Данте неожиданно любезно:

— Сегодня во дворце Моцци собрание. Будут Фрескобальди, Донати, Портинари и многие другие уважаемые люди. Предлагаю тебе примкнуть к моим друзьям, мы как раз направляемся туда.

— Благодарю, любезнейший, — учтиво ответил Алигьери, — только боюсь, я не смогу найти себе там занятие.

— Хм! — Корсо даже свесился с лошади, чтобы посмотреть Данте прямо в лицо. — А зачем же ты учил свое правоведение? Ради корысти или для пользы отечества?

— Разумеется, второе.

— Тогда вперед. Мы будем обдумывать новые законы для милой Фьоренцы, может случится польза и от тебя. Нужно, чтобы наше законодательство пришлось по нраву многим и выгодно отличило нас от соседей.

Барон вознаградил себя за неудобную позу, разглядев явное воодушевление в глазах собеседника.

— Совершенный свод законов — к такому стоит стремиться, — подхватил Данте, — но только при чем тут соседи? Мне кажется, гораздо более прекрасным сделать общее законодательство для всей Италии.

Лицо Корсо потемнело, он снова сел прямо и крепко сжал поводья мускулистой рукой.

— Ты рассуждаешь, как гибеллин, — наконец сказал он, не скрывая разочарования. — Это странно: ты ведь из гвельфской семьи. Будем надеяться, в тебе говорит неразборчивая молодость. Мне ясно только одно: я поторопился с приглашением. Нужно узнать тебя поближе и тогда, может...

Не договорив, он пришпорил коня и поскакал по переулку. За ним последовали остальные всадники.

— Боюсь, мне будет трудно запомнить свою невесту, — задумчиво

сказал Данте, глядя им вслед, — сегодня я познакомился с еще одним Донати, и это не прибавило мне уважения к вашему роду.

— Хочешь бесплатный совет? — спросил Форезе. — Бойся разозлить Корсо. Тебе это аукнется очень больно, не то что со мной, хотя я тоже умею постоять за себя. Ну, прощай.

И толстяк, возмущенно сопя, ушел.

Глава одиннадцатая

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ

Вернемся к «Аду Данте». Как уже говорилось, это классический боевик как в компьютерной игре, так и в варианте аниме. Данте представлен там воином, и этот факт не высосан из пальца. Наш герой владел оружием и попадал на поле брани, возможно, даже не один раз. Доподлинно известно о его участии в битве при Кампальдино.

Она произошла 11 июня 1289 года и стала одним из крупных сражений между гвельфами и гибеллинами. Флорентийские гвельфы тогда удачно сумели привлечь союзников из Пистойи, Лукки, Сиены и Прато, а главнокомандующим наняли кондотьера Аймерика ди Нарбонна (около 1260–1328). Здесь стоит пояснить, что такое «кондотьер». Слово произошло от итальянского *condotto*, что дословно переводится как «поведение», но в позднем Средневековье оно подразумевало поведение определенных людей в определенных обстоятельствах. Имелся в виду определенный свод правил и обязательств, которые брали на себя наемные военачальники.

Итак, кондотьеры подписывали кондотту и набирали солдат — термин произошел от *soldo* — мелкой итальянской монетки. Этой мелочью выплачивалось жалованье «пушечному мясу».

Кондотьерам, как и их солдатам, часто было все равно, за кого воевать, они с легкостью переходили от одной партии к другой, сражаясь со своими вчерашними работодателями. Если кондотьеру удавалось захватить город, он вполне мог стать его правителем. Собственно, знатные итальянские династии Сфорца, Малатеста, дела Скала ведут происхождение от подобных рыцарей удачи.

Неудивительно, что фигуры кондотьеров охотно романтизировались.

Аймерик де Нарбонн, командовавший Кампальдинским сражением, в Италии 1270—1280-х был воспет трубадурами как герой, хотя битвы с его участием далеко не всегда были успешными, а победы зачастую завоевывались независимо от его воинских талантов. Например, блистательный исход боя при Кампальдино, скорее всего, случился благодаря неожиданному напору Корсо Донати. А последовавшая вскоре осада Ареццо и вовсе провалилась, тем не менее флорентийцы встретили любимого кондотьера с триумфом.

Из-за бешеной популярности де Нарбонна детям в Тоскане чаще всего стали давать имя Аймерик (Америго); эта мода продержалась до XV века, когда во Флоренции родился Америго Веспуччи, в честь которого назван целый континент. В какой-то степени можно утверждать, что история Америки началась во времена Данте.

К Кампальдинскому сражению привел затянувшийся тлеющий конфликт между Флоренцией и Ареццо — этот город был известным гибеллинским центром. Мелкие набеги одного города на другой почти не прекращались. Последней каплей стало полученное аретинскими властями сообщение о том, что флорентийские гвельфы разоряют владения графа Гвидо Новелло под Ареццо и, что еще хуже, угрожают напасть на имеющую стратегическое значение крепость Биббьена-Чивителла. История с этой крепостью была туманной. Епископ Тосканы якобы согласился передать ее флорентийцам за ежегодную плату в пять тысяч золотых флоринов. Вскоре епископа убили, а отношения Флоренции и Ареццо предельно обострились и перешли в военную фазу. Хотя официальным поводом для разногласий оставалась гибеллинская составляющая аретинцев. Итак, посмотрим, как флорентийские правители сами себе объясняли эту историю.

*

В большом зале дворца Моцци стоял небывалый шум. Гранды и нобили, кого испокон веков отличало благородное спокойствие, будто с цепи сорвались. Они бросались обвинениями, вспоминали старые обиды, напоминая уже даже не попопан, а их жен, торговавших на Меркато-Веккьо. Только хозяин дома сохранял свою невозмутимость. Он медленно покручивал в руке изящный кубок, время от времени делая слугам незаметный знак подойти туда, где назревала ссора, и предложить отведать особенно деликатного жаркого из седла молочного ягненка.

Это помогало разрядить обстановку, но только на короткий срок. Потом кто-то отпускал едкое замечание и ситуация накалялась вновь. Что же так тревожило флорентийских аристократов?

Собственно, главная причина конфликтов не менялась уже несколько десятилетий. Гибеллины. После визита папского легата, племянника понтифика кардинала Латини, гвельфов принудили лобызаться со своими непримиримыми врагами и совместно создавать коалиционное правительство.

Римского папу Николая III прославляли как великого миротворца. Однако думающие люди видели, что его цели далеко не бескорыстны. Понтифик стремился овладеть Тосканой, да еще и дополнительно насолить Карлу Анжуйскому, боровшемуся против гибеллинской лиги.

После этого папского «мира» многие гибеллины вернулись во Флоренцию. Вот только прожил Николай III недолго. 22 августа 1280 года он скончался, и мир, шитый белыми нитками, стал на глазах разрушаться.

Двухпартийный Совет четырнадцати, состоявший из восьми гвельфов и шести гибеллинов, упразднили, и флорентийские гибеллины снова оказались вне закона.

Изгнанники привычным путем ушли из Флоренции и осели в Ареццо. Там оказалось множество влиятельных людей, в том числе известные военные деятели из рода Убальдини.

Разумеется, гвельфам претило иметь под боком такое вражеское гнездо, и они прикидывали свои силы, планируя войну с аретинцами.

Но не одни гибеллины нервировали гостей Моцци. Во Флоренции начались иные конфликты. После того как около 1282 года в Болонье были составлены «Священнейшие установления», защищающие ремесленные цехи от угнетения со стороны древней аристократии, воодушевились и флорентийские пополаны. По болонскому закону нобили не могли участвовать в управлении городом. Если же их обвиняли в оскорблении или ранении пополана — то следовало страшное наказание: вплоть до полной конфискации имущества и казни.

Этот закон вызывал зависть флорентийских пополан. Их недовольство чувствовалось в городе и раньше, но в последнее время нобили стали ощущать под собой настоящий вулкан.

— Ну вот скажи, какой бес попутал тебя хватать за нос этого змееныша делла Беллу? — раздались громкие сетования из угла, где сидел старый Фрескобальди.

Тот буркнул в ответ что-то невразумительное. На его голос тут же отреагировал один из Риччи:

— Разжегши пламя, глупо прятаться в кустах! Ты оскорбил Джанно, теперь он хочет отмщения, да только твоей смерти ему мало. Он уже стал лучшим другом во всех цехах Фьоренцы. Он добьется своего — нобилей будут гнать еще хуже, чем в Болонье! Из-за тебя страдаем мы все. Что скажешь в свое оправдание?

Другие гости, сидящие рядом с Фрескобальди, возмущенно загомонили, поддерживая Риччи. На лице прислушивающегося к разговору Моцци отразилось страдание. Видя, что гвалт усиливается, он постучал по

серебряному кубку. Шум мгновенно превратился в тихий гомон.

— Не стоит обвинять мессира Фрескобальди в наступлении конца света, — веско произнес хозяин дома, — он, без сомнения, человек сильный, но не всемогущий. Наш последний час начертан небесами. Джанно же, насколько мне известно, водил дружбу с пополанами задолго до того прискорбного случая.

Фрескобальди горестно отмахнулся:

— Да из-за того все и произошло! Во мне столько злости на него накопилось. Водится с кем ни попадя, прямо святой Франциск, друг бедных. А как на чужую землю заступать — тут сразу другие законы начинаются, ни пяди, мол, не уступлю... Жалко, не оторвал ему тогда нос, польза была бы, безносого его бы никто не стал слушать.

Затем беседа вернулась к теме гибеллинов, и в разных концах залы вновь послышались взрывы возмущения. Тому были причины. Представители враждебной партии, сгруппировавшиеся в Аретцо, наращивали силы и уже начинали внушать серьезные опасения. Они рыскали по дорогам, пугая торговцев, рушили налаженные взаимоотношения гвельфской Флоренции с Тосканой. Остановить их могла только война.

С постоянным гарнизоном в купеческой Флоренции были проблемы. Точнее сказать, в ней напрочь отсутствовало военное сословие. Банкирам казалось расточительством поддерживать солдат в мирное время. В случае надобности обычно набирались наемники из числа немцев, французов или же каталонцев.

Вот и сейчас Моцци, наслушавшись проклятий, изрыгаемых в адрес гибеллинов, предложил подсчитать: скольких затрат потребуют боевые действия.

Начали прикидывать нужное количество рейтаров. Аретинцы представляли собой серьезную военную силу, но флорентийских банкиров-гвельфов сие не пугало. Они могли позволить себе выделить большую сумму на разгром надоевшего противника.

В момент подсчетов раздался голос Корсо Донати:

— Не все меряется деньгами. Аретинцы будут защищать свою свободу и процветание. К тому же среди них много наших изгнанников из славных военных родов, которые горят мщением. Неужели вы всерьез думаете, что ваши наемники их одолеют?

Моцци внимательно посмотрел на покрасневшее от вина и гнева лицо Барона:

— У тебя какой-то план, Корсо? Прошу, поделись им с нами.

— План? — Корсо усмехнулся. — По-моему, правильнее назвать это здравым смыслом. Республика Фьоренца не должна отказываться от помощи своих граждан. Военные сборы уже случались в ее стенах. В нынешней же ситуации они просто необходимы.

— Разумеется, мессир Донати, — отозвался один из Риччи с некоторым удивлением, — но разве есть в вашем предложении нечто, стоящее обсуждения? Флорентийцы и так участвуют во всех военных кампаниях. Но у нас нет хороших командиров, да и воинов, если честно, тоже. Поэтому успех в любом случае обеспечивают наемники. Вам ли, разбирающемуся в ратном деле, не знать этого?

Корсо надменно вскинул голову:

— Я знаю. И уж поверьте, лучше всех, сидящих в этом зале. Говорите, флорентийцы не умеют сражаться? Посмотрите, как владеют оружием мои люди! А их наберется не одна сотня, и число это растет. Говорите, нет достойных командиров? Не буду врать, у меня за спиной пока нет выигранных сражений, но меня слушают беспрекословно. К тому же я проштудировал труды Полибия, Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия об армии древней империи.

— Ну ничего себе! Сам себя назначил, сам себя оценил! — запальчиво перебил его Вьери Черки. — Наш Корсо точно не умрет от скромности. У меня под началом не меньше добрых конников, чем у тебя, а военных трактатов я прочитал уж точно больше твоего, ибо у меня больше времени, я не пьянствую по любому поводу, как все Донати. Но я не кричу о своих достоинствах на всех перекрестках!

Корсо смерил Вьери ледяным взглядом.

— Ну разумеется, ты скромничаешь. А то вдруг заставят воевать? Тогда тебе придется прятаться в лесах, откуда вылезли все ваши дремучие Черки, в то время когда Донати уже сто лет как блистали на славу милой Фьоренцы!

— Что?! — Взбешенный Вьери вскочил на стол и схватил один из самых тяжелых кубков, готовясь метнуть его в голову обидчика. Соседи по столу всполошились.

— Эй, Вьери! Угомонись! — закричал Риччи, выбивая опасный предмет из его руки. Окружающие подхватили скандалиста и стащили вниз. Другие гости, прекратив вкушать яства, настороженно оглядывали Корсо. Однако Барон молчал.

Моцци взирал на переполох со скорбным видом.

— Сердце мое разрывается от горечи, — заявил он. — А как еще могу я реагировать на ненависть, воцарившуюся между теми, кому назначено

быть союзниками? Я только успел порадоваться воинскому рвению наших уважаемых сограждан, как они тут же начали ставить личное выше общественного...

Его перебил голос мессира Корсо:

— Кто станет главным начальником флорентийского войска?

Наступила гнетущая тишина. Шансы получить командование были и у Корсо, и у Вьери. И кого бы из них ни выбрали — другой навряд ли подчинился бы сопернику. Вражда между ними, проявляющаяся уже в юности, с годами только усилилась. Женитьба Корсо на Антонии Черки, вопреки прогнозам, только усугубила ситуацию, поскольку молодая супруга умерла вскоре после свадьбы при невыясненных обстоятельствах, оставив мужу неплохое наследство.

Все напряженно ждали. А хозяин дома медлил с ответом. Он спокойно сидел на резном стуле, поигрывая веточкой сушеного винограда. Наконец задал вопрос сам:

— Почему об этом спрашивают меня, а не градоправителей?

Тишина чуть ожила — скрипнули скамьи, кто-то хмыкнул.

— Всем кажется, что вы могли бы знать ответ на этот интересующий нас вопрос, любезный мессир Моцци, — едва улыбнувшись, заметил Риччи.

— У меня нет ответа. — Моцци кинул виноградную кисть обратно на блюдо. — Но если подумать... хорошим военачальником мог бы стать французский рыцарь Аймерик де Нарбонн... если, конечно, со мной согласятся Совет ста и сам храбрый рыцарь. Впрочем, касаясь последнего — у меня сомнений нет. Мы с Аймериком уже обсуждали этот вопрос.

— Совет ста чаще всего поддерживает решения, принятые в этом доме, — промолвил старый Фрескобальди, вновь приступая к недоеденному утиному крылышку.

Корсо Донати встал, показав свое желание говорить:

— Я восхищаюсь мудростью нашего любезного друга. Де Нарбонн известный стратег, надеюсь, он сможет привести нас к победе. Но одних наемных сил мало — мы должны поднять наших граждан и сообща сокрушить гибеллинское гнездо. Для этой цели, ради прекрасной Фьоренцы, я готов объединиться... — оборвав речь на полуслове, он сел на свое место и закончил так тихо, что его услышал только пьяный Форезе, — ...даже с ослами.

— Аминь! — выкрикнул Барон, подняв чашу. Вьери сделал так же. Черки немедленно выпил до дна, а его противник не стал пить, только пригубил и, поставив кубок на стол, глубоко задумался.

Это случилось в начале марта 1289 года, а к середине мая военные знамена уже взвились над Флоренцией и военные значки повернулись к юго-востоку, где за перевалом, разделяющим апеннинские отроги Прато-Маньо и Консуму, лежал город Ареццо.

Глава двенадцатая

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

Данте писал не только стихи, но и политические трактаты. Еще при жизни создателя весьма нашумел его трактат «О монархии». В его поэтическом наследии помимо «Божественной комедии» есть еще одно крупное произведение — уже цитировавшаяся ранее «Новая жизнь». Это сборник сложной литературной формы, содержащий не только стихи, но и фрагменты прозы, и считающийся автобиографическим. Но к жизнеописанию в привычном смысле «Новую жизнь» отнести нельзя: в ней не найти ни конкретных персонажей, ни реальных событий. Главный и основной сюжет этой книги — возвышенная любовь к Беатриче.

Но там упоминается и другая дама — некая Примавера. По-итальянски *primavera* значит «весна». Правда, наш герой толкует его несколько иначе — *prima verra* — «она придет первой», то есть предтеча. Эта вольная трактовка ведет к догадке, что, возможно, чувство к Примавере предваряет любовь всей жизни поэта к Беатриче, ведь и Ромео поначалу любит не Джульетту, а Розалинду. Хотя в случае с нашим героем это едва ли возможно. Вспомним, Данте полюбил Биче будучи девятилетним мальчиком.

По словам Данте, эта дама выполняла роль «ширмы», скрывающей от посторонних глаз его истинное чувство к Беатриче.

В «Новой жизни» есть целый фрагмент на эту тему:

«Однажды Благороднейшая пребывала в том месте, где раздавались похвалы преславной королеве небес, я же был там, откуда мог лицезреть блаженство моих дней. Между нами по прямой линии, идущей от нее ко мне, сидела некая благородная дама весьма приятной наружности. Она часто смотрела на меня удивленными взглядами, которые, казалось, устремлялись к ней. Тогда многие заметили ее взоры, и столь привлекла она на себя внимание, что, удаляясь, я слышал, как люди говорили за моей спиной: «Посмотри, как он терзается из-за этой дамы». Они называли ее по имени, и я понял, что говорили они о той, которая находилась посреди линии, исходившей от Благороднейшей Беатриче и кончавшейся моими глазами. Тогда я вполне успокоился, убедившись, что взгляд мой не открыл другим тайны моей в этот день. С тех пор я решил, что эта дама будет моей завесой, скрывающей истину, и столь в этом преуспел в течение краткого

времени, что многие, обо мне говорившие, полагали, что знают тайну мою. Благодаря этой даме месяцы и годы скрывал я мои помыслы. И чтобы заставить других в это поверить, я написал для нее несколько малых стихотворений, из которых достойны быть упомянутыми здесь лишь те, которые относятся к Беатриче; поэтому я оставляю их в стороне, за исключением того небольшого, что может послужить для прославления Благороднейшей»^[41].

Доподлинно неизвестно, кем была Примавера. Исходя из слов самого Данте, появилась версия, что она являлась возлюбленной Гвидо Кавальканти.

«Она некогда имела большую власть над сердцем первого моего друга» — это строка из «Новой жизни».

Размышляя о Данте, Николай Гумилёв в рассказе, посвященном своей будущей жене Анне Горенко (Ахматовой), писал: «Одновременно с благородной страстью, которая запыхала в сердце Данте Алигьери к дочери знаменитого Фолько Портинари, называемой ее подругами нежной Беатриче, Флоренция видела другую любовь, радости и печали которой проходили не среди холодных небесных пространств, а здесь, на цветущей итальянской земле. И для того, кому Господь Бог в бесконечной мудрости своей не позволил быть свидетелем этого прекрасного зрелища, я расскажу то небольшое, что мне известно о любви благородного Гвидо Кавальканти к стройной Примавере». Гумилёв как бы подводит читателей к следующему тезису: не менее прекрасным и возвышенным, чем любовь «среди холодных небесных пространств», является земное чувство, свидетелем «радости и печали которой» был старинный город Флоренция. Прототипом гумилевской Примаверы в этом рассказе была сама Анна Горенко. Себя же Гумилёв вывел в образе Гвидо Кавальканти.

По поводу «дамы-ширмы» и наличия плотских связей Данте до его женитьбы на Джемме Донати исследователи тоже не сошлись в едином мнении. Искусствовед Игорь Бэлза в своей статье «В поисках Беатриче» пишет: «В необозримой (еще Скартаццини писал об этом) дантологической литературе, естественно, звучат голоса о «противоречиях» у Данте. Но верил ли Леонардо, обессмертивший молодых женщин с младенцами у их ласковой груди, в то, что им действительно являлся архангел Гавриил? и верил ли великий мастер, описывавший три разноцветных круга (*tre giri di tre colori*) в последней песни «Божественной комедии», во все то, во что ему предписывалось верить?» Ведь во времена «Новой жизни» Данте еще был не великим итальянским классиком, а просто талантливым и весьма темпераментным молодым человеком.

Итак, налицо следующие факты:
во-первых, юный возраст и южный темперамент нашего героя;
во-вторых, его явное внимание к Примавере;
в-третьих, близкие отношения Примаверы с Гвидо Кавальканти;
в-четвертых, конфликт между Данте и Гвидо, завершившийся голосованием нашего героя в поддержку изгнания из Флоренции его бывшего лучшего друга.

Все вышесказанное в очередной раз подтверждает известную французскую поговорку: «Cherchez la femme» («Ищите женщину»). Вполне вероятно, что именно Примавера, а вовсе не политические или эстетические разногласия, стала причиной разлада дружбы двух поэтов. Хотя, конечно, мог сыграть роль и рейтинг в мире поэзии. Кавальканти отдал титул первого поэта Флоренции именно Данте Алигьери.

Но попробуем представить себе эту долгую и нерадостную историю двух друзей-поэтов с участием женщины.

*

Данте нервно ходил взад-вперед по комнате, пытаясь завершить сонет. Рифма не давалась, а вечером его ждали с новыми стихами на очередном собрании. Эта встреча не несла ничего особенно важного для поэтической славы, но туда собиралась прийти жена Симона деи Барди. Молодой Алигьери не пропускал ни одной вечеринки, куда была приглашена Беатриче. Сей факт его самого не радовал. Не один раз он давал себе зарок с ней не встречаться, но тщетно: стоило ему только услышать о предполагаемом визите дамы деи Барди, — ноги сами несли его туда же. Но, увидев ее, он словно цепенел, избегал перемолвиться даже словом, оказывая подчеркнутое внимание ее подруге Джованне.

Он не мог вспомнить, когда его охватило это наваждение. Неужели с тех далеких детских времен, когда, взявшись за руки, они убежали с праздника? Маленький космос, он же ад, сделанный из остатков фальшивой реликвии... а может, подлинной? Мальчик тогда не уничтожил своего космоса — он остался безмолвно существовать, накрытый, будто игрушечной могильной плитой, плоским камнем и присыпанный землей. Проходя мимо дворика с лимонным деревом, Данте каждый раз невольно замедлял шаги, подавляя в себе желание раскопать холмик и открыть ямку. Что он хотел увидеть или вспомнить? Глаза той мудрой, все понимающей девочки? Или ощутить давнее сладостное ощущение детского

всемогущества, чувство Творца, любующегося только что созданным миром?

*

В это время Гвидо Кавальканти находился в алькове своей любовницы Джованны, которую многие звали Примаверой. Он считал ее недостаточно утонченной для своего уровня, потому тщательно скрывал эту связь.

Его рука мечтательно бродила по мягким персям благосклонной дамы. Поэт бормотал себе под нос рождающуюся канцону:

— ...О вы, благословенные холмы, по вашим склонам нимфы... и ты... о... ты...

— Сегодня купцы венецианские опять приехали, — прервала поток поэзии приземленная возлюбленная.

— Купцы... — поморщился Гвидо, — о, зачем эти купцы?

— Они привезли какое-то особенное серебро, — охотно поведала не слишком интеллектуальная красавица, — узор выкован так тонко, что и паук бы обзавидовался.

— Да, это восхитительно, — согласился Кавальканти. — У меня дома есть один такой кубок...

— А у меня нет даже маленького украшения подобной работы! — Примавера скроила обиженную гримаску.

— У тебя есть муж, дорогая, — отвечивал Гвидо.

— Но ты вдвое богаче моего мужа, — не сдавалась возлюбленная, — и потом, дорогой! Я же так рискую, принимая тебя в этом доме!

— Я рискую не меньше.

Поэт понял, что свидание подходит к концу, и начал озиаться в поисках одежды. Джованна рассмеялась:

— Ха-ха, и чего же тебе будет? Мой муж не будет драться, он просто отдаст меня под суд. Как будто не знаешь: вся вина падет на меня. Ты — мужчина, к тому же свободный.

— Свободный? О нет, дорогая! Разве можно сохранить свободу, увидев тебя хоть раз?

— Я стала бы еще красивее в платье с серебряным поясом, — напомнила Примавера.

Поэт тяжело вздохнул:

— Ну хорошо, милая.

...Отчаявшись подобрать рифму, Алигьери отправился бродить по улицам.

Солнце еще не поднялось высоко. Оно ласково румянило серые стены и поблескивало на белых перьях взлетающих голубей, копя силы к дневному зною.

Данте шел по одному из своих любимых переулков. Он наслаждался тишиной и чистотой — сюда никогда не забегали вездесущие свиньи и их визгливо кричащие хозяйки, здесь не торговали ремесленники из многочисленных городских цехов, чьи изделия, расставленные прямо на земле, обычно так мешались под ногами. Цеховой люд в последнее время сильно обнаглел. Пополанам не давали покоя «Священнейшие установления города Болоньи», принятые против тамошней аристократии. Во Флоренции, видимо, всё шло к тому же. Мастерские без конца жаловались на нобилей, буквально засыпая правителей города доносами и кляузами.

Сегодня в конце переулка что-то явно происходило — из-за поворота слышались крики, сдобренные крепкой бранью. Алигьери замедлил шаги, колеблясь между любопытством и желанием немедленно уйти подальше от источника некуртуазности. Любопытство пересилило. Он повернул за угол и увидел гонфалоньера в сопровождении стражи с ломом и кирками. Тот пытался заставить стражников сломать дом, самый красивый в переулке, стоящий в самом его конце. Блюстители порядка уже несколько раз поднимали свои инструменты и снова опускали их под напором хозяев, вышедших защищать свое жилище. Те выглядели грозно. Хозяин время от времени замахивался кинжалом, его жена, внушительная донна, бросалась на гонфалоньера, пытаясь выцарапать ему глаза. Вокруг столпились заплаканные дети и прочие многочисленные домочадцы.

— Кто вам сказал эту глупость про хвост?! — кричала хозяйка.

— Даже если и так, при чем тут я? — вопрошал глава дома. — Конь оскорбил вашего уважаемого гражданина, пусть он и отвечает. Сломайте конюшню, уж если силу некуда девать, и убирайтесь восвояси. Побойтесь Бога, не лишайте детей крова из-за какого-то дурацкого хвоста!

Гонфалоньер развел руками:

— Сожалею, мессир Тозинги, но хвост стал последней каплей. И без него на вас обижены многие достойные граждане, а тут уж... Сами понимаете, ваш дом должен быть разрушен.

Данте подошел поближе и тихо спросил одного из стражников:

— Что здесь происходит?

— Вчера вечером в этом переулке его жеребец... как это сказать... совершил оскорбительное действие хвостом по лицу мясника Пекоры.

— И всё? — Алигьери еле сдержался от смеха.

— Ничего себе «всё»! — обиделся стражник. — Вы знаете, кто такой Пекора? Он имеет большое влияние в старших цехах, а мессир Тозинги уже не первый раз выказывает ему неуважение и... — Стражник хотел что-то добавить, но прозвучала команда гонфалоньера, и все, снова похватав орудия, побрели к стенам дома.

Данте раздосадованно хмыкнул. Остатки вдохновения бесследно растаяли, словно перистые облачка во время засухи. Придется прочитать старую канцону, авось не все помнят ее наизусть.

Он решил вернуться домой и заняться корреспонденцией, которой накопилось немало. Одни письма касались отцовских дел, в других обсуждалось стихосложение — имя Алигьери-младшего пользовалось все большей известностью среди поэтов.

Однако до кабинета дойти не удалось — наперерез выскочила мачеха и заголосила:

— Дуранте, ты слышал, какой ужас случился у мессира Тозинги?

— Я видел, его дом вроде бы собирались разрушить. Но судя по выражению лица гонфалоньера, мне кажется, там все не так уж драматично.

— Не так уж?! — возмутилась мадонна Лаппа. — Вот придут, не дай Господь, к нам с лопатами, тогда поймешь. Только поздно будет!

Данте скучно пожал плечами:

— Зачем же к нам? Я же не скачу во весь опор по узким переулкам. Моя лошадь любит простор.

Мачеха скорбно кашлянула:

— Не мне учить тебя. Но сейчас начинается война с аристократами и дальше будет только хуже. Род твоего отца довольно захудалый, но все-таки известный. К тому же у нас есть несколько земельных наделов и домов.

— И что же ты предлагаешь?

Мадонна Лаппа просяще посмотрела ему в глаза:

— Займись торговлей. Тех, у кого есть дело или ремесло, — не трогают.

Пасынок хмыкнул:

— Ну и времена. Раньше ремесленник умер бы от счастья, доведись ему вдруг стать нобилем. А теперь наоборот — нобили маскируются под

ремесленников. Нет. Торговать я не буду, мне противно это дело. Лучше уж ремесло.

— И чем же ты вздумал заняться? — недоверчиво спросила мачеха. — Пироги печь?

— Не менее полезным, — ответил он с напускной гордостью, — стану аптекарем. В сем деле, говорят, можно обнаружить много философии.

— Да можно просто в цех записаться, зачем микстурки-то разводить? Все так делают, — начала было Лаппа, но потом сдержала себя: — Не смею вмешиваться, ты давно взрослый, поступай, как знаешь.

...Гвидо бродил по Меркато-Веккьо в растрепанных чувствах. Он осмотрел все венецианские пояса. Подобная вещь на талии возлюбленной, несомненно, порадовала бы утонченный вкус поэта, если бы не цена, которая выглядела совсем не изящно. Напрасно Кавальканти яростно торговался. Продавцы знали о его достатке и специально не снижали цену ни на единый флорин, дабы проучить скупца. Кавальканти так и не смог раскошелиться. В дурном настроении он отправился домой — готовиться к поэтическому собранию.

Сегодня оно планировалось с участием дам. В их числе обязательно окажется Примавера. Хорошо хоть, она не посмеет подходить к нему при всех.

Не повезло. Джованна явилась первой, объяснив, что ее муж в Болонье и поэтому... Гвидо поругал ее за неосторожность. Беспечная возлюбленная и ухом не повела. Пользуясь отсутствием гостей, она залезла поэту на колени и пристально на него посмотрела. В каждом ее глазу он увидел по венецианскому поясу.

— Послушай, милая... — Гвидо очень не хотелось потерять ее, — ну что тебе эти тяжелые пояса? Я сегодня ходил к венецианским купцам и не могу даже выразить тебе своего восхищения по поводу браслетов, которые...

— Вот и не выражай, — перебила Примавера. — Я вовсе не желаю браслетов, на них только один тощий узорчик и серебра всего ничего.

Поэт перестал играть ее волосами, резко отстранив ее от себя:

— Что же это такое, дорогая? Ты требуешь платы за любовь?

— Ну почему же, милый? — Она обиженно надула губки. — Подарки ведь тоже выражение любви. Я не так хорошо понимаю твои стихи, а этот пояс...

— Прекрати! — крикнул он. — Хватит кланяться! Ты не девка из таверны.

— Ах так! — возмутилась Джованна. — Оставайся со своим

богатством, я найду себе любовь в другом месте!

Она гордо зашагала к выходу. Поэт бросился за ней.

— Вернись! Я куплю тебе этот чертов пояс. Ты же знаешь, я не смогу без тебя.

— Уже и не хочется. — Она скривила капризную гримаску. — Проучить бы тебя, уйти, да ладно, дома все равно скучно.

Гвидо начал ее обнимать, но отшатнулся, услышав шум у входа. Пришли первые гости. Гвидо вышел встречать их на лестницу и чуть не свалился от удивления, увидев Корсо Донати.

— Слава Христу, — бодро поприветствовал тот хозяина, как будто бы не явился без приглашения. — Я ненадолго. Дело есть.

— Э-э-э... вы увлеклись поэзией? — выдавил из себя Гвидо.

— Скорее поэтами, — хохотнул Барон. — Тут архиепископ сильно интересуется твоими нравами. Только он пока еще не решил, в чем сподручнее тебя обвинить: в содомии или просто в ереси. Я, право, даже не знаю, что хуже.

Кавальканти пожал плечами:

— А какое до этого дело мессире Донати?

— Да в общем-то никакого. Но если возникнет желание, могу предложить свою помощь и защиту.

Гвидо испытывающе посмотрел в нагловатое лицо Корсо:

— Странно. Вроде бы мессир Корсо никогда не слыл защитником угнетенных. Я так понимаю, предполагаемая помощь не бесплатна?

— Разумеется, — усмехнулся Донати. — Видишь ли, я тут собираю партию, а этот осел Вьери вздумал переманивать к себе моих сторонников. А ты у нас — первый поэт, молодежь прямо хвостом за тобой ходит. Короче, вступишь в мою партию — никакой архиепископ не будет тебе страшен.

— Как-то все это слишком неожиданно, — уклончиво сказал Гвидо, зная, что с Бароном шутить нельзя. — К тому же политика — вовсе не моя стезя. Я не могу дать тебе никакого ответа. Нужно подумать.

— Так речь об этом и не идет, — в голосе Корсо внезапно появилось почтение, — это было бы даже неучтиво. Я приглашаю тебя на обед через три дня. Тогда и поговорим. Ну, желаю вдохновения!

С этими словами Корсо вышел. Скоро с улицы слышался удаляющийся стук копыт. Лошадь явно сильно гнали.

Глава тринадцатая

ОБЕЩАНИЯ

Попробуем еще немного разобраться в запутанной истории с дамами.

Согласно свидетельству самого Данте, он видел Беатриче всего лишь четыре раза в жизни. Первый раз в девятилетнем возрасте на празднике, после которого он чувствует в глубине души дрожание «духа жизни», и это есть начало великой любви. Через девять лет он встречается с ней на улице, она приветствует его всего лишь легким движением головы, но этот момент становится событием, после которого появляется первый сонет. Оставшиеся две встречи приносят лишь разочарование. Заметив возлюбленную в церкви, поэт, чтобы не выдать своих чувств, начинает усиленно интересоваться другими дамами. Злые языки немедленно доносят ей об этом, и она перестает здороваться со своим обожателем. И последний раз, незадолго до ее смерти какой-то друг (возможно Форезе) сообщает нашему герою, что его прекрасная дама идет на вечеринку (или свадьбу) в такой-то дом. Данте тоже туда приходит, но его охватывает столь сильное волнение, что он не может ни с кем общаться, и Беатриче над ним смеется. После этого он решает вообще прекратить с ней видеться.

Возникает вопрос: а общались ли они на самом деле? Может быть, Беатриче была для Данте только красивой картинкой? Но ведь создавая ее образ, он делает упор не на внешней женской красоте, а на духовной чистоте и привлекательности своей возлюбленной. Смог ли он полностью «сочинить» себе ее характер? Опять-таки вспомним, что Данте вовсе не принадлежал к романтическим мечтателям. Он не только владел оружием, но и смог добиться верховной власти в своем городе, став одним из семи приоров. Вряд ли бы такой человек сделал дамой своего сердца какую-то пустую вздорную красотку. Конечно, он каким-то образом знал ее и, скорее всего, общался если не с ней, то с ее подругами. Многие исследователи обращают внимание на демократичность нравов в городах-коммунах, к которым относилась и Флоренция времен Данте.

Вот выдержка из биографии поэта работы Алексея Дживелегова: «Дом семьи Алигиери помещался недалеко от собора на площади Сан-Мартино, и всего один коротенький переулок отделял его от дома семьи Портинари. Встречаться детям было вовсе не трудно, и в этом не было ничего, что нарушало бы обычай.

Едва ли сам Каччагвида нашел бы в этих детских встречах признак упадка нравов. И, конечно, не было в них ничего, о чем с романтической целью говорил Боккаччо и с поэтико-аллегорической — сам Данте».

Ну а дальше? Многочисленные дантоведы (уже упомянутый здесь Скартаццини в их числе) не единожды задавались вопросом: а стоит ли воспринимать поэзию Данте как биографический источник? Вопрос даже не в том, насколько строго Данте придерживался хронологии событий или преувеличивал какие-то факты. Возможно, он вообще сознательно вводил среднестатистического читателя в заблуждение, чтобы тайное, «сокрытое под странными стихами», никогда не стало бы явным. Почему приходит такая мысль? Потому что Данте сам на нее наталкивает. В «Новой жизни» говорится о «даме-ширме», за которой влюбленный поэт прячет свои чувства к Беатриче. Что это? Простая констатация факта или все же метафора, призванная дать знак не среднему, но особому читателю: смотри, здесь сокрыто нечто очень важное.

Игорь Бэлза в уже упомянутой статье «В поисках Беатриче» пишет: «Думается, что проблема мировоззрения Данте сильно усложнена теми формулами, которыми он сознательно прикрывал все «сокрытое под странными стихами», подобно тому как «дамой-ширмой» он прикрывал свою великую любовь к Беатриче».

Но что так остро нуждалось в маскировке и все же должно быть высказано? Навряд ли поэт стал бы зашифровывать свой грех плотских отношений с Беатриче. Не тот масштаб. Хотя средневековое неприятие прелюбодеяния могло принести любовникам массу неприятностей. Вспомним тех же Франческу и Паоло.

Вернемся к тексту «Новой жизни»:

«Имя этой дамы было Джованна; и за ее красоту, как полагают люди, она получила имя Примавера; и так звали ее. Я видел, как вслед за нею приближается чудотворная Беатриче. Так прошли эти дамы одна за другой, и показалось мне, что Амор снова заговорил в моем сердце и произнес:

«Первая зовется Примавера лишь благодаря сегодняшнему ее появлению; я вдохновил того, кто дал ей имя Примавера, так ее назвать, ибо она придет первой в день, когда Беатриче предстанет своему верному после его видения. И если ты хочешь проникнуть в смысл первого ее имени, оно обозначает равно: «Она придет первой», так как происходит от имени того Джованни, который предшествовал свету истины, говоря: *«Ego vox clamantis in deserto: parate viam Domini»*.

«Тот» Джованни — некто иной, как Иоанн Креститель. И латинская цитата являет собой фрагмент Евангелия от Марка (1:3): «Глас вопиющего

в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему», повествует о том же персонаже. Что же получается дальше? Если Джованна — предтеча, то Беатриче — без вариантов — женский вариант Спасителя. Страшная ересь, почти богохульство, за которое можно было сильно поплатиться.

Но очень трудно заподозрить в богохульстве Данте, того человека, который уходил жить в францисканский монастырь и, возможно, даже принадлежал к терциариям и был монахом в миру.

Терциарии (в переводе «третьи» после мужской и женской ветви францисканцев) — это католический орден, объединяющий людей, желающих принять на себя обеты и жить в соответствии с духовностью данного ордена с соблюдением специального устава, но не покидать мир и даже состоять в браке.

При всей своей настроенности на политическую карьеру, Данте точно не был циником. Стало быть, имела место какая-то религиозная метафора, прекрасная, с точки зрения поэта, но вовсе (повторимся) не богохульство. Это попытка наложить друг на друга две несочетаемые парадигмы: языческую античную и христианскую. Вспомним: именно «античный» Вергилий является первым проводником и как бы духовным наставником Данте в аду...

Где же искать эту точку стыковки? Конечно же в любви. Христианское «Бог есть любовь» совмещалось с понятием языческого Амора, что читается в той же «Новой жизни». И даже само название этого произведения вскользь указывает на Новый Завет. Возможно, в следующей цитате и скрывается то, что в эпоху Данте нельзя было высказывать без какой-либо «ширмы»: «И мне казалось, что после этих слов: «Тот, кто пожелает более утонченно вникнуть в суть вещей, увидит, что Беатриче следовало бы назвать Амором благодаря большому сходству со мной».

Почему же «ересь» Данте и его манипуляции с «ширмами» не привлекли пристального внимания ни его современников, ни последующих поколений дантоведов?

На этот вопрос дал прекрасный ответ русский философ Александр Доброхотов в своей книге «Данте», которая вышла в 1990 году в московском издательстве «Мысль» в серии «Мыслители прошлого»: «Данте как мыслитель — не такая уж бесспорная тема. Его мировоззрение детально изучено и истолковано в бесчисленных научных трудах, его роль в мировой культуре представляется достаточно отчетливо, но когда мы читаем обстоятельную многотомную историю литературы, то узнаем из нескольких абзацев, что у Данте была своя философия, отразившая те или

иные тенденции Средневековья, когда же обращаемся к истории философии, то узнаем, что Данте велик как поэт, выразивший идеи философов на языке литературы. Роль иллюстратора средневековой философии не совсем вяжется с тем влиянием, которое Данте оказал на умы последующих столетий. Не теряем ли мы что-то, оставляя Данте без «места» в истории философии? Во всяком случае, требуется большая точность в постановке основного вопроса нашего исследования — о философии Данте. Данте-философ легко может быть скрыт в тени своего литературного величия или же сведен к идее и источникам предшествующих времен. Чтобы избежать этого, надо очертить сферу поисков».

Продолжим нашу реконструкцию событий жизни Данте и поиск смысловой мотивации его поступков.

*

...Все еще пытаюсь завершить ненавистный сонет, Алигьери ехал к Гвидо Кавальканти. Лошадь, будто чувствуя метания своего хозяина, постоянно пыталась свернуть не туда, куда нужно.

Навстречу попала компания подвыпивших ремесленников, они распевали песни. Один что-то крикнул вслед. Данте невольно обернулся и с опаской посмотрел на лошадиный хвост. Ему туг же сделалось неприятно на душе. «Что бы там ни случилось, никто не посмеет скрыть жилище потомков доблестного Каччагвиды!» — прошептал он и сжал зубы.

В доме Кавальканти собралось в этот раз особенно много дам. Только Беатриче среди них не было. Данте не решился спросить о ней, чтобы не выдать себя. Зато Джованна-Примавера, увидев его, вся прямо расцвела в ожидании комплиментов.

Он откровенно скучал. Все происходящее — новые канцоны Гвидо, разговоры о высоком — все казалось бессмысленным. Кавальканти подошел к нему с кубком:

— И чем порадует сегодня наша восходящая звезда?

С уст Алигьери чуть было не сорвалось нечто не вполне куртуазное. В этот момент у входа прозвучал знакомый милый голос:

— Простите меня за опоздание. Отцу сильно нездоровилось нынче.

Вне всякой связи в уме у него почему-то завертелись строки, сочиненные еще в отрочестве:

...Мне камни, кажется, кричат: «Умри!»

Его охватило странное чувство, будто сама память смутилась тем далеким воспоминанием. Тут же ощущение стало образом, и все услышали:

*Все в памяти смущенной умирает —
Я вижу вас в сиянии зари,
И в этот миг мне Бог любви вещает:
«Беги отсель иль в пламени сгори!»*

*Лицо мое цвет сердца отражает.
Ищу опоры, потрясен внутри;
И опьянение трепет порождает.
Мне камни, кажется, кричат: «Умри!»*

*И чья душа в бесчувствии застыла,
Тот не поймет подавленный мой крик...* [\[42\]](#)

Ему рукоплескали, одна из дам даже бросила к его ногам розу.
— Когда ты успел сотворить такое чудо? — подивился Кавальканти. —
Еще вчера мы слышали твои жалобные речи о покинувшей тебя музе.

— Музы капризны и непредсказуемы, — отшутился Алигьери, — не
далее, как сейчас, она соизволила вернуться, даже можно сказать,
настигнуть...

Гвидо засмеялся:

— Меня ты не обманешь. Это не импровизация, любезный друг, такие
строки требуют тщательной работы. Но превосходно, право, не ожидал.

Чтения закончились, и гости вышли во внутренний дворик — глотнуть
свежего воздуха и поделиться впечатлениями. Все хвалили новое
сочинение Данте, а он искал предлога остаться одному, чтобы записать
свою удачу и взглянуть, как смотрятся строки на бумаге, не обмануло ли
его чувство. Но как проделаешь это незаметно, находясь в чужом доме?
Вон там у розовых кустов не толпятся докучливые гости. Можно постоять
в тишине и хотя бы заучить этот, будто с неба слетевший сонет.

Шаги ее были удивительно легки, он чуть не вскрикнул, услышав
знакомый голос совсем близко.

— Это чудесно! Всем так понравилось, но я... — Беатриче замялась.
— Видишь ли, я точно знаю, что ты можешь гораздо лучше. Не обижайся.

И снова действительность, надув паруса, неудержимо поплыла куда-то... Далеким зрением он видел перед собой недавний сон, где мудрая девочка сидела в окружении ангелов. Ближнее показывало щеки взрослой дамы под густым слоем белил и румян. Но шея не утратила той детской беззащитной тонкости.

Однако, черт возьми, она ведь только что задела его писательское самолюбие!

— Чтобы высказывать суждения о чем-либо — необходимо хорошо знать предмет, — подчеркнуто сухо сказал он и почувствовал, как все внутри напряглось, будто перетянутая струна. Еще мгновение — и лопнет. Испугавшись, он поспешно добавил: — Может, ты... вы и правы, я просто хочу знать, откуда...

— Я ведь помню тебя много лет назад, — объяснила она, — у нас в доме гостили дети со всей Флоренции, никто из них не сделал игрушечного космоса.

— Или все-таки ада? — Он храбро посмотрел ей в глаза.

Она не смутилась, даже не заметила нарушения приличий, глядя куда-то сквозь него:

— Космос включает в себя и то и другое.

Смысл ее слов показался ему странным. Что есть «другое»?

— Рай, — ответила Беатриче так просто, будто встречалась с этими явлениями каждый день. — Да, — подтвердила она, — они очень близки, даже в нашем городе легко заметить это. Например в больнице, которую построил мой отец. Недавно я видела там самоубийцу, которого выловили из рва и спасли. У него нос почти сгнил, но с каким умилением он слушал, как мы с сестрами-кларетинками поем «Ave Maria»!

Ее привлекательное лицо просияло, освещенное удивительной душевной красотой. Сразу смешны стали условности, не позволяющие ему вот так свободно и радостно беседовать с ней...

Поддавшись порыву, он хотел признаться ей, кто вдохновил его на сегодняшний сонет, но вспомнил: она ведь не в восторге от этого произведения и ждет лучшего.

— Я хочу прославить ваше имя, создав нечто небывалое! — решительно произнес он, удивляясь сам себе. — Да. Клянусь. Во имя той нашей дружбы!

Беатриче улыбнулась:

— Удивительно! Я думала, ты уже давно забыл о ней. Напиши, мне

будет очень приятно. Только не клянись, это грех, лучше просто обещай. Я помолюсь за тебя, чтобы вышло хорошо.

Она отошла, оставив его укутанного теплым и мягким покрывалом несказанной радости. Минуту спустя из-за розовых кустов послышались шепот и хихиканье.

— Вот, оказывается, откуда Амор выстрелил в нашего нового поэта! — промурлыкала какая-то дама.

— Надо сказать Джемме, чем все время так занят ее женишок, что никак не может даже нанести визит, — отозвалась другая (это была Лаиса).

Они показались Данте пустыми визгливыми собачонками, но в памяти тут же встала страшная история юной Франчески да Римини. «А роль старого ревнивца исполнит моя невеста», — с грустью подумал он, вспомнив, что Джемма младше его на несколько лет.

Сплетницы удалились, держась за руки и продолжая шушукаться. С какой готовностью они опорочат доброе имя его возлюбленной! Нет, он не даст им такой возможности.

Гости уже переместились обратно в залу — поближе к закускам, которые уже заканчивались. Гвидо Кавальканти оставался верен своей... хм... бережливости.

Данте уселся к столу, взял засахаренное райское яблочко и начал рассеянно крутить его в пальцах. Беатриче расположилась поодаль в углу на высоком резном стуле. Она улыбнулась ему одними глазами, а Лаиса, заметив это, сделала знак подруге.

Алигьери почувствовал гнев. Совсем нет совести у людей! Он решил немедленно защитить честь возлюбленной уже проверенным способом, с помощью своей дамы-ширмы. Поискав глазами Джованну и обнаружив ее на противоположном конце зала, подошел к ней со словами:

— О прекраснейшая из дам! Давно уже я имею счастье лицезреть вас, испытывая при этом жесточайшие муки, усиливающиеся ввиду того, что злая судьба вновь и вновь сплетает наши пути. Беспощадный Амор не дает зажить моим ранам, его лук всегда наготове, лишь только стоит вам войти в комнату, где я нахожусь!

Увлечшись, он не заметил Беатриче, которая тоже подошла к Примавере и теперь, стоя у него за спиной, с удивлением прислушивалась. Улыбка исчезла с ее лица.

— Но как мне помочь вам, скажите? — прикинулась простушкой Примавера. В ее глазах мелькнули лукавые искорки.

— Позвольте мне посвятить вам канцону, о прекраснейшая! Всю остроту пера и трепет вдохновения я принесу на алтарь вашего имени,

обещаю!

Джованна жеманно всплеснула руками:

— Ах, как мило! А ведь я могу удвоить ваше вдохновение и даже утроить! Не верите? А пойдёте гулять в розарий.

... Старое доброе вино Гвидо Кавальканти пилось с лёгкостью родниковой воды и ударяло в голову незаметно. После него предложение Джованны предосудительным не показалось. Данте только удивился, как она, будучи замужней женщиной, сама предложила мужчине уединенную прогулку. Впрочем, нравы во Флоренции, похоже, перешли черту любого приличия.

Новоиспеченная парочка отправилась в розовый сад, принадлежащий Гвидо. Он располагался с другой стороны от дома в глухом закоулке, обрамленном невысокими стенами из песчаника.

Джованна щебетала о розовом венке, которым она увенчает чело славного поэта. Она оказалась раздражающе глупа. Данте колебался: объяснять ли ей, что прославляют обычно лавровыми венками? На розах же имеются шипы, не хуже терновых.

Сорвав розу, Примавера встала на цыпочки, собираясь приладить цветок к волосам своего спутника. Данте вдруг вспомнил ее мужа — неприятного старика с лицом, изрытым оспой. Она улыбнулась. Пухлые губы оказались совсем близко. Случайно ли? А расстегнувшееся платье, под которым угадывались живописные холмики?

Разгоряченный вином и уединенностью места, он потянулся к ней, не зная, что из узкого окна за ними следит Гвидо Кавальканти, сжимая в руке кинжал и размышляя: как отомстить сопернику и одновременно не выдать своей связи с грубоватой возлюбленной. Впрочем, ничего особенного поэт увидеть не успел.

— Джованна, вот ты где! А я тебя ищу! — прозвучал знакомый голос.

Вздвогнув, Данте отшатнулся от случайной подруги и уставился в землю, боясь увидеть разгневанное лицо той, кто жила в его снах.

— А мы тут розы посмотреть решили... — быстро нашлась Примавера.

Беатриче не слушала. Не отрываясь, она смотрела на своего детского товарища, а он мечтал стать маленьким, чтобы провалиться в игрушечный ад под лимонным деревом. Наконец пытка закончилась.

— Как вы, оказывается, щедры на обещания, мессир Алигьери! Смотрите, как бы не пришлось выполнять невыполнимое! — холодно произнеся эти слова, дочь Фолько Портинари развернулась и ушла не попрощавшись.

Джованна хмыкнула, наморщив носик:

— Моя подруга, кажется, сегодня не в настроении. А вот мне наше изысканное времяпрепровождение весьма по душе. Кстати, можно продолжить его вечером у нас в доме — мой супруг как раз отбыл по торговым делам в Болонью.

Данте выдавил из себя какую-то любезность и, не обращая внимания на враз поскучевшую даму, помчался на поиски Гвидо.

Он обнаружил поэта в рабочем кабинете, в одиночестве, с огромным кубком вина в руках. На столе перед ним лежали три охотничьих ножа и один кинжал. Увидев вбегающего Алигьери, он потянулся к оружию, но пересилил себя. Данте, не заметив этого жеста, закричал с порога:

— Скажи, мадонна Барди придет к тебе на следующий званый вечер?

Гвидо явно ожидал какого угодно вопроса, только не этого.

— Любезный друг! — проговорил он нарочито раздельно. — Откуда мне знать планы этой достойной дамы? С таким же успехом ты можешь спросить у меня, будет ли дождь в грядущее воскресенье.

— Но она ведь всегда присутствует в списках гостей? — не унимался Данте.

— Ты прав, я обычно приглашаю ее. Она умна, что не так уж часто встречается среди женщин. К сожалению, не могу сказать того же о ее подругах. Да что с тобой? Ты бледен, будто восставший мертвец!

— Я... кажется, я оскорбил ее.

Кавальканти посмотрел с любопытством:

— Хм... Дело принимает интересный оборот. Прямо оскорбил? Боюсь, тебе придется иметь дело с мессиром Барди. Он человек не гневливый, но жену в обиду не даст.

— Да нет, не до такой степени. Мне просто нужно извиниться перед ней, а я не знаю, где еще можно найти ее. Не могу же я заявиться к ней домой без приглашения.

Гвидо задумался:

— Можно встретить ее в церкви. Она посещает Санта-Репарату, насколько я знаю. Можешь и дождаться следующего поэтического вечера, но, боюсь, он случится не скоро. В ближайшее время всем поэтам придется сменить перья на мечи. Грядет война, и мы, как граждане нашей милой Фьоренцы, должны сразиться с аретинцами.

— О дьявол! — Алигьери схватился за голову, но тут же успокоился. — Может, и к лучшему. Говорят, война лечит от... от многого.

— Меня, думаю, не излечит, — мрачно заметил Кавальканти.

Назавтра Гвидо Кавальканти неудачно попал под холодный дождь. Вроде бы сильной простуды не случилось. Однако с того дня его не переставало знобить. К тому же неприятно ныли кости, и несколько раз в день его охватывала ужасная слабость. Первый поэт точно знал: если он в таком состоянии отправится в военный поход, то у него нет шансов вернуться живым. А так как его участие было весьма желательным, но все же добровольным — он решил сходить к своему районному военачальнику — Вьери Черки — и пожаловаться на болезнь. Для большей убедительности Гвидо захватил с собой баклагу самого лучшего вина.

К своему большому удивлению, он застал у Вьери его злейшего врага — Корсо Донати. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Корсо и Вьери командовали двумя отрядами, состоящими из граждан Флоренции. Остальные воины были наемниками. Поэтому врагам пришлось на время забыть о своей взаимной неприязни и обсудить некоторые практические дела. В момент прихода Гвидо Барон собирался покинуть дом Вьери.

Гвидо, растерявшись, попытался незаметно положить винную баклагу на пол. Когда это не удалось — начал с преувеличенным жаром нахваливать содержимое. Корсо от вина отказался, напомнив, что продолжает ждать первого поэта к себе на обед. Лучше всего прямо завтра, поскольку потом начнутся военные тренировки.

— Благодарю за приглашение, — отвечал Кавальканти, — я посещу твой дом завтра.

Дверь за Донати закрылась.

— Ну, показывай, что за отраву ты предлагал выпить моему врагу? — пошутил Вьери и кликнул слуг, дабы они разлили вино по кубкам. Гвидо эта невинная шутка совсем выбила из колеи. Он все не решался спросить о деле, ради которого пришел. Наконец Черки начал прощупывать почву сам.

— Твое вино выше всяких похвал, — промолвил он, допивая кубок, — но интересно знать, чем обязан я столь изысканным угощением?

— Я слышал о формировании отряда флорентийских граждан для аретинского похода, — нерешительно начал Гвидо.

— Если речь о твоём участии, то ты опоздал, — быстро отреагировал Вьери. — Бойцы моего отряда уже давно тренируются. А ты не настолько известен воинским мастерством, чтобы брать тебя без подготовки. Боюсь, мессир Донати тоже поддержит меня в этом, хотя обычно он всегда поступает мне в пику. Придется уж тебе подождать следующей военной

кампании.

Для Гвидо все складывалось наилучшим образом. Ему даже не пришлось высказывать свою не очень-то красивую просьбу. Но на душе все равно было тяжело...

На следующий день Гвидо исполнил обещание, данное Корсо Донати, и посетил его. Радушие хозяина поразило первого поэта. Стол ломился от фигурных пирогов, дичи, засахаренных фруктов и разнообразных вин.

— Этот обед приготовил лучший повар Флоренции, — гордо объявил Барон. — Я слышан о твоём изысканном вкусе и решил тебе угодить.

Гвидо стало не по себе. Корсо имел вспыльчивый нрав, легко переходя от милости к неукротимому гневу. А ведь Кавальканти не исполнил его просьбы вступить в партию.

— Благодарю, многоуважаемый мессир Донати, — осторожно начал Гвидо, — к превеликому сожалению, мне трудно ответить вам тем же. Служителю муз трудно стать политиком...

— Ну, это смотря кто позовет, — неожиданно весело возразил Корсо. — А то и побежишь, да ещё и приношение притащишь.

Гвидо похолодел, вспомнив о своём визите к Черки, а Корсо принялся радушно угощать гостя, не забывая и о себе.

— Вот, отведай этой чесночной похлебки, — предлагал он, с аппетитом жуя кусок пирога с соловьями, — и вот эта дичинка чудо, как хороша.

Что-то неуловимо изменилось в его взгляде, когда Гвидо попробовал похлебку. Кавальканти, оставив ложку, потянулся к расхваленной дичи. Наверняка она также имеет чесночный привкус. Гвидо не ошибся. Он выплюнул прожеванный кусочек и увидел, как лицо Барона перекосилось от ярости.

— Что? Недостаточно изысканно для тебя? — тихо спросил он.

— Достаточно, — ответил Кавальканти, глядя прямо в глаза Корсо, — просто я не люблю мышьяка.

После такого заявления Барон должен был либо немедленно начать есть сомнительное блюдо, либо страшно оскорбиться. Но он только криво усмехнулся и неожиданно ушел, оставив Гвидо одного перед накрытым столом. Первый поэт прислушался, ожидая немедленного нападения. Но все казалось тихо. Тогда он на цыпочках вышел из гостеприимного дома и поспешил к себе. Надежно запер дверь. Прислушался к своим ощущениям и все-таки различил во рту слабый металлический привкус, свидетельствующий об отравлении.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Вернемся к «Новой жизни». Только она может дать нам некоторые подсказки о взаимоотношениях Данте, Гвидо и Примаверы. Да, наш герой признается, что скрывал свои чувства к Беатриче, ухаживая за Примаверой. Но сама Примавера? Кем была она для поэта? Вот строки, которые могли бы стать подсказкой: «Затем, размышляя над этим, я решился сочинить стихи, обращаясь к первому своему другу. При этом я скрыл те слова, скрыть которые надлежало, так как полагал, что он еще созерцает в сердце своем красоту благородной Примаверы. Тогда я сложил сонет, начинающийся: «Я чувствовал...».

Очень похоже, что наш герой скрывает здесь свои истинные отношения с Примаверой, опасаясь, что ее история с Гвидо еще не закончена. Доказательств нет, но разве мы можем утверждать что-то определенное, даже глядя на наших близких знакомых?

Сейчас очень популярны телешоу, построенные на обсуждении отношений. «Пусть говорят», «Звезды сошлись», «Русские сенсации», «ДНК» — это только в России. Множество подобных шоу есть и в других странах. Часто «героев из жизни» там играют малоизвестные, не «засвеченные в ящике» актеры. Но отправной точкой для такой передачи, как правило, становится какая-то реальная медийная персона. С ней договариваются заранее, чтобы избежать судебных процессов за моральный ущерб.

Часто известные люди имеют аккаунты в соцсетях, в которых охотно делятся мыслями, даже «личным». Понятно, что это «личное» подвергается сильной фильтрации. Часто в публичном аккаунте медиаперсона сознательно предстает в облике, далеком от подлинного.

В XIII веке не было ни телевидения, ни Интернета, но ниша «медиаперсон» существовала, и наш герой имел к ней самое прямое отношение. Вся его деятельность была публичной, в поэзии (особенно в «Божественной комедии») предметом описания, скорее, было современное ему общество, а не собственный внутренний духовный путь. Даже смерть своей возлюбленной Беатриче он обратил в публичную акцию, написав об этом событии официальные письма, которые он разослал правителям разных городов.

А это значит, что, возможно, некоторую часть своей жизни он представлял для современников в качестве инфоповода, как это делают современные блогеры. Он мог щедро рассыпать намеки там, где считал нужным, и может быть, именно поэтому не написал ни строчки о своей законной супруге.

Кстати, самое время вспомнить о воинственном образе нашего героя, созданном в аниме «Ад Данте». Вот отзыв анонимного пользователя, рекомендующего компьютерную игру «Dante's Inferno»:

«Для того чтобы лучше понять сюжет, я советую сначала посмотреть анимационный фильм «Ад Данте» от самих EA. Как и «Dead space», мультфильм о похождениях грешного крестоносца получился у них классным.

Главный герой Данте — отличный воин, который участвовал во множестве крестовых походов, бился в самых знаменитых сражениях и даже воевал против Саладина и штурмовал Иерусалим».

Посмотрим, как складывалась военная карьера одного из самых значимых поэтов в истории человечества.

*

Началась ратная подготовка граждан, призванных во флорентийское войско. Постоянной спутницей Данте стала боль в мышцах и суставах. Больше всего болела рука от многочасового фехтования. Занятие это не было для него новинкой. В Болонском университете постоянно находили повод для поединков, несмотря на запрет городских властей на ношение оружия для студентов. Но тогда это было развлечением, никто и не думал о серьезных тренировках. Сейчас же деи Черки не давал своим воинам ни малейшей пощады, заставляя махать оружием до полного изнеможения. Алигьери и Черки жили в одном квартале, поэтому Данте попал именно в этот отряд. Он пытался возмущаться, но соседи его быстро осадили. Как выяснилось, ему крупно повезло. Черки со всей своей невыносимой муштрой считался сущим ангелом по сравнению с командиром второго отряда флорентийских граждан, мессиром Корсо Донати. Тот, говорят, приходил в ярость по малейшему поводу и даже серьезно ранил кого-то из подначальных.

А между тем именно отряд деи Черки готовился первым напасть на неприятеля и принять первый удар.

Впереди замаячила возможность гибели, придавая особую глубину

повседневным делам. Грустно глядя на брата и сестру, Данте остро ощущал родственные чувства. Он старался теперь проводить с Франческо больше времени и даже делал ему и Гаэтане подарки. Юный оболтус, привыкший лицемерно потуплять взор при нравоучениях старшего брата, терялся от его неожиданного участия и подозревал подвох.

А брат, размягчившись сердцем, дошел до того, что просил прощения у Форезе за все колкости в адрес Неллы. Толстяк не обрадовался, а скорее встревожился. Даже посоветовал приятелю сходить на исповедь.

— Ты удивляешь меня, Биччи, — пожал плечами Алигьери, — говорить такое именно сейчас, когда я стал вести себя благочестивее иных монахов! Даже в таверне забыли, как я выгляжу.

— Это меня и пугает, — вздохнул тот.

Форезе был прав. Данте пребывал в странном возбуждении. После ратных упражнений он отправлялся бродить по городу, шепча строки, хаотично возникающие в голове. Перед каждым поворотом он настораживался и замедлял шаги, надеясь встретить возлюбленную, но тщетно. Она словно пропала. Не появлялась даже в Санта-Репарата. В воскресенье он специально обошел всю церковь, оглядывая прихожан. Видел Примаверу, опустившую очи долу, едва он приблизился. Видел свою невесту в окружении каких-то незнакомых дам, но нигде ему не повстречалась Беатриче.

Между тем подходил к концу апрель — первый месяц военной подготовки. Мышечная боль постепенно отступала, тело привыкало к новым нагрузкам. Тем острее чувствовалась боль душевная.

...Гвидо выжил после отравления и стал официальным врагом Корсо Донати, но Данте это не смущало. Он любил бывать у первого поэта, и тот тоже ценил эти визиты. Настолько, что даже поступился своей обычной бережливостью и ставил на стол большие кубки с превосходным вином. Он продолжал внушать своему младшему собрату мысль: страдания даны поэту для глубины творчества, надо пользоваться ими, переводя их в золото чеканных строк. Сам Кавальканти так и поступал. Данте не раз наблюдал весьма резкие сцены между поэтом и некоторыми приближенными дамами. Доходило и до пощечин. После особо бурных разбирательств Гвидо шел в кабинет и рождал свои лучшие стихи.

У Данте тоже имелась отличная кандидатура для бурных страстей — Джованна. Она почитала себя обиженной — за то, что Алигьери проигнорировал ее прозрачный намек тогда, в розарии. Но тем не менее ясно давала понять: обиды будут тотчас забыты, если он появится в ее доме. Данте уже не раз, поддавшись на тайную магию многозначительных

взглядов и оброненных вееров, направлял свои шаги к ее дому, но по пути опять начинал безуспешно искать Беатриче. От этого интерес к Примавере мгновенно улетучивался.

В последний день перед выступлением войска он, разозлившись на себя, решил все-таки нанести визит «предтече».

Они встретились в церкви. Несколько полувзглядов, пара полуфраз — и Алигьери уже все знал о ее сегодняшнем дне. То есть не все, а самое главное — старый муж снова отбыл в Болонью.

Как очаровательно шевельнулись ее пухлые губы, выговорив это изящное слово «Болонья»! Ему вдруг стало жаль времени, зря потраченного на бесцельные поиски придуманного идеала.

«В конце концов, детство давно кончилось, сколько можно играть в ангелов?» — думал он, поднимаясь по незнакомой крутой лестнице в потаенную комнату.

Соблазнительные губы надолго оказались у самого его лица. Примавера пылала — не весна, а лето в самом разгаре. За стрельчатым окном, резко крича, носились ласточки. Черными серпами быстрых крыльев они будто срезали с души покровы, оставляя ее нагой под лучами безжалостного дневного солнца.

..Пошатываясь, он спустился по лестнице, вышел на улицу и только тут обратил внимание на некоторый беспорядок в одежде. Поправляя неправильно застегнутый кафтан, боковым зрением заметил, как к дому подходит Беатриче.

— Приветствую вас, — пролепетал он, — я уже работаю над канцонной, которая...

Она собиралась зайти к Джованне, но, увидев его, остановилась:

— Боже мой, прекратите! Ведете себя, будто площадной жонглер! — после чего развернулась и торопливо зашагала прочь.

Алигьери на некоторое время будто окаменел. Потом спохватился и бросился ей вдогонку. Настиг уже на соседней улице:

— Вы не так меня поняли! Вы...

— Послушайте, но зачем мне вообще понимать вас? — холодно отозвалась она, не сбавляя шага. — Я замужняя женщина, испытывавшая к вам ранее дружеские чувства, но не более того.

— Ранее?! Нет, не убивайте меня!!! Не лишайте вашей дружбы.

Она остановилась и испытывающе посмотрела на него:

— А что ты разумеешь под этим словом? Не то ли, что нашел в доме Джованны? И все эти твои страстные обещания и клятвы по поводу стихов, которые ты тут же забываешь, — они просто оскорбительны. Лучше бы ты

вообще молчал!

И она снова быстро пошла по улице. Он бросился за ней:

— Я исправлюсь! Я начну исполнять обещанное уже завтра! Пусть это будет маленькая канцона, но в вашу честь. Где я могу увидеть вас, чтобы прочитать?

Дочь Фолько Портинари досадливо поморщилась и ускорила шаги, но он, забежав вперед, встал перед ней и с отчаянием сказал:

— Вы являетесь мне во снах почти каждую ночь, и с вами всегда приходят ангелы. Если бы я искал в вас... то, что в Джованне, — поверьте, сны были бы другими. Позвольте мне повидать вас завтра перед сражением и прочитать...

— Да, конечно. — Беатриче согласилась поспешно, даже с испугом. — Я буду на мессе в Санта-Репарате. Не надо ничего читать, просто приходи.

Тонкая рука поднялась и перекрестила его. Карие глаза смотрели с невыразимой теплотой.

— До свидания, — просто сказала она и пошла по улице уже без торопливости.

Вечером Данте долго не мог заснуть. На него обрушился водоворот мыслей, образов, лиц. Ему представлялись рыцари, скачущие на разъяренных конях под предводительством славного Каччагвиды освобождать святыню Гроба Господня. Где-то впереди в тумане трепетало зеленое сарацинское знамя и грозно щерились копья врагов. Мгновение — и наступила страшная сеча — кровь, многочисленные гримасы боли, ужаса, ненависти. И отчаянная молитва, словно искра, враз высеклась из потрясенных сердец. Господь услышал ее, и дрогнули сарацинские ряды, и рассеялись, и сгнули. Тогда появился понтифик из Рима в багряной камауро и сказал: «Я победил их. Под моим благословением вы совершили этот подвиг». Он сделал знак рукой — и тотчас ему подали императорский крест, копье и державу. Нужно было немедленно присягнуть ему, и половина рыцарей пала на колени. Но другая половина осталась стоять в молчании. И тогда недавние сотоварищи наставили на них свое оружие...

Видение оказалось пугающе натуральным. Данте знал, что он гвельф и ему нужно примкнуть к первой группе. Но он стоял, не в силах сдвинуться с места, и рядом не было никого, кто бы дал ему добрый совет. Да и кого можно послушать, если даже сам папа, ослепленный властью, забыл свое предназначение, данное Богом?

Вдруг яркое озарение снизошло на Алигьери. «Беатриче!» — вскрикнул он и проснулся от стука в дверь. Судя по освещению, за окном стояла ночь.

Все еще пребывая во власти видений, он слабым голосом крикнул: «Да!» В комнату вошел посланник Черки, за ним служанка со свечой.

— Решили выступать ранним утром. — Гонец говорил, задыхаясь. Видимо, пришлось бежать. — Собирайтесь!

— Прямо сейчас? — Данте потряс головой. Происходящее продолжало напоминать сон. — Но ведь еще колокол не звонил. Как же месса? Мы пойдем на войну без благословения?

— Для конников Донати и Черки устраивают специальное богослужение. Оно пройдет перед обычным. Храм уже открыт, поспешите.

— Хорошо, — Алигьери почти примирился с реальностью, — иди. Я скоро буду в Санта-Репарате.

Посланник, уже взявшийся за ручку двери, отпустил ее:

— Нет, мессир Алигьери, не надо к Репарате. Богослужение пройдет в Сан-Пьер-Скераджо.

Он бросил внимательный взгляд на лицо Данте и, решив, что тот услышал и понял, выскочил за дверь. Служанка громко зевнула и испуганно перекрестила рот.

...Небо на востоке изрядно посветлело. Данте ехал по сумеречным зябким флорентийским улицам, чувствуя большое волнение. Успеет ли он? Благословение получают в конце мессы, а в это время ему уже нужно быть в Санта-Репарате. Там начинают служить сразу после восхода солнца, но ему нужно успеть до начала — нельзя ведь подойти к Беатриче с беседой во время песнопений или проповеди. Одна надежда — богослужение для воинов, торопящихся в поход, навряд ли сделают слишком долгим.

Под сводами Сан-Пьер-Скераджо быстро стало тесно и душно. Непонятно, каким чудом туда набились оба отряда, да некоторые еще и с домочадцами. От гула голосов голова шла кругом.

— Начинайте уже! Зачем подняли всех ни свет ни заря! — звучало то тут, то там, но священники никак не выходили. Наконец появились два архиепископа и кардинал. Это означало, что месса скоро не закончится.

— Ох ты Господи! — вырвалось у Данте неожиданно громко.

Человек, стоящий перед ним, обернулся:

— О, родственничек!

Алигьери увидел холеное лицо с жестким взглядом темных глаз. Корсо рассматривал собеседника с презрительным вниманием:

— Тоже на войну? А в каком отряде?

Как раз накануне Данте рассказали о вражде между Вьери деи Черки и Корсо Донати. «Очень неудачно, — подумал он тогда, — родные Джеммы и так обижены на жениха, который не слишком торопится стать мужем, а тут

еще угораздило попасть не в тот отряд».

Он сделал паузу, раздумывая, как ответить, чтобы не вызвать гнева. В этот момент священническая процессия двинулась. Корсо потерял к Алигьери интерес и начал участвовать в мессе, крестясь и кланяясь с подчеркнутым благолепием.

Все складывалось наилучшим образом. Несмотря на кардинала, богослужение не затянулось. Близилось заключительное благословение, а колокол, зовущий на службу в Санта-Репарате, еще не прозвонил. Перед мысленным взором Данте мелькали картины будущей встречи с любимой. Время будто остановилось, заключительная молитва никак не желала заканчиваться, слова кардинала нанизывались и нанизывались коралловыми бусинами бесконечных четок...

— *Ite missa est!* — наконец смиростивился кардинал.

— *Deo gratias!* — прогудел весь собор. Данте, еле дождавшись торжественного ухода кардинала с епископами, бросился наружу к своей лошади. Он уже заносил ногу в стремя, когда над ухом раздался уверенный бас Корсо Донати:

— Можешь не спешить, родственничек. Я распорядился дать воинам немного времени на прощание с теми, кого они любят.

— Да? — от внезапного чувства благодарности Данте захотелось обнять Корсо.

Тот продолжал:

— Поедем вместе. Нам ведь по пути.

— Как? — Реальность пугающе качнулась. Или Корсо умеет читать мысли, или...

Мессир Донати недобро прищурился:

— Что значит «как»? Разве ты спешишь не к своей невесте?

Планеты игрушечного космоса бешено завертелись, предвещая апокалипсис. Пальцы судорожно комкали поводья... Как же ответить, черт возьми?

В этот момент раздался тяжелый удар колокола. В кафедральном соборе, где находилась Беатриче, началось богослужение.

— Да... спешу... — невнятно пробормотал Алигьери.

Корсо отвязал коня, вскочил в седло. Обернулся:

— Тогда поехали. Времени очень мало.

Джемма за последнее время еще больше похорошела. Она изящно двигалась и учтиво разговаривала. Как выяснилось, она ждала от жениха подарка, только Данте никто не предупредил об этом. Хотя, вероятно, нужно было догадаться самому. Лаиса, оказавшаяся в гостях, беззвучно

хихикнула, у невесты же от слез покраснели глаза, хотя она и сдерживалась изо всех сил.

Мать Джеммы угощала будущего зятя всевозможными кушаньями, а у того кусок в горло не лез. Сидел в этом чужом доме, ощущая крайнюю неловкость. Хорошо еще, что Корсо не присутствовал — он быстро выразил почтение старому Манетто, бездвигно лежащему на кровати, и отправился к своей семье.

Еле дотерпев время, приличное для визита, Данте вышел из дома Донати, вскочил на лошадь и во весь опор помчался к Санта-Репарате.

Не доехав до цели, понял: поздно. По переулку, выходящему на соборную площадь, змеился людской ручеек. Ближе к собору он становился интенсивнее. Значит, месса уже закончилась.

Он выехал на площадь и начал кружить, высматривая Беатриче. Осмотрел несколько повозок, стоящих в ожидании хозяев, хотя знал, что она всегда ходит пешком. Ее нигде не было. Площадь заполнил народ. Лошадь отказывалась идти в такую толкучку. Едва не задавив какую-то старушку, Данте спешился и пытался продолжать поиски, пока народ не схлынул. Тогда он снова вскочил в седло и поехал в квартал, где проживала семья Симона деи Барди.

Дом удалось разыскать довольно быстро, но вот дальше... Что он скажет, постучав в колотушку? Какие дела его могут связывать с почтеннейшей мадонной деи Барди? Воспоминание об ужасной истории Франчески да Римини снова заставило трепетать душу.

Оставалась последняя надежда. Вдруг Беатриче знает про перенесение мессы для воинов в Сан-Пьер-Скераджо? А она ведь явно собиралась благословить его перед битвой. Тогда она могла бы подойти куда-нибудь... например, к тому дворику с космосом под лимонным деревцем.

Охваченный этой мыслью, он яростно хлестнул лошадь. Та обиженно заржала, вздыбилась, чуть не сбросив всадника, зато помчалась стрелой. Ветки хлестнули по лицу, перед глазами пронесся перепуганный воробей. Переулок сменялся переулком.

— Стой! — вдруг послышался яростный крик. Алигьери изо всех сил натянул поводья, но разгоряченное животное остановилось не сразу. Сзади догонял какой-то незнакомец.

Наверное, этот человек знает, где Беатриче. Так почему-то показалось Данте. Он чуть не спросил о ней напрямую, но осекся, увидев злобное лицо незнакомца. Он явно принадлежал к пополам.

— Ты что позволяешь себе, нобиль? Или тебе надоел твой дом? Слава Господу, законы Фьоренцы нынче на стороне народа, а не вашего

зажравшегося сословия.

— Что случилось? — Алигьери искренне недоумевал.

— А ты сам не видел? Или ты считаешь, что живешь один в городе и можешь давить своей поганой кобылой честных людей посреди бела дня?

— Я никого не давил. — Данте понемногу начал понимать в чем дело.

— Ты подавил меня морально, своим превосходством, нобиль. Твоя клыча нанесла унижительные движения по моему лицу!

Алигьери отвернулся, не в силах удержаться от смеха. Пополанин заметил это и мрачно произнес:

— Смейся. Посмотрим, как будешь ты смеяться, когда гонфалоньер со стражей придет разрушать твой дом. Я знаю, ты живешь в следующем переулке, а твой отец был ростовщиком.

Дело принимало нешуточный оборот. Данте сказал примирительным тоном:

— Прости, добрый человек, я и не думал тебя обидеть. Просто очень спешу присоединиться к войску, уходящему в Ареццо.

Вертикальные морщины на лбу пополанина вмиг разгладились.

— Так ты едешь разорять это гнусное гнездо гибеллин — ских шавок? Так бы сразу и сказал. Бог в помощь. Только поторопись, наши конники уже покинули Фьоренцу.

— Как... покинули? — Данте не верил своим ушам.

— Как, как! Выступили в поход. А ты где был? Поди, с невестой прощался? Дело молодое. Ну скажи, авось догонишь, поди, недалеко ушли.

И закашлявшись скрипучим смехом, пополанин вошел в ближайший двор.

Алигьери поскакал к Сан-Пьер-Скераджо, у которого объявляли сбор. Там его встретила тишина. Он спешил и зашел в церковь, но тоже тщетно. Пустые скамьи заливало солнце, и не верилось, будто несколько часов назад на них не было свободного места.

В дальнем нефе зашаркали шаги. Данте бросился туда. Древняя старуха собирала огарки свечей перед статуей Пресвятой Девы. Долго она не понимала, что хочет от нее этот молодой сильно встревоженный синьор. Наконец, пошамкав землистым ртом, произнесла:

— Уехали давно уж. Пошли им победу, всеблагий Иисусе!

Совершенно расстроенный, он вышел из церкви, сел на лошадь и поскакал к юго-востоку, где у третьего круга флорентийских стен начиналась извилистая дорога, ведущая вдоль долины реки Арно прямо в Ареццо.

Глава пятнадцатая

ПРОПАВШЕЕ ВОИНСТВО

Здесь самое время заняться предварительными подсчетами будущих боевых противников и познакомиться с документальной информацией об одном из крупнейших вооруженных столкновений между гвельфами и гибеллинами.

Армия гвельфов была очень велика. Историки определяют ее размер в 12 тысяч человек. Цифра немыслимая для средневекового сражения, однако и Флоренция конца XIII века имела население по тем временам просто гигантское. Вот цитата из книги Пьера Антонетти «Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте»:

«В течение долгого времени Флоренция отставала от своих соседей и соперников, особенно от Пизы, являвшейся в XII — начале XIII века самым крупным по численности населения и наиболее процветающим городом Тосканы. Однако Флоренция преодолела отставание за несколько десятилетий. По данным некоторых исследователей, имея в конце XII века 15-тысячное население, она в начале XIII века достигла примерно 50 тысяч жителей (цифра, представляющаяся многим историкам завышенной), а около 1260 года — 75 тысяч, в 1280 году — 85 тысяч и, наконец, в начале XIV века — 100 тысяч человек. Тем самым она опередила все тосканские города (Сиена в 1328 году насчитывала 50 тысяч жителей, Пиза в 1293-м — 38 тысяч, Лукка — 23 тысячи, Прато — 20 тысяч человек). Она встала в ряд наиболее населенных городов Северной Италии (Милан — 65 тысяч жителей, Генуя — 60 тысяч, Флоренцию опережала лишь Венеция с более чем 100 тысячами жителей)».

При этом флорентийская армия еще и состояла не только из горожан. На помощь флорентийцам пришли другие тосканские гвельфы, включая жителей Болоньи, Пистойи, Лукки, Сан-Джиминьяно, Сан-Миниато, Сиены, Вольтерры и других городов. Экипировка гвельфской армии также была на высоте благодаря щедрости флорентийских банкиров. Зато кавалерия, на которую в таких сражениях всегда делалась ставка, не имела боевого опыта. Таким образом, надеялись они, скорее, на пехоту, в которой было не более десяти тысяч человек, но только в лучшем случае половина солдат получила нормальную подготовку. Это были копейщики, арбалетчики и лучники. Остальная масса представляла собой

милиционеров, которые могли неплохо следить за порядком на городских улицах, но совершенно не привыкли к крупным боевым операциям, и просто сомнительных наемников. Элитой всей этой разношерстной армии по праву считалась личная свита кондотьера Аймерика де Нарбонна — 400 французских рыцарей, известных своим боевым мастерством. В распоряжении Аймерика также состояли обязательные субкомандующие из числа флорентийцев, в том числе уже неоднократно упоминавшиеся Корсо Донати и Вьери деи Черки.

Армия гибеллинов если и уступала гвельфской в численности, то очень ненамного. Зато по своему составу она резко отличалась от сил гвельфов.

В отличие от своих противников гибеллины гораздо меньше полагались на непрофессиональные городские ополчения. Они формировали боевые силы из феодалов-рыцарей и их свит. Службы Аймерик у них, им не пришлось бы в голову записывать его отряд в военную элиту, поскольку практически вся их армия состояла из подобных отрядов. Флорентийский хронист Джованни Виллани уважительно описал армию аретинцев, как «цветок гибеллинов Тосканы». Из всего этого можно сделать вывод, что прогнозы для флорентийцев в целом и лично для Данте были не слишком радужны.

И, по свидетельству историков, флорентийская армия сильно страдала от недисциплинированности.

*

Солнце понемногу теряло свою знойную силу и уже не так сильно пекло в спину. Впереди из долин апеннинских отрогов все явственнее проступала вечерняя синь. Взмыленная лошадь Данте уже еле тащилась. Беспокоясь о состоянии коняги, он перестал ее понукать. Бедное животное уже полдня выдерживало утомительную скачку.

Тем не менее догнать воинство не удалось. Даже следов его присутствия не наблюдалось. Это было очень странно — даже если отряды деи Черки и Донати выехали на час раньше его — они бы не двигались так быстро и ему удалось бы их настигнуть. Если только... если только они вообще поехали в Ареццо.

Хорошо бы из-за горизонта показался встречный путник. Он бы уж точно знал: есть ли впереди войско.

Лошадь наострила уши. Прислушавшись, Данте различил голоса,

доносящиеся справа из небольшой рощи. Туда вела тропа — широкая, но немного заросшая. Почему бы не подъехать — вдруг люди, находящиеся там, знают больше?

Лошадь охотно свернула. Ей явно приглянулась сочная трава, по которой пролегал путь. Животное медленно переступало, срывая на ходу листики клевера, благо хозяин погрузился в глубокие раздумья и почти забыл, что находится в седле. Думал он о Беатриче, которая теперь уж точно перестанет относиться к нему серьезно. Она дала ему последний шанс сдержать свое слово, собиралась благословить его на битву как настоящего рыцаря, а он не смог такой малости, как вовремя прийти. Если теперь ему суждено погибнуть в сече — кто о нем помолится? Разве что Франческо с Гаэтаной или мадонна Лаппа... Может, Гвидо сохранит какие-то из стихов...

— Эй! — раздался властный окрик. — Куда направляешься, путник?

Вынырнув из тумана размышлений, Алигьери увидел перед собой всадника — немолодого, но очень крепкого человека с густой копной седующих волос и густыми сросшимися бровями. Выглядел незнакомец не особенно дружелюбно, на поясе висело сразу два кинжала. Интересно — гвельф он или гибеллин?

— Долго молчать будем? — Волосатая рука потянулась к ножнам. — Чего тебе надобно в моих владениях?

— Я еду в Ареццо, — спокойно ответил Данте, — видимо, сбился с дороги. Прошу извинить меня, если заехал куда не должно.

Всадник принялся буравить собеседника пронизывающим взглядом. Потом пробурчал себе под нос:

— Сбился, говоришь? — И, подъехав вплотную, проговорил угрюмо: — Ты лучше кому другому сказку расскажи. Дорогу на Ареццо потерять невозможно, она вдоль реки идет. И поболее моей тропинки будет... раз в несколько. Давай, говори, кто ты и зачем приехал, а то по-другому спрошу.

— Я Дуранте Алигьери, мой род ведет начало от славного рыцаря Каччагвиды. А с дороги я сошел, — тут он запнулся, не решаясь говорить про войско, — в поисках своих товарищей.

Незнакомец задумался и посветлел лицом:

— Хм. А ты не из круга ли Гвидо Кавальканти? Мне тут недавно пересказывали одну канцонку некоего Алигьери, что-то вроде: «Лицо мое цвет сердца отражает... *И опьянение трепет порождает*. Мне камни, кажется, кричат: «Умри!» / И чья душа в бесчувствии застыла...» Нет, дальше не вспомню.

— Тот не поймет подавленный мой крик... — удивленно продолжил

Алигьери. — Да, это мое. Услышать свои стихи здесь, в такой глуши? Я потрясен!

Собеседник тут же снова посуровел:

— Но-но, юноша! Наша глушь поизысканнее вашей Фьоренцы, которая уж давно превратилась в страну сапожников да торгашей. Замки графов Гвиди, похоже, скоро станут последними островками безопасности для приличного человека. Потому-то мы не особенно гостеприимны к чужакам. Зато таких, как ты, здесь принимают с радостью. Поехали, попробуем вина из моего погреба.

— Спасибо за приглашение, — учтиво поклонился Данте, — к несчастью, дела заставляют меня...

Граф Гвиди заговорщицки подмигнул:

— Направляясь по твоим делам, нужно непременно пройти мимо моего замка.

— Простите, но я тороплюсь, — решительно возразил Алигьери, чувствуя вскипающее бешенство. Один умник уже посылал его сегодня прощаться с любимыми, которых сам же и назначил. Теперь другой будет не пускать на войну только потому, что заучил несколько строчек его канцоны?

Данте решительно развернул лошадь и, привстав на стремянах, хлестнул ее. Животина, уже успевшая отдохнуть, поскакала назад к большой дороге. Если этот Гвиди вздумает гнаться — получит удар кинжалом.

Судя по стуку копыт, граф-самодур все же озадачился вернуть несостоявшегося гостя. Дыхание его коня послышалось совсем рядом. Алигьери обернулся, чтобы сказать колкость, но не успел. Владелец густых бровей и винного погреба заговорил первым:

— Куда ты так спешишь? Флорентийское войско находится совсем в другой стороне.

— Где? — спросил Данте.

— Неподалеку от моего замка. Они не захотели идти вдоль реки. Это долго, а главное — слишком заметно. Есть другой путь в обход горного массива, правда, там трудный перевал, который между Прато-Маньо и Консумой.

Данте посмотрел на графа недоверчиво:

— А почему я должен тебе верить? Я даже не знаю кто ты: гвельф или гибеллин. Ты ведь даже можешь специально заманить меня в ловушку.

Гвиди усмехнулся:

— Какой в тебе прок? Разве ты — великий воин? А насчет того, кто я,

скажем так: я — Бартоломео Гвиди, этого вполне хватает и гвельфам, и гибеллинам, когда они просят меня дать им приют.

И глядя, как его собеседник разворачивает лошадь, добавил:

— Так что не миновать тебе моего угощения.

Бартоломео не соврал. За рощей у замка и вправду расположились на отдых флорентийцы. Ближе к крепостным стенам стояла телега с городским знаменем, около нее расхаживали охранники.

Гвиди повел своего гостя в замок. Там за столом пили вино командиры. Данте узнал главнокомандующего Аймерика де Нарбонна. Рядом с ним сидел Вьери деи Черки. Корсо Донати видно не было.

Черки с удивлением воззрился на своего пропавшего подначального:

— А ты как попал сюда? Я что-то не видел тебя в пути.

— Его привела муза Эвтерпа, — объяснил хозяин замка. — Помяните мое слово, этот молодой человек еще завоюет мир своими стихами.

Аймерик, сидящий с противоположного конца стола, с любопытством оглядел Данте и промолвил:

— Я люблю прованских трубадуров. Но в здешних краях поэтов еще не встречал. Вероятно, вы пишете на латыни?

— Нет, на итальянском наречии.

— На этом вашем ужасном вольгаре^[43]?! — воскликнул французский рыцарь. — Но зачем? Вы же, насколько я понял, достаточно одарены, чтобы изучить латынь в совершенстве!

— Я достаточно хорошо овладел ею, — объяснил Алигьери, — и согласен, что пока именно латынь — повелитель нашего языка. Но так будет не всегда. Найдутся верные сыны отечества, которые избавят итальянский язык от его плебейской грубости. Он станет изысканнее латыни, я это знаю. А чем совершеннее язык — тем выше нация, поэтому я считаю для себя писание на родном языке делом не менее важным для отечества, чем сражения.

Аймерик некоторое время помолчал, переваривая услышанное, потом проговорил с удивлением:

— Ваши рассуждения поразили меня. Но по поводу сражений все же не могу согласиться с вами.

Бартоломео дал знак слуге наполнить опустевший кубок главнокомандующего и объявил гостям:

— Отдыхайте. Завтра вам предстоит нелегкий бой. А сегодня мы вместе и будем веселиться. Эй, музыканты!

Показались люди с виолами и лютнями. Обгоняя их, в залу ворвался Корсо Донати. Он выглядел плохо — весь в пыли, одежда кое-где порвана,

пот катился градом с покрасневшегося лица.

— Что расселись, как на пиру! Нужно выступать прямо сейчас! — крикнул он, задыхаясь.

— Что, Барон? — хохотнул Черки. — Местный крестьянин не разглядел твоего величия и спустил на тебя собак?

Глаза Корсо налились кровью. Выхватив кинжал, он метнулся к обидчику, но был схвачен мускулистой рукой хозяина замка.

— В моем доме ссоры запрещены, — жестко объяснил он. — Также не следует забывать, что командует флорентийским войском мессир Аймерик. Он и решает, когда выступать.

Корсо вложил кинжал в ножны, подошел к Аймерику и угрюмо сказал:

— Аретинцы совсем близко. Я пошел прогуляться в горы и заметил их лагерь. Хотел получше разглядеть, да вот... чуть не разбился, чудом ухватился за куст.

— Завтра на рассвете выступим, — ответил французский рыцарь.

Корсо озабоченно почесал затылок:

— Сейчас бы, мессир, завтра может оказаться поздно...

— Мессир Донати, — в голосе де Нарбонна послышалось раздражение, — я узнал про аретинский лагерь раньше, чем вы его увидели. У нас есть разведчики.

— Я понял, — отозвался Барон неожиданно безмятежным тоном, — не волнуйтесь, почтеннейший, мне не надо повторять дважды.

И он, царственным движением стряхнув пыль со своего плаща, проследовал к столу. Проходя мимо Черки, Корсо сделал резкое движение, то ли отгоняя муху, то ли замахиваясь для удара. Тот, вздрогнув, отстранился. Барон наклонился к его уху и объяснил почти нежно:

— Не бойся, мой любезный, я не буду мстить тебе... пока мы воюем на радость милой Фьоренцы. А вот когда война закончится — ты узнаешь... что такое Корсо Донати. Твоей злой доле захочется посочувствовать, да, боюсь, некому будет...

Он щелкнул пальцами возле самого уха Вьери, походил немного вокруг стола и вдруг уселся рядом с Данте. Сам налил себе вина на глазах перепуганных слуг. С чувством выпил.

— Ну что, родственничек? — послышался его воркующий бас. — Неудачный тебе командир попался? Потому, что молод ты еще, не разбираешь тайнописи знаков судьбы. В следующий раз спрашивай меня, не прогадаешь. Ты понял? Будешь спрашивать?

Алигьери промолчал. Корсо засопел сердито и поинтересовался:

— Надеюсь, ты плохо слышишь? Не заставляй меня думать, будто

жених моей троюродной сестры не отличается учтивостью.

— Я обдумывал твои слова, — сказал Данте, — в них нет истины, поскольку судьба каждого человека имеет свои собственные знаки. То, что хорошо для тебя, — неприемлемо для меня. Потому занимайся своей судьбой, а я займусь своей.

— Красивая речь, — голос Барона прозвучал почти ласково, — только вот интересно, как ты заговоришь, если твоя судьба окажется в моих руках?

— Боюсь, ты этого не узнаешь, ибо моя судьба находится в руках Божьих.

— Да... — Корсо повертел в руках пустой кубок, — но не забывай: Бог вершит свои дела руками людей... — Он с грохотом поставил кубок на стол и ушел, не попрощавшись. Данте еще долго сидел за столом, слушая замысловатые размышления графа Гвиди о поэзии и предстоящем сражении.

Глава шестнадцатая

КАМПАЛЬДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Итак, мы добрались до того единственного сражения, в котором участие нашего героя не вызывает никакого сомнения. Скорее всего, он сражался достойно, выдающегося героизма не проявил, да и с чего бы? Обычно так проявляют себя либо профессиональные воины, либо потерявшие всё люди, загнанные в ловушку, как дикий зверь. Ни то ни другое не применимо к молодому Данте, который был полон радужных надежд, ни одна из которых еще не омрачилась разочарованием.

Конечно, вовсе не Кампальдинское сражение натолкнуло создателей «Ада Данте» на мысль сделать Данте стопроцентным бойцом. Просто они грамотно сложили архетипы: ад, Средневековье, крестоносцы. Нашему герою и выбора-то не оставалось. Конечно, его могли еще вывести в роли черного мага, что имело под собой больше если не оснований, то хотя бы ассоциаций. Но такой образ меньше подходит для боевика. Хотя колдовство в «Аде Данте» тоже присутствует.

Посмотрим, как воспринимается Данте-воин по версии «Dante's Inferno» (игры и аниме). А потом вернемся к нашему методу реконструкции и будем воссоздавать подлинный батальный опыт нашего героя на основании исторических данных.

Ниже процитированы отзывы анонимных интернет-пользователей, людей, явно привыкших к изображению кровавых сцен. И даже они порой признают, что жестокости в «Dante's Inferno» многовато:

«кровь, насилие и расчлененка»;

«игра «Dante's Inferno» довольно кровавая и жестокая. Главный герой будет рубить врагов своей косой, разрывать на части и даже потрошить. Адские создания нарисованы очень хорошо и выглядят впечатляюще. В игре «Dante's Inferno» ад представлен во всей своей красе, повсюду мучаются люди, купаясь в собственной крови, а демоны истязают их плоть в страшных пытках. Стоны и вопли ужаса раздаются со всех сторон...

К чему это я? Да к тому, что если бы мне показали эту игру лет так в десять, то я, наверное бы, всю свою оставшуюся жизнь мучился от ночных кошмаров. Поэтому не покупайте и не качайте эту игру своим младшим братьям или маленьким детям. Нет, если вы конечно хотите кого-то сделать заикой, то эта игра идеально подходит»;

«в игре «Dante's Inferno» мы будем преимущественно сражаться, нашинковывая врагов длинной косой и испепеляя их Святым распятием. Если сравнивать ее с другими играми, то я бы сказал, что боёвка тут от «God of war», с ее знаменитым нажиманием кнопок при завершении смертельных ударов и боях с боссами. Перемещение в ней от «Принца Персии» с его карабканьем по стенам, веревками и прыжками. Боев и путешествий в «Dante's Inferno» 50 на 50»;

«в игре будут попадаться несложные головоломки, которые могут доставить проблемы, ну об этом позже. В общем, игра очень шустрая и динамичная и с лихвой оправдывает присвоенный ей жанр — кровавый слэшер»;

«в принципе ничего сверхнового в ней нет, мы будем так же, как и в большинстве игр такого жанра, отчаянно кромсать врагов своим длинным оружием, при этом набирая комбоудары. Для уничтожения адских созданий у нас есть коса смерти и распятие, это основное оружие, другого не будет. Помимо двух этих приспособлений, мы можем использовать и магию, которая будет открываться по мере прохождения».

...Зачем же из поэта сделали такого монстра?

Мы поразмышляем об этом чуть позднее, а пока вернемся к нашему видению Кампальдинского сражения.

*

С утра всех опять подняли затемно. Собирались, ежась от холода, — в горах май словно и не наступал. Проезжая в поисках своего отряда, Алигьери стал невольным свидетелем столкновения Корсо с главнокомандующим. Аймерик де Нарбонн уже в который раз безуспешно повторял Барону приказ — засесть во время сражения в засаде сбоку по левому флангу. Корсо слушал его с явным пренебрежением:

— Ваша французская стратегия неплоха, но я больше верю в яростный натиск моих конников. Против них не устоит никто.

— Твои конники останутся в резерве и нападут, когда порядок аретинцев будет смят после нашего первого броска. Ты понял?

— Хорошо, добрый рыцарь, но не забывай: то, что тебе заплатили много денег за эту вылазку, еще не делает тебя нашим вожаком. Вот так-то.

Де Нарбонн не выдержал:

— Мы на войне, а не на пьяной драке в твоём квартале. Знаешь, что бывает с мятежниками?

Барон состроил непонимающее выражение лица:

— А при чем тут мятеж? Мы идем сражаться за благо и процветание нашей милой родины. Нашей! А тебя наняли руководить безмозглыми пополанами, а вовсе не моими благородными рыцарями. Посему давай делать свое дело и не мешать друг другу.

Аймерик заорал так, что с ближайшего дерева слетела стая воробьев:

— Так и сражайтесь вашим благородством! К чему вам французские стратеги и новейшие арбалеты?! Давайте, воюйте вашим благородством и дешевыми годендагами, сделанными косоруками гентскими пьяницами! Расшаркнитесь перед аретинцами, может, они окажутся благороднее вас и сдадутся без боя! А мне не нужны ваши грязные флорентийские деньги! Я уезжаю туда, где ко мне относятся с должным уважением!

В этот момент к ним подъехал архиепископ Флоренции:

— Корсо, сын мой, что я слышу?! Ты не повинуюешься главнокомандующему, которого Церковь благословила на помощь нашему народу? Это грех, за который можно дойти и до отлучения.

Презрительная ухмылка на лице Барона мгновенно сменилась подобострастной улыбкой:

— Что вы, святой отец! Я повинуюсь и служу Церкви подобно верному псу. Просто негоже моим рыцарям сидеть в засаде, будто ночным разбойникам. Но если ваше высокопреосвященство сочтет нужным...

— Сочтет, — веско подтвердил архиепископ. — И помни, сын мой: не сносить тебе головы, коли ослушаешься приказа господина де Нарбонна.

Проговорив эту речь, архиепископ повернулся к Аймерику, стоящему с угрюмым выражением лица:

— Не сердись, мой рыцарь, на заблуждения брата твоего. Вижу, он раскаялся и вернется на путь истинный.

— Хотелось бы верить, ваше высокопреосвященство, — с сомнением отозвался де Нарбонн.

Вскоре, едваждавшись светлых сумерек, войско выступило. Идти пришлось по крутым, неудобным горным дорогам. В одном месте кобыла Данте встала, не желая спускаться по тропинке, пригодной разве что для коз. Рядом уже стояли другие лошади. Всадники переговаривались, собираясь повернуть обратно. Начали роптать на де Нарбонна, заведшего войско в непроходимые дебри. Однако выяснилось, что они сами сошли с дороги, выбранной командиром, и вынуждены были снова на нее вернуться. Несмотря на острые камни, она оказалась вполне проходимой для конницы.

Так, потихоньку, преодолевая трудности, они все же изрядно срезали

угол и вышли к аретинскому лагерю быстро и с неожиданной стороны.

Палаточный лагерь выглядел сонным и умиротворенным. Стояло раннее утро, солнце только начинало отрываться от земли. Но покой оказался обманчивым. Едва флорентийское войско успело построиться, как из палаток начали выскакивать вооруженные воины.

— Незаметно двигайтесь под прикрытием деревьев к той роще, что слева, — приказал Аймерик де Нарбонн Корсо Донати, — в бой пойдете по тройному сигналу трубы. Упаси бог выступить раньше!

— Хорошо, — буркнул Барон и сделал знак своим конникам следовать за ним.

Армия спешно перестраивалась. Вперед вырвались лучники, готовые стрелять по неприятелю, как только он приблизится на досягаемое расстояние. В это время французские конники, стоявшие во втором ряду, тесно сгруппировались, касаясь стременами друг друга. Отряд деи Черки расположился чуть поодаль, за ним стояли копьеносцы и арбалетчики. Данте, случайно оказавшийся на пригорке, смог увидеть больше остальных и залюбовался красотой этого порядка. Однако де Нарбонну, расположившемуся на склоне холма, похоже, что-то не нравилось, он оглядывал ряды, сердито нахмурившись. Вдруг взгляд командующего упал на Алигьери, и Аймерик сделал молодому человеку знак приблизиться. Данте удивленно оглянулся: может, де Нарбонн имел в виду еще кого-то. Но тот снова нетерпеливо махнул рукой. Пришлось беспрестанно понукать кобылку, чтобы протиснуться сквозь лучников, рядом с которыми к тому же стояли помощники и подавальщики.

— Ты ведь родственник этому вашему Донати, — утвердительно произнес французский рыцарь. — Скажи ему вдогонку, пусть вернется, опишет полукруг позади войска и скроется в засаде не слева от поля, а справа.

— Вы полагаете, он послушает меня? — поинтересовался Данте.

Аймерик сделался еще более суровым:

— Если не послушает, отвечать будешь ты.

В совершенно испортившемся настроении Алигьери ехал к роще, в которой засел отряд Барона.

Корсо нашелся в густом кустарнике на самом ее краю. Он с крайним вниманием вглядывался в просветы между ветками, наблюдая за аретинцами, которые медленно приближались.

— Пришел, родственничек, — отреагировал Барон не оборачиваясь. — Это хорошо. У нас здесь правильная война, не то что у твоего осла Вьери.

— Де Нарбонн велел передать приказ: твоему отряду следует

переместиться в противоположную рощу, справа от поля, — произнес Данте отчетливо, без всякого выражения.

Корсо расхохотался:

— Откуда ж этому наемному французишке знать, что мне следует. Этого и я сам пока не знаю... а, впрочем, нет, обманул, уже знаю!

Одним прыжком вскочив с земли, Барон пронзительно засвистел. По роще пролетел шум — хруст веток, топот, ржание. Всего несколько минут — и отряд конников собрался на краю рощи вокруг своего командира. Алигьери осторожно отклонил большую густую ветвь, чтобы посмотреть на поле, и тут же отпустил ее обратно, пораженный зрелищем. Аретинцы перестали быть медлительными. Они неслись во весь опор, готовясь врезаться в самый центр флорентийского войска.

— Ну что, родственничек, покажем им? — подмигнул Корсо и, хлестнув коня, вынесся из-под прикрытия деревьев.

Данте колебался всего несколько мгновений, потом вслед за Бароном выехал на поле. За время, пока он искал Донати, оно сильно изменилось. Вместо красивого воинского порядка царил полнейший беспредел. Орали люди, свистели стрелы, металась ржущие лошади.

— Вперед! Раздавим гибеллинских шавок! — раздался мощный рык Корсо.

Хаос тут же прекратился. Данте сам не заметил, как уже мчался вместе со всеми навстречу неприятелю. Что-то просвистело перед глазами. Он чуть не упал. Качнулся назад, удивленно сжимая в руке кусок поводьев, срезанных стрелой. В этот момент оглушительно взвыли трубы — увь, гибеллинские. Лошадь Алигьери вздыбилась, завертелась, чуть не споткнувшись о труп своего собрата, потом понесла. Он видел, что летит прямо на строй вражеских лучников и копьеносцев, и не мог ничего сделать.

Данте понятия не имел, как будет сражаться. Все приемы, выученные на сборах, вдруг забылись. Несмотря на это, он вовсе не испытывал страха, хотя голова немного кружилась, придавая происходящему нереальность.

Наскочивший на него огромный гибеллин разрушил ощущение сна. Думать было некогда, рука сама направила копье, тело приняло правильное положение, утяжеляющее удар. Данте не поверил своим глазам: враг оказался на земле, его лошадь растерянно заметалась.

— Фьоренца!!! — радостно закричал рядом какой-то воин и бросился в гущу гибеллинов. Свистнула стрела, ударив его в плечо. Всадник удержался в седле, хотя лицо его перекосилось от боли. Алигьери бросился к нему. В этот момент их обоих начали окружать конные гибеллины. Они

оказались так близко, что копье стало бесполезным. Данте успел выхватить меч, но он тоже был бессилён против железного шара на цепи, которым гибеллины выбивали противника из седла. Ему удалось увернуться, но он едва не свалился самостоятельно. Проскакивая совсем близко от одного аретинца, он успел нанести ему удар, правда, не опасный. Рана только разъярила воина. Он закричал, призывая собратьев. Кольцо вокруг Алигьери и ещё нескольких флорентийцев сомкнулось. Враги явно собрались взять их в плен. Данте ясно понял, что живым не дастся. Обратившись мысленно к Пресвятой Деве, он изо всех сил пришпорил лошадь и, размахивая мечом, поскакал прямо на ощерившиеся копья.

Но что это? Разъяренные лица гибеллинских конников исчезли, сменившись удаляющимися спинами. Враги отступали, напуганные неожиданным и бешеным натиском бойцов Барона. Точнее: удирали в смятении. Их настигали, поражая копьями и дротиками. Аретинцы падали, страшно крича. Совсем немного времени прошло — и все Кампальдинское поле покрылось их трупами. А Корсо объезжал место сражения с таким хозяйским видом, будто проверял прилежность работников в своей мастерской. Время от времени он начинал преследовать какого-нибудь аретинца, догонял и безжалостно расправлялся с ним длинным копьем.

Заглядевшись, Данте не заметил подскочившего аретинца. Они сцепились в поединке, но долго махали мечами впустую. Потом Алигьери удачно наклонился на скаку и немного рассек круп вражеской лошади. Хлынула кровь. Это сломало остатки боевого духа аретинца, он перестал сражаться и погнал раненое животное на другой конец поля к своим.

— А ты не так плох, родственничек! — услышал Данте голос Донати. Отвечать не хотелось, да Барон и не нуждался в разговорах. Снова выбрав себе жертву, он хлестнул коня и погнался, примеряя копье. И тут из-за кустов показались де Нарбонн с архиепископом.

— Он все-таки ослушался, — мрачно сказал Аймерик, — надо привлечь его к суду за неповиновение.

Его высокопреосвященство улыбнулся:

— Боюсь, что он невиновен. Он выполнял приказ более высшего командования, чем ты, сын мой.

— Какого же? — не понял французский рыцарь.

— Господа Бога, — веско ответил архиепископ, — похоже, мы выигрываем сражение, и происходит это благодаря действиям мессира Донати.

Де Нарбонн помрачнел, но спорить не стал. Он отъехал к своим рыцарям и начал готовить с ними наступление на замок Биббьену, в

котором находились гибеллинские сокровища.

К вечеру замок сдался. Данте попал внутрь и наблюдал вспыхивающие то тут, то там стычки из-за мародерства. Пару раз, глядя на всеобщую алчность, у него у самого чесались руки взять какую-нибудь особенно красивую вещь — например золотую дарохранительницу или ажурный столик. Но всякий раз он вспоминал ростовщика-отца и его охватывала гадливость.

Как ни странно, после этого явно удачного сражения он чувствовал себя крайне разочарованным. Победа оказалась сомнительной ценностью. Она открывала торговые пути для многих флорентийских купцов, но отнимала возможность возвращения на родину для изгнанников, которые также могли принести пользу родному городу. К тому же Алигьери было обидно за своего командира. Деи Черки, несмотря на рыцарские шпоры, вел себя куда менее доблестно, чем его давний соперник Корсо.

Тем не менее военная удача на время примирила их. Они сели за один стол — Донати, деи Черки, де Нарбонн и архиепископ. Аймерик более не имел к Корсо претензий и вообще выглядел довольным. Вьери напился как свинья и порывался горланить песни о глупых гибеллинах и их срамных девках. Потом вспоминал о его высокопреосвященстве, сидящем рядом, и замолкал, чтобы через несколько минут открыть рот снова. Барон, улыбаясь, оглядывал всех, но в его улыбке проскальзывало что-то хищное.

Данте выпил с ними кубок вина, и реальность вновь поплыла, открыв ему милое лицо возлюбленной. Но видение не принесло долгожданного мира душе. В глазах Беатриче он увидел гнев и обиду. Надо было найти ее как можно скорее, чтобы объясниться, но он состоял конником в отряде деи Черки и не мог вернуться во Флоренцию раньше остальных.

Глава семнадцатая

ДЕВОЧКА И СМЕРТЬ

На этих страницах уже неоднократно говорилось об активной жизненной позиции нашего героя. Он был воином, политиком, добившимся власти в своем городе, хотя и на короткое время. Но было бы ошибкой считать его таким бодрым рациональным персонажем, лишенным мистического мышления... В Средние века реальность была пронизана магией и мистикой. Кстати, здесь есть смысл задуматься о разнице между этими понятиями.

Мистика (от греческого *μυστικός* — скрытый, тайный) — вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться человек; также — сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом (или богами, духами, другими нематериальными сущностями).

Магия (от латинского *magia* и от греческого *μαγεία*) — понятие, используемое для описания системы мышления, при которой человек обращается к тайным силам с целью влияния на события, а также реального или кажущегося воздействия на состояние материи; символическое действие (обряд) или бездействие, направленное на достижение определенной цели сверхъестественным путем.

При некотором сходстве видна разница. Оба понятия могут быть не привязаны к христианству, но в мистике есть сверхидея, совпадающая с христианством. Ее цель — единение с Богом (или даже богами) ради единения, без какой-либо выгоды. В магии же, как правило, важен аспект влияния на реальность для достижения своих целей.

Мы не можем узнать тайны исповеди нашего героя: не являлось ли ему искушение повлиять на реальность? Хотя, с другой стороны, молитва ведь в какой-то степени тоже способ такого влияния, только человек просит Бога стать посредником между ним и этой самой реальностью.

Данте, несомненно, был глубоко верующим человеком, но также постоянно искал в жизни какие-то знаки, подтверждающие его видение тех или иных событий. Что же это было: еще мистика или уже магия?

Грань эта, такая ясная в формулировке, в жизни может стать весьма размытой. Например, христианские реликвии, призванные служить лишь

свидетельством каких-то событий, но постепенно приобретающие самостоятельную ценность (исцеления, чудеса). Следующий шаг — уже идолопоклонство.

В «Новой жизни» есть моменты, показывающие насколько сильно, до суеверности, Данте верил в числа и их неслучайные совпадения. С Беатриче у него было связано число девять. И эта странная, почти детская игра в числа поддержала поэта, когда он потерял свою возлюбленную.

Итак, портрет Беатриче в окружении «девяток»:

«Девятый раз после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче. В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я уже увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту. В это мгновение — говорю поистине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении».

«...Когда миновало столько времени, что исполнилось ровно девять лет после упомянутого явления Благороднейшей, в последний из этих двух дней случилось, что чудотворная госпожа предстала предо мной облаченная в одежды ослепительно белого цвета среди двух дам, старших ее годами. Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении, и по своей несказанной куртуазности, которая ныне награждена в великом веке, она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось — я вижу все грани блаженства».

«...Я почувствовал внезапно такую боль, что слабый мой сон прервался и я проснулся. Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это видение мне предстало, был четвертым часом ночи: отсюда ясно, что он был первым из последних девяти ночных часов».

«И я избрал имена шестидесяти самых красивых дам того города, где моя дама родилась по воле Всевышнего, я сочинил послание в форме сирвентезы, которое я здесь приводить не буду. И я совсем бы не упомянул о нем, если бы в этом послании имя моей дамы не соблаговолило чудесно прозвучать среди других имен на девятом месте».

Мы еще вернемся к девятке, столь важной для нашего героя. А пока

попытаемся реконструировать одно из самых печальных событий его жизни.

*

Прекрасная Фьоренца встречала своих сынов цветами. Молодые девушки, стоявшие на подъезде к воротам, осыпали ими возвращающихся воинов. Звучали трубы и виолы. Казалось, ликование наполнит сердце каждого, кто увидит это яркое шествие победителей и услышит торжественную музыку. Даже сочувствующие гибеллинам куда-то исчезли или просто загнали свои чувства в самую темную глубь души.

Май, помноженный на радость первой в жизни победы в бою, хотя и не вполне однозначной, наконец опьянил и молодого Алигьери. Невольно взгляд его искал Беатриче в нарядной толпе девушек, хотя она никак не могла оказаться среди них. Не пришла и Джемма, а может, она и была, просто он снова, как обычно, не узнал ее.

Миновав последние из городских стен, Данте счел свой гражданский долг исполненным и отделился от конников деи Черки. Отломил ветку акации в одном из придомовых садилов, заткнул ее за воротник и поехал к дому Симона деи Барди, надеясь встретить свою возлюбленную и, наконец, объясниться.

Чем ближе он подъезжал, тем оставалось меньше смелости. У ее крыльца спешил, но так и не осмелился позвонить в колокольчик и двинулся дальше, ведя кобылу в поводу. Так он шел долго и бездумно. Ноги несли его в знакомый квартал, где ему впервые встретила девочка в красном платье. «Господи! Ну что тебе стоит! Пошли мне встречу! Пусть случится чудо!» — шептали его губы.

Полностью отрешившись в грезы, Данте не сразу понял, что к нему приближается реальная мадонна деи Барди. Осознав это, он задрожал и выронил поводья. Лошадь медленно пошла вдоль по улице дальше, а он бросился к своей даме и начал захлеб говорить о том, как впервые оказался на поле сражения, о любви, о смерти и опять о любви. Она могла бы выслушать с пониманием или, оскорбившись, гневно прервать слишком смелые речи. Но все случилось иначе. Беатриче даже не остановилась. Глядя куда-то сквозь него, она продолжала медленно двигаться, будто не живая женщина, а видение.

Вослед ей показались дамы в трауре, одна из которых была Примавера. Печальная процессия прошла мимо Алигьери и свернула в

переулок, из которого донеслись отзвуки погребальной музыки.

«Вот он, реквием по твоему счастью... — слышался голос у него в голове, — а все потому, что не смог сдержать слова и...»

В этот момент наваждение отпустило Данте. Он протер глаза и увидел хвост своей лошади, наполовину зашедшей в чей-то внутренний дворик, дабы полакомиться зеленью. Животина уже протянула морду в цветник, пришлось оттащить ее от чужого имущества. Вразумив кобылу, Алигьери вскочил в седло и поехал за ушедшими дамами, дабы выяснить у Джованны причину нелюбезности ее подруги.

— Нелюбезности?! — удивленно переспросила Примавера и печально вздохнула: — Наша Биче лишилась сил от горя. Скончался почтеннейший Фолько Портинари, ее отец, которого она очень любила.

Алигьери не смог ничего ответить. Таким жалким и недостойным показался он сам себе, в гордыне пытающийся принять на свой счет грустное выражение лица любимой. Мучительный стыд помешал ему даже подойти к ней с соболезнованиями. Привязав лошадь в каком-то случайном переулке, он, будто бездомный пес, сиротливо тащился в хвосте траурной процессии. Иногда до него доносились отзвуки речей об удивительном благородстве и человеколюбии покойного. Данте вспоминал о больнице для бедных, построенной мессиром Фолько, а еще больше — о тех замечательных праздниках, на которые приглашали детей со всей улицы, и чувствовал свою собственную утрату. Он довел себя этими воспоминаниями до изнеможения. Не в силах пережить горестных чувств, подошел к стене дома и со всей силы ударился об нее головой. Оглянулся и заметил на себе перепуганный взгляд Джованны, которая также отстала от процессии:

— Так ты был дружен с ним?

Он покачал головой. Потом попросил:

— Передай мои соболезнования.

— Хорошо. Но почему ты не подойдешь сам?

— Не могу. — Он до боли сжал виски пальцами. — Я более не смогу видеть ее. Будь добра, исполни мою просьбу.

Потом, бродя по переулкам в поисках своей кобылы, Данте встретил трех незнакомых дам в черном и слышал шепот: «Посмотрите на него, он сам на себя не похож! Но мы-то знаем, что он не дружил с мессиром Портинари. Значит, столь удручающие перемены объясняются исключительно влюбленностью в дочь умершего».

«Дочь умершего... дочь умершего», — крутилось у него в голове, когда он, поручив усталую лошадь слуге, поднимался по крутой каменной

лестнице отчего дома. Внезапно ему стало страшно, что Беатриче заразится смертью от своего отца и покинет этот мир. Внезапно гулкий низкий голос произнес у него в голове: «Все люди смертны. Неизбежно, что когда-нибудь умрет и благороднейшая Беатриче».

— О, братец с войны вернулся! — послышался веселый голос Франческо. — А ты чего такой бледный? Тебя ранили?

— Да, — машинально откликнулся Данте, — то есть нет. Разумеется, нет! — поспешно повторил он нарочито бодрым голосом, заведя мачеху, которая прислушивалась к разговору с порога комнаты.

Мадонна Лаппа смотрела удивленно:

— Почему же «разумеется», Дуранте? На войне многие получают раны. Ты ведь участвовал в сражении?

— Разве вы сомневаетесь в этом, дорогая матушка? — ответил он не самым любезным тоном и, решительно пройдя мимо нее, заперся в отцовском кабинете. Кажется, мачеха не заметила, как тряслись его руки и дрожали губы.

Усевшись подле камина, Данте глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь. Так дело не пойдет. Если его мысли действительно влияют на реальность, как сказал когда-то тот странный подозрительный птичник со шрамом, то так можно убить любимую. А вдруг это не создание событий, а всего лишь пророчество? Он горько усмехнулся. «Всего лишь»! Какая гордыня звучит в этих словах! В любом случае сейчас необходимо любой ценой занять свой ум чем-нибудь иным. Пусть даже связанным с Беатриче, но не смертью, не смертью! И не видеться с ней больше. Хватит уже играть в опасные игры, подвергая риску доброе имя порядочной женщины. Симон деи Барди, конечно, не правитель Римини, да и дочь Портинари никогда не поддастся греху, как несчастная Франческа, но все же...

Неожиданно Алигьери понял холодного насмешливого Гвидо Кавальканти, пишущего страстные канцоны. Возможно, он просто спасался таким образом от тайного любовного огня.

Надо немедленно представить Биче абстрактной величиной, например, мадонной Философией. Ей пойдет эта роль. И писать, писать о ней, прославляя свою даму...

*

— О, как вы смелы, мессир Алигьери! — в притворном восхищении воскликнул Гвидо, когда Данте, взяв самый большой кубок, наполнил его

до краев. — Но пора платить за свою смелость. Мое вино пьют только прекрасные дамы и поэты. Нескольких удачных строк все же будет маловато для такого кубка. Читай сонет и, если он будет удачен, — ты получишь мою искреннюю дружбу. А если он окажется превосходен — наша дружба протянется на века.

Данте уже давно излагал в стихах сны, в которых к нему приходила дочь Портинари, но еще никому их не читал. Теперь он решился:

*Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их, — привет! —
Всем благородным душам шлю посланье.*

*На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет —
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!*

*Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.*

*И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал ^[44].*

Гвидо долго молчал. Потом заметил с кислой усмешкой:

— Придется считать тебя лучшим другом, вот только не знаю, как долго. Все зависит от тебя, друг мой. — И он пронзительно посмотрел в глаза собеседнику.

— Как Бог даст, — ответил Алигьери, отведя глаза, — спасибо за дружбу, отныне я тоже буду считать тебя первым в ряду друзей.

*

— Так ты любишь ее? — разочарованно произнесла Примавера, подошедшая к нему на очередной поэтической вечеринке. — Какова же

цель твоей любви, если ты не ищешь соединения со своим, так сказать, предметом?

Данте посмотрел в лицо своей даме-ширме. Она явно чувствовала себя уязвленной оттого, что не стала этим самым «предметом».

— Мы уже соединены в других мирах, — объяснил он, — а здесь мне необходима лишь ее приветливость, как некое доказательство... бессмертия, наверное...

Примавера хмыкнула:

— По-моему, ты просто безумец.

Она сделала несколько шагов прочь, потом остановилась и сказала тихо, но отчетливо:

— И вот еще что: не ходи ко мне больше.

*

Стояло чудесное лето — нежаркое и не сильно дождливое. Еще никогда Данте не чувствовал себя столь счастливым. Он не только преодолел свои греховные помыслы, не приносящие ничего, кроме страданий, но и значительно продвинулся в прославлении Госпожи. Теперь мадонну деи Барди знала вся Флоренция. И не только как достойную особу безукоризненной репутации, творящую дела милосердия в богадельне, построенной ее отцом, — в общем, почти святую, но и музу молодого Алигьери, спорящего за звание первого поэта города с самим Гвидо Кавальканти.

Данте чувствовал гордость, когда ему рассказывали, как она проходила по мосту и дети осыпали ее розовыми лепестками. С тем же затаенным чувством восторга, с которым когда-то в детстве наблюдал за игрушечным космосом из коралловых четок отцовского должника, он строил ее мистический образ в знаках и цифрах.

Отчего-то ему казалось, что его возлюбленной соответствует число девять — совершеннейшее, согласно учению Птолемея о девяти движущихся небесах. К сожалению, в дате ее рождения не было ни одной девятки. Он смотрел ее гороскоп по аравийскому обычаю и по летоисчислению, принятому в Сирии, но тщетно: коварная девятка ускользала. Тогда он вычислил день ее зачатия и — о радость! — у него получился девятый месяц года. Поразмыслив еще, он решил посчитать обороты ее планеты в XIII веке — тоже получилось девять!

Стараясь не спугнуть сладостный трепет в груди, он пошел к Гвидо

Кавальканти — поделиться своим открытием.

— Она все-таки девятка! — воскликнул Данте, едва переступив порог роскошного кабинета.

— И что? — кисло отозвался первый поэт.

— Как что? Число «три» является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец в Самом Себе — Троица, то следует заключить, что Беатриче при зачатии сопровождало число «девять», дабы все уразумели, что она сама — чудо и что корень этого чуда — чудотворная Троица.

— А-а-а... — рассеянно протянул Гвидо и, кликнув слугу, велел ему принести побольше вина.

Первый поэт пребывал в хмуром расположении духа. Сегодня утром он, по обыкновению, вышел на улицу, дабы вдохновиться свежим видом пополанских девушек, направляющихся на мессу в Санта-Репарате, и повстречал Корсо Донати. После того как Барон привел к победе флорентийцев на Кампальдинском поле — народ уважительно переименовал его в Большого Барона. Это не улучшило и без того тяжелый нрав Корсо. Теперь он не мог появиться на людях без того, чтобы задеть или унижить кого-нибудь. А уж своим врагам и вовсе не давал прохода.

Встретив Гвидо, расслабленно созерцающего девичьи прелести, Корсо едко заметил, что не видел первого поэта на поле сражения и, вероятно, это произошло по причине обострения позорной болезни, потому как немудрено заболеть, столько трудясь на любовной ниве.

Гвидо, несмотря на кажущуюся медлительность и безукоризненные манеры, характер имел вспыльчивый, едва ли не хуже, чем у Корсо. Будь у него на поясе кинжал — он бы, не раздумывая, напал на Донати. Но Кавальканти не собирался отходить от собственного дома и не взял оружия. Тогда он с фальшивой заботливостью произнес в лицо Большому Барону:

— Не переживай, любезнейший, Фьоренца велика. Жди, может, кто-то согласится полюбить и тебя.

Надо заметить, Корсо, при всем своем влиянии, действительно постоянно терпел неудачи у дам из-за своей грубой наружности. Женили его, просватав в детстве, на некрасивой, к тому же крайне вздорной Антонии деи Черки. Поговаривали, будто ее ранняя смерть на совести Большого Барона. Впрочем, его следующая жена оказалась не краше.

Ядовитая стрела, пущенная Гвидо, без сомнения, попала в цель. Донати побледнел и открыто пообещал первому поэту скорую смерть. А во Флоренции знали, что после таких слов Большого Барона человек имел

шанс внезапно пропасть. Разумеется, Кавальканти не считал себя «всяким» — помимо богатства и знатности он был очень известен и уважаем. Но все же после встречи с Донати его настроение сильно испортилось. Поэтому на тонкие нумерологические изыскания Данте он нелюбезно ответил:

— Не понимаю, к чему тебе столько пустых движений ума. Не проще ли приступить к делу и добиться ее? В конце концов, она всего лишь женщина из плоти и крови, а любая плоть слаба.

— Не стоит мерить всех по себе! — возмутился Алигьери. — Есть благородные возвышенные натуры, которые...

— Отправляют свои физиологические потребности так же, как и все остальные, — хохотнул Гвидо. — Ты просто не был настойчив. Я уверен, у меня бы получилось завоевать внимание твоей неприступной мадонны. Эй! Тыс ума сошел?!

Первый поэт едва успел увернуться от кубка, пущенного разъяренным коллегой. Правда, защититься от содержимого ему не удалось. Богатый кафтан Кавальканти оказался безнадежно залит самым дорогим вином, выписанным из Франции. Гвидо чуть не заплакал. Потом, разъярившись, выгнал своего гостя, велел не приходить, пока тот не излечится от безумия.

Данте брел по пустынной улице, раздумывая о словах Кавальканти. Попытался представить свою возлюбленную в алькове. Ничего не выходило. Образ Беатриче уплывал, таял, становясь прозрачным, будто бестелесный дух. А потом перед внутренним взором вдруг появилась Джованна.

Ему захотелось немедленно навестить свою веселую подругу. Неважно, что она запретила приходить. Он нашел бы убедительные слова, даже мог бы написать для нее стихи, но с ней не получалось испытать ничего, кроме обычного удовольствия. А дочь умершего Портинари дарила невыразимые состояния, охватывавшие сладостным трепетом будто не только тело, но и душу. Причем наиболее сильного эффекта ему удавалось добиваться, думая не о внешности возлюбленной, а о ее принадлежности к божественному, будь то служение в больнице или даже удачно сложившиеся цифры дня ее зачатия.

Все это действительно пахло безумием. Опасаясь за свой рассудок, Данте решил на некоторое время запретить себе опасные размышления и добиться у Примаверы прощения.

Неунывающая дама попивала сладкое вино из тонкой чашечки дорогого китайского фарфора. Муж снова находился в Болонье. Конечно, она хмурила бровки и надувала губки, всем видом показывая, что прощение невозможно, но беседа как-то незаметно перемещалась в

спальню.

И опять тишину нарушали крики ласточек, и губы с жадностью искали губы, а потом вдруг накатила невыносимая скука. Ее нужно было скрыть любой ценой, иначе можно потерять Джованну навсегда.

Отогнав мысли о Беатриче, он попросил у Примаверы лист бумаги и чернильницу с пером.

Дама захлопала в ладоши:

— О! Вдохновение! Я вдохновила тебя на стихи!

— Не совсем так, — криво улыбнулся он. — Мне захотелось заняться составлением твоего гороскопа.

— Как чудесно! — еще больше обрадовалась она, кладя перед ним бумагу. — Теперь я буду знать, что меня ждет. А тебя не сожгут за колдовство?

— Ты же меня не выдашь? — отозвался он и начал чертить линии и складывать числа. Работал увлеченно, даже забыв о возможном возвращении мужа. Идеальное число Джованны оказалось двадцать восемь — ничем не примечательное сочетание цифр. Никакого трепета оно не вызвало, но и скуку надежно скрыло. Провожая его, дама нежно прошептала:

— Ты ведь придешь завтра? О, не дай мне умереть в холодных оковах черной меланхолии!

— Этого не случится, душа моя! — заверил он ее, спускаясь по лестнице. — Твой цветущий вид страшен для меланхолии, особенно черной. Она немедленно позеленеет и расцветет прекрасной россыпью нежнейших анемонов!

И торопливо вышел на улицу, а Примавера так и осталась стоять с открытым ртом.

«Даже число у нее самое обычное! — думал он, проходя мимо Меркато-Веккьо. — Тогда как благороднейшая Беатриче...»

Размышления о совершенной девятке и прочих числах придавали жизни особую глубину и одновременно успокаивали словно хорошая прогулка перед сном. Вместо страдания от невозможности соединиться с любимой пришла гармония земного и небесного. Помимо Примаверы во Флоренции проживало немало других веселых, хотя и приличных дам. Иногда их мужья уезжали в Болонью и другие торговые города. Размолвка с Кавальканти оказалась пустячным делом — вскоре друзья снова собрались за кубком французского вина. По правде сказать, в последнее время Алигьери разлюбил общество напыщенного первого поэта. Гораздо приятнее казалось проводить время с пьянчужкой Форезе Донати, с

которым можно было смеяться над знакомыми, выписывая их стихотворные портреты.

Так прошли лето, зима и снова лето. Кавальканти заделался паломником и уехал в Сантьяго-де-Компостела, где в кафедральном соборе, по преданию, покоился прах апостола Иакова. Особой набожностью Гвидо никогда не отличался, просто слова Корсо про интерес архиепископа напугали его. К сожалению, Большой Барон не солгал. Один знакомый священник также сказал Кавальканти, что Церкви известно о языческом характере его поэтических сборищ. Поэтому Гвидо решил немного подправить свой моральный облик, а заодно — навестить знакомую тулузскую красавицу. Вдруг бы она смогла излечить первого поэта от излишней привязанности к персям Примаверы.

Данте тоже, кажется, немного «заболел» этой дамой. Встречи с Примаверой все так же не вызывали ничего, кроме скуки и раздражения. А между тем он снова и снова переступал порог ее дома. Порой ему казалось, что он ходит ради ласточек, которые всегда затевали свои пронзительные песни, стоило ему только оказаться в ее спальне. Надрывом и смертной тоской веяло от их криков, и теснота алькова напоминала о гробе. Выходя от Джованны, Данте говорил себе «больше никогда», но на следующий день снова оказывался в ее постели.

Постепенно не особенно нужная и не важная дама-ширма заполонила собой все его мысли, а Беатриче снилась все реже.

Однажды он увидел странный сон, яркий, будто явь. Его собственная комната, знакомая до мелочей, внезапно раздалась, впуслав в себя простор далекого горизонта. Оттуда, издалека, медленно шел белый ангел, окруженный сиянием. Он нес на руках что-то, укутанное в кисейное покрывало. Звучала торжественная музыка, легкие шаги ангела выглядели, как танец. Наконец он приблизился. Данте попытался разглядеть его ношу, но ангел отрицательно покачал головой и по его прекрасному лицу потекли слезы...

Алигьери проснулся от раската грома, хотя в окно виднелось совершенно ясное небо. Раздумывая о странности сего природного явления, он вышел на улицу и столкнулся со своим братом Франческо, который спросил его:

— Ты пойдешь на похороны?

— На какие еще похороны?

— Мадонна деи Барди умерла. Ты вроде как дружил с ней в детстве, мне мама говорила.

— Да? — слабым голосом переспросил Данте и рухнул на руки

младшему брату.

Франческо оттащил его к дому, положил на пороге. Усердно прыскал в лицо водой, но брат не приходил в себя. Мадонна Лаппа послала служанку за банщиком-цирюльником. Тот, явившись, начал растирать безжизненное тело камфорой. Потом общими усилиями Алигьери подняли по лестнице и положили в кабинет. Лекарь ходил вокруг, похлопывал больного по щекам, приподнимал веки. Наконец решился объявить случившееся ударом и пустить кровь.

Принесли нож и таз горячей воды. Крякнув для решимости, банщик полоснул лезвием по запястью. В тот же момент пациент вскочил, дико озираясь, метнулся в сторону двери. Ударился о стену и упал, пачкая кровью серый каменный пол.

— Пресвятая Дева! — перекрестилась мадонна Лаппа.

— Братец, что с тобой? — ужаснулся Франческо.

— Какого числа она умерла? — с трудом шевеля непослушными губами, выговорил старший брат.

Франческо недоуменно пожал плечами:

— Наверное, девятого, раз сегодня хоронят.

— Девятого числа девятого месяца. — Голос Данте прозвучал неузнаваемо. — Вот они, те девятки, которые я искал...

Он накрыл голову руками, будто защищаясь от удара, и затих, вздрагивая от сотрясающих тело рыданий.

— Господь милостив, радуйтесь! — шепотом сказал лекарь. — Ваш брат и сын не хохочет, а плачет. Это вполне подобает случаю, а значит, он не потерял рассудка.

*

Завершим эту печальную главу биографии нашего героя его собственными словами из «Новой жизни». Скорбя, он пытается найти утешение в умозрительных конструкциях и числах, которым придает тайные смыслы. В этом свойстве магического мышления угадывается логика, которая потом приведет Данте к созданию величественного и математически стройного мира «Божественной комедии»:

«Так как число «девять» встречалось нередко в словах моих и раньше, уместно будет, как мне кажется, отметить, что в ее отбытии это число имело большое значение, и поэтому надлежит сказать и здесь то, что соответствует моему намерению. Поэтому прежде всего я скажу, какую

роль число «девять», столь ей дружественное, играло в ее успении.

Я говорю, что, если считать по обычаю Аравии, ее благороднейшая душа вознеслась в первый час девятого дня месяца; а по счету, принятому в Сирии, она покинула нас в девятом месяце года, ибо первый месяц там Тизирин первый, называемый у нас октябрём; а по нашему исчислению, она ушла в том году нашего индикта, считая от Рождения Господня, когда совершенное число завершилось девять раз в том столетии, в котором суждено ей было пребывать на этом свете, она же принадлежала к роду христиан тринадцатого века.

Причина, по которой число «девять» было особенно ей любезно, быть может, следующая: согласно с Птолемеем и христианской истиной девять — число движущихся небес, а, согласно с общим мнением астрологов, упомянутые небеса влияют на дольний мир в соответствии с их взаимной связью; отсюда следует, что число это было столь ей свойственно, ибо при ее зачатии все девять небес находились в совершеннейшей взаимной связи. Вот одна из причин; но, рассудив утонченнее и не отступив от непреложной истины, число это было ею самой; я говорю о сходстве по аналогии и так понимаю. Число «три» является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять; ибо очевидно, что трижды три — девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец чудес в Самом Себе — Троица, то есть Отец, Сын и Дух Святой — три в одном, то следует заключить, что эту даму сопровождало число «девять», дабы все уразумели, что она сама — девять, то есть чудо, и что корень этого чуда — единственно чудотворная Троица. Быть может, более утонченные в мыслях люди смогли бы прибегнуть к еще более сложным доводам, однако я привожу тот, который пришел мне на ум и который наиболее мне нравится».

Глава восемнадцатая

КРУГ ТРЕТИЙ

«Когда она покинула этот век, весь упомянутый город предстал глазам как вдовица, лишенная всякого достоинства. Еще исходя слезами в опустошенном городе, я написал к земным владыкам о его состоянии, взяв следующее начало у Иеремии: «Quomodo sedet sola civitas». Это тоже строки из «Новой жизни». И стоит им верить, ведь в них говорится о публичном поступке довольно известного человека. Вряд ли бы он стал приписывать себе такой громкий и неординарный поступок без всякого основания.

Наш герой действительно находился в состоянии аффекта до такой степени, что личное горе показалось ему общественным бедствием, и он написал официальные письма-оповещения о смерти Беатриче всем крупным политикам и просто именитым людям, о которых знал.

Он даже начал рисовать углем на дощечке. И каждый раз у него выходил ангел.

Все это выглядит занятно и романтично, но друзья и родственники поэта, конечно же, пришли в ужас от такого неадекватного поведения.

*

Мадонна Лаппа пребывала в отчаянии. Пасынок, видимо, все же сошел с ума. Он нанял нарочных и послал их к градоправителям всех итальянских республик с вестью о смерти своей возлюбленной. Он подавал эту новость в качестве вселенской катастрофы. Каждое письмо начиналось цитатой из плача Иеремии: «Как в одиночестве сидит град, некогда многолюдный, он стал как вдова, некогда великий между народами».

Некоторых курьеров мачеха успела перехватить и объяснить им, что отправитель не отдает отчета в своих поступках, но большинство писем ушло к адресатам. Бедная женщина не спала ночей, не зная, каких бед теперь ожидать, но властители не заметили отчаянных посланий влюбленного флорентийского аристократа. Немного успокоившись, мадонна Лаппа переключилась на лечение несчастного пасынка. Потратив все силы на писание и отправление писем, он впал в апатию.

Глаза воспалились и сильно болели от слез. Он уже давно не мог ни читать, ни даже выходить на улицу. К тому же навалилась страшная слабость. Он ненавидел себя за такое состояние и не знал, как его побороть. Далеко за полночь, смертельно измученный, проваливался в глухой сон без сновидений, а поутру просыпался с той же мыслью: «Ее нет больше».

Упрекать себя в ее смерти он перестал. Ему рассказали, что она с детства страдала чахоткой и даже до своих двадцати четырех дожила чудом. Никому в голову не приходило считать ее больной по причине жизнерадостного нрава и крепости духа, удивительной для молодой и очень богатой аристократки.

Данте никак не мог простить себе малодушия, из-за которого прекратил общение с Благороднейшей в последний год ее жизни и предпочел ее дамам, гораздо менее достойным. А главное — с ее уходом для него был потерян всякий смысл собственного существования.

Он медленно угасал. Целые дни проводил на кровати в полудреме. Мир видений надвигался на реальность неуклонно, словно вечерние сумерки. Ему виделись пустынные дороги, уходящие к облакам. По ним бродили босые простоволосые женщины со скорбными лицами. Время от времени из-за горизонта появлялись стаи черных птиц. Шумно хлопая крыльями, они настигали женщин и падали замертво, осыпая будто пеплом иссушенную землю. И он бродил с этими женщинами и птицами между небом и землей в поисках души возлюбленной и нигде не мог найти ее.

А в это время вокруг постели Данте сустились родственники и друзья. Даже Джованна пришла, не побоявшись пересудов. Лекаря-банщика давно уже сменил доктор медицины, лучший во Флоренции, но и он не мог задержать жизнь, уходящую из тела Алигьери.

— Неужели он не доживет до Рождества? — всхлипывала мачеха.

Раньше мадонна Лаппа не особенно любила пасынка, но к старости сердце ее смягчилось. К тому же, несмотря на бесконечные поэтические попойки, он все же неплохо вел семейные дела. Родовые земли и дома давали доход даже больший, чем при старом Алигьери. Ее родной сын оказался куда менее предприимчивым.

— Боюсь, о Рождестве речи не идет, — вздохнул доктор медицины, — он ведь совсем не ест. При таком истощении ему недотянуть и до второй недели Адвента.

...Наконец все ушли из комнаты, оставив под дверью служанку — на случай, если больной захочет пить. Липкая мгла видений на время оставила Данте, и он с некоторым удивлением рассматривал знакомые предметы.

Тут дверь открылась без скрипа и вошел Луций.

За эти 12 лет птичник совершенно не изменился. Такой же поджарый с худощавым лицом — аристократично-благородным с одной стороны и страшно изуродованным — с другой. Он приветственно кивнул, мутно мелькнув бельмом. Пройдя к столу, по-хозяйски уселся прямо на столешницу. Поинтересовался, разглядывая лист бумаги с недописанной канцоной:

— Ну что же ты, умираешь, значит? А какой в том смысл?

— Моя возлюбленная мертва, — ответил Данте, удивляясь легкости, с которой произносились слова. После того обморока он обычно говорил с трудом. — Мой город опустошен, как вдовица, лишенная всякого достоинства. Зачем мне жить?

— Опустошен не город, а твоя душа, — возразил птичник, — а все потому, что ты зарыл в землю свой главный талант. Ты ведь можешь властвовать над происходящим, а вместо этого — покоряешься ему. Все могло произойти совсем по-другому. Симон деи Барди мог стать изгнанником, а Джемма — умереть, отравившись несвежей пищей. А тебя могли ранить в сражении и отвезти в больницу Фолько Портинари, где тебя выходила бы его благочестивая дочь.

— Замолчи, — прервал его Данте, — зачем мне слушать, как могло бы случиться, когда оно уже случилось?

Луций пронзительно глянул единственным глазом:

— Даже сейчас ты можешь встретиться с ней, поверь мне.

— Когда я закончу земное существование? — усмехнулся больной. — Так к этому все идет, недолго уже осталось.

Птичник повернулся изуродованным профилем. Алигьери показалось, что глаз, подернутый бельмом, ожил, приняв лукавое выражение.

— И вовсе не нужно умирать. — Он заговорщицки подмигнул. — Главное, начать правильно действовать. Тебе покорятся другие миры. Если захочешь — я помогу. Ты знаешь, как меня найти.

— Так что же мне делать? — с мольбой в голосе спросил Данте.

— Найди меня и спроси. Ты знаешь, как.

С этими словами Луций встал и внезапно пропал.

...Служанка, невеста почему задремавшая среди дня под дверью больного, пробудилась от криков. Поспешно вскочив, она вбежала в комнату. Хозяин скорчился на кровати, с ужасом прижимая к груди распятие:

— Пина, зачем ты позволила ему войти ко мне?

— Кому? — перепугалась девушка.

— Этому... кривому... ты видела его?

Служанка расплакалась:

— Господин, простите! Сон нашел на меня, не знаю почему. Не наказывайте, Христом молю!

На шум прибежала мадонна Лаппа. Оглядела больного, выглядевшего еще более удручающе, чем вчера. Задумалась, не позвать ли священника.

— Лучше принесите поесть, — слабым голосом попросил Данте.

— Пресвятая Дева, неужели?! — обрадовалась мачеха. — А что именно тебе приготовить? Может, седло ягненка? Или яблочный пирог?

— Мне по-прежнему противен вид любой еды, — признался пасынок, — но вид ада еще отвратительнее. Поэтому буду стараться не умереть. Принесите, что есть.

...Прошла зима, наступила весна. Данте уже не считался больным, но прежняя живость не вернулась к нему. Целыми днями он редактировал и приводил в порядок сонеты и канцоны, вдохновленные ушедшей дамой. К ним прибавились два стихотворения на ее смерть — одно, заказанное ее родственниками, другое — по велению сердца.

Тоска не отступала. Однажды, проходя мимо Меркато-Веккьо, Алигьери увидел в толпе знакомый страшный профиль с бельмом и будто окаменел. Птичник шел медленно, будто плывущий корабль. Данте точно знал: если сейчас профиль повернется здоровым глазом — случится что-то непоправимое. Но Луций не повернулся. Он так и проплыл мимо, вглядываясь в Данте мертвым зрачком, причем один раз веко странно дернулось, будто подмигивая.

Тем же вечером Алигьери собрал кое-какие пожитки и переехал во францисканский монастырь при церкви Санта-Кроче. Его там хорошо знали — еще при жизни Беатриче, интересуясь философией, он частенько заглядывал в монастырскую библиотеку.

...Ему выделили замечательную келью, окошечко которой выходило прямо на цветник монастырского сада. Лучи солнца, пробираясь между ветвями деревьев, играли с красочным богатством цветочных лепестков, и весь день звучало птичье пение. Не тревожные вскрики ласточек из прежней грешной жизни, а умиротворенные трели садовых соловьев.

Так — блаженно и спокойно — потекли дни. Данте купил на Меркато-Веккьо коралловые четки — точно такие же, как те, разорванные планеты из детства. Но теперь они покоились на крепкой нитке. Добровольный затворник перебирал их, чувствуя желание остаться здесь, у подножия Святого креста, навсегда. Здесь становилось смешным собственное колдовское всемогущество, но давался шанс стать причастным ко всемогуществу вселенского масштаба. А главное — сюда не мог

проникнуть Луций...

Птичник действительно больше не появлялся. Но Святой крест не защитил от других неприятных гостей. Однажды, когда Данте читал литанию к Пресвятой Деве Марии, в дверь постучали нетерпеливо и грубо. Данте решил не отвечать — может, решат, что келья пуста, и уйдут. Однако стук повторился. Затем дверь бесцеремонно распахнулась, дав возможность увидеть неприятное властное лицо Корсо Донати.

— Вот ты, значит, где, родственничек, — начал он вместо приветствия, — и долго ли еще собираешься огорчать нас своим отсутствием?

— Любезный мессир Корсо, — Данте почувствовал, как сами собой сжимаются кулаки, — с каких это пор люди, избравшие путь служения Богу, огорчают этим выбором других людей?

— Так ты разве... избрал? — удивился Корсо. — Мне сказали: ты просто изучаешь философию в монастырской библиотеке.

— Изучаю, да. Но это не значит, что в скором времени я не посвящу себя Богу.

Корсо помрачнел:

— Ты не сможешь. У тебя обязательства перед нашим родом.

— Я ведь не собираюсь жениться на другой, — спокойно возразил Данте, перебирая четки, — я просто приму постриг и отпущу свою невесту.

Большой Барон захохотал так, что капельки слюны упали на стол:

— Какой ты добрый, Алигьери, прямо как твой покойный отец. Моя троюродная сестра — не птичка, которую можно отпустить. Она потратила юность, ожидая тебя. Ей уже двадцать третий год, а хорошему жениху не нужен перестарок. Ты женишься на ней или сильно пожалеешь о том, что родился.

Данте продолжал перебирать четки, будто ничего не происходило:

— Ты хочешь убить меня? Пожалуйста. Жизнь мне и так не в радость. Могу даже снять этот толстый кафтан, чтобы облегчить тебе работу.

Корсо побледнел от бешенства:

— Знаешь что! Мой кинжал достаточно остр, чтобы пропороть твои жалкие тряпки вместе с твоими потрохами. Только я не собираюсь тебя убивать. Ты умрешь сам без Святого причастия. Я добьюсь, чтобы тебя отлучили от церкви. Поверь, у меня достаточно доказательств твоего распутства.

— Хм, — пожал плечами Алигьери. — Если бы за распутство отлучали — вся Флоренция уже осталась бы без причастия.

— Смотря за какое, — усмехнулся Корсо. — Ты думаешь, я буду ворошить твои шашни с Джованной и ее подружками? У тебя есть грешки

поинтереснее. Ты ведь постоянно ходил к язычнику Кавальканти, а все знают его содомитские наклонности.

Данте возмутился:

— На его поэтические вечеринки переходило полгорода. Я считаю его своим учителем поэзии, даже другом, и понятия не имею ни о каких его наклонностях.

— Ну конечно, учитель — это святое! — театрально развел руками Корсо. — А вот ваш общий с Кавальканти преподаватель латыни — Бруно — и в доказательствах не нуждается. Он совратил столько своих ученичков, что виселица по нему уже не плачет, а горько рыдает. Так что, думай... родственничек!

С этими словами Большой Барон выдернул четки из рук поэта и, напрягшись, разорвал толстую нить. Коралловые шарики разлетелись по келье. Корсо захохотал и ушел.

Еле сдерживаясь, чтобы не сокрушить все вокруг от бешенства, Алигьери отправился к настоятелю монастыря.

— Святой отец, разрешите мои сомнения! — обратился он к пожилому усталому францисканцу. — Если в детстве отец сосватал мне одну девушку, потом мы обручились, а ныне я не чувствую никакого желания жениться. Могу ли я освободиться от этого обязательства, уйдя в монастырь?

Священник внимательно посмотрел на собеседника:

— Не чувствуешь желания или не имеешь возможности? Это ведь очень важное различие.

Данте, смутившись, уставился в пол:

— Да нет, возможность-то я имею...

— Послушай, сын мой, — голос францисканца звучал мягко, но убедительно, — мы стараемся не принимать людей, имеющих какие-либо препятствия к служению. А ты еще к тому же довольно известен — твой поступок не только может разжечь войну между родами, но и сильно разочаровать тех, кто успел полюбить твои стихи. Но главное даже не в этом. Ты пришел спрашивать меня, а не хочешь ли ты спросить свою совесть? Что она скажет тебе? Неужели вот так, с легкостью, разрешит обидеть девушку, благочестивую и достойную во всех отношениях? Я ведь хорошо знаю твою невесту, было время, когда она даже ходила ко мне на исповедь.

— Джемма?! — удивленно воскликнул Алигьери.

— Да, — отвечал настоятель, — она. Джемма Донати, верная дочь Церкви.

Данте молчал, удрученно глядя в пол. Священник отошел к окну,

поправил розовый венок у подножия статуи Богородицы и снова вернулся к посетителю. Наконец сказал:

— Не знаю, о чем ты размышляешь сейчас. Но если вдруг решишь податься в бега, помни: от совести еще никому не удавалось скрыться. А совесть у тебя есть, это видно по твоим стихам.

Данте с тяжелым вздохом поднялся со скамьи:

— Спасибо, отец.

Глава девятнадцатая

ДВЕ ПОДРУГИ

Итак, она звалась Джеммой Донати. Сведений о ней не многим больше, чем о Беатриче деи Барди, но бесспорность ее существования никогда не подвергалась сомнению. В итальянской википедии можно найти ее точную дату рождения — 3 марта 1265 года, но дальше в статье выражены сомнения в подлинности этой даты. Год смерти приблизителен и выглядит как 1329–1342. Такой временной интервал имеет следующие объяснения: в 1329 году Джемма официально жаловалась на флорентийские власти, которые в процессе конфискации имущества Данте прихватили часть ее приданого. Странно, что жалоба случилась так поздно, спустя 27 лет после изгнания ее супруга и через восемь лет после его смерти. Это могло произойти из-за изменений в законах, которые довольно часто случались в городе-государстве. Но более вероятно, что Джемма уже неоднократно жаловалась и раньше, просто не в столь высокие инстанции. Вторая граница, по которой обозначают дату ее смерти, нотариальный акт от 9 января 1343 года, где она упоминается как покойная.

Джемма была дочерью рыцаря Манетто Донати и кузиной Корсо, Форезе и Пиккарды Донати, имена троих последних встречаются в текстах Данте. Невестой Данте она официально стала в 1277 году, о чем сохранился акт нотариуса Оберто Бальдовини от 9 января. Здесь тоже фигурирует девятка, столь любимая нашим героем, только этого факта он не пожелал заметить. Брачный союз супруги заключили значительно позже, в 1291 или 1292 году. По поводу количества детей поэта есть разночтения. Традиционно признаются трое: сыновья Якопо и Пьетро (в будущем комментаторы творчества Данте) и дочь Антония, ставшая монахиней в монастыре Святого Стефана города Равенны, где нашел приют в изгнании ее отец. Навряд ли случаен тот факт, что в монашестве она избрала себе имя Беатриче.

Идут споры о существовании еще одного сына — Иоанна. Если он и вправду жил на свете, то, скорее всего, родился у четы Алигьери первым. Речь об этом сыне впервые зашла в 1940 году, когда был найден аттестат об образовании от 20 мая 1314 года на имя Джованни Алигьери. Найденный документ тогда не опубликовали, и он был забыт до 2016 года, когда в очередной раз опубликовали архив, связанный с Данте.

Все эти документы и акты, подлинные и сомнительные, далеко не столь интересны, как хотя бы небольшой намек на личность и характер Джеммы. Какой она была женой великому поэту? Ведь он делил с ней кров не менее десяти лет, а может, и больше.

Традиционно принято считать, что Данте в браке не повезло и поэт якобы был вынужден терпеть вечное брюзжание приземленной женщины, коей спешат вывести Джемму. Итальянский поэт XIX века Витторио Имбриани создал довольно отталкивающий портрет. Боккаччо тоже говорил о конфликтах между мужем и женой и что их отношения окончательно испортились из-за изгнания Данте. С этого времени супруги, по-видимому, не встречались, но комментаторы тут же трактуют этот факт как «не желали встречаться». Правда, современный итальянский исследователь Марко Сантагата (род. 1947) вовсе не так категоричен, как выросший в эпоху романтизма Витторио Имбриани, видевший в каждой жене философа, которая не казалась ему музой, невыносимую Ксантиппу Сократа. Сантагата подчеркивает, что Данте всегда проявлял особую любовь к родственникам своей жены, несмотря на то что именно ее род обрек поэта на пожизненное изгнание.

На самом деле, нет никаких прямых указаний на несчастливый брак нашего героя. Да, он женился по расчету, но в те времена это считалось более чем нормой. Скорее, вызывало удивление обратное. Касаемо духовной близости, да, Джемма не была поэтессой, но, если уж на то пошло, ею не была и Беатриче. Джемма не выказала себя декабристкой и не поехала с мужем в изгнание. Зато она смогла, скорее всего, с большими усилиями сохранить их детям приличный уровень жизни, которого они были бы лишены в скитаниях. Она не встречалась со своим супругом после изгнания, возможно даже действительно не хотела встречаться. Но по какой причине? Было ли ей неприятно его видеть или она просто боялась, что ее упрекнут в связях с осужденным на смерть преступником, которым являлся Данте в глазах правителей своего города. Ведь если верно второе, то могли пострадать (и пострадали бы!) в первую очередь дети. А если бы конфликт между супругами действительно был таким глубоким, как его представляют, Джемма постаралась бы воспитать своих детей в неуважении к отцу, благо это нетрудно в условиях, когда его открыто обвиняют во многих неприглядных вещах, в том числе в растрате государственных средств. А ведь они не только глубоко уважали его, но и выросли его абсолютными единомышленниками. Не всякие дети способны настолько глубоко понять творчество своего отца, чтобы профессионально его комментировать. И Антония, дочь Данте, тоже явно была знакома с

«Божественной комедией», во всяком случае, она знала о существовании Беатриче и, возможно, даже считала ее идеалом, иначе зачем выбрала для себя стезю непорочной монастырской жизни под именем отцовской музыки?

Если попытаться составить портрет Джеммы исходя из этих косвенных данных, то получится не только идеальная жена, уважающая своего мужа, но и личность с очень твердым характером. Она совершенно незаметна, пока супруг успешен, но как только случается беда — она смело берет на себя функции главы семьи и у нее получается вырастить здоровых и успешных детей, почитающих своего отторгнутого обществом отца.

Думается, за все это ее можно назвать героической женщиной. Скорее всего, она любила своего мужа и, даже возможно, ценила его поэтическое творчество, но вряд ли была по достоинству им оценена, раз он не написал о ней ни строчки... Хотя и тут не все столь однозначно. Конечно, отсутствие у поэта стихов с посвящением может означать отсутствие всяких чувств к данному объекту. Но может означать и другое: нежелание афишировать свою семейную жизнь. Или даже так: таинство брака тоже давало поэту нечто очень ценное, но об этом было не принято говорить стихами. Возможно, он сам считал моветоном воспевать жену, и еще вопрос: осталась бы Беатриче его музой, будь она более досягаема? В книге Михаила Дубинского «Женщина в жизни великих и знаменитых людей» подобная мысль присутствует: «Данте о ней не говорит ни слова ни в одном из своих стихотворений — обстоятельство, свидетельствующее, что нежных чувств он к ней не питал, а смотрел, как на обыкновенную подругу жизни, с которой делят заботы и радости, больше всего заботы. Вот и все, что известно о роли этой женщины в жизни Данте. Конечно, странно, как это такая мещанская любовь могла уживаться рядом со столь возвышенным чувством, как страсть к Беатриче; но это объясняется своеобразностью средневекового рыцарского культа женщин, занесенного трубадурами в Италию из Прованса. Этот культ женщин не имел ничего общего с браком».

Мы попробуем представить, как могли строиться отношения гения и достаточно сильной женщины, имеющей за плечами поддержку своего рода, но все же не отрекшейся от мужа хотя бы на то время, что она воспитывала его детей. В этом разделе книги будет меньше всего ссылок на исторические источники, поскольку они, как уже говорилось, немногочисленны, да и не подходят для анализа отношений. Поэтому мы будем пользоваться источниками только для воссоздания колорита флорентийского общества конца XIII века, нравов и обычаев. Также продолжим уделять внимание подруге Джеммы Донати, Лаисе. В архиве семьи Алигьери и семьи Донати нет женщины с таким именем, но

флорентийские женщины отличались общительностью. Джемма же была богатой аристократкой, не имевшей нужды работать, и, конечно, у нее находилось время на общение с подругами, тем более от ее помолвки с Данте до брака прошло более десяти лет. Все эти годы она оставалась свободной от рождения и воспитания детей и прочих радостей семейной жизни.

Итак, свадьба и жизнь после нее для богатой девушки, связавшей свою жизнь с великим поэтом.

*

Лаиса была очень несчастлива. Нежный возлюбленный, певший ей на ушко серенады долгими лунными ночами, ушел по дороге, ведущей в Пистойю, да позабыл вернуться. Ей удалось надежно скрыть воспоминания о поре юности и выйти замуж за богатого вдовца. Она прекрасно вела хозяйство, родила подряд троих сыновей, но не видела от мужа ни любви, ни душевного расположения, ни уважения. То ли он догадывался о ее былых похождениях, то ли просто имел скверный характер, но жизнь своей жене портил до невыносимости. Одно спасало ее — супруг не любил выносить сор из избы. Все ругательства, унижения и даже пинки с подзатыльниками не доходили ни до кухни, ни тем более до соседей.

Поэтому, при должном старании, Лаиса могла построить из себя очень удачливую женщину, катающуюся как сыр в масле. Высушив слезы и скрыв следы побоев, она шла в гости к Джемме Донати. Там она могла вдосталь самоутвердиться, сочувствуя стареющей подруге, которую жених никак не удосужится повести под венец.

Чтобы постоянно быть в курсе жизни Данте, она не жалела ни сил, ни времени. Будучи грамотной, она выучила наизусть все известные канцоны Гвидо Кавальканти и всеми силами старалась проникнуть на его вечеринки с участием дам. Если бы муж узнал об этом — ей наверняка бы не поздоровилось. Но Лаиса шла на этот риск. Увидев внимание Алигьери к Джованне, она тут же завела с этой дамой самую нежнейшую дружбу. Через некоторое время Примавера уже не мыслила себя без верной предупредительной Лаисы и поверяла ей тайны сердца.

Пыталась Лаиса подружиться и с Беатриче, но не смогла поддержать философских бесед. Однажды даже решила пойти с мадонной деи Барди в богадельню ее отца, но, не сдержав брезгливого ужаса при виде вонючих оборванных нищих, позорно бежала.

После смерти Беатриче, когда жених Джеммы тяжело заболел, Лаиса на некоторое время перестала мучить подругу, боясь Господней кары. Но как только стало известно, что молодой Алигьери вне опасности и собирается уйти в монастырь — она вновь зачастила в дом Донати.

— Джеммина, кариссима^[45], да за что же ты так не нравишься ему? — со скорбным сочувствием вздыхала она, посасывая засахаренную лимонную дольку. — Я могла бы подумать, это происходит из-за твоих ножек — они у тебя чуточку кривоваты — но как же он мог разглядеть их под двумя платьями?

Джемму, которой троюродный брат твердо обещал: «Женю этого осла на тебе любовно, или я не Корсо Донати!» — забавляли велеречивые выпады подруги детства. Тем более что со стройностью ног она проблем не имела, как и с прочими женскими прелестями. Поэтому она кротко отвечала:

— Любезная Лаиса, в этом вопросе следует уповать только на Господа. Может статься, мы с мессиром Алигьери еще не созрели для супружества.

— Ох девочка моя! — хваталась за голову Лаиса, одновременно поправляя платок, под которым скрывался синяк, поставленный супругом. — Как мало ты понимаешь жизнь! Посмотри, я ведь старше тебя только на год, а у меня уже трое детей. Ты давно перезрела, моя дорогая! Тебя сейчас надо бы сватать за кого угодно, хоть за калеку, пока не ушли последние денечки. Жалко, что твой папаша лежит бревном на кровати и ничего не может.

— Спасибо, дорогая, что так печешься о моей судьбе, — говорила Джемма, пряча горькую иронию под личиной наивности. В такие моменты ей всегда хотелось спустить Лаису с лестницы. Но это бы означало признать свое поражение. Поэтому дочь Манетто Донати любезно поила подругу травяным отваром и сладким вином, слушая ее обидное сочувствие, потом выпроваживала и бросалась к себе в спальню — плакать в подушку. Слезы высыхали вместе с минутной слабостью, и Джемма снова выходила на улицу, излучая спокойствие и невозмутимость.

Однажды Лаиса, как обычно, пришла пожалеть подругу. На этот раз она даже припасла рецепт спасения Джеммы от незавидной доли старой девы. По Флоренции прошел слух, будто один из пополанских вожаков, небезызвестный мясник Пекора, побился об заклад, что женится на аристократке. Лаиса загорелась идеей выдать несчастную Джемму за мясника. Он, кстати, был весьма хорош собой. Это позволяло Лаисе искренне считать себя добродетельницей. Хотя, если бы такое и впрямь случилось, — она бы уж точно не упустила возможности попричитать об

ужасах и позоре неравного брака.

— Любезная Джеммина, я, кажется, знаю, как помочь тебе! — начала она прямо с порога.

— Давай сначала усядемся, милая! — остановила ее Джемма. — А то вдруг весть, принесенная тобою, повергнет меня в обморок.

— Ты права, кариссима, — согласилась Лаиса, — давай пройдем в твою уютную комнатку.

Усевшись на подушки, добрая подруга вволю полакомилась имбирным печеньем. Закончив трапезу, приступила к подготовке чувств бедной старой девы перед тем, как предложить ей стать женой мясника.

Ожидалось, что Джемма страшно возмутится или расплечется. Так бы поступила на ее месте сама Лаиса. Но дочка Манетто Донати поблагодарила подругу так непринужденно и радостно, будто бы та принесла ей корзину спелых яблок из своего сада.

— Так тебе тоже нравится эта идея? — озадачилась Лаиса.

— Конечно! — кивнула Джемма. — Это ведь свежая кровь. Иногда от таких браков рождается уважаемая династия. Вот, например, Черки. Они же вообще из деревенских, а смотри, какого влияния добились.

— Так, может, послать сватов к Пекоре? — нерешительно предположила подруга; вообще-то она не предполагала такого развития событий.

— Уже наверняка кто-нибудь послал, — предположила Джемма. — К сожалению, я не смогу стать женой этого почтенного человека, я ведь просватана.

— И что?! — Лаиса не удосужилась скрыть презрение. — Ты уже с шести лет просватана и...

— И через три недели у меня свадьба, — скромно вставила дочь Донати.

Лаиса так и села. Наверное, полминуты она хлопала глазами, не в силах произнести ни слова. Потом напустилась на Джемму:

— Как ты могла ничего не сказать мне — твоей лучшей подруге?! С чего это он вдруг вздумал жениться? Ты ходила к колдунье? Скажи — ходила? Я все равно узнаю!

— Не кричи, кариссима, — Джемма сладко улыбнулась, — я ведь тебе все рассказала и даже приглашаю на свадьбу, если, конечно, твой благоверный не испортит твоей красоты накануне торжества. А женимся мы, потому что пришло время. Я дождалась его. Так всегда бывает с теми, кто уповает на Господа.

Умирая от любопытства, Лаиса помчалась к Джованне:

— Говорят, Алигьери женится?

— Что ж тут удивительного? — с грустью ответила та. — Все женятся. А он уже давно был обручен.

— Но ведь он не чувствовал особой склонности к невесте, даже избегал ее? — полувопросительно произнесла Лаиса.

Собеседница вздохнула:

— Ах... если бы люди женились по любви...

...Стояло ясное осеннее утро. По переулкам прятались глубокие синие тени, хранящие ночной холод, но солнце светило по-летнему горячо. Можно было легко вспотеть под его лучами и тут же замерзнуть, отойдя в тень дерева или здания.

У церкви Сан-Пьер-Скераджо толпился народ, стояли лошади и повозки. Свадьба известного поэта, наконец-то соизволившего соединиться со своей невестой, с которой он был обручен много лет назад, стала новостью номер один для горожан. Любопытство подогревали многочисленные слухи. Говорили, будто Данте повредился в уме от несчастной любви, поэтому долго не мог жениться; что он не собирался связывать себя узами брака, но промотал все состояние, залез в долги и нуждается в деньгах Донати; что он язычник из секты Гвидо Кавальканти и свадьба для отвода глаз. Оттого помимо гостей и соседей на церковной площади собралось столько зевак, что гонфалоньер был вынужден напомнить о регламенте флорентийской коммуны: приглашать на бракосочетание не более ста человек. После этого стража начала разгонять любопытствующих, правда, очень вежливо, чтобы, не дай бог, не перепутать их с гостями и не оскорбить какого-нибудь важного пополанина.

Лаиса как подруга невесты уже стояла в церкви неподалеку от брачующихся. Ее грызла зависть. Эта Джемма целых восемь лет после обручения наслаждалась беззаботной молодостью. А теперь она стоит рядом с известным поэтом и лучится свежестью, тогда как Лаиса до смерти утомлена грубостью мужа и нескончаемыми заботами о детях. Неужели удачливой Донати Бог к тому же пошлет семейное счастье?

Лаиса пытливо вглядывалась в лицо жениха, пытаясь разобраться в его чувствах к невесте, но они оба хранили непроницаемое выражение лица, будто специально сговорившись помучить Лаису.

— Дуранте дельи Алигьери! — послышался голос священника. — Желаешь ли ты взять в жены Джемму... Донати и сохранять ей верность в счастии и несчастьи, в здравии и болезни?

Повисла тишина. Весь храм напрягся, задние ряды поднялись на

цыпочки, чтобы разглядеть происходящее у алтаря. А там ничего не происходило. Жених, задрав голову, внимательно рассматривал фреску с изображением Страшного суда. Невеста излучала спокойствие.

«Вот так-то! — подумала Лаиса. — Бог не любит гордецов! Сейчас уйдешь, милая моя, обратно к отцу, опозоренная на всю Флоренцию...»

— Сын мой! — встревожился патер. — Ты слышишь меня? Отвечай: желаешь ли ты взять в жены...

— А? — Данте будто проснулся. — Нуда, конечно... желаю.

После венчания начался свадебный пир на площади перед домом новобрачного. Согласно обычаю молодая жена на этом пиру должна была сильно ограничивать себя в еде, почти голодать, изображая волнение, охватившее невинную девушку накануне перехода в новое качество замужней дамы. Джемме не пришлось особенно стараться — под неусыпным взором любимой подруги кусок не лез ей в горло. Посидев чуть-чуть за столом, она возвратилась в родительский дом — так было принято, — а пир длился еще три дня. Затем гости отдохнули пару дней и приготовились переместиться для второй части действия в дом Донати. Флорентийский обычай велел новобрачной разыгрывать комедию, изображая ужас перед приездом супруга. Родители должны были возвестить ей о его прибытии, а сами — удалиться из дома, оставив дочь официально первый раз наедине с мужем. После этого он забирал молодую жену в свой дом окончательно.

В Джеммином случае обычай мог соблюдаться только наполовину из-за парализованного отца, который оставался прикованным к постели. Мать же, картинно прокричав приветствие подъехавшему зятю и его друзьям, честно покинула дом. Среди гостей, конечно же, оказалась Лаиса, которая тут же заняла наблюдательный пост. Оставалось ведь еще самое интересное — первая брачная ночь и все с ней связанное.

Молодой муж с интересом послушал ритуальные вопли и причитания Джеммы, собрался уже идти в спальню, но тут из-за угла явился с поздравлениями старый друг и собутыльник — Форезе Донати. Он только вернулся из путешествия, оттого и не присутствовал ни в церкви, ни на пиру.

— Ну что, дружище, смотрю, и ты уже настигнут кровожадным Гименеем? Теперь уж не испить нам пенной чаши за здоровье поэтических кумиров!

— Тебе наличие твоей Неллы, помнится, не особенно мешало испивать чаши и прочие емкости, — возразил Данте.

Складки жира на боках толстяка заколыхались от смеха:

— Ха, сравнил! Моя Нелла подверглась неукоснительному мужнему воспитанию, прежде чем стала таким совершенством! А твоя женушка строптива и упряма, как стадо коз. Я ведь брат ей, хоть и не родной, с детства ее знаю. Если уж что решила, — сам черт ей не страшен. Затаится и будет добиваться своего.

— Ты еще намереваешься изливаться в речах или, может, все-таки выпьем? — прервал его Данте.

Форезе удивленно пожал плечами:

— Разве тебе не интересен нрав женщины, на которой ты женился?

— В мире есть много более увлекательных и поучительных вещей. Вот, например: какие вина предпочитают в этом доме? И сильно ли они уступают божественному нектару несравненного Гвиди? — С этими словами новоиспеченный супруг потянулся к кубку.

Лаиса прямо умирала от любопытства. Удержится брачное торжество подружки в рамках приличия или нет? Пока что все балансировало на грани, как, впрочем, и поведение самой Лаисы, которой давно пора было отправиться домой. Уже спускались сумерки, а молодой муж все еще праздновал с друзьями свою свадьбу, игнорируя жену, дожидаящуюся его в спальне. Скитаясь по залам и коридорам просторного дома Донати, заботливая подруга не выдержала и постучала в спальню Джеммы.

— Я осмелилась побеспокоить тебя, кариссима, лишь потому что знала: ты все еще одна. Твой супруг продолжает возлияния за столом. Ну а я — я решила поддержать тебя — кто же поймет нас, женщин, как не подружки детства!

— Да я как-то особенно не нуждаюсь в понимании. — Джемма настороженно прислушивалась к звукам за дверью.

— Думаю, он появится еще не скоро, ты можешь отдохнуть, дорогая, даже подремать, — щебетала Лаиса со всей доброжелательностью, какую только можно выразить голосом. У Джеммы не оставалось никакого шанса поссориться с осточертевшей товаркой и найти повод выгнать ее. Бедная новобрачная уже была готова устроить пожар, или обморок, или истерический припадок, но все это только бы обрадовало добрую Лаису, которая с радостью разнесла бы сплетни по всей Флоренции.

«Пресвятая Дева, помоги!» — мысленно попросила Джемма и с радостью услышала у ворот грубый голос Лаисино мужа, спрашивающего у конюха:

— Моя-то не у вас? Загулялась совсем, ночь уж на дворе, дети плачут! Покровительственное добродушие вмиг слетело с лица Лаисы.

— Бегу, бегу! — зашептала она, ощупывая голову в поисках капора,

который лежал на Джемминой кровати. Джемма с нежнейшей улыбкой подала его подруге:

— Беги, а то, не ровен час, побьет.

— Да что ты, он меня пальцем не трогает, — уныло пробубнила Лаиса и нерешительно двинулась навстречу любящему супругу.

Шаги затихли на лестнице. Джемма снова начала обеспокоенно прислушиваться, однако гомон мужских голосов и хохот, доносящийся из каминной залы, не думал стихать. Молодая жена промаялась еще немного и кликнула служанку:

— Передай господину Алигьери привет от моего брата Корсо. Только так, чтобы никто не слышал.

Служанка послушно убежала.

«Неужели сработает?» — думала Джемма. Ей стало горько, но больше ждать было нельзя, иначе жизнь супругов Алигьери заинтересовала бы уже не только Лаису.

Сработало. До девичьей спальни донеслись затихающие голоса гостей. Вскоре за дверью послышались шаги. Молодая жена глубоко вздохнула и застыла в самой красивой, на ее взгляд, позе.

Глава двадцатая

БРАЧНАЯ НОЧЬ

Все случилось вовсе не так, как представляла себе Джемма, — без таинственности и нежности — быстро и грубо. Самое обидное, что молодой муж, не пожелав перемолвиться с ней ни словом, тут же собрался уходить.

— Что же это такое?! — в отчаянии спросила его молодая женщина. — Я знаю, ты пишешь стихи о куртуазной любви. Почему же в жизни ты совсем другой?

— Смотря в какой жизни, — холодно ответил ей мессир Алигьери, — куртуазная любовь не предназначена для жен, моя дорогая. Я не смогу дать ее тебе, даже если ты десять раз пожалуешься на меня своему отвратительному братцу.

Джемма смутилась:

— Прости! Мне самой отвратительно это, но разве у меня был выбор? Я ведь не виновата, что твой отец просватал меня. А ты потом никак не женился. Это ведь оскорбление и нашему роду, и мне лично. Надо мной уже все соседи смеялись.

— Я не сделал ничего предосудительного, — невозмутимо возразил Данте, — по флорентийским обычаям между обручением и свадьбой может пройти несколько лет. Ты сама знаешь об этом.

— Да, но... — замялась она, — обычно на то имеются веские причины — допустим, война или болезнь...

Муж возмущенно засопел:

— Могла бы поинтересоваться настоящей жизнью своего суженого, вместо того чтобы собирать о нем гадкие сплетни. Я воевал при Кампальдино, если тебе это о чем-то говорит. А потом долго болел. Родные уже не верили, что выживу.

— Это была малярия? — осторожно спросила молодая супруга. — Или... рана?

— Рана... — глухо отозвался он, — можно сказать и так. Ну все, дорогая, поговорили и будет. Я хочу пойти поспать. Мне еще завтра предстоит утомительное дело — нужно ведь торжественно ввести тебя в мой дом и познакомить с мачехой.

— С мачехой? А мать, значит, умерла... — Она беспокойно теребила

уголок платка, которым укрывала плечи. — Послушай, не уходи! Прошу тебя. Мы ведь поклялись перед алтарем...

— Хранить верность в счастье и несчастье, — перебил ее Данте, — о долгих задушевных беседах там, помнится, ничего не говорилось.

— Там говорилось: оставит человек отца и мать и прилепится к жене и будут вместе... ну давай, поговорим немного! Мы же совсем не знаем друг друга!

— Ты удивила меня. — Данте отошел от двери и снова уселся на кровать. — И о чем же ты хочешь говорить?

— Обо... всем. О тебе. Отчего твое лицо всегда так мрачно? И что у тебя была за рана?

— О... — Он тяжело вздохнул. — Что-то ты не тем интересуешься, любезная! Я могу рассказать, да, боюсь, тебе слушать быстро расхочется.

Она поспешно покачала головой:

— Нет. Расскажи.

— Хорошо. Долгие месяцы я призывал смерть. Я даже говорил ей каждый день: «О пресладостная, приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри: уже ношу твой цвет». Эти призывы, как ни странно, поддерживали во мне жизнь, хотя иногда меня охватывали сомнения — ведь Господь призывает нас к жизни. Но моя безутешность казалась невыносимой... и вот я нашел одну благородную утешительницу, мадонну Философию...

— Какое странное имя! — вырвалось у Джеммы. — Она, вероятно, не здешняя?

Муж искоса взглянул на нее, хмыкнул, но все же объяснил:

— Философия не женщина, она дочь самого Господа Бога, позволившая мне постичь божественную суть любви.

Джемма широко раскрыла глаза:

— Расскажи! Я так хочу понять эту суть!

— Она — в двойственности. Об Аморе принято говорить так, как если бы он обладал самостоятельным бытием, а не был только разумной субстанцией, так, как если бы он был воплощен, что, следуя истине, ложно, ибо Амор не является субстанцией, но качеством субстанции...

Он говорил долго, специально употребляя как можно больше незнакомых слов. Жена честно пыталась вникнуть, потом, не выдержав, всхлипнула:

— Ты издеваешься надо мной...

— Я же предупреждал, что тебе может не понравиться, — язвительно заметил он, сам не понимая своего поведения. Спрашивается: с какой стати

молодая женщина, пусть даже аристократка, должна знать язык, принятый в ученых кругах? А дурочкой она вовсе не была и могла бы воспринять многое, если бы он удосужился объяснить немного по-другому.

«А вот Беатриче поняла бы и так», — прозвучал тихий, но уверенный внутренний голос.

Джемма между тем справилась со слезами. Она имела отменную силу воли.

— Ты прав, — сказала она. — Не нужно копаться в ранах, я не догадалась сама, прости меня. Больше не буду досаждать тебе расспросами. Иди, отдыхай, я буду продолжать готовиться к переезду. И знаешь... Корсо никогда больше не услышит от меня жалоб, обещаю.

Ему вдруг стало жаль ее, незаслуженно обиженную в первую брачную ночь.

— Что было, то было, зачем ворошить? Ты тоже отдохни, — сказал он мягко, — нам ведь не нужно торопиться к какому-то сроку. Ты, наверное, очень устала, дожидаясь свадьбы? Но теперь всё позади, поверь мне. У нас будет достойная жизнь, я добьюсь этого.

Молодая жена улыбнулась заученной улыбкой.

Мессир Алигьери, плотно затворив дверь ее бывшей девичьей спальни, вернулся в опустевший пиршественный зал и глубоко задумался.

А Джемма в это время деловито изучала простыню. Та имела классический вид, который нужен для подтверждения чистоты невесты. Полюбовавшись, новоиспеченная мадонна Алигьери кликнула служанку и велела ей вывесить испачканное постельное белье на самом видном месте, при входе во внутренний дворик.

Вещи для переезда были уже давно собраны, но мать молодой жены все суежилась, боясь забыть что-то важное. Время от времени из задней комнаты дома Донати доносилось отчаянное мычание — то старый Манетто, разбитый параличом, тоже волновался о судьбе дочери и требовал отчета о происходящих событиях.

Когда уже тюки погрузили на повозку и Джемма взгромоздилась рядом, пришла Лаиса:

— Уезжаешь, кариссима... Жаль, теперь уж не поболтаем, как встарь.

— Всего-то в соседний квартал, — сказала мадонна Алигьери, а сама подумала: «Жаль, что не в соседний город».

— Ну все равно, уже на пять минут не заскочишь, — посетовала подруга. Огляделась по сторонам и прибавила вполголоса: — Простынку-то зачем повесила, будто деревенская? Сейчас во Флоренции уж никто давно не вешает. Меня бы спросила, я все знаю, как надо делать.

— Может, потому не вешают, что порядочных девушек не осталось, — предположила Джемма, — а я вот решила не нарушать... обычая предков.

— Ну не расстраивайся, ничего дурного в этом нет, — утешила Лаиса, — ну, с Богом! Счастья тебе не желаю. Плохая примета, да ты и так счастлива будешь, я знаю. А вот пожелаю-ка тебе не забывать своих добрых подруг.

— А тебе желаю, чтобы Бог вознаградил тебя за твою доброту, — не осталась в долгу Джемма. Повозка тронулась.

Глава двадцать первая

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Для тех, кто знаком с биографией Данте поверхностно, часто вызывают удивление занятия поэта политикой. Но это довольно закономерно для профессионального юриста, коим он являлся. Гораздо неожиданнее кажется его другая профессиональная стезя, о которой уже знают немногие. Наш герой принадлежал к медицинскому цеху, а точнее — фармакологическому, то есть цеху аптекарей.

Понадобилось ему это по двум причинам. Во-первых, во Флоренции тех времен принадлежность к какому-либо ремесленному цеху давала неплохие бонусы к политической карьере. Влияние торговцев и ремесленников постоянно росло, из их среды все чаще выделялись люди, добивавшиеся управления общественными делами.

Один из старейших флорентийских цехов — цех купцов Калимала — образовался еще в конце XII века. Он получил название от переулочка между Меркато-Веккьо и Меркато-Нуово (соответственно, Старым и Новым рынком). Именно там размещались склады и лавки этих купцов. Купцы Калимала торговали и давали деньги в рост. Из цеха Калимала выдвинулись крупные банкиры, имевшие сеть контор от Малой Азии и Северной Африки до Британских островов. Позднее начали формироваться цехи других профессий — судей, нотариусов, суконщиков, торговцев шелком, затем врачей и аптекарей и меховщиков. Перечисленные семь цехов (вместе с Калимала) назывались старшими, они постепенно приобретали все большее влияние и к времени, когда жил наш герой, играли важную роль в управлении городом, тесня старую родовую аристократию. Первое ее ущемление произошло в середине XIII века, когда приняли так называемую «народную конституцию». Но окончательный и сокрушительный удар нанесли в 1293 году «Установления справедливости» авторства уже упоминавшегося Джанно делла Беллы. После принятия этого документа нобили и гранды оказались чуть ли не персонами нон грата. В случае нарушения законов их наказывали более жестоко, чем простых горожан, а к политической власти они и вовсе перестали допускаться, поскольку необходимым условием для управления флорентийской коммуной стала принадлежность к какому-либо ремесленному цеху. Разумеется, обходные пути существовали. Никто не запрещал нобилем

записаться в тот или иной цех. Таким образом они снова могли стать полноценными гражданами. В цехи принимали без проблем, даже просто формально. Например, родственников тех, кто на самом деле занимался ремеслом или торговлей, или спонсоров.

Данте возмущался всей этой ситуацией и обвинял в предательстве Джанно делла Беллу, который происходил из старинного аристократического рода. При этом род Алигьери как раз не считался особенно знатным. Члены рода Данте ни разу не попали ни в один из списков магнатов, никогда не рассматривались в качестве грандов. Как пишет в своей биографии Данте Илья Голенищев-Кутузов: «По роду своих занятий отец Данте и его дядя мало чем отличались от граждан-пополанов. Их благородное происхождение было как бы их частным делом».

Было бы логично предположить, что Данте записался в цех после принятия «Установлений справедливости», дабы обезопасить себя и упрочить свои позиции, но исследователи считают, что произошло это значительно раньше. Видимо, наш герой был очень сильно нацелен на политическую карьеру и искал любые возможности для поднятия своего рейтинга, а членство в ремесленном цехе такую возможность давало. Но ведь многие обходились формальным членством, а Данте всерьез занялся изучением медицины. И почему он, изучая в университете юриспруденцию, выбрал цех аптекарей, а не нотариусов?

Существует мнение, что он просто пытался найти себе новую профессию для зарабатывания денег. По словам того же Ильи Голенищева-Кутузова: «В конце XIII века Данте был отцом большого семейства; у него росли трое детей: сыновья Пьетро и Якопо и дочь Антония. Для задуманной им политической карьеры ему, очевидно, недоставало доходов с его скромных владений, тем более что он должен был делиться с братом Франческо и сестрой. До нас дошли долговые расписки братьев Алигьери в получении 480 золотых флоринов под гарантию нескольких лиц, среди которых был тесть Данте Манетто Донати. Деньги были взяты займы 23 декабря 1297 года. В дальнейшем Данте берет 136 флоринов у своего тестя, через два года брат Франческо дает ему займы 125 флоринов, а в 1300 году еще 90. Ни литература, ни политика не приносили Данте доходов».

Но тогда нужно объяснить, почему он потерпел неудачу на юридическом поприще, а на этот вопрос четкого ответа не существует. Зато известно, что, став аптекарем, наш герой не открыл своей лавки и не поехал на Восток за редкими лекарствами, как делали те, кто занимался аптечным бизнесом. Вместо этого он потратил много сил на изучение

незнакомому предмету и смог войти на равных в среду ученых докторов и фармацевтов. Но общение с ними тоже не являлось для него самоцелью, скорее медицина заинтересовала его как средство познания мира. Такую версию подтверждает Боккаччо, описавший поведение Данте в аптеке.

По словам Боккаччо, как-то раз, находясь в аптеке города Сиены, наш герой погрузился в изучение медицинских книг так сильно, что не заметил большого и шумного городского праздника. И в его текстах можно найти влияние трудов Галена и Авиценны.

Но вернемся к Флоренции и ее персонажам.

*

Гвидо Кавальканти возвращался из паломничества в дурном расположении духа. За полтора года, проведенных вдали от милой Фьоренцы, он болел раз, наверное, десять. По причине слабости здоровья до святилища апостола Иакова поэт так и не добрался, осев в Тулузе. Честно говоря, этот факт сам по себе его не особенно печалил. Огорчение принесли местные виноделы, встретившие флорентийского гурмана неурожаем винограда и сомнительной кислятиной втридорога. Хуже всего оказалась долгожданная знакомая красotka. За, в общем-то, недолгие годы она как-то неожиданно подурнела. Теперь ее тощие прелести, вероятно, иссушенные тулузским солнцем, уж точно не смогли бы заставить поэта забыть глупышку Примаверу. Правда, тулузская дама имела чудесный голос и недюжинный музыкальный талант и Гвидо, закрыв глаза, при желании мог достигнуть вполне райского блаженства.

Впрочем, сидеть вдали от любимого родного дома Кавальканти заставляло вовсе не чувство прекрасного. Он надеялся дождаться изгнания своего врага — Корсо Донати. Причины на то имелись. Вокруг давнего противника Донати — Черки собралась партия, которая получала все большую поддержку в пополанских кругах. Корсо тоже руководил политической партией, но ее поддерживали только некоторые аристократы. Тем не менее Большой Барон вел себя крайне несдержанно, пользуясь своей славой героя Кампальдинского сражения. Он вел себя, будто хозяин жизни. Мало того что задирали прохожих, так еще и насильно выдал замуж свою сестру Пикарду Донати, вытащив ее из монастыря, куда она удалилась в твердом намерении посвятить себя Богу.

Казалось, дни Корсо сочтены. Осталось спокойно дожидаться. Но тут произошло нечто, заставившее Гвидо забыть о своей неприязни к

Большому Барону и спешно вернуться в родные пенаты. 15 декабря 1292 года к власти во Флорентийской республике неожиданно пришел Джанно делла Белла, тот самый Джанно, кому прилюдно пытался оторвать нос старик Фрескобальди. К этому времени его уже отлучил от церкви папа Бонифаций VIII (около 1235–1303). Делла Белла любил посвящать народ в то, что ему знать вовсе не полагалось. Это был политический стиль Джанно, который и поднял его столь высоко. Перед его избранием небезызвестный мясник Пекора разъяснил всем цехам, какой великий друг справедливости Джанно и как попоlane будут счастливы, имея его градоправителем. В итоге народный герой стрелой влетел в вожденное кресло.

Вот тут-то сбылись все опасения, высказываемые когда-то во дворце Моцци. Новый приор собрал ученых мужей, который за пять дней сочинили «Установления справедливости» — еще строже, чем в Болонье. Все магнаты из числа старой аристократии оказались вне закона, зато огромные толпы ремесленников и поденных рабочих получили иллюзию прав. Это был Совет коммуны, который теперь участвовал в решении всех важных городских вопросов. Нобилиям же вообще запретили участвовать в управлении городом, а за малейший ущерб, нанесенный попоlane, их могли покарать смертью. Причем для вынесения приговора хватало свидетельства одного попоlane, данного под присягой.

Новые законы не выражали никакого сочувствия к городской бедноте. «Тощий народ» просто сделали неким красивым щитом, прячась за которым, новое банкирское сословие нападало на старую аристократию. Аристократы, спасаясь, побежали массово записываться в ремесленные цехи. Членство в любой цеховой корпорации делало человека полноправным гражданином. Вот только не всех туда записывали. Те, кто когда-то кичился древностью рода и с боем добывал родословную, — теперь искали родственников среди попоlane или спешно начинали торговать.

Кавальканти понял: если он хочет оставаться флорентийцем — придется вернуться и поскорее заделаться в ремесленники, пока не разрушили его любимый дом с винным подвалом и греческой библиотекой.

Погруженный в тягостные раздумья первый поэт вместе со слугами ехал вдоль берегов Арно, приближаясь к флорентийским стенам. Он не оглядываясь по сторонам и заметил Корсо Донати с дротиком в самый последний момент. Гвидо любил игры с мячом, постоянно тренируя реакцию. Это его спасло. Он успел отклониться от летящего оружия. Большой Барон захохотал и вытащил меч, показывая, что намерен

сражаться. Гвидо также обнажил клинок, то же сделали четверо его верных слуг.

— Что? Впятером на одного собрались?! — крикнул Корсо. — Храбрые парни, ничего не скажешь!

Гвидо разъярился:

— Вы посмотрите на него! Он хочет честного боя. Это после того как напал, будто разбойник из кустов!

С этими словами первый поэт, пришпорив лошадь, бросился на противника. Тот, молниеносно перехватив меч в левую руку, достал откуда-то из-за спины еще один дротик и метнул прямо в грудь Кавальканти. Если бы не кольчуга, которую подозрительный Гвидо всегда носил в путешествиях, удар был бы смертельным. Но у Кавальканти и так от боли прервалось дыхание. Он, скорчившись, застыл. Слуги бросились к нему.

Большой Барон прощально помахал рукой и умчался по направлению к Ареццо.

Первый поэт осторожно набрал воздуха. Вроде бы ребра остались целы. Погрозив вслед врагу, он потащился дальше.

Приехав домой, Кавальканти первым делом послал слуг в винный погреб. Но любимое вино не радовало. Подумал было о Джованне, но вспомнил о ее нежной дружбе с Алигьери. К мужу Гвидо ее вовсе не ревновал. А вот собрат по поэтическому труду уже неоднократно вызывал у Кавальканти приступы ненависти, но выказать их первый поэт не решался, боясь испортить свой облик беспристрастного философа.

Вдруг ему в голову пришла интересная мысль. «Называет меня лучшим другом, вот пусть и поможет мне отомстить этому мерзавцу Корсо, — подумал Гвидо, — посмотрим, какова цена его дружбы. Заодно, может, родственник прирежет его как-нибудь невзначай, придя навестить сестричку...»

*

В жизни Данте за время отсутствия первого поэта произошло множество перемен. Сразу же после женитьбы он внял уговорам мадонны Лаппы и записался в цех аптекарей. На самом деле, особой необходимости в этом не было. Их фамилия не попала ни в один из существующих списков магнатов, поскольку достаток семьи Алигьери не особенно отличался от зажиточных пополан. Благородное происхождение от славного рыцаря Каччагвиды никого не волновало. Но Данте хотел «приблизиться к народу»

из политических соображений — он собирался выдвигать свою кандидатуру на жеребьевку в городской Совет ста.

Гордость, а также научный интерес не позволили ему остаться аптекарем лишь на бумаге — он перечитал все медицинские трактаты, какие нашел во Флоренции, и собирался поехать поучиться в Сиену к тамошним аптекарям.

С женой он вел себя предупредительно, но холодно, никогда и ни с кем ее не обсуждал. Джеммы будто не существовало. Друзья удивлялись: Данте, будучи в браке, по-прежнему писал сонеты к умершей дочери Фолько Портинари.

Нельзя сказать, что он совсем не любил Джемму. Но он не мог отвязаться от мысли, что это выбор старого Алигьеро, с которым не желал иметь ничего общего, даже после того как его не стало. К тому же он так и не смог простить ей жалоб Большому Барону.

Когда жена забеременела, Данте сказал ей:

— Если родится дочь, назовем ее Беатриче.

— Как скажешь, дорогой, — согласилась Джемма, а через день подошла к мужу и кротко промолвила:

— Благословенная^[46] — прекрасное имя для девочки. Но тех, кто носит его, Господь забирает слишком рано.

Супруг тяжело вздохнул, ничего не ответив.

Спорить с женой не пришлось — родился сын, Пьетро. Молодой отец старался скрыть свой восторг, но постоянно задерживался у колыбели.

Узнав о возвращении первого поэта, Данте немедленно поспешил к нему — вспомнить прежние времена, почитать свои стихи и послушать новые творения лучшего друга.

Уже пересекая площадь Приоров, на которой когда-то стоял дом опального Уберти, Алигьери услышал за спиной голос:

— Эй, путник! Не знаешь ли, как поживает хозяин выючных ослов, который нашел клад в реке и построил на все средства башню для будущего тестя?

— Что за ересь ты несешь?! — Рука Данте потянулась к кинжалу.

Перед ним стоял неизвестный невысокий молодой человек с курчавой бородкой. Заметив недвусмысленное движение, он замахал руками:

— Ладно-ладно, молчу, не надо меня резать вашим ужасным ножиком. Не нравится тебе Азинелли — давай поговорим про Гаризенду. Или ты уже совсем не помнишь, как учился в Болонском университете?

— Чино! Неужели это ты?! — Алигьери бросился обнимать бывшего однокурсника.

Они немного повспоминали профессоров, лекции, веселые болонские дни.

— А как твои отношения с мадонной Поэзией, любезный друг? — спросил Чино да Пистойя. — До меня доходили кое-какие твои любовные опусы, но, подозреваю, не все.

— Я в ладах с этой мадонной, — ответил Данте, — и мой лучший друг тоже. Он слывет первым поэтом Флоренции.

Да Пистойя внимательно посмотрел на собеседника:

— Первый поэт Флоренции? Кто же это? Неужели...

— Это мессир Гвидо Кавальканти, — подтвердил Алигьери. — Как раз недавно он вернулся из долгого паломничества, и я спешу посетить его. Хочешь, пойдем вместе, я представлю тебя, и ты сможешь почитать ему свои творения.

— Он твой лучший друг? — На лице Чино отобразилось крайнее удивление.

— Да. А что тебя так поражает? Его чрезмерно вольные нравы? Так ты и сам, помнится, не стремился стать примером для подражания. Или по прошествии времени все же решил заделаться святым?

— Скорее уж ты в чем-то святой, коли дружишь со своим врагом.

— С врагом? — Теперь пришла пора удивляться Данте. — С какой еще стати? Ты знаком с ним?

— К сожалению, да, — вздохнул да Пистойя, — лучше бы я знал его только по стихам, они и впрямь прекрасны. Удивительно, как человек, которому доступна такая высота в поэзии, может иметь столь низкую душу.

Данте нахмурился:

— Что же такого он сделал?

— Ничего особенного, — грустно улыбнулся Чино, — просто крайнее самолюбие и ревность заставляют его мучиться от чужих поэтических успехов. Это странно, ведь сам он потрясюще талантлив. Но факт остается фактом. Я попадал на его поэтические вечера в Тулузе. Он благосклонен к робким новичкам, а сильных поэтов старается морально раздавить.

— Если даже и так, на меня это точно не распространяется, — рассмеялся Алигьери.

Бывший однокурсник посуровел:

— Тебя он просто ненавидит. Он выучил наизусть твои самые слабые строчки. Подозреваю, некоторые и присочинил. Вспоминал тебя на всех вечерах, рассказывая новичкам, как ты свою боязнь перед какой-то женщиной выдавал за мистический трепет, якобы необходимый для вдохновения. А когда не получил ни женщины, ни вдохновения —

притворился больным, а потом даже собрался уйти в монахи — все для того, чтобы создать себе облик настоящего поэта.

Данте побледнел. Помолчав немного, проговорил изменившимся голосом:

— Послушай, почему я должен тебе верить?

— Можешь и не верить, — пожал плечами Чино, — но подумай сам, какая корысть мне ссорить тебя с ним? Я здесь проездом, у меня своих забот хватает. Просто его двуличие возмутило меня до крайности. Мало того что поливает человека грязью, так еще и лучшим другом считается.

В этот момент оба товарища увидели Гвидо, идущего через площадь Приоров несвойственной ему быстрой походкой.

Да Пистойя кивнул в его сторону:

— Легок на помине. Пусть подойдет, спроси у него сам.

Алигьери казалось, что у него на лице написаны все чувства, но подошедший Кавальканти не обратил на настроение лучшего друга никакого внимания.

— Слушай, Алигьери, твой бандитский родственник потерял всякий стыд, — возбужденно начал он вместо приветствия. — Уже нападает на честных людей средь бела дня. Не пора ли урезонить его? Предлагаю собраться дружеской кучкой, мечей этак в десяток, и напомнить ему правила поведения.

— Если ты говоришь о Корсо Донати, — холодно отозвался Данте, — то он принадлежит к роду моей законной супруги и я не собираюсь ссориться с ним из-за ваших размолвок.

— Вот, значит, как! — Красивое лицо Гвидо, обрамленное темными кудрями, приняло неприятное выражение. — Вот что значит для тебя дружба. Жене понадобился всего год, и ты уже полностью обабился. Не удивлюсь, если и стихи ты теперь пишешь исключительно на кухонные темы!

— Не беспокойся, у меня есть о чем писать. А вот ты, похоже, нашел новый жанр — сочинение пасквилей на лучших друзей.

Кавальканти злобно обернулся на Чино:

— Это ты, пистойец, передал ему мои слова, которые слышал в Тулузе? Зря я позвал тебя тогда! Говорят же: пистойцы хуже змей. Тебе не стыдно, сплетник?

— Нет, — спокойно ответил да Пистойя, — я всего лишь предупредил моего бывшего однокурсника о коварстве того, кого он ошибочно считал своим лучшим другом.

Гвидо беспокойно ощупал кинжал, без которого теперь не выходил из

дому. Помолчал и сказал устало, обращаясь к Чино:

— Ты знаешь историю лишь с одной стороны. Да, я вел себя не по-дружески по отношению к мессире Алигьери. Но я и не называл его своим лучшим другом, если все хорошо вспомнить. А вот ты, Данте, трубящий о своем расположении ко мне на каждом углу, любил ли меня ты так бескорыстно, как хочешь показать? Ты добился своей поэтической славы благодаря мне. И какова же твоя награда лучшему другу? Любовь?! Нет! Смертельный яд предательства!

Первый поэт медленно обнажил свой кинжал, некоторое время рассматривал клинок, выкованный лучшими французскими оружейниками. Потом быстро полоснул себя по запястью и ушел, капая кровью на камни, мостившие площадь.

Два товарища смотрели ему вслед.

— Он сильно обижен на меня, — тихо сказал Данте, — но вот за что? Неужели за мои успехи на поэтическом поприще?

— Слушай, а может, он просто... э... безответно влюблен в тебя? — предположил Чино.

— О Господи! — ужаснулся Данте. — Ну тогда ему придется страдать до самой смерти. Мне жаль его.

В это время уходящий первый поэт потряс окровавленным кулаком. Ветер донес его вопль:

— Будь ты проклят!

— Нет, — вздохнул Алигьери, — пожалуй, не жалко. Его. Но вот его поэзия... он действительно первый.

— После тебя, — сказал да Пистойя.

— Боюсь, ты преувеличиваешь, любезный друг.

Чино усмехнулся:

— Видишь ли, дружище, хоть я и остался тогда в Болонье — хороший правовед из меня не вышел. Но в стихах я разбираюсь, уж извини.

— А не выпить ли нам за это, как в добрые студенческие времена? — предложил Данте. — Здесь неподалеку хорошая таверна.

Да Пистойя потряс кошель, прикидывая на вес количество мелких монет.

— Я не против. Но может, пригласишь к себе на домашние харчи? Ты, говорят, женился?

— Говорят... Кругом все говорят... — невнятно пробурчал Алигьери, обгоняя спутника, чтобы тот не услышал его бормотания.

Однако Чино имел острый слух:

— Хочешь сказать, это неправда? Или твоя жена уродлива?

— Это выбор моего отца, — нехотя объяснил Данте, — давай не будем об этом. А жена моя вполне хороша собой.

— Как хочешь, — задумчиво произнес Чино, открывая дверь таверны.

Глава двадцать вторая

ГОРОДСКИЕ ИНТРИГИ

Поэты, как правило, очень трепетно относятся к своему творчеству, видя в нем важнейшую часть своей личности. Поэтому для них в одинаковой степени нестерпимы и критика, и игнорирование, а свое мастерство стихосложения они порой наделяют чуть ли не магической силой. Если набрать в поисковике фразу «лети, мой стих» — выйдет большое количество поэтических опусов разного калибра и уровня. Насколько ценил свои творения Данте, один из величайших поэтов в истории человечества?

Такое ощущение, что он вообще не задумывался на эту тему. Поэзия была для него средством выражения опыта в постижении себя и мира, а вовсе не самоцелью. При этом он не относился к скромным, ни к чему не стремящимся людям, просто его амбиции не касались поэзии, а простирались в сферу политики. Он сильно стремился заслужить лавровый венок, причем ему важно было получить его на родине, из рук своих соотечественников. Но, весьма вероятно, если бы его спросили, какой из своих текстов он ценит более всего, он назвал бы не «Божественную комедию» и не «Новую жизнь», а трактат «О монархии».

Эту работу Данте написал на латинском языке в 1312–1313 годах, когда жил в Пизе. Но мы рискнем предположить, что задумал он ее гораздо раньше, еще находясь во Флоренции, и, скорее всего, там и делал первые заметки. Ведь именно во флорентийский период наш герой избрал для себя партию белых гвельфов, не поддерживающих Святого престола. И после, практически с самого начала изгнания, Данте ищет контакты в промонархических гибеллинских кругах.

Окончательно трактат созрел, конечно, значительно позже. К этому моменту Данте, видимо, уже гораздо меньше ощущал себя итальянцем, культивирующим «народный» язык, и гораздо больше — европейцем, обращающимся ко всему католическому миру. Поэтому и писал на латыни.

В трактате «О монархии» ведется довольно жесткая полемика с церковными иерархами по поводу допустимости абсолютной теократии. Данте считает, что церковь нуждается в отделении от государства. Также он осуждает «Константинов дар». По преданию, первый христианский император Константин дал папам власть почти над всей Центральной

Италией.

По убеждениям нашего героя, император не имел права нарушать целостности своих владений, а римский первосвященник должен был отказаться от материальных благ либо обратить их на помощь нищим. Главный тезис дантевского текста таков: светская власть никогда не должна подчиняться духовной потому, что «светская» в понимании Данте — более «божественна», ведь император получает власть не от папы, а непосредственно от Бога.

В тексте много ссылок на Библию, гораздо больше, чем на античных авторов, по сравнению с другими философскими сочинениями нашего героя, например с «Пиром». Жанр можно определить как религиозно-этическую утопию, когда «вселенская» монархия объединяет все человечество и помогает ему преобразовать действительность согласно пути, предначертанному Богом. Этот путь формулировался как «человечность», то есть любовь к ближнему.

Интересно, что при всей сверхглобальности своего проекта Данте вовсе не отрицал наличия отдельных стран, княжеств и даже отдельных свободных городов. Идеология белых гвельфов в чистом виде...

Как же отреагировали оппоненты?

В 1329 году книга была официально осуждена католической церковью, а в 1564 году — после публикации Джованни Опорино — занесена в Индекс запрещенных книг.

«Для всех людей, которых верховная природа призвала любить истину, видимо, наиболее важно, чтобы они позаботились о потомках и чтобы потомство получало от них нечто в дар, подобно тому, как и они сами получали нечто в дар от трудов древних своих предков. Ведь тот, кто, располагая наставлениями в области права, не проявляет старания, чтобы принести какую-нибудь пользу государству, без сомнения, окажется далек от исполнения своего долга, ибо он не дерево, которое во благовремение плодотворит течение водное, а скорее гибельный водоворот, всегда бурлящий и никогда не возвращающий поглощенное. Итак, поразмыслив об этом не раз наедине с собою, дабы не заслужить когда-либо обвинения в сокрытии таланта, я возымел желание не столько копить сокровища, сколько принести полезный плод обществу, открыв ему истины, не исследованные другими»^[47] — так начинается Данте Алигьери это очень важное для себя сочинение.

Вся биография нашего героя указывает на приоритет политики перед поэзией. В родной Флоренции он смог добиться почти максимума в политической карьере, став одним из семи приоров. После активно пытался

наладить полезные связи везде, куда его заносила судьба скитальца, и к концу жизни добился высокой дипломатической должности в Равенне. Но почему-то все его политические устремления заканчивались неудачно. Победа во флорентийском приорате обернулась изгнанием, многочисленные попытки сближения с влиятельными персонами из гибеллинских кругов ни к чему заметному не привели, «великий ломбардец» Бартоломео делла Скала, на которого Данте возлагал большие надежды, умер, общение с тамплиерами тоже оказалось не ко времени, накануне их собственного краха. И наконец, бесспорная, казалось бы, удача — близкое знакомство с Гвидо да Полентой, правителем Равенны, подарившим поэту собственный дом и сделавшим его своим официальным послом, в итоге привело к смерти.

К сожалению, так случается слишком часто. То, к чему мы упорно стремимся, ускользает, а то, что дается легче, для нас, как правило, не столь важно. Похожая история произошла с другим гениальным итальянцем — композитором Антонио Вивальди. Всю жизнь он мечтал об опере и вложил в этот жанр много сил. Он не только писал оперы, но и пытался сам их ставить, несмотря на слабое здоровье. Ради мечты он мог сорваться в другой город, хотя в обычной жизни с трудом мог дойти до соседнего дома из-за жестоких приступов астмы. Его оперы были по-настоящему красивы, но совсем не имели успеха. А прославился он в итоге концертами, которые ему приходилось писать по долгу службы для сиротского приюта Пьета (Оспedale-делла-Пьета) в Венеции, где он работал музыкальным руководителем. В числе этих «сиротских» концертов — знаменитые «Времена года». А оперы Вивальди до сих пор ждут своего часа.

Но вернемся к жизни нашего героя.

*

«Установления справедливости», введенные неистовым Джанно делла Беллой, внесли разлад в жизнь всей Флоренции. Торговые магнаты, с которыми он боролся, улизнули от карающей десницы, притворившись ремесленниками. Зато нескольких чрезмерно активных в защите своих прав попопан нашли мертвыми в городском рву. Также сильно пострадали многие из представителей древней аристократии, не желавших позорить честь своего рода фиктивным вступлением в цехи. Делла Белла весь свой гнев на мировую несправедливость срывал на гордых аристократах. Он даже учредил напротив здания городского совета Флоренции (дворец

Барджелло) «пальяццо»^[48] — специальную тюрьму для провинившихся нобилей. Начальником Джанно сделал своего друга и единомышленника, который специально следил за условиями жизни узников, дабы они вдруг не оказались слишком комфортными. После кроватей с перинами несчастные аристократы спали на голой земле, ибо соломы на всех не хватало. Но это еще не всё. По приказу начальника их кормили отбросами, от которых отказались бы даже свиньи. В камерах творился настоящий ад — зловоние, стоны и крики больных. Многие умирали, не выдержав и недели такого правосудия.

Мотивация рвения делла Беллы оставалась непонятной. Он был банкиром — и это как-то не вязалось с борьбой за народное благо. Да и справедливость, за которую он ратовал, от его действий не торжествовала. Смерть нобилей никак не влияла на благосостояние «тощего народа», а иногда даже уменьшала его, когда слуги и поденщики, лишившись хозяев, теряли заработок. Несмотря на явное несоответствие, Джанно продолжал зверствовать. Его близкие знакомые объясняли это желанием отомстить всему аристократическому сословию за минуты позора, когда его нос попал в кулак старого Фрескобальди.

Обстановка в городе предельно накалилась, но сместить или даже убить в темном переулке неугодного градоправителя никто не решался. Это поставило бы на грань развала все демократическое устройство Флорентийской республики.

Был нужен всплеск народного негодования, и организовать это поручили все тому же мяснику Пекоре. На этот раз он бежал по домам ремесленников под покровом темноты: все же подстрекательство к бунту — дело не вполне законное. За ночь Пекора с фонарем успевал посетить несколько кварталов. Мясник с негодованием разъяснял перепуганным пополам, что в обличье градоначальника затаился дьявол — недаром ведь он отлучен от церкви. И милая Фьоренца покатится в тартарары, если не изгнать демона в ближайшие дни.

Пекоре Бог дал гениальный дар убеждения — не случайно он был допущен к самым высшим кругам. Кроме того, за ним стоял Большой Барон с его головорезами. Всего за неделю мясник сумел довести народ до кипения.

Пополане, вооружившись годендагами, молотами и дубинами, вышли на площадь перед дворцом Барджелло, требуя отставки делла Беллы. Совет ста не смог сразу удовлетворить народных требований — в его составе было немало единомышленников отчаянного правдолюбца, в том числе его брат.

Но уличное негодование нарастало, в некоторых кварталах уже готовили телеги со знаменами цехов, то тут, то там вспыхивали драки. К вечеру улицы, ведущие к Барджелло, перегородили цепями и стали готовиться к его штурму. Оценив ситуацию, даже приверженцы Джанно решили больше не поддерживать неугодного градоправителя и подписались под документом о его изгнании.

5 марта 1295 года яростный банкир-правдоискатель покинул Флоренцию, а затем — Италию. Он обосновался во Франции, где перестал бороться за справедливость и вернулся к своей основной профессии. Он стал банкиром французского короля и приложил немало усилий, добиваясь снятия интердикта (папского отлучения), но безуспешно.

Ужасная «пальяццо» закрылась, нобили вновь почувствовали себя людьми первого сорта. Всё вернулось на круги своя, в том числе вражда между деи Черки и Донати. Давно прошло то время, когда соперники дрались или оскорбляли друг друга, встречаясь на улице. Теперь они наращивали политическую силу, заманивая в свои партии богатых и уважаемых сторонников.

*

У мессира Алигьери уже подрастали сыновья Пьетро и Якопо и дочка Антония. Он долго думал — называть ли ее Беатриче, но побоялся, памятуя о предостережении Джеммы о коротком веке Благословенных. Адочка к тому же родилась слабенькая, худенькая, чем-то напоминающая ту далекую девочку из его детства.

Своих детей Данте очень любил. Почему-то в них ему не мерещились греховные изъязны старого Алигьери. Им он мог простить все, что угодно, в отличие от жены, глядя на которую он постоянно вспоминал своего отца, с которым всю жизнь ни в чем не соглашался. Иногда он ловил себя на чувстве привязанности к Джемме, особенно когда видел ее с дочкой на руках. Вздохнув украдкой, он снова переходил на предупредительно-холодный тон, который с самого начала выбрал для отношений с супругой.

Джемма, похоже, ничего другого и не ожидала. Она всегда встречала мужа ровной спокойной улыбкой, не расспрашивала его о делах и не делилась с ним своими мыслями. Она позволяла себе беседовать с ним только о детях. Знала: ему всегда будут интересны их маленькие успехи.

...Сегодня Джемма отступила от своих правил. Она долго готовилась. Ловила подходящий момент, когда муж будет в хорошем настроении, и,

наконец, решилась:

— Каро, я слышала, ты решил заняться политикой?

Он посмотрел на нее с удивлением:

— Почему ты спрашиваешь?

— Не подумай, будто я не знаю своего места, но все-таки... зачем ты поддерживаешь Черки? Ведь у моего рода есть своя партия, которая...

— Не лезла бы ты не в свое дело, — недовольно прервал ее муж.

— Я и не лезу. Меня волнует судьба наших детей. Они могут пострадать. Ты ведь знаешь Корсо.

— Не пострададут. — Данте хотел закончить разговор, но, смягчившись, объяснил: — У Черки народная партия, его поддерживают попоlane. Это надежнее, чем аристократическая спесь твоего брата, если уж говорить о будущем.

Джемма понимала, что не стоит дальше развивать тему, но не смогла удержаться:

— Разве у тебя нет аристократической спеси? Я помню, ты очень увлеченно доказывал Форезе, какой твой род древний и уважаемый.

Сказанное и впрямь оказалось лишним. Супруг помрачнел:

— Я не желаю иметь ничего общего ни с твоим зарвавшимся братцем, ни с его головорезами, — сказав это, он быстро вышел.

— Ну да, — сказала Джемма сама себе, — а как брать деньги в долг у моей мамы, так пожалуйста. И наплевать, что ей помогает Корсо.

Тяжело вздохнув, она опустилаcь на скамью, но тут же из колыбели послышался плач маленькой Антонии. Об отдыхе пришлось забыть.

Данте было вовсе не наплевать. Стиснув зубы и отгоняя мысли о долгах теще, он работал над политическим трактатом. Он очень надеялся прославиться в политике. В поэзии это никак не получалось. Вроде бы его сонеты и знали за пределами Флоренции, вот только никаких особенных благ это не приносило. А разросшаяся семья требовала нешуточных трат. Да и братцу Франческо требовалось все больше, не говоря уже о приданом для сестры Гаэтаны.

«Если и здесь не выйдет — придется всерьез стать аптекарем, — думал он, — все лучше, чем лить воду на мельницу Корсо».

...Корсо Донати вызывал недобрые чувства не только у Алигьери. Гвидо Кавальканти всерьез задумал отомстить Большому Барону за нанесенную обиду. Несколько месяцев он собирал отряд мстителей. Ради этого поэт-домосед даже начал ходить по гостям и собраниям. Везде он тонко и осторожно заводил беседу о бесчинствах, творящихся в милой Фьоренце, и ждал: не прозвучит ли имени Корсо. Такое случалось нередко.

Тогда Гвидо как бы вскользь замечал, что нынче люди стали терпеливы, не в пример славным рыцарям прошлого. Он очень надеялся спровоцировать кого-нибудь на борьбу со своим врагом. Правда, скоро ему пришлось разочароваться в подобной тактике. Все охотно соглашались насчет бесчинств, но как только Кавальканти пытался подвести разговор к усмирению Корсо — собеседники сразу же начинали живо интересоваться совершенно другими вещами, начиная с урожая винограда и заканчивая искусством игры на лютне.

Первый поэт понял: с обычными добропорядочными флорентийцами каши не сваришь. Нужно искать иных соратников.

Гвидо вновь осел дома, возобновив проведение поэтических вечеринок. Теперь он уже не жалел вина и выслушивал опусы молодых поэтов гораздо снисходительнее, стараясь заручиться их поддержкой. Юнцы бахвалились силой, будто молодые петухи, обещали срыть дом Корсо за одну ночь. Но как только Кавальканти назвал примерную дату нападения — их боевой задор вмиг улетучивался. Поэты скучнели, у них сразу же появлялись всевозможные хвори, неотложные семейные дела и необходимость уехать из города.

Прикинув, сколько драгоценного вина ушло на никчемных разгильдяев, первый поэт припомнил всех чертей. Покончив с поэтическими вечерами, он отправился к тому, без чьей помощи надеялся все это время обойтись, — к Вьери деи Черки, злейшему врагу Корсо. Это был запрещенный прием, возводивший личную вражду в ранг политической.

Корсо полностью отказывал Вьери в уме, не называя его иначе как ослом. Большой Барон не ленился каждый день, выходя на людную улицу, громко вопрошать окружающих: «Что, осел у ворот уже заорал?» И все тут же понимали, о ком идет речь, ведь дворец деи Черки находился вблизи городских ворот. На своих внутрипартийных собраниях Корсо часто заводил речь о типах людей. Приводя примеры из истории, он доказывал, что слишком красивые мужчины созданы не для лидерства, но для утех сильных мира сего. А Вьери действительно унаследовал от матери удивительную красоту. На самом деле, умом и лидерскими качествами Бог его тоже не обделил. Иначе как бы он сплотил вокруг себя пол-Флоренции?

Выслушав Гвидо, Вьери лучезарно улыбнулся. Эта улыбка могла означать что угодно, но только не желание немедленно напасть на Большого Барона. Первый поэт поморщился:

— Насколько мне известно, мессир Черки, вы не питаете нежной любви к мессину Донати, если не сказать сильнее, — произнес он,

осторожно выбирая слова, хотя его душила ярость, — почему же вы не хотите воспользоваться гм... неплохим случаем?

— Глубокоуважаемый мессир Кавальканти, — отвечал Вьери со всей доброжелательностью, какую только смог выразить своим голосом, — мне кажется, вы немного не точны. Ваш неплохой случай и мой — абсолютно разные. И в данный момент речь идет о вашем, а не о моем. Для меня же сейчас лучше всего подождать, пока моих врагов поразит сам Господь. Поверьте, это надежнее, чем самому махать мечом.

— Я считал вас мужественным человеком... — мрачно заметил Гвидо и собрался уходить.

Лицо деи Черки не изменило выражения и после этих слов.

— Могу, кстати, кое-что посоветовать, — вдруг быстро сказал он, — у меня много родственников, испытывающих разные чувства. В том числе к мессиру Корсо. Вы можете поговорить с ними. Только сами, без моего участия. Ну, с Богом!

Гвидо позволил себе не попрощаться. Правда, Вьери вряд ли это заметил, так как моментально исчез.

Придя домой, первый поэт впал в более глубокую меланхолию, чем практиковал обычно. Прохандрив пару часов, он начал перебирать в памяти имена своих посетителей, на предмет более близкого знакомства с родственниками Черки. Тут же ему вспомнились два брата, носившие эту фамилию. Крайне бездарные поэты, они в свое время получили от Гвидо большую долю злого сарказма по поводу их творчества. Но, может быть, время залечило их раны?

*

У Данте снова болели глаза, как когда-то от слез по Беатриче. Но на этот раз — не от горя, а от чрезмерного усердия. Стремясь стать видным политиком, он штудировал трактаты — все, какие смог найти во флорентийских библиотеках. С радостью замечал, как постепенно крепили и прояснялись его собственные воззрения. Монархия все больше казалась ему идеальным земным мироустройством. Власть, данная правителю Богом, но не претендующая на владение душами. Не пасторство. Чем глубже он размышлял — тем более уродливыми виделись ему меркантильные притязания римских понтификов, призванных думать только о душе. Алигьери отдавал себе отчет, что такие мысли и настроения больше подошли бы гибеллину, чем гвельфу, но это его не слишком

волновало. В конце концов, всего сто лет назад ни гвельфов, ни гибеллинов вообще не существовало.

С вдохновением, равным поэтическому, Данте создавал трактат о монархии. Чеканный язык римского права позволял подняться на невиданные высоты объективности. Мысль свободно парила, лишь иногда ее отягощали неприятные воспоминания о долгах теще и прочих неприятностях. Но он верил: нынешние занятия скоро избавят его от этих бременных вещей. Он станет приором, а там... не стоит, конечно, загадывать слишком далеко, но удалось ведь делла Белле занять место градоправителя, пусть и не надолго...

...В дверь постучали.

— Войдите, — раздраженно отозвался Алигьери.

На пороге показались два племянника Вьери деи Черки. Данте периодически встречал их на разных собраниях. Они баловались стихосложением и пару раз показывали Данте свои опыты. Наверняка пришли с этим и теперь.

— Слава Христу, любезные друзья, — Данте смягчил тон, — с чем пожаловали?

— Мы наслышаны о ваших увлечениях политикой, — начал один из них, по имени Джованни деи Черки.

— И хотели бы предложить вам одну сделку, — таинственно продолжил второй, Джордано.

— Какую еще сделку? — удивился Алигьери.

— Насколько нам известно, вы умеете писать политические трактаты, — произнес Джованни. — Могли бы вы создать нечто в подобном жанре на заказ?

— Вас же, как человека книжного, интересует политика только в теории, — объяснил Джордано, — а мы хотим приобрести себе политический вес, чтобы продвинуться в приоры... ну и дальше.

— Вы ведь нуждаетесь, а мы хорошо заплатим, — прибавил Джованни.

Данте, задыхаясь от бешенства, переводил взгляд с одного на другого.

— Кто вам сказал, что я нуждаюсь?! — наконец смог проговорить он.

— Но... — растерянно начал Джованни.

— Вон отсюда! — Голос Алигьери прозвучал тихо, но столь убедительно, что братья ретировались, не сказав ни слова.

Братья Черки шли по переулку, наблюдая за тощим кабанчиком, яростно подрывающим чей-то дом. Джованни кинул животному обломок сухаря. Тот и не подумал взять лакомство. Злобно захрюкав, он продолжал

свое занятие с еще большим ожесточением.

— Вот, смотри! — сердито заметил Джованни. — Прямо как наш мессир Дуранте. Денег — кот наплакал, а спеси на троих.

Джордано не отвечал, явно что-то обдумывая.

— Послушай, — сказал он наконец, — от всех этих трактатов немного пользы. Чтобы заявить о себе — нужны поступки. Предлагаю восстановить справедливость и взять под защиту нашего лучшего поэта.

Брат с ужасом посмотрел на него:

— Ты что... ты собрался напасть на Большого Барона?

— Почему бы нет? — пожал плечами Джордано. — Не Господь же Бог он, в конце концов.

— И какая в этом для нас польза?

— О, тут мы убьем не двух, а целых трех зайцев. Во-первых, заручимся поддержкой пополан, которые ненавидят Корсо. Во-вторых, прослышем покровителями поэзии. А в-третьих, прольем немного водицы на мельницу нашего досточтимого дяди. Он уж точно этого не забудет.

— А давай еще отомстим этому напыщенному индюку Алигьери! — обрадовался Джованни. — Все знают, как он ненавидит родню своей жены. Даже записался в партию нашего дяди, лишь бы не иметь ничего общего с Корсо. Скажем, будто это он попросил нас вступить за своего друга Гвидо.

— Смысл? Никто не поверит. Да и к чему это нам?

— Может, и не поверит, но слух пойдет. Он оскорбил меня, пусть пожнет плоды. Это будет гораздо лучше, чем биться с ним. А с мессира Кавальканти нужно взять плату за нашу помощь. Ему не мешает немного полечиться от скупости.

Джордано захохотал:

— Ну ты и ловок, братец! Чувствую, с твоей предприимчивостью мы скоро станем богаче дяди Вьери.

Глава двадцать третья

ПЕРВЫЙ ПОЭТ

Если о характере Джеммы Донати-Алигьери мы можем только догадываться по косвенным данным, то о лучшем друге Данте Гвидо Кавальканти осталось много свидетельств. Он действительно был скуп, склонен к гедонизму и невероятно вспыльчив. Последняя черта вообще характерна для итальянцев, иначе откуда было бы взяться вендетте, гениально отраженной Шекспиром в «Ромео и Джульетте»? Собственно, непримиримая борьба гвельфов и гибеллинов — это тоже своеобразный аналог вендетты, замешенной на амбициях и рейтинге родов, их сфере влияния и, конечно же, деньгах. Поэтому так трудно разобраться в идеологической составляющей этих, казалось бы, четко очерченных политических партий и причинах локальных войн и переворотов, происходящих то тут, то там.

Гвидо Кавальканти очевидно выделялся необузданным нравом даже среди своих горячих соотечественников. Это доказывает его нападение на Корсо Донати, не только привыкшего всех подавлять, но и профессионального военного. Чтобы в открытую напасть с дротиком на такого человека, нужно пребывать в состоянии аффекта, с отключенным инстинктом самосохранения. Разумеется, Гвидо мстил за попытку отравления, но продуманно спланировать такое невозможно.

Эпикурейство Гвидо также подтверждается Боккаччо. В одной из новелл «Декамерона» есть фраза, что Гвидо «весьма придерживался мнения эпикурейцев». Это натолкнуло некоторых исследователей на мысль приписать Кавальканти аверроистскую метафизику, то есть вывести его совершенным еретиком. Тем не менее инквизиция Флоренции посмертно осудила тестя Гвидо, Фаринату дельи Уберти и его жену, приказав развеять по ветру их прах, а сам Кавальканти не стал жертвой официального обвинения в ереси, и его похоронили как достойного христианина. Из регистра умерших церкви Санта-Репарата, фундамент которой не так давно обнаружили археологи под главным флорентийским собором Санта-Мария-дель-Фьоре (Святой Марии в цветах), следует, что первый поэт Флоренции и друг Данте погребен в этом храме 29 августа 1300 года.

Зачем же Боккаччо оговаривал Кавальканти? Вряд ли он делал это намеренно. Он ведь писал свои новеллы спустя пол столетия после смерти

Гвидо и ориентировался уже более на слухи и легенды, чем на факты. Собственно, поэтому биография Данте пера Боккаччо и не считается достойной безоговорочного доверия.

Возможно, Гвидо страдал от алкоголизма и совершал необдуманные поступки в состоянии опьянения. Во всяком случае, это могло бы стать объяснением, почему жизнь богатого и талантливого человека вдруг пошла под откос и закончилась гибелью во цвете лет. На момент смерти ему исполнился всего 41 год.

*

Стоял март 1294-го. Два года минуло с тех пор, как Корсо метнул дротик в Гвидо Кавальканти, а первый поэт еще не нашел подходящего случая отомстить. Дело оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале. За Большим Бароном стояла уже не кучка головорезов, как когда-то, а добрая половина Флоренции.

Кавальканти совсем извелся. Он старался все время сидеть дома, дабы случайно не столкнуться на улице со своим врагом. Но стоило ему хоть ненадолго выйти — Корсо обязательно попадался навстречу, нагло похихатывая или отпуская какую-нибудь оскорбительную шутку. Первый поэт даже пытался официально пожаловаться в Совет ста, но там ему не помогли, поскольку никакого доказанного ущерба Корсо не нанес. Гвидо потерял сон и аппетит. Несколько раз он уже принимал решение навсегда уехать из родного города, но каждый раз понимал, что не в силах оставить любимого дома, выстроенного и отделанного им с такой любовью. Оставалась последняя надежда — обратиться к родственникам Вьери деи Черки. Собственно, из всей его многочисленной родни для мщения подходили лишь два племянника — Джованни и Джордано, сильные, хорошо владеющие мечом и, одновременно, достаточно безрассудные, чтобы напасть на Большого Барона. Те самые поэтишки, которые когда-то получили от Гвидо немало язвительных замечаний по поводу своего творчества. Кто же знал, что придется просить их об одолжении!

Первый поэт уже несколько дней мучительно обдумывал витиеватую речь, адресованную молодым Черки. Ради этого ему пришлось разобраться в политических тонкостях и понять разницу между двумя партиями — Черки и Донати.

По правде сказать, особых различий не наблюдалось. Партия Черки на первый взгляд казалась более «народной», пополане считали ее «своей». Но

ее также поддерживало немало магнатов древней крови. Партия Корсо считалась «аристократической», а средства получала от купцов и банкиров, часто принадлежавших к семьям с сомнительным родословием.

Окончательно запутавшись в политических хитросплетениях, первый поэт решил намекнуть отпрыскам дома Черки, что обращается к ним по совету самого Вьери. Кликнув слугу и велев ему седлать лошадь, Гвидо решил подышать воздухом — у него разболелась голова от тяжелых дум. Он вышел на крыльцо и увидел, как к дому подходят те самые племянники Черки.

— Приветствуем тебя, многоуважаемый! — весело крикнул Джордано. — Не уделишь ли нам несколько мгновений твоего драгоценного поэтического досуга?

— Кстати, неплохо было бы подать нам твоего знаменитого вина, — прибавил Джованни, — и не жалеть его, ибо дельце такое, что стоит лишней баклажки-другой.

Обычно Гвидо никогда не предавался излишествам, считая пьянство уделом грубых пополан. Он специально не заводил у себя в доме больших кубков, предпочитая смаковать каждый глоток из изящных бокалов. Его передернуло, когда Джордано налил драгоценный нектар из тулузских виноградников в простую глиняную кружку.

— А это, чтобы не утруждаться, — гоготнул молодой Черки, — отпусти слуг, мы люди простые, мессир Донати говорит, что мы недавно из леса вышли. Ну?! Пошла, что стоишь?! — гаркнул он на служанку.

— Мессир Корсо вообще про всех все знает, — поддакнул Джованни, когда девушка ушла, — наверное, оттого плохо спит. Надо бы помочь ему. Ты как считаешь, уважаемый Гвидо?

— Ох, да неплохо бы, — пробормотал первый поэт, не веря своим ушам. Он чувствовал себя очень некомфортно. Вроде бы все складывалось, как он хотел, вот только эти двое юнцов вели себя в его доме будто хозяева, а он не мог сделать им замечание. Вдруг он понял, что эта ситуация отображает перемены, произошедшие в его статусе. Его жизнь стала давать трещины во многих местах. Недовольство архиепископа, обвинения в язычестве, слухи... он уже почти персона нон грата, оттого и стервятник Корсо не упускает возможности поглумиться. Оттого и Примавера ему изменила. Последний оплот — поэтическая слава — и та под угрозой. Молодого Алигьери еще никто не называл первым поэтом Флоренции, но ведь когда-нибудь это произойдет. Гвидо, как никто другой, видит величину и силу поэтического гения своего недавнего ученика...

Отчаянным движением подстреленной птицы Гвидо Кавальканти

плеснул свое любимое дорогое вино в грубую глиняную кружку.

Не прошло и часа, как первый поэт напился хуже последнего сапожника. Он забыл даже о поэтической вечеринке, которую назначил на сегодня. Мутным непонимающим взглядом оглядел первых прибывших гостей. Его трясло.

— Вы больны, мессир Кавальканти? — встревоженно спросил кто-то.
— Может быть, вчерашний дождь...

— Простуда — болезнь обычных людей, но не поэтов! — захохотал Джованни. — Наш любезный Гвидо может быть только ранен стрелой Амора. Сейчас мы исцелим его!

С этими словами братья Черки потащили Кавальканти во двор, где облили холодной водой из бочки. После принудительного купания Гвидо стало намного легче. Он даже смог с помощью Черки и вернувшихся слуг исполнять обязанности хозяина. Правда, все происходящее казалось слегка затуманенным. Он не уследил, когда разговор зашел о Данте Алигьери. Вроде бы тот, поссорившись с женой, замыслил нападение на Большого Барона. «И здесь он обскакал меня», — пронеслось в голове Гвидо. Но тут в беседу вмешался чей-то знакомый возмущенный голос:

— Полно говорить, о чем не знаете! Дуранте вовсе не ссорился с Джеммой. Они живут душа в душу, уж мне-то это известно точно, я постоянно бываю в их доме.

— Э... Форезе... Донати! — Язык Гвидо снова стал немного заплетаться. — А ты... это... чего ко мне пришел?

— Не ты ли приглашал меня читать сатирические куплеты? — удивился толстяк.

«Нет, впредь только умеренность! Не дай Бог проболтаться при нем о планах насчет Корсо», — подумал Гвидо и потащился во двор к спасительной бочке с холодной водой.

Когда он вернулся — Форезе Донати уже исполнял свои сатиры, наspiгованные непристойностями, точно пирог ягодами. Некоторые из гостей отворачивались с деланным отвращением, но большинство встречало эти вольности аплодисментами. Толстяк к тому же еще усиливал впечатление жестами, выкриками и совершенно непередаваемыми интонациями. Он закончил читать и, отдуваясь, подошел к столу — получить свою порцию восторгов и вина. Гвидо развел руками:

— Удивляюсь, как твой утонченный родственник Алигьери терпит такое общество.

— Мой родственник, в общем-то, весьма благосклонен к народной речи, — отозвался Форезе, — кроме того, ему теперь не до поэзии. Он

всерьез занялся политикой, и она отплатила ему добром. Уже два года он заседает в Особом совещании при капитане народа^[49]. А сегодня ему посчастливилось стать одним из старейшин своей части города — Сан-Пьер-Маджоре. Кстати, за это нужно выпить!

— Ура!!! — раздались крики.

«Данте?.. — с пьяным удивлением подумал Гвидо. — Когда же он успел? Только что, кажется, рыдал по дочке Портинари...»

Неожиданно Кавальканти осознал, что не видел бывшего друга уже несколько лет.

*Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца... —*

пронеслись в памяти строки, с которых началось его знакомство с Данте. Гвидо вспомнил и другие, еще более прекрасные.

— Зачем он занялся этой грязной суетой?! — воскликнул Гвидо, не замечая слез, катящихся по его щекам. — Бог дал ему такой дар! Я еще не встречал в жизни такой грандиозной поэтической силы!

— Сколь высока похвала, слетевшая с уст первого поэта! — льстиво проговорил какой-то юноша. — Жаль, что глубокоуважаемый мессир Алигьери не слышит этих прекрасных слов, без сомнения, наполнивших бы его сердце ликованием!

Лицо Гвидо перекошилось от отвращения.

— Ты дурак! — сказал он льстивому юнцу. — Его сердце наполняют ликованием пенье ангелов, а не наши скудоумные речи. И еще, — Кавальканти поднял руку и громко обратился к присутствующим, — не называйте меня больше первым поэтом. Если кто и достоин такого титула, то уж точно это Алигьери, а не я.

Слова Гвидо повергли всех в смятение. Наверное, с минуту гости переваривали услышанное, затем загомонили, каждый свое. Кто-то не соглашался со сказанным, кто-то восхищался благородством мессира Кавальканти, кто-то начал срочно вспоминать канцоны Данте, дабы быть в состоянии самостоятельно судить о предмете дискуссии. Только Чино да Пистойя, тихо сидящий в углу, ничего не сказал. Не отрываясь, он смотрел на покрасневшее от вина и мокрое от слез лицо Гвидо так, будто увидел его в первый раз.

Данте жил теперь с ощущением охотника, приготовившегося к выстрелу. Он выслеживал редкую дичь — удачу, которая в последнее время нередко паслась возле него.

Впервые он столкнулся с ней ранней весной 1294 года, когда «Установления справедливости», введенные делла Беллой, еще действовали. Флоренция готовилась к встрече номинального короля Венгрии Карла Мартелла, сына короля Неаполя Карла II Анжуйского. Он направлялся в Тоскану, чтобы встретить своего отца, возвращавшегося после подписания договора с королем Арагона и Валенсии Яковом II. Алигьери включили в состав почетной рыцарской стражи, вместе с самыми родовитыми и богатыми флорентийцами. Это объяснялось популярностью стихов Данте, а еще более — тем, что он писал их не на латыни, а на «народном» языке. К тому же Алигьери очень следил за своей репутацией. Все это делало вполне естественным его присутствие среди знатных рыцарей. Но дело пошло еще дальше. Король оказался большим любителем искусства. Он призвал Данте к себе, долго беседовал с ним и остался в полнейшем восторге как от стихов молодого поэта, так и от его монархических воззрений.

Отсвет величия монарха сразу же привлек к Алигьери пристальное внимание всех крупных флорентийских политиков. Тогда-то перед ним и открылись двери Особого совещания, решавшего многие городские дела.

Он чувствовал в себе большую силу и верил в счастливую звезду, которая могла довести его до должности градоправителя. После избрания старейшиной Сан-Пьер-Маджоре прошло всего полгода — и он вошел в финансовый Совет ста, о чем раньше не мог и мечтать.

Служба занимала все время. Редкие минуты досуга Данте проводил с детьми. На поэзию времени уже не оставалось. Правда, он продолжал считать это занятие полезным для отечества и собирался заняться им позднее... Когда высшая политическая цель будет достигнута.

Однажды утром он зашел домой после мессы за каким-то документом. Дети окружили его, умоляя посмотреть дом, который они с няней построили во двореке под лимонным деревом. Что-то давнее шевельнулось в сердце Алигьери. Он пошел с ребяташками и увидел странный шалаш из ткани, установленный ровно над тем местом, где когда-то располагался маленький ад, он же — космос. Постройка тоже имела вид конуса, только устремленного к небу.

— Папа, правда, это дворец? — радостно вопил маленький Пьетро.

— Нет, это гора, правда, папа?! — перебивал его Якопо. Маленькая Антония еще не умела говорить, но ее глаза тоже сияли восторгом.

Данте, как завороченный, смотрел на детское сооружение. Он пробыл во дворике очень долго, пока не понял, что сейчас опоздает на важнейший общегородской совет.

...Ударил колокол, возвещающий очередной литургический час. Значит, уже поздно. Скамьи в главном зале дворца Барджелло уже почти заполнились народом. Все ждут семерых приоров, которые входят последними, в торжественных красных кафтанах. В мыслях Данте не однажды примерял на себя одеяние из красного драпа. Но для этого нужно быть безупречным...

Подстегивая кобылу, мессир Алигьери мчался по флорентийским улочкам. Куры и свиньи в ужасе разбежались перед ним, какая-то кумушка испуганно перекрестилась.

Чино бросился под копыта уже перед выездом на площадь перед Барджелло. Лошадь заржала и резко отскочила назад, чуть не сбросив всадника.

— Дьявол! — закричал Данте. — Ты что, с ума сошел?!

— Мне нужно поговорить с тобой, — отвечал да Пистойя.

— Потом. В Барджелло уже начался совет, я не могу терять ни мгновения.

— Я уезжаю потом, меня ждет корабль в Святую землю, — с отчаянием в голосе сказал Чино, — то, что я хочу сказать, очень важно.

— Говори, только очень быстро, — согласился Алигьери.

— Оно касается Гвидо Кавальканти. Только... не знаю, как рассказать об этом быстро... Похоже, он в беде.

Данте возмутился:

— И что? Предлагаешь мне броситься ему на помощь, оставив все дела?!

— Нет, конечно... — поспешно произнесла Пистойя, — просто... ммм... тогда, помнишь, на площади мы...

— «Тогда» давно кануло в Лету, Чино! — прервал его Данте, натягивая поводья. — Сейчас у меня другая жизнь, и я вовсе не намерен разрушать ее только потому, что тебе вдруг захотелось предаться воспоминаниям юности! Прощай.

Он стегнул кобылу и поскакал через площадь.

«Не так надо было говорить! Откуда это косноязычие?!» — мысленно ругал себя Чино. Потом он задумался. А разве можно описать в двух словах

выражение лица первого поэта, отрекающегося от своего лаврового венка, в котором заключалась вся жизнь?

Устав терзаться впустую, Чино прочитал «Pater noster»^[50], попросив помощи небесной всем поэтам, включая его самого. Потом побрел к мосту через реку Арно, чтобы навсегда покинуть Флоренцию.

...Скамьи в главном зале Барджелло наполнились народом. Заседание уже началось. Данте пробирался к своему месту под взорами других советников и старейшин посреди чьей-то речи. Подобной оказии с ним никогда еще не было, он не выносил опозданий. Алигьери злился на всех — на Чино, на детей и на этих добропорядочных граждан, занявших свои места вовремя. Неприятные мысли множились, захватывали. В какой-то момент он вовсе перестал слушать оратора и не смог ответить на какой-то простой вопрос. Поэтому, когда в конце к нему подошел помощник градоправителя, Данте приготовился выслушивать нарекания. Однако причина оказалась совершенно иной.

— Любезный мессир Алигьери, вы не желали бы в будущем выдвинуться на выборы в приорат?

Почувствовав легкое головокружение, Данте ответил:

— Да. Если только эта честь не слишком велика для меня.

— Рано волнуетесь, вас ведь еще не избрали, — усмехнулся помощник градоправителя, — но лично я с радостью увидел бы вас одним из семи приоров Фьоренцы.

*

С помощью племянников Черки Гвидо Кавальканти удалось собрать небольшой — из одиннадцати человек, — но довольно сильный отряд мстителей. Оставалась одна загвоздка: Корсо Донати в последнее время постоянно ездил в Рим, безуспешно пытаясь наладить личные связи с папой. Застать Большого Барона во Флоренции стало непростым делом.

Как-то ранним утром Гвидо проснулся от легкого стука. За дверью стоял Джованни деи Черки.

— Возвращается, — тихо сказал он вместо приветствия, — если выедем прямо сейчас, то наверняка встретим его на подъезде к южным воротам.

— А все остальные? — опасливо спросил Кавальканти.

— Уже там, — успокоил Джованни.

Гвидо кликнул слуг, быстро собрался и выехал. Его по-трясывало от

утренней свежести, но еще более — от предстоящей встречи, наполнявшей все существо глубоким отвращением.

Солнце только начало подниматься над землей, розовато окрашивая туман над изгибами Арно. На прибрежной траве поблескивала роса.

Спутники Гвидо выбрали удачное для обзора место — небольшая возвышенность, поросшая кустами. Сквозь ветки дорога просматривалась почти до самого горизонта. Только Корсо почему-то решил ехать по бездорожью и неожиданно вынырнул из кустов прямо перед носом Гвидо. Поэт тут же метнул во врага дротик. Он готовился к этому моменту не один год, но Корсо ухитрился застать его врасплох. Дротик пролетел мимо, хотя Гвидо владел метким ударом и тренировался каждый день. За Большим Бароном нарисовались еще несколько человек — его сыновья и слуги. Вся группа, резко свернув, пронеслась мимо. Терпение Кавальканти лопнуло. Он пришпорил коня и бросился вдогонку за врагом, не замечая, что Черки со своими друзьями остался далеко позади.

Помимо утраченного дротика у Гвидо были меч и короткое копье. Его-то он и нацелил в широкую спину Большого Барона, когда начал настигать врага. На этот раз поэт метнул оружие безукоризненно, к тому же с довольно близкого расстояния. Он уже видел, как наконечник копья входит под левую лопатку обидчика...

Но что это? Будто ангел-хранитель защитил злодея. Конь Корсо неожиданно вздыбился, сбросив хозяина на землю. Копье пролетело мимо и со звоном ударилось о камни.

Мгновение — и на Гвидо оказались нацелены пики сыновей Корсо. Поэт в ужасе оглянулся. Черки со своими друзьями еще только отъезжал от места засады. Положение казалось крайне опасным, и Кавальканти обратился в бегство. Старший сын Корсо бросился в погоню.

Бока лошади Гвидо потемнели от пота. Дробный стук копыт смешивался с пульсированием крови в висках. Все холеное тело Гвидо трепетало, ожидая удара острой стали — резкого и неумолимого. И удар произошел. Дротик неприятеля поразил Кавальканти в левое предплечье. Рукав красивого кафтана быстро окрасился кровью.

«Только бы не упасть», — твердил себе Гвидо. Он решил, что рана смертельна, и ждал, когда потеряет сознание. Тем не менее не забывал гнать лошадь.

Вскоре прискакали мстители. Сын Корсо повернул к своим.

— Надо догнать их... — слабым голосом попросил Гвидо.

Братья Черки, однако, занялись его раной, которая оказалась не опасна, но очень болезненна, поскольку дротик прошел по касательной и

располосовал большой кусок кожи.

Так бесславно, получив увечье, но не отомстив, Гвидо возвратился домой. На следующий день к нему пришел гонфалоньер и объявил: по решению городской синьории за нападение на семью почтенного гражданина Флоренции, мессира Корсо Донати, мессир Гвидо Кавальканти приговаривается к штрафу в 1200 золотых.

— Почему же его не приговорили к штрафу, когда он потчевал меня отравой? — риторически спросил Гвидо. — Ничего себе сумма! Я так пойду по миру.

Гонфалоньер ответил:

— На вашем месте я бы радовался этому штрафу и благодарил Бога, что вас не отправили в изгнание, как, например...

— Ну, это уж вы совсем загнули! — сердито оборвал его поэт, осторожно трогая раненую руку.

Глава двадцать четвертая

ПРИОРАТ

Гвидо Кавальканти не случайно стал другом нашего героя. Их судьбы удивительно похожи, как будто их призвали в мир исполнять одну и ту же задачу. Гвидо был старше Данте, но ненамного. В источниках его годом рождения чаще всего считается 1259-й, но этот год определен не по каким-либо документам, а на основании даты первого заседания Гвидо Кавальканти в составе Общего совета Флорентийской коммуны. Оно произошло в 1284 году, а к участию в этом мероприятии допускались лица, достигшие 25-летнего возраста. Правда, есть возражение: Якопо да Пистойя, профессор факультета искусств Болонского университета, посвятил Гвидо свой трактат «О всеобщем счастье» («Tractatus de summa felicitate»; до 1280), а такое серьезное сочинение вряд ли могло быть посвящено человеку, не достигшему двадцати лет, а, скорее всего, другому- ровеснику. В этом случае Гвидо мог оказаться старше лет на десять. Но возраст здесь не так важен, как общая направленность жизни. Гвидо, так же как и Данте, находил новые пути в итальянской поэзии, так же, если не в большей степени, замешивал свою философию на античных категориях и так же сильно стремился реализоваться в политике.

Вот только повезло ему меньше, чем нашему герою. Сколь ни трагичной кажется судьба Данте-изгнанника, Гвидо все же оказался менее удачлив на всех стезях деятельности. Он рвался к политической жизни едва ли не сильнее нашего героя, занимал активную позицию в партии белых гвельфов, добился членства в Общем совете города. Но все его достижения разбились о те самые, печально известные «Уложения о справедливости» Джанно делла Беллы, согласно которым в цехи запрещалось записываться тем гражданам, чей род насчитывал трех и более нобилей. Гвидо, в отличие от менее родовитого Данте, по этой причине не имел права стать цеховиком. В итоге Данте дошел до приората, а Гвидо пришлось отказаться от политики. Возможно, он, так же как Данте, пытался войти в круг ученых философов и докторов. Во всяком случае, его канцону «Дама меня просила» («Donna me prega») прокомментировал на латыни крупнейший медик того времени Дино дель Гарбо.

Эта канцона стоила внимания великих умов несмотря на вроде бы легкомысленное название. Она считается одним из самых сложных

стихотворений чуть ли не всей итальянской литературы. Она буквально напичкана философской терминологией того времени. Гвидо в этом произведении рассматривает любовь с разных сторон: ее сущность, ее проявления, ее последствия. Виртуозность формы стиха не уступает глубине содержания — строки делятся на два, иногда даже три полустишия и связываются рифмами. Без сомнения, Данте восхищался этой работой своего друга и цитировал ее в своем трактате «О народном красноречии».

Образ Беатриче как идеальной возлюбленной тоже сложился не без влияния творчества Гвидо Кавальканти в целом и канцоны «Дама меня просила» в частности. Гвидо пишет, что любовь появляется при виде возлюбленной, но на самом деле возлюбленную увидеть нельзя. Если считать Гвидо последователем философского учения немецкого теолога Альберта Великого (1200–1280) или Блаженного Августина (354–430) с чертами томизма (что часто делают исследователи его творчества), то смысл в том, что возлюбленная рассудком непостижима. Этот миф о непознаваемости женщины — фундамент всей поэзии Кавальканти, именно из него вырастает дантовская Беатриче, которая почти обожествляется.

Самое удивительное, что под свою философию Гвидо подводил подобие научной базы. Он отождествляет возлюбленную с «дневной звездой» («*Stella Diana*»), то есть с солнцем, и наблюдает, как, превратившись в «сияние», женщина утрачивает свои земные свойства. Его рассуждения созвучны космогонической теории образования вселенной посредством излучения, популярной у современных ему физиков. В то же время эта философия глубоко трагична. Его возлюбленная безжалостно благородна и вызывает в сердце поэта страх, который уносит его жизненную силу.

Поэзия Кавальканти, относящаяся к литературному направлению «дольче стиль нуово»^[51], оказала на Данте колоссальное влияние, но в итоге ученик затмил учителя.

Так же как и наш герой, Кавальканти стал изгнанником, причем, очень вероятно, это произошло с подачи Данте или при его поддержке, поскольку все решал Совет приоров Правда, встречаются сведения о каком-то потерявшемся письме Данте, в котором он отрекся от обвинения в изгнании своего друга, объясняя это тем, что к тому моменту он якобы уже не был приором. Увы, точно по этому поводу пока ничего сказать нельзя, поскольку часть архива Флорентийской коммуны утеряна. Остается надежда, что дотошные итальянские исследователи найдут какие-нибудь новые документы и организуют очередной судебный процесс над людьми,

умершими полтысячелетия назад. Во всяком случае, приговор, вынесенный самому Данте Алигьери в 1302 году, был отменен флорентийским горсоветом уже в XXI веке, а точнее — в 2008 году.

*

Джемма ткала очередной гобелен. На этот раз она замахнулась на сложный сюжет — поединок рыцаря с драконом. Образцов для работы над рыцарской фигурой у нее имелось предостаточно, а воплотить чудовище оказалось намного сложнее. Она не раз ходила на Меркато-Веккьо, рассматривая на прилавках гобелены, но подходящей драконьей позы ни на одном из них не находила. Только однажды ей попался на глаза гобелен с изображением льва, прыгающего со скалы на косулю. Джемма долго рассматривала яростного зверя, запоминая положение львиного туловища и лап, дабы использовать в своей работе. Купить гобелен — у нее не поднялась рука.

Семья Алигьери, конечно, не бедствовала, но никаких излишеств Джемма позволить себе не могла. Муж надеялся, что политическая карьера поправит его финансовые дела. Может, так оно потом и стало бы, да только пока продвижение вверх скорее отнимало средства, чем приносило. Постоянно требовались то подарки важным людям, то деньги на какие-нибудь официальные торжества. Джемма несколько раз заводила разговор об открытии собственной аптеки, однако супруг воспринимал слова жены как личное оскорбление, и она перестала с ним об этом говорить. За будущее детей она не волновалась. По негласной договоренности с Корсо муж не посягал на ее приданое.

Таким образом, жизнь Джеммы могла бы считаться вполне счастливой, если бы не Лаиса, которая продолжала портить настроение подруге детства. За эти годы она успела овдоветь и потерять двух старших детей. Зато воспитание младшего сына сделало ее весьма состоятельной особой, поскольку до его совершеннолетия она могла пользоваться большей частью денег из наследства мужа. Солидная вдовушка прикупила себе роскошное красное платье с серебряным венецианским поясом и царственно разгуливала в этом наряде по гостям.

15 июня 1300 года она решила нанести очередной визит мадонне Алигьери, о чем любезно предупредила накануне. Джемма, узнав об этом, тяжело вздохнула и велела слугам убрать из своей комнаты ткацкий станок. Она донельзя устала слушать сочувственные завывания: «Ах, кариссима,

бедняжка! Ты вынуждена ткать сама, будто жена ремесленника!» Объяснения мадонны Алигьери, что ей просто нравится создавать гобелены, воспринимались как попытки оправдаться. «Ах да, смирение... как я понимаю тебя, дорогая! Тебе нужно побольше молиться. Может быть, Господь смиростивится и пошлет, наконец, твоему мужу достойное жалованье».

Самым ужасным было то, что Лаиса во многом права. Ведь не позволила же себе Джемма купить этот чертов гобелен со львом! И Данте до сих пор не отдал всех долгов теще. Хотя, следует отметить, супруги одевались как истинные аристократы.

Порой при виде Лаисы, поднимающейся по лестнице, мадонна Алигьери прятала руки в складках платья, дабы удержаться от соблазна столкнуть добрую подругу вниз. А вот поссориться с ней так и не решилась. Джемме почему-то казалось, будто от этой не особенно приятной дружбы, начавшейся в незапамятные годы, зависит ее спокойное существование. Ведь они всегда дружили, и все было хорошо. А вдруг перестанешь общаться с Лаисой — и вся жизнь даст трещину?

Снова, как много лет назад, подруги пили травяной чай.

— А вина-то у вас нет, — заметила Лаиса.

— Ты, помнится, вчера жаловалась на головную боль, вот я и решила не подавать, — сказала Джемма.

— И то верно. От молодого только хуже станет.

— Отчего ж молодого? — усмехнулась мадонна Алигьери. — У нас в подвале хватает всякого. И весьма благородное водится.

— Ах да, как же я могла забыть! Твой муженек ведь большой любитель выпить.

Джемма не удержалась от смеха. Правда, успела при этом благоразумно отвернуться.

— И зачем он у тебя политикой решил заняться? — продолжала Лаиса, прихлебывая горячий напиток. — Видно же: не по нему шапка. Заседает, заседает, а толку нет.

Мадонна Алигьери нахмурилась, обдумывая достойный ответ. В этот момент за дверью послышался топот маленьких ножек. В комнату влетел шестилетний Якопо:

— Матушка! Я только что встретил на улице дядю Форезе. Он велел сказать тебе, что нашего отца избрали приором.

От удивления Лаиса даже икнула:

— При-ик-ором? Да их же всего семь на всю Флоренцию! Не может быть!

— Дядя Форезе никогда не врет, — обиделся малыш, — спроси, кого хочешь!

— Конечно. — Джемма ласково погладила сына по голове. — Это правда. Отец уже давно добивался этого.

Лаиса справилась с икотой и сидела теперь, выпучив глаза, и явно не знала, о чем говорить.

— Ну, прикажи подать вина, — наконец нашлась она, — выпьем за твоего муженька. Долго запрягал, а все-таки поехал. Но дети у тебя воспитаны дурно, кариссима, обрати внимание. Разве можно заходить к матери без разрешения, а тем более с таким криком?

Джемма тихо улыбалась, перебирая темные кудряшки ребенка.

*

В главном зале Барджелло Данте поздравляли с избранием. Подошел выразить свое расположение сам Вьери деи Черки.

— Ты поступил умно, что не стал лебезить перед своим родственником, — весомо произнес он. — Барон этот Корсо или не Барон, а наша партия все-таки вырвалась вперед, недаром мы назвались белыми. Все крупные городские должности занимают наши люди, а впереди еще поездка в Рим к папе Бонифацию VIII. Он — известный любитель поэзии, и мы обязательно ему тебя представим. Нам теперь надо укрепляться в папской курии, а то эти Моцци и Донати совсем зарвались. Они уже ведут финансовые дела в Риме, подумать только!

Алигьери с улыбкой поклонился, ничего не ответив. Он находился в сложном положении. Когда гвельфы окончательно разделились на черных и белых — он понял, что особой разницы между ними нет. Только поначалу у белых — в партии Черки — царили антипапские настроения, что импонировало Данте, считавшему империю идеальным образцом мироустройства. Но когда лидер черных Корсо Донати зачастил в Рим, упорно добиваясь поддержки Бонифация VIII, белые забили тревогу и немедленно стали самыми правильными гвельфами, преданными понтифику до мозга костей. Однако оставлять партию белых сейчас было бы для Алигьери крахом всей карьеры. И потом: куда идти? К Корсо? Поэт бы скорее умер, чем согласился поддержать Большого Барона.

Поэтому Данте решил просто побыть хорошим приором, раз уж Бог послал ему эту высокую должность. Тем более срок приората ограничивался двумя месяцами.

Первым же делом, возложенным на новых приоров, оказалась организация праздника в честь святого Иоанна Крестителя, покровителя Флоренции. В этом 1300 году — в начале нового века планировалось его отметить с особой пышностью, тем более что предполагался визит папской делегации во главе с кардиналом Акваспратой. Приорам пришлось встречаться с консулами всех цеховых корпораций города. Выбирать маршрут для торжественной процессии, утверждать список церковных песнопений, присланный руководителями хоров.

Забот было много, но всё получилось превосходно. По улицам медленно плыли разноцветные знамена цехов; гигантские свечи, изготовленные в дар святому, пылали, будто факелы. Ангельскими голосами пели мальчики из церковных хоров. Процессия двигалась в баптистерий Сан-Джованни, где готовилась служба под председательством кардинала Акваспраты.

Вдруг из переулка появилось несколько всадников с обнаженными мечами, среди них — Корсо Донати. Он кричал страшным голосом:

— Справедливости! Мы требуем у приората справедливости! Фьоренца обязана нам победой при Кампальдино, а вы удалили нас от всех должностей и лишили всех почестей в нашем городе! Где эти недостойные приоры? Я лично убью их!

И он направил коня прямо на людей, его спутники последовали за ним.

Шествие нарушилось, началась толкотня. Одно знамя упало. Какому-то ремесленнику случайно ткнули в лицо горячей свечой, он заорал и заметался. Кардинал, идущий впереди процессии, обернулся с видом крайнего отвращения.

Крики слышались то тут, то там. Усиливая переполох, вдогонку Корсо и компании проскакал гонфалоньер, но Большой Барон уже исчез. Некоторое время народ пребывал в волнении, но потом успокоился, и процессия двинулась дальше.

Мессу под председательством кардинала организовывали с превеликим тщанием. Хор превзошел сам себя, министранты служили слаженно. Складки на лбу монсеньора Акваспраты почти разгладились. Во время проповеди он даже соизволил улыбнуться, показывая свое расположение флорентийцам. Тут из первых рядов послышался голос мясника Пекоры:

— Ваше высокопреосвященство! Вы видели, что сегодня творилось? Прошу вас, не оставляйте это так! Призовите к порядку сынов заблудших, дабы нашей милой Фьоренце не повторить участи Содома и Гоморры!

Кардинал побледнел от злости. Никогда в жизни его не прерывали

столь непочтительным образом. Он прищурился, пытаясь разглядеть наглеца, потом с чувством произнес:

— Вероятно, до меня не дошли последние новости. Оказывается, во Флоренции за порядком теперь следят не стражники, а кардиналы. Сожалею, но я не смогу принять это лестное предложение.

Со всего храма слышались смешки. Монсеньор Акваспраты быстро завершил проповедь. Остаток мессы он служил с недовольным лицом, а когда пел префацію — его голос даже пару раз сорвался от негодования.

На другой день после праздника планировалось торжественное кардинальское благословение всех горожан, не попавших накануне в собор Святой Репараты. На площади перед епископским дворцом собралась несметная толпа. Кардинал вышел на балкон и величественно поднял руки. В этот момент что-то просвистело совсем рядом и в поперечную балку окна прямо над его головой вонзилась арбалетная стрела. Монсеньор в испуге убежал обратно в комнату, а на площади тут же началось настоящее народное волнение с воплями и мордобоем. Стрелявшего так и не нашли.

Ближе к вечеру градоправитель вызвал к себе Данте и еще двух приоров, занимавшихся подготовкой праздника, и поведал им ужасную весть: оскорбленный кардинал покинул Флоренцию и нашел пристанище за рекой Арно в одном из палаццо банкира Моцци, принадлежащего к партии черных. Уезжая, монсеньор Акваспраты твердо пообещал покарать весь город, заставивший его «пережить ужасные минуты». Дело пахло интердиктом.

— Флоренция оказала вам большую честь, избрав вас приорами, — сказал им градоначальник, — теперь вы просто обязаны исправить сложившуюся ситуацию.

Все три приора принадлежали к партии белых. Поэтому неудивительно, что они пошли советоваться к Вьери деи Черки.

— Тут не нужно быть провидцем, чтобы понять, кто стоит за этими беспорядками, — сказал Вьери, — с него и нужно начинать.

— Вы объявите открытую войну Большому Барону? — спросил Данте.

— Не я, а правосудие, — усмехнулся Черки, — в лице приората.

Алигьери почувствовал себя попавшим в ловушку. Остальные двое приоров молчали, глядя то на него, то на Вьери.

— Послушайте, Вьери, — начал Данте, — вам не кажется, что суд над Корсо развяжет войну между горожанами?

— Нет, не кажется, — ответил предводитель белых, — а наверняка именно так и произойдет.

Алигьери посмотрел ему прямо в глаза:

— Что же вы предлагаете?

— Нас может спасти только мудрость. Надо принять соломоново решение, безупречно справедливое.

— Значит, нужно выслать не только Корсо, но и кого-то из наших, — тихо сказал Данте.

— Истинно, мальчик мой, — кивнул Черки, — ты хорошо понимаешь ситуацию.

— Тогда надо выслать Гвидо Кавальканти, — сообразил еще один приор, — он уже донельзя намозолил всем глаза своими выходками.

Данте встрепнулся:

— Как?! Почему Гвидо? Он ведь вообще вне политики.

— Уже нет, — объяснил Вьери. — Он принадлежит к партии белых. Последняя стычка с Корсо заставила его изменить своей любви к удовольствиям и встать на путь борьбы. Кстати, совсем недавно, кажется, на прошлой неделе, он снова сделал попытку напасть на Большого Барона. Штраф не остановил жажды мщенья. Прямо жалко его, не понимает ни своих возможностей, ни сил противника.

Второй приор задумчиво почесал затылок:

— Да, если мы изгоним и Корсо, и Гвидо — никто не обвинит нас в пристрастности, а кардинал вполне почувствует себя отомщенным.

— Именно, — кивнул Черки. — Ну как, подписываем?

— Не знаю... — Алигьери нервно кусал губы.

— Мы понимаем: он твой друг, — вмешался первый приор, — но пойми, другого выхода нет. Иначе весь город может лишиться церковных таинств.

— Да не друг он мне! — сглотнув трудный комок, возразил Данте. — Но он ведь лучший поэт Флоренции! Как можно лишать его родины?!

Вьери хмыкнул:

— Не такой уж он и лучший. Тебя уже давно знают и ценят гораздо больше. К тому же мы можем выслать его совсем ненадолго, на пару-тройку месяцев. Для этого нужно выбрать ему для ссылки какое-нибудь ужасное место, чтобы потом был повод вступить за него и вернуть обратно. Я предлагаю Сарцано, это жалкий городишко посреди болот, его не любят даже местные жители.

— А куда же тогда нам отправить нашего врага? — поинтересовался второй приор.

Черки задумался:

— А... Этого змея нужно подальше, чтобы не скоро приполз обратно. Есть у самой границы такая большая деревня — Кастель-делла-Пьеве...

там много моих людей, они за ним проследят.

*

Если бы кто-нибудь десять лет назад сказал Данте, что он своими руками лишит дома первого поэта Флоренции, о дружбе с которым он так мечтал! Но по-другому спасти родной город от интердикта действительно не представлялось возможным. Оставалось самое тяжелое — посмотреть в глаза бывшему другу завтра при оглашении приговора. Внутренний голос шептал: «А не месть ли это? Смог ли бы ты поставить свою подпись, если бы Гвидо не предавал тебя?»

Закрыв лицо руками, Данте сидел у себя в кабинете. Постучали. Заглянула служанка:

— Мессир Алигьери, к вам какая-то женщина.

Встрепенувшись, будто ото сна, он кивнул. Раздались мелкие семенящие шаги. В комнату вошла Джованна, она же Примавера — постаревшая и заплаканная. Он посмотрел на нее с холодным удивлением:

— Ты что, совсем потеряла рассудок? Мы не виделись почти десять лет, и ты позволяешь себе являться вот так запросто, без приглашения. К тому же тебе должно быть известно, что я женат.

Она умоляюще стиснула похудевшие руки:

— Я не собираюсь нарушать твой семейный покой, я только прошу о помощи. Гвидо... — Она не могла говорить больше и разрыдалась.

— А что тебе до Гвидо? — изумился Алигьери. — Или он оставил своих молодых многообещающих поэтов и на склоне лет неожиданно вспылал к тебе страстью?

— Какие еще поэты! — всхлипнула Джованна. — Эти слухи распускают завистники! Он любил меня еще до моего замужества. И я его тоже. Просто он стыдился моей глупости и держал нашу любовь в тайне.

Данте изо всех сил сжал виски руками и сидел так некоторое время. Потом тяжело вздохнул:

— Я не смогу отменить свою подпись. Но для него есть надежда вернуться через два месяца из-за плохих условий. Мы специально посылаем его на болота, чтобы потом можно было проявить милосердие.

*

Их вызвали вместе в зал Барджелло для оглашения приговора. Два непримиримых врага сидели рядом на одной скамье. Гвидо трясло от отвращения. Корсо, напротив, выглядел вполне довольным жизнью, будто вовсе не его отправляли в изгнание. Когда все сроки и нюансы были оговорены, Большой Барон, подмигнув, предложил бывшему первому поэту:

— Приезжай ко мне, если соскучишься. Я найду для тебя дело.

Гвидо с ненавистью сверкнул глазами:

— Если тебе не на ком испытывать яды, сходи в амбар и поймай крысу.

— Ты преувеличиваешь мои возможности. Я же все-таки не кот, — хохотнул Корсо. — Ну что ж, пропадай бесславно. Ты сделал свой выбор.

Все время суда Данте сидел с отсутствующим видом, глядя куда-то сквозь людей. Его не трогали, зная, насколько небезразличны ему оба осужденных. Иногда он вдруг принимался отчаянно тереть глаза. «Плачет, наверное», — говорили приоры друг другу. На самом деле, никаких слез не было и в помине. Мессир Алигьери постоянно чудилась черная пропасть, развернувшаяся у самых ног. Она имела форму перевернутого конуса. Эта черная дыра неудержимо затягивала его. В какой-то момент он смог победить наваждение и, пользуясь перерывом, подошел к Гвидо.

— Тебя изгоняют, надеясь спасти город от папского гнева, — быстро сказал он, оглянувшись по сторонам.

— Зачем ты говоришь это мне? — отстраненно спросил Гвидо. Данте показалось, будто он говорит с трудом.

— Я постараюсь добиться твоего возвращения как можно скорее.

— А... — Первый поэт устало прикрыл глаза. — Постарайся уж. Мне говорили: ты поставил подпись против меня. Так ведь? — Он вдруг резко повернулся и в упор посмотрел на бывшего друга.

— Мессир Алигьери, пожалуйста на свое место, — прозвучал спасительный голос Вьери.

— Я добьюсь твоего возвращения, — на ходу торопливо сказал Данте, стараясь не смотреть на Гвидо.

...Сразу же после приговора осужденным полагалось покинуть Флоренцию. Им было вначале по пути, и Кавальканти задержался, дабы не пришлось ехать рядом с врагом. Он опасался, что Корсо специально поедет медленно, чтобы еще раз поиздеваться над ним, но судьба смиростивилась над поэтом. Больше он никогда в жизни не встречал Большого Барона.

Джемма против обыкновения вышла встретить мужа на улицу.

— Фореze рассказал мне всё. Зачем ты поставил подпись против Корсо? — прошептала она. — Теперь нам не будет покоя.

— Фореze?! Этот пьянчуга? Когда он прекратит лезть, куда его не просят?

— Он ведь прав, — тихо, но твердо промолвила жена.

Данте посмотрел на ее строгое лицо с поджатыми губами. Оно совершенно не изменилось за девять лет супружества. Он проговорил как можно отчетливее:

— Приоры должны руководствоваться справедливостью, а не страхом за свой покой.

— И какая же здесь справедливость?! — В лице жены что-то дрогнуло, будто спала маска, обнажив живую гримасу страдания. — Одна только борьба между партиями. Едва твои белые вырвались вперед, как сразу стали уничтожать черных.

— Нет, дорогая, ты ошибаешься, — возразил он. — Мы пытаемся навести порядок в городе, а вовсе не поквитаться с врагами. Если ты думаешь, будто мы покарали только черных, — ты глубоко ошибаешься. Белые тоже достаточно пострадали сегодня. Мы отправили в изгнание Гвидо Кавальканти.

Джемма молча смотрела на мужа, широко раскрыв глаза.

— Зачем? — выдавила она. — Он же твой друг.

— Это была единственная возможность спасти наш город от интердикта.

Джемма подавленно молчала.

— Я боюсь тебя, каро, — тихо сказала она наконец и, ссутулившись, медленно пошла в дом.

Ее супруг постоял перед дверью, но вдруг передумал входить. Он повернулся и большими решительными шагами вышел на улицу. Путь его лежал к дому Фореze. Хотя, по правде сказать, в последнее время толстяк появлялся там редко, проводя все время в тавернах.

Алигьери повезло — на это раз гуляку удалось застать в родных стенах. Он сидел за столом, тупо уставившись в стену. Перед ним стоял большой кувшин с отбитой ручкой. От чрезмерного винопития лицо гуляки приобрело зловещий багровый оттенок.

— Послушай, любезный, — прямо с порога начал Данте, — это переходит всякие границы. Зачем ты рассказываешь Джемме о моих делах?

— Подумал, может, она остановит тебя, — безмятежно отвечал Фореze, — ты ведь поступаешь неправильно.

— Что? Не тебе судить об этом! Вы, Донати, будто с цепи сорвались, пытаюсь учить меня жизни. Что ты, что твоя сестра. Хорошо хоть вашего братца больше здесь не будет! Ненавижу вас!

Толстяк Биччи поднял на него взгляд. Глаза его, опухшие и заплывшие жиром, стали печальны:

— Эх, Данте! Никто никогда не любил тебя, как я. Всем от тебя что-то надо, а мне просто нравятся твои стихи... ну, и еще нравилось пить с тобой вино, только боюсь, время это ушло безвозвратно... ты пошел не самым лучшим путем.

Алигьери досадливо кашлянул:

— И это мне говорит человек, ничего не сделавший ни для себя, ни для родного города! Постыдился бы.

Форезе наклонил кувшин, заглянул в него и разочарованно отставил в сторону.

— Пусто, — пожаловался он. — Знаешь, друг, я мог бы объяснить тебе, в чем ты не прав, но у меня сегодня нет на это сил. Но завтра я обещаю высказать тебе свою точку зрения.

— Что ты сможешь мне объяснить? — отмахнулся Данте, собираясь уходить.

Толстяк схватил его за пояс и подтянул к себе, дыша зловонным перегаром:

— Обещаю. Завтра я растолкую тебе так, что ты согласишься. Клянусь.

— Христос сказал «не клянитесь». — Алигьери резко высвободил свой пояс. — Не знаю, что ты можешь сказать мне нового, пьянчуга. Мне пора.

Спустя пару дней Данте шел по улице, что-то сердито бормоча себе под нос. Пытался убедить себя, что Форезе давно пропил рассудок и он не услышит от него ничего стоящего. Но все же на следующий день завернул в переулок, где жил толстяк.

У дома собралась толпа оборванцев. Данте уловил словосочетание «жирные похороны». Морщась от необходимости разговаривать со всяким сбродом, он спросил:

— Умер кто-то?

Один из бродяг ответил ухмыльнувшись:

— Брат Большого Барона. Вот спорим: хорошо ли будут подавать милостыню, самого-то Барона выгнали, в опале он, значит.

Алигьери почти бегом покинул переулок, чувствуя, как холодная когтистая лапа тоски вцепляется прямо в сердце.

«И это ты хотел мне сказать? Нашел, что объяснять. Вот дурень-то», — мысленно повторял он раз за разом, словно Форезе мог его услышать.

Глава двадцать пятая

СВЯТЫНИ

Итак, если Данте и участвовал в изгнании своего друга, то только ради того, чтобы спасти родной город от интердикта. Здесь стоит разобраться подробнее, что такое интердикт и насколько тяжело сказывалось его наложение на городе и горожанах. К слову сказать, Флоренции пришлось все-таки испытать это наказание спустя более полувека после смерти нашего героя. Папа Григорий XI подвергнул город интердикту в марте 1376 года, когда происходила Война восьми святых^[52].

Изначально термин «интердикт» (от латинского слова *interdictum* — запрет, запрещение) пришел из светских норм римского права.

Так назывался особый приказ римского претора, который существовал специально для разрешения спорных ситуаций в гражданско-правовых отношениях. Тогда претору оставалось только запретить одной из спорящих сторон совершать какие-то действия или, наоборот, принудить их к чему-либо. И запрещение, и приказ исполнялись сразу после их отдачи, за этим следили чиновники. Со временем преторы перестали заниматься подобными делами, передавая их непосредственно судьям. Интердикт в Римской империи применяли к самым разным видам разбирательств. Например, неправильное пользование общественными дорогами, реками, полями, даже могилами. Споры о содержании и воспитании детей, о законности построек и много всего другого.

При императоре Юстиниане с помощью интердикта защищалась частная собственность. Правда, иногда интердикт, предъявленный одним лицом для удержания своего владения, приводил к возвращению владения другой стороне. Это необычно для гражданского процесса; гражданский процесс вообще кончается или присуждением в пользу истца, или отказом в иске, но не присуждением в пользу ответчика. Также Юстинианов интердикт по поводу земельного участка — *interdictum unde vi* — был распространен на случай самовольного захвата недвижимости в отсутствие владельца.

В духовной сфере это явление тоже наблюдалось раньше распространения христианства. Уже в языческой поздней Античности известен запрет на посещение храма для определенного лица — *interdictio ab ingressu ecclesiae*.

Католическая церковь стала пользоваться термином «интердикт» при понтификате Иннокентия III (1198–1216), подразумевался запрет на церковную жизнь — полный или частичный. Интердикт мог быть индивидуальным, в этом случае его называли «малым персональным»; «большим местным» (*interdictum locale generale*), наложенным на целую область или страну; «малым местным» (*interdictum locale particulare*), когда его накладывали на провинившиеся церкви, капеллы или даже алтари; «смешанным». Существовал и совсем экзотический вариант интердикта — «подвижный» (*ambulatorium*). Он автоматически накладывался на место, где пребывало лицо, находящееся под «малым персональным» интердиктом.

Насколько страшным наказанием был интердикт, можно судить по тому, что им наказывали за уголовные и административные правонарушения. То есть перспектива невозможности участия в церковных таинствах должна была удерживать от преступления воров и убийц. Нам трудно сегодня поверить в это — тем не менее это работало. Интердикт считался мягче отлучения от церкви, но и он ставил средневекового человека вне закона. Даже подданные могли освободиться от присяги отлученному государю. Для рядового же человека, тем более целого населенного пункта, отсутствие нормальной церковной жизни было непереносимо. Люди не могли делать того, что являлось основой их жизни: ходить на исповедь, молиться во время литургии, слушать церковный хор, венчаться, крестить детей. Самое ужасное, — они умирали без отпущения грехов, а в то время смерть занимала очень важное место в мировоззрении любого человека. Поэтому спасение родного города от интердикта было крайне важно.

Разумеется, и в те времена находились люди, не принимавшие близко к сердцу духовную составляющую церковных карательных мер. Беда в том, что «большой местный» интердикт не ограничивался психологическим давлением. От него страдали, как и от современных санкций, социальные связи, в первую очередь торговля. Конечно же, закручивание гаек приводило к поиску обходных путей. Занятно, что некоторые послабления совершались вполне официально, иногда тем же самым понтификом, что ранее наложил интердикт.

Папа мог дать разрешение все-таки проводить богослужения в «провинившейся» церкви, но только при закрытых дверях. Иногда строго запрещалось служить местному духовенству, но разрешалось, в качестве привилегии, какому-либо монашескому ордену. Подобные привилегии могли стать серьезным искушением для злоупотреблений.

Постепенно менталитет людей менялся. К XV веку ин-дердикт начал утрачивать свое значение. К тому же Базельский собор 1431–1449 годов сильно ограничил возможность его наложения. Один из последних «больших локальных» интердиктов был наложен в 1606 году папой Павлом V на Венецианскую республику. В современной католической церкви местный интердикт упразднен, личный же предусмотрен за физическое насилие против епископа, за совершение литургии, отпущение грехов, принятие исповеди лицом без соответствующего сана и полномочий, за нарушение монашествующими обета безбрачия и за деятельность, направленную против Церкви.

*

История вражды первого поэта и Большого Барона завершилась, но кардинала Акваспрату этот факт не удовлетворил. Хотя угроза интердикта для Флоренции, по-видимому, миновала, монсеньор продолжал считать покушение на свою жизнь происками белых гвельфов, и никто не мог убедить его в обратном. Он объявил, что отныне будет помогать черным. Вьери деи Черки рвал и метал, обещая приорам адские муки, если они немедленно не умиловивят взбешенного монсеньора.

Приоры долго думали, но не нашли ничего лучше, как в очередной раз раскошелиться. Они послали во дворец Моцци, где отсиживался перепуганный кардинал, своих представителей с прекрасной серебряной чашей, наполненной двумя сотнями золотых флоринов.

Акваспраты долго смотрел на деньги, сказал, что чаша очень милая, но подарок не взял и вскоре уехал.

Через некоторое время пришли дурные вести из Кастель-делла-Пьеве. Корсо Донати сбежал на следующий день после своего прибытия на место ссылки. Вьери стал мрачнее тучи.

— Это еще хуже, чем выстрел в кардинала, — сказал он приорам, — теперь жди настоящих бед.

Черки оказался прав. Через две недели приехал один из его римских осведомителей и привез пренеприятнейшее известие: Корсо успел побывать в Риме, где папа Бонифаций обласкал его и назначил подеста^[53] в одном из небольших городков в своих личных землях. Но самое плохое заключалось не в этом. Большой Барон смог уверить святого отца, что белые гвельфы — не настоящие. Они связаны с гибеллинами и только ждут момента, чтобы продать и милую Фьоренцу, и интересы понтифика. При

всем обилии клеветы в словах Корсо заключалась неоспоримая правда: в последнее время Вьери действительно успешно торговал с гибеллинскими вождями.

Подумав, деи Черки позвал к себе Данте.

— Вся надежда на твою музу, — сказал он приору, едва поприветствовав его. — Надо срочно ехать в Рим и любой ценой доказать папе Бонифацию, что мы милы и безопасны и к тому же достаточно преданы его интересам. Как ты помнишь, он большой любитель поэзии.

Данте невесело усмехнулся:

— Я — не самая лучшая кандидатура. Ты же знаешь мое отношение к Бонифацию.

— А чем он тебе не угодил? — удивился Вьери.

— Он угрожал своему предшественнику, папе Целестину, и в итоге заставил его отречься. Неужели тебе не известно об этом?

— И что? — хмыкнул деи Черки. — Целестин был совершенно неспособен к управлению. Он отшельник, к тому же наивен, как дитя.

— Это и есть идеал пастыря душ, а вовсе не такой успешный проныра, как Бонифаций.

Черки пристально посмотрел на Данте:

— Я знаю, тебе милее императорская власть, чем папская. Но все гибеллины изгнаны из Флоренции. А ты вроде как дорожишь своей родиной.

— Да, дорожу, — ответил Алигьери, — поэтому поеду с вами в Рим. Но у меня есть одно условие: нужно вернуть Гвидо Кавальканти с тосканских болот как можно скорее. Он слишком изнежен для такого климата. К тому же в его изгнании больше нет никакого смысла.

— А при чем тут я? — пожал плечами Вьери. — Это вы проголосовали за его изгнание. Вы и возвращайте. Не надо валить все на меня.

Насколько легко коллеги Данте подписали документ, решивший судьбу первого поэта, настолько трудно оказалось дать делу обратный ход. Один из подписавшихся приоров упорно отказывался менять решение. Он опасался, что, вернувшись на родину, Гвидо снова начнет возмущать спокойствие, а флорентийцам бед хватало и так. Второй приор вроде бы согласился с несправедливостью изгнания Кавальканти, но не мог понять, будет ли возвращение изгнанника законным без Совета ста, а собрать советников в летнее время не представлялось возможным.

Алигьери дошел до самого градоправителя, но тот не занимался подобными вещами. Непонятно, кто вообще ими занимался.

Данте вспомнил свою учебу на факультете правоведения и решил

составить несуществующий документ сам. Витиеватым юридическим слогом он написал что-то вроде распоряжения о возвращении мессира Кавальканти. Причину сего объяснять не стал, боясь навредить Гвидо. Потом дал сию грамоту на подпись остальным приорам. Они, зная, что мессир Алигьери ходил к подесте, не стали спорить.

Теперь оставалось ждать, пока посланники достигнут Сарцано и вернутся обратно с первым поэтом. Данте весь извелся, представляя себе в лицах встречу и тяжелый разговор. Он высчитывал дни — Гвидо давно должен был бы вернуться. Однако он не проезжал через городские ворота — приоры позаботились, чтобы стражники непременно сообщили о его прибытии. Неужели первый поэт пошел по стопам своего врага Корсо и бежал из ссылки? В таком случае он становился вне закона и никакое заступничество приора Алигьери его бы уже не могло спасти.

Однажды, выйдя к воротам, Данте встретил возвращающихся посланников, но Кавальканти среди них не увидел.

— Неужели все-таки он сбежал... — прошептал приор, не веря своим глазам, — какая глупая гордость!

Один из посланников протягивал кусок пергамента, свернутый в трубочку.

— Что это еще? — нахмурился Алигьери. — Письмо? А где он сам?

— Он покинул нас по дороге, — неловким, извиняющимся тоном объяснил посланник.

— Как покинул? Почему вы его не задержали?

— Простите, мессир Алигьери, — но мы никак не могли задержать его, — вмешался другой посланник, — когда мы приехали в Сарцано, то обнаружили мессира Кавальканти тяжело больным. От тамошнего нездорового климата у него случилась малярия. Несмотря на тяжкую хворь, он немедленно собрался, поскольку очень хотел еще раз увидеть милую Фьоренцу. Уже на берегах Арно ему стало совсем плохо, и... в общем, из-за жары его решили похоронить прямо там, у церкви.

Внезапно онемевшими пальцами Данте с трудом развернул пергамент и увидел строки стихов:

*Больше не надеюсь, о баллата,
Возвратиться на луга Тосканы.
Легкие шаги твои желанны,
Поспеши к моей прекрасной даме...*

— Он передал это мне?
— Мы не знаем точно, — сказал первый посланник, — но перед смертью мессир Кавальканти бредил и часто повторял ваше имя.
— А он не говорил о весне? — тихо спросил Алигьери.
Посланники удивились:
— Да, вы правы, мессир. Он действительно говорил «примавера».

*

Данте пошел молиться за упокой души первого поэта в церковь Сан-Джованни, в которую обычно заходил очень редко. Сейчас он выбрал это место специально. Боялся оказаться под знакомыми соборными сводами, которые помнили его беззаботным и радостным.

Шла середина недели, и храм был почти пуст. Только в боковом нефе какая-то дама стояла перед статуей Пресвятой Девы. Видимо, она пришла с детьми — их звонкие голоса доносились от входа.

Алигьери читал длинную литанию Господу Иисусу. Молитвенный ритм колыхал его душу, будто тихие волны Арно. Постепенно острая боль ушла, казалось, вот-вот исцелится и глухая тяжесть вины...

Пронзительный вопль вырвал его из полузабытья. Кричал ребенок. Данте сориентировался: звук доносился из баптистерия. Он бросился туда. В каменном помосте вдоль стен виднелись узкие углубления, игравшие роль купелей для младенцев. Один из детей провалился туда и, будучи уже довольно крупным, безнадежно застрял. Из углубления торчала лишь голова, вокруг которой плескалась крещальная вода подземного колодца. И эта голова медленно уходила вниз.

Собралась небольшая толпа — мать, братья, несколько церковных служителей. С улицы начали заглядывать зеваки. Все стояли, не зная, как помочь. Несчастный мальчик отчаянно дергался, только усугубляя свое положение.

— Может, похудеет и тогда сможет вылезти? — предположил один монах.

— Да нет, — возразил другой, — смотри, он проваливается все глубже. Наверное, скоро захлебнется.

— Он же испортит купель! — завопила какая-то кумушка. — Вода станет смрадной из-за его трупa. Как нам потом крестить здесь детей?! Почему ты не следила за своим ребенком? — напустилась она на несчастную мать, которая с расширившимися от ужаса глазами шептала

молитву.

Данте подошел поближе, внимательно разглядывая камень, окружающий углубление.

— Смотрите, здесь совсем тонкие плиты, схваченные раствором, — сказал он церковному служителю, — нужен какой-нибудь инструмент: молот или хотя бы кирка.

— Что вы, мессир! — ужаснулся монах. — Как можно оскорбить святыню?

— То есть вы считаете: Богу приятнее смерть ребенка, чем разрушение какого-то сомнительного каменного идола? — поинтересовался Алигьери, чувствуя закипающее внутри бешенство.

— Иди отсюда, не кощунствуй в церкви, бесстыдник! — завизжала кумушка. — Хватайте его!

— Ты на кого гавкаешь, собака злобная?! Я приор Флоренции. — С этими словами Данте быстро вышел из храма. Оставшиеся удивленно загалдели. Мать застрявшего мальчика заплакала:

— Может, он позовет кого-нибудь... Такого большого человека, наверное, послушают.

— Как же! Жди! — огрызнулась кумушка. — Следить лучше нужно за своим приплодом.

В этот момент Алигьери показался снова с огромным молотом, который отыскал в пристройке на церковном дворе.

— Ну, разойдитесь все.

— Я не могу позволить вам... — бросился ему под ноги монах, — это церковное имущество, оно освящено!

— Отойди от меня, идолопоклонник! — Данте замахнулся молотом. — Учи з-заповеди! — Он ударил. На каменной плите появилась трещина. — Учи. Там сказано: не убий! — Он еще раз занес молот и ударил со всей силы. Обрамление купели разлетелось вдребезги. Приор сунул руки в расширившееся отверстие и вытащил мокрого дрожащего мальчика. Он отдал ребенка матери и, не оглядываясь, ушел.

Вечером того же дня Алигьери встретился с деи Черки для обсуждения предстоящей поездки в Рим. Вожак белых гвельфов сидел в своем кабинете и озабоченно рылся в многочисленных документах.

— Мне рассказали о твоём сегодняшнем бесчинстве в Сан-Джованни, — сказал Вьери вместо приветствия. — Как это тебя угораздило?

— Бесчинстве? — Данте непонимающе округлил глаза. — Ты так называешь спасение человеческой жизни?

— Ну да, я понимаю, невинное дитя, — поморщился Черки, — но

зачем же уничтожать купель, да и еще и прилюдно? Подождал бы хоть, пока все разойдутся, или позвал кого-нибудь другого. Тебе ведь нужно иметь безупречную репутацию для визита к папе. На тебя вся наша надежда.

Данте вздохнул:

— Ты поражаешь меня, Вьери. Печешься о моей репутации и предлагаешь отяготить душу убийством. Как же это понимать?

— Ты преувеличиваешь. — Черки снова углубился в бумаги и пергаменты. — Не твоя вина, что он туда упал. А вот оскорбление святыни — серьезное преступление, тебе еще об этом не раз припомнят.

— За свои преступления я сам когда-нибудь отвечу, — недовольно прервал его Данте, — давай лучше перейдем к делу.

— Давай, — согласился Вьери. — Нужно хорошо продумать нашу беседу с Бонифацием. Он уже прознал, что наша партия желает независимости для Флоренции. Разумеется, ему это не нравится. Стало быть, мы должны предложить ему нечто очень выгодное, дабы он перестал подозревать нас во всех смертных грехах.

Алигьери пожал плечами:

— Насчет выгод ты можешь сказать намного больше меня. Странно советоваться об этом с тем, кто едва сводит концы с концами.

— Мне интересны твои мысли, а не деньги, — усмехнулся Черки, — ты ведь слынешь умным человеком.

Данте задумчиво посмотрел в узкое окошко, за которым садилось солнце.

— Я считаю, мы не сможем предложить папе ничего такого, что было бы и нам на пользу. Нам надо искать защиты от Рима. И лучше императора нам никто в этом не поможет.

— Мы не нужны императору, — возразил Вьери, — он не помог даже гибеллинам, которые открыто выступают за него. Поэтому мы поедem в Рим и подружимся с папой, сколь бы невыполнимой ни казалась эта задача.

*

Сжимая холщовую сумку, в которой покоился пергамент с последним стихотворением первого поэта, Данте шел в дом Примаверы, где провел когда-то столько трепетных минут. За девять лет стены его сильно потрескались и узкие окна почти утонули в разросшемся плюще. Деревья во дворе тоже сильно выросли. Только ласточки по-прежнему с

отчаянными криками стригли вечернее небо.

Алигьери потянул за колокольчик, намереваясь позвонить. В этот момент до него донесся злобный голос:

— Паола, я тебя предупреждала! Получай же теперь!

Послышалась возня, затем глухой удар упавшего тела.

— Мадонна Джованна, не бейте, — заплакала женщина, — тут всего-то несколько зернышек просыпалось!

— Ты каждый день то уронишь, то просыпешь. А если за год посчитать? Сколько ты мне убытков приносишь?

— Но вы же не бедны, мадонна Джованна!

— Что?! Ты вздумала считать мои деньги! Бесстыдница!

Данте осторожно, стараясь не звякнуть, отпустил веревку дверного колокольчика. Потом поспешно отошел от дома бывшей прекрасной дамы бывшего первого поэта.

Листок с прощальной баллатой он принес себе в кабинет и положил среди личных писем и юношеских стихов.

Глава двадцать шестая

ДУРНЫЕ ЗНАМЕНΙΑ

Делегация в Рим застопорилась. Белые гвельфы начали задумываться о полной независимости Флоренции и Тосканы от папы. Это сближало их с изгнанными гибеллинами, за исключением одного нюанса: императора они тоже поддерживать не собирались. Многим из них флорентийские банкиры казались достаточной силой для обеспечения автономии республики. Вьери деи Черки так не думал. Он хорошо знал: торговля и политика слишком тесно связаны. Кто попытается выбирать между ними — неминуемо проиграет. Поэтому глава партии белых сделал отчаянную попытку — он собрал товарищей и предложил умиловить разгневанного папу военной помощью, послав ему сотню солдат. Белые гвельфы восприняли эту идею без энтузиазма, но согласились поставить вопрос на голосование. Голосовали несколько раз, поскольку многие колебались и меняли свое решение. Приор Алигьери каждый раз высказывался «против».

...Пошатываясь от усталости, Данте вышел из ворот Барджелло и направился домой. Его первенец, Пьетро, праздновал сегодня день ангела. Не подарить ли сыну книгу басен на народном языке? Латынью его и так пичкают в школе...

Дети встретили отца у ворот радостными криками:

— Папа, папа, мы нашли клад!

— Ну, покажите, — улыбнулся он.

Маленькая Антония протянула на ладошке несколько коралловых бусин на кожаном шнурке.

— Откуда это? — упавшим голосом спросил Данте.

— Они решили разрыхлить землю под лимонным деревом, — важным взрослым тоном сообщил Пьетро, — хорошо, я с ними был.

— Да я первый заметил! — обиженно заспорил Якопо. Антония, встав на цыпочки, заглядывала отцу в глаза:

— Это ведь драгоценные камушки, правда?

Данте отстранил дочь:

— Неправда. Обычные четки. Таких на Меркато-Веккьо пруд пруди. Давай их сюда.

— Но, отец! — взмолился Пьетро. — Это же мы их нашли! И если они совсем не ценные, зачем вы хотите их забрать?

— Верно, — согласился отец, о чем-то раздумывая. — Давайте так: я отдам четки вам, а вы зароете их обратно.

Антония наморщила носик:

— Папа! Если они наши, мы сами придумаем, куда их деть. Например, можно подарить их моей кукле.

— Вот еще! — возмутился Якопо. — Ты вообще ни при чем. Стояла, ворон ловила, пока мы копали.

Данте махнул рукой:

— Делайте, что хотите, только не ссорьтесь.

Вечером за столом он все время молчал. Даже Джемма, которая всегда старалась не лезть супругу в душу, на этот раз не выдержала:

— Что-то случилось, каро?

— Нет, — сухо ответил муж.

Вздохнул и добавил еле слышно:

— Пока нет.

Перед сном он вышел во дворик — взглянуть, не осталось ли, случаем, ямки под лимонным деревом. Почему-то он очень боялся обнаружить там углубление. Но дети разровняли землю.

— Может, все еще обойдется, — шепотом сказал он себе, — и вообще, сколько можно играть в детские игры... никакого ада там нет. Ад — он в душе.

Данте глубоко вздохнул, расправил плечи и запрокинул голову, чтобы полюбоваться звездным небом. Взгляд его блаженно расфокусировался, и он не сразу заметил странное светящееся пятно на небе. Присмотрелся и различил огненный крест.

Он вздрогнул и похолодел. Начал яростно тереть глаза руками, но странный крест не пропадал. Чувствуя неприятную струйку пота на спине, он поплелся на негнущихся ногах в спальню жены.

— Джемма, ты спишь?

— А, нет... — отозвалась она, отчаянно зевая.

— Будь добра, выйди во двор.

Он вернулся к лимонному дереву. Кутаясь в манто, появилась жена:

— Что случилось, каро?

— Посмотри на небо, — прошептал Данте, — ты видишь ЭТО?

— Господи! — ахнула Джемма. — Неужели конец света?! А дети еще такие маленькие!

Странно, но именно эта фраза вернула ему самообладание.

— Где же твоя логика, кариссима? — сказал он суховатым тоном, которым обычно разговаривал с женой. — Для конца света как раз чем дети

меньше, тем лучше. Они ведь еще не успели нагрешить. Но это не апокалипсис, насколько я понимаю. Это одно из небесных тел, которые время от времени открывают себя нашему взору. Оно называется кометой.

...Стояло лето 1301 года. И без того встревоженная Флоренция впала в полнейшее смятение от необычного и пугающего вида кометы. Горожане увидели в ее появлении знамение грядущих несчастий, войны и разорения. Неприятные новости не заставили себя ждать. Папа Бонифаций, взбешенный своеволием флорентийцев, решил положить конец произволу и навести в излишне свободлюбивых землях порядок. Посоветовавшись со своим союзником, французским королем Филиппом Красивым, понтифик назначил правителем сомнительных земель его брата, Карла Валуа. Принцу как раз не хватало имений и денег. Поэтому, собрав отряд в 500 рыцарей, он немедленно выехал в сторону Флоренции.

Узнав об этом, самые добропорядочные горожане перестали бояться кометы, говоря: «Она означает появление господина нашего Валуа, который послан нам папой для наведения порядка, оттого на небе появился крест». Остальные же (в их числе — банкиры) приезду полутысячи бравых вояк вовсе не обрадовались. Откуда бы ни началось наведение порядка — оно в любом случае закончится опустошением кошельков флорентийских толстосумов.

Папская милость одинаково не нравилась и черным, и белым гвельфам, однако они и не думали сплотиться перед лицом надвигающейся беды. Поэтому каждая из партий начала спешно собирать делегацию в Рим. Несмотря на то, что черные после высылки Корсо Донати остались фактически без руководства, они справились с задачей намного лучше своих противников. Их делегация уже скакала на юг, тогда как белые продолжали яростно выяснять свои идеологические противоречия. Не успели они разобраться, кто из них в большей степени гвельф, как начались споры — кому ехать. Черки метался, не зная, как поступить. С одной стороны, ему хотелось лично вести переговоры, поскольку он не слишком верил в дипломатические таланты однопартийцев. С другой — он успел опорочить свое имя связями с гибеллинами и боялся лишний раз попасться на глаза Бонифацию.

В итоге от белой партии выбрали троих послов. Первый — Мазо Минарбетти купил себе пополанское происхождение во времена зверств дела Беллы и теперь считался «выходцем из народа». Его отличал незаурядный дар убалтывания собеседника. Даже продавцы с Меркато-Веккьо порой терпели убытки, поддавшись его напору. Второй — Гвидо Убальди, по прозвищу Кораццо, отличался редкостной уверенностью в

себе. А так как себя он считал единственным в городе настоящим гвельфом, то Вьери понадеялся с его помощью немного «обелить» белых перед папой. Третьим послом назначили Данте.

В июле 1301-го делегация белых, наконец, собралась. Накануне отъезда подеста устроил в зале Барджелло застолье для обеих партий. Вино лилось рекой, от разнообразия кушаний разбегались глаза и текли слюнки. Черные и белые сидели рядом, временно усмирив вражду. Начали провозглашать тосты. Данте поднял кубок:

— За мир и процветание нашей прекрасной родины! Пусть Господь убережет ее от власти чужеземцев! Ура!

С разных концов стола раздались аплодисменты и тут же стихли. Люди тревожно переглядывались.

— Мессир Алигьери против Валуа, — послышался шепот где-то совсем рядом.

— Значит, и против папы, — ответил кто-то, — ибо сам Бонифаций, и никто другой, посылает нам господина нашего Валуа для наведения порядка...

— За мир и процветание! — нарочито весело прокричал Вьери деи Черки, пытаясь перебить тягостное настроение. — Ну?! Кому не по душе мой тост?

Послышались возгласы «ура!», и кубки начали встречаться над столом, роняя от ударов кровавые винные капли.

На следующее утро делегаты выехали. Зная о расторопности Большого Барона, Алигьери все время подгонял своих спутников.

— Не надо спешить, — вдруг заявил Мазо Минарбетти, — все равно ведь будем еще ждать болонских юристов.

— Зачем?! — Данте не поверил своим ушам. — Какие еще юристы?

— Наши союзники, — объяснил Минарбетти, — их позвал Вьери. На переговорах нам понадобятся хорошие правоведы.

В этом и заключалось главное отличие лидера белых от Большого Барона. При расчетах он слишком увлекался мелочами, теряя драгоценное время.

Разумеется, болонская делегация опоздала. Флорентийцам пришлось просидеть полдня в мерзкой придорожной таверне. Наконец болонцы появились.

— Выезжаем? — спросил Данте.

— Куда спешить?! — возразил болонский предводитель, мессир Убальдино Малавольти. — Мы голодны, в отличие от вас. К тому же я давно хотел поговорить с флорентийцами об одном интересном дельце.

Может статься, конечно, оно интересно лишь для меня. Однако это не отменяет, так сказать..

— О Боже! — У Алигьери сжались кулаки, но как он мог изменить ситуацию?

«Дельце» мессира Малавольти касалось какого-то приграничного замка, на который болонский мессир уже давно претендовал. Убальди и Минарбетти немедленно разъярились от подобной наглости. Данте пришлось проявлять чудеса миротворчества, но все равно выехать смогли лишь к обеду следующего дня. Не успели они отъехать от таверны, как им встретился гонец, направляющийся во Флоренцию. Узнав делегацию, он сообщил:

— Карл Валуа уже едет к нам. Мне велено предупредить градоначальника, дабы принцу оказали достойный прием.

— Ч-черт! — вырвалось у Данте. Гонец испуганно оглянулся.

— Мы очень рады приезду принца, — поспешно сказал Минарбетти.

...Им повезло. Они достигли Рима прямо к началу торжественной аудиенции. Папа давал ее иностранным гостям, в основном — французам. Бонифаций появился в императорском одеянии. Перед ним несли два меча, символизирующих власть светскую и духовную, скипетр и державу. Приветствуя гостей, он ясно дал понять: перед ними истинный римский император, новый Цезарь.

Благословив всех, понтифик отпустил французов, назначив им время беседы на завтра. Флорентийцам же велел остаться.

— Ловкость, с которой вы проникли в мой дворец, воистину изумительна, — сказал он им, — насколько мне помнится, вас нет в списках приглашенных.

— Простите, ваше святейшество! Мы отсылали вам письма, в которых просили о встрече! — начал оправдываться Минарбетти. — И о сроках...

Бонифаций прервал его величественным движением руки:

— Не стоит. Вы бы добились своего и без всяких писем. Недаром говорят — существует пять стихий: огонь, вода, земля, воздух и флорентийцы. Так с чем вы прибыли ко мне? И каковы ваши убеждения?

— Мы гвельфы, — начал Минарбетти, — и хотели бы выразить нашу преданность святейшему отцу.

— Гвельфы? — Папа удивленно приподнял бровь. — Странно. У меня уже были флорентийские гвельфы.

— Они именуют себя черными, а разве черное может считаться истинным? — осмелился вмешаться Убальди. — Настоящие гвельфы только белые, и это — мы.

— Именно так рассуждали и ваши предшественники, — понтифик почти неуловимо усмехнулся, — они тоже называли подлинными именно себя.

Он задумался на секунду, затем заговорил крайне холодным тоном:

— По большому счету не важно, кто из вас на сегодняшний момент более правильный, поскольку в будущем мы сделаем правильными всех. Все жители Флоренции должны оставить свои заблуждения и покориться Святому престолу. Так будет. Возвращайтесь и поведайте об этом остальным.

Он повернулся, давая понять, что разговор окончен.

Подавленные, они вышли в роскошное фойе папского дворца.

— Ну вот, и юристы не понадобились, — растерянно произнес Минарбетти.

Данте кашлянул, еле сдерживаясь от распиравших его колкостей. В этот момент двери зала, в котором происходила аудиенция, распахнулись. Выбежал слуга:

— Его святейшество велит возвратиться мессире Дуранте Алигьери.

— А нам? Куда идти нам? — спросил Убальди.

— Вам — домой, — нелюбезно объяснил слуга, — идемте, мессир Алигьери.

Данте снова вошел в зал. Папа сидел уже не на троне, а на одном из роскошных, обитых бархатом кресел. Он увлеченно рассматривал что-то за окном. Услышав шаги, резко повернулся:

— Привели? Вот и славно. Садитесь, мессир Алигьери.

Пытаясь разгадать намерения понтифика, Данте сел в кресло.

— Вина? — неожиданно ласковым голосом поинтересовался Бонифаций.

Данте сделал паузу, потом с осторожностью ответил:

— Ваше святейшество, я бы лучше предпочел узнать ваши планы насчет меня.

Папа молчал, весело глядя на собеседника. Вдруг он начал отчетливо декламировать:

*Все в памяти смущенной умирает —
Я вижу вас в сиянии зари,
И в этот миг мне Бог любви вещает:
«Беги отсель иль в пламени сгори!»
Лицо мое цвет сердца отражает...*

Помните эти строки, мессир Алигьери?

— Как же не помнить! — отозвался Данте. — Когда-то они вышли из-под моего пера. Но чем объясняется столь пристальное внимание вашего святейшества к стихам поэта, который и Рим-то посетил в первый раз?

Бонифаций встал, поманив за собой собеседника. Величественным движением поправил складки длинных одежд, расшитых золотом, и подошел к окну, за которым виднелись строгие линии Латеранской базилики.

— Посмотри сюда, сын мой. Перед тобой город, прекраснейший в мире. Я властитель этого города, а значит, мой придворный поэт должен быть лучшим из лучших. Эта великая миссия поручается тебе. Хотя я и не слишком люблю флорентийцев, следует отдать должное удивительной силе твоего поэтического таланта.

Алигьери молчал, глядя на соборные башни. Ласточек над ними кружилось, пожалуй, больше, чем над домом Джованны.

Рядом недовольно кашлянул понтифик:

— Вероятно, ты потерял дар речи от неожиданности? Ничего, я подожду, пока ты придешь в себя и произнесешь слова благодарности.

— Зачем же ждать? — отозвался Данте. — Я благодарю ваше святейшество за столь высокую честь, мне оказанную. Но, к сожалению, стать вашим придворным поэтом не смогу, ибо сие противоречит моим убеждениям.

Лицо Бонифация побледнело:

— Вот как? Ты сильно пожалеешь об этом.

— Не думаю, ваше святейшество. Я могу лишь пострадать от этого. Но пожалуй — вряд ли.

Румянец медленно возвращался на щеки папы. Понтифик отошел от окна и в молчании уселся на трон. Время будто остановилось. Даже птицы за окном больше не кричали. Данте стоял, размышляя, во что обойдется ему сегодняшняя искренность. А Бонифаций все сидел, подобно изваянию.

Наконец он пошевелился и три раза хлопнул в ладоши. Тут же подскочил слуга.

— Препроводите этого... мессира куда следует, — с отвращением велел понтифик.

— В ту комнату? — нерешительно переспросил прислужник.

— Разумеется.

Данте был уверен: его заточат в темницу. Однако «та комната» оказалась действительно просто комнатой, хотя и весьма небольшой. Вот только выйти из нее самостоятельно не представлялось возможным.

Пропустив Алигьери, слуга запер за ним дверь.

Узник уселся на кровать, хорошо сделанную, устланную недешевой периной, и задумался. Ничего хорошего его, скорее всего, не ожидало. А что бы он еще хотел, позволяя себе такие вольности с монархом? Бонифаций ведь, несмотря на духовный сан, являлся самым обычным светским властителем, к тому же отягощенным непомерными амбициями. Данте вспомнил, с каким высокомерием он разговаривал с посланниками французского короля, между прочим, важного союзника папы.

Стучать в дверь, требуя облегчения своей участи, Данте не собирався, поэтому недолго думая он улегся на кровать и задремал.

На следующее утро ему принесли еды и позволили заходить еще в несколько комнат, но на свободу не выпустили. Так потянулись дни. Алигьери пытался работать над своим трактатом «О монархии», но получалось плохо. Слишком уж тяготило близкое присутствие неидеального монарха. Данте считал дни, но постепенно сбился со счета и не мог понять: наступил уже август или нет...

Однажды вошел знакомый слуга и пригласил следовать за собой.

«Неужели в камеру пыток? — промелькнула мысль. — С него ведь станется...»

Папский прислужник вывел узника на улицу:

— Его святейшество более не задерживает вас. Вы можете возвращаться в свой город.

«А лошадь, значит, в святейшую казну забрал?» — подумал Алигьери, ощупывая карман. Денег там вряд ли бы хватило на новую.

— Дойдите до угла и ожидайте, — сказал слуга, будто услышав размышления бывшего пленника, — вам приведут вашего коня.

...Данте скакал домой во весь опор, чувствуя крайнюю досаду. Ну зачем этот зарвавшийся царь Рима продержал его под замком целый месяц?! Причем именно сейчас, когда нельзя терять время, когда политическая карьера почти построена и осталось всего несколько крохотных ступенек!

Как бы ему ни хотелось поскорее пересечь городской мост, лошадь требовала отдыха. Пришлось заночевать в придорожной гостинице. На следующий день к вечеру путник начал узнавать дорогу. Флоренция была уже недалеко. Когда солнце начало клониться к закату, он наконец достиг излучины реки Арно, от которой открывался вид на стены родного города. Данте посмотрел туда и обмер. Над Флоренцией клубился густой дым и виднелось зарево многочисленных пожаров.

Глава двадцать седьмая

КОНЕЦ ВСЕМУ

Прежде чем продолжать историю жизни нашего героя, попытаемся ответить на очень важный вопрос: Данте и Церковь, каковы были их отношения?

Советское дантоведение, разумеется, всегда делало акцент на разногласиях между поэтом и Святейшим престолом. Василий Соколов в своем учебнике «Европейская философия XV–XVII веков» времен господства в нашей стране атеизма (1984) пишет:

«В латинском трактате Данте «О монархии» император, осуществляющий и олицетворяющий земную власть, получает ее не от папы, а непосредственно от бога. Полная независимость монарха от верховного духовного владыки — необходимое условие, обеспечивающее людям мир и благополучие, без чего невозможна реализация земного назначения человека.

Для направленности формирования ренессансной культуры показательным, что при изображении посмертного существования персонажей «Комедии» (особенно в «Аду») их земные черты резко преобладают над небесными».

Но неправильно было бы делать из «Божественной комедии» «человеческую». Данте никогда не использовал христианские символы и категории в качестве декораций для показа внутреннего мира героев и политической ситуации своего времени. Он жил верой и мистикой, очень внимательно изучая труды богословов. А его явная симпатия к великим античным именам и доктринам имеет давнюю традицию, это увлечение, вероятно, началось еще во времена Каролингского возрождения и к XII столетию стало привычным явлением в мыслящей среде Европы. Труды древнегреческих философов начали активно переводиться с арабского — да, именно арабы сохранили античную культуру в так называемые «темные века».

Один из наиболее авторитетных католических мыслителей Фома Аквинский (около 1225–1274) прославился, среди прочего, систематизацией трудов Аристотеля, хотя также известно, что он надеялся встретиться с любимым философом после смерти.

Возникает вопрос: каким образом? Ведь по католическому вероучению

некрещеный человек не мог попасть в Царствие Божие. А как же младенцы, которых не успели окрестить? Они ведь точно не грешили и виноваты только в том, что от рождения несут на себе тяжесть первородного греха. Неужели милосердия Божиего не хватит для их спасения?

Еще во времена единого христианства мнения Отцов Церкви в этом вопросе разделялись. Еврем Сирий помещал некрещеных младенцев в рай, как и святой Григорий Нисский. А вот Блаженный Августин считал, что их место в аду, только карают их там наиболее мягко. В 418 году на Карфагенском соборе предали анафеме всех, кто считал, будто младенческие некрещеные души могут иметь какое-то особое место упокоения. Видимо, желающих избавиться от вечных мучений было немало.

Действительно, существовало неофициальное учение о лимбе^[54].

В православии такого понятия нет, по православным канонам мир делится только на рай и ад. Однако миры, похожие на лимб, встречаются в других религиях, в частности в синтоизме. По японским верованиям в лимб попадает после смерти каждый. В нем можно наслаждаться покоем и красотой, а можно находиться в постоянных терзаниях — все зависит от жизни человека и его отношения к самому себе. Также синтоизм предполагает, что такого понятия, как время, в лимбе не существует, поэтому человек находится там до тех пор, пока не осознает себя.

В вероучительных документах католической церкви о лимбе никогда не говорилось напрямую, но существует одно упоминание в трудах папы Пия VI, где лимб характеризуется как промежуточное место между раем и адом. Правда, Пий VI называет это явление не иначе как «пелагианской сказкой»^[55]. Тем не менее отдельные католические богословы начиная с XI века время от времени писали о лимбе, включая в число его обитателей не только младенцев, но и всех праведников, живших до Христа, в том числе языческих. Аристотель, которого многие средневековые богословы высоко ценили, тоже попадал в число этих «хороших» людей, не доживших до установления таинства евхаристии.

Теологи весьма точно сформулировали разницу в посмертной судьбе христианского и нехристианского праведника. Главным блаженством христиан в раю считалось лицезрение Бога. Некрещеные младенцы и языческие праведники обладали всей полнотой естественного блаженства, но оказывались лишены блаженства сверхъестественного. Так считали и Фома Аквинский, и Дунс Скот, а папа Иннокентий III сформулировал эту

же идею так: «Кара за первородный грех есть отлученность от лицезрения Бога, кара за действительный грех есть мука геенны огненной».

У Данте же место содержания некрещеных младенцев и добродетельных нехристиан находится все-таки не в каком-то особом лимбе, а в аду. И это более соответствует официальному учению церкви. И то, что он поделил ад на круги разной тяжести — тоже вполне церковная точка зрения. Уже после смерти нашего героя, в XV веке, Флорентийским собором будет сформулировано учение о неодинаковости кары в аду.

Итак, мировоззрение Данте не существует вне христианской парадигмы. Почему же его «Божественная комедия» входила в список книг, запрещенных церковью?

Мы уже говорили, что за «ширмой» наш герой мог прятать не личную жизнь, а ересь. И тому есть подтверждение. Данте выказывал явную симпатию латинскому аверроизму^[56], неприемлемому для ортодоксальной католической церкви. Лидер аверроистов Сигер Брабантский (около 1235 — около 1282) наряду с Фомой Аквинским и Альбертом Великим (Кельнским, Большетедтским; около 1200–1280) находятся у Данте в раю.

Но даже не это послужило причиной неприятия официальной церковью творчества нашего героя. «Комедию» запрещали совсем по другой и очень простой причине: ее автор не признавал право понтифика на светскую власть. По словам Ольги Седаковой, «Данте был одним из первых, защищавших идею «разделения властей», духовной и светской: иначе говоря — одним из отцов секуляризма».

Наш герой, родившийся в гвельфской семье и пострадавший за партию гвельфов, являлся гибеллином по мировоззрению. Он поддерживал христианскую империю при светском императоре, власть которому тем не менее была дана Господом.

*

Творилось нечто из ряда вон выходящее. Городские ворота оказались широко распахнуты, стража сбежала. Алигьери не узнавал кварталов, знакомых с детства. Многих домов уже не было, иные горели. Повсюду носились перепуганные люди. Среди них мелькнуло лицо гонфалоньера из квартала Сан-Пьер-Маджоре. Данте бросился к нему:

— Скажите, что происходит? Неужели это дело рук принца Валуа?

Страж порядка помотал головой, будто только проснувшись, и обозрел путника мутным взором:

— А... мессир Алигьери. Нет, принца здесь нет. Он со своими рыцарями наблюдает пожар с безопасного расстояния, из-за реки. Тут у нас теперь мессир Донати всем заправляет.

— Корсо?! — вскрикнул Данте. — Как?! Его же изгнали!

— Видите ли, он не из тех людей, кого можно выгнать и забыть. Он вернулся с папским отрядом, подкупил стражу и ночью захватил город.

В этот момент мимо пронесся всадник, за ним другой, с длинным копьем. Он настиг жертву в конце улицы, лихо метнул оружие. Пронзенное насквозь тело упало, ударившись о стену дома, лошадь заметалась.

— Корсо у власти... это же конец... — потрясенно проговорил Данте.

— Ну, кому конец, а кому и начало, — флегматично отозвался гонфалоньер, собираясь идти дальше. — С Богом, мессир Алигьери. Поспешите домой, может, успеете.

Данте похолодел, вспомнив о детях. Стегнув лошадь, он помчался к дому напрямик, через переулки. Родной квартал встретил тишиной. Здесь строений еще не разрушали. За спиной остался дом Портинари, в котором когда-то, в другой жизни, дети праздновали Календимаджио. Повинуясь смутному чувству, он спешил, привязал лошадь в переулке, осторожно выглянул.

И сразу понял, что опоздал. Перед отчим домом стояли незнакомые люди. Другие выносили вещи. Данте, стоящего за углом, никто не заметил. Он начал лихорадочно соображать, что делать. Искать Вьери? Но что со всеми своими деньгами солидный и рассудительный лидер белых против выученных, жаждущих драки головорезов Большого Барона?

На земле валялась какая-то тряпка. Присмотревшись, Данте узнал любимый гобелен Джеммы — рыцарь, побеждающий дракона. Неужели Корсо, ненавидя зятя, поднял руку на сестру? Или в городе рухнули последние устои? А дети? Перед глазами встали смеющиеся лица... Где они?!

Не выдержав, он бросился на верную гибель, к дому. Вперед, мимо дворика с лимонным деревом и забытым адом, который так глупо растревожили детские руки.

Деревя не было. Вместо него пылал костер из веток, гобеленов и какого-то неопознающегося хлама. Рядом валялась обугленная скамья, на которой он так любил сидеть вечерами, рассказывая детям о небесных светилах. Данте выхватил из костра горящую палку. Вдруг какая-то тень метнулась к нему из дымного облака:

— Беги отсюда, каро! Тебя ищут, чтобы судить!

— Джемма! А как...

— Я спрятала детей у мамы и унесла самое ценное. Надеюсь, нас не тронут. Но тебя я никак не смогу защитить. Беги!

Она бросилась к нему на шею, как не делала еще никогда в жизни. Сердце Алигьери сжалось. Он ведь вроде бы не любил жену, считая тягостным наследием отца. И вдруг, осознав, что видит ее, скорее всего, в последний раз, понял, как сильно ему с ней повезло. С каким старанием она облагораживала его мрачный дом, как предупредительно-нежно вела себя со старой мачехой до самой смерти той. Да, Джемма не понимала поэзии и не могла стать музой, но более идеальной супруги было бы трудно сыскать.

Он крепко обнял ее и тут же резко отстранился:

— Я хочу попрощаться с детьми.

— Нельзя, — умоляюще прошептала она. — Корсо только этого и ждет. Тебя схватят и... мы останемся совсем без средств тогда, он все отнимет. Разве ты хочешь этого? С ним никто не сладит, он теперь властитель города.

Кулаки Данте сжались:

— Он не властитель, а обычный разбойник, этот твой родственничек. И захватил власть только благодаря поддержке другого разбойника, захватившего Святой престол! Но я верю, справедливость восторжествует, и Бог покарает обманувшего Святую невесту — Церковь!

Жена испуганно ахнула, прижав палец к губам. Хотела что-то сказать, но не решилась. Послышался нарастающий стук копыт. Джемма толкнула мужа ближе к стене и опасливо выглянула:

— Это Корсо! Я отвлеку его, постарайся уйти незаметно!

Она поправила платок и решительными шагами вышла из двора.

— Что ты здесь делаешь? — донесся недовольный голос Большого Барона. — Тебе сказали: сиди у матери. Имущество твоего мужа подлежит конфискации, а дом завтра же разрушат.

— Я не выбирала мужа! — возмущенно ответила Джемма. — Меня просватал в детстве отец, который, как и ты, носит фамилию Донати. И большая часть имущества в этом доме из моего приданого, а значит — принадлежит роду Донати. Стыдно обижать родственников!

— Я вроде бы не обижал тебя, сестренка, — голос Корсо стал вкрадчивым, — а ведь мог бы. Приданое твое меня не интересует, а вот отпрысков побереги. Они ведь дети не только рода Донати, но и твоего муженька, который посмел поднять на меня руку. А я, как ты знаешь, своих врагов не прощаю.

Данте не стал слушать дальше. Крадучись, по стеночке, он дошел до

места, где оставил лошадь. Отвязав ее, он вскочил в седло и быстро поскакал прочь.

Переулками, стараясь не напороться на погромщиков, он спешил к городским воротам. То, что два часа назад там не было стражи — ничего не значило. Их могли закрыть в любой момент.

Уже сгущались сумерки, видимость стала совсем плохой из-за дыма — где-то неподалеку горело сразу несколько домов. За спиной снова послышался неприятный звук — нарастающий стук копыт. Алигьери подстегнул кобылу, но погоня не отставала. Тогда он остановился и обнажил меч.

Всадник вылетел из-за поворота.

— Стой! — крикнул Данте. — Что тебе надо?

— Братец, зачем мечом махать? Это ж я! — послышался голос Франческо.

Данте вздохнул с облегчением:

— Зачем ты гнался за мной? Тебе нужно держаться от меня подальше. Меня хотят отдать под суд.

— Знаю, — грустно сказал младший брат, — поэтому и гнался. У меня дело к тебе. Помнишь, я по молодости деньги у тебя все клячил.

— Конечно. Я до сих пор должен теще, в том числе из-за тебя.

— Ну вот, ты можешь ей теперь отдать. Правда, мне кажется: тебе эти деньги сейчасгодились бы больше.

— Очень кстати. — Данте протянул руку и замер. — Послушай! А откуда они у тебя? Ты вроде бы совсем недавно сетовал, что не можешь позволить себе новые одежды на Календимаджии?

— Вот-вот, — засмеялся Франческо, — я вдруг понял, что слишком много у меня одежд, и распродал половину. А еще, ты не поверишь: появился какой-то давний должник нашего отца и вернул долг.

— Вот уж действительно неожиданность, — Данте помрачнел, — я бы предпочел не вспоминать о делах папаши. Правда, деньги сейчас как нельзя кстати. Но я возьму только половину, другую передай как-нибудь незаметно Джемме. И будь осторожен. Лучше сразу уезжай, пока тебя не изгнали. Ты ведь мой брат.

Франческо встревоженно заморгал:

— Думаешь, и меня тоже? Какой ужас!

— Всяко может случиться. Ну, прощай.

Бывший приор Флорентийской республики уже подъезжал к городским воротам, когда там появилась стража, посаженная новой властью.

— Стой! Куда едешь? Назови себя! — слышались крики.

Первую мысль — прикинуться безвестным пополанином — он отверг сразу. Слишком уж не вязался с этой ролью костюм для папской аудиенции, хотя он и сильно поистрепался в дороге. А называть свое имя опасно — мало ли какой приказ мог отдать Корсо?

— Я с посланием к господину нашему, Валуа, от мессира Донати. Верно ли, что принц расположился в том палаццо за рекой?

— Верно, — отвечал стражник, — проезжайте.

Алигьери еле удержался от желания пустить лошадь в галоп. Отъехав на безопасное расстояние, в последний раз оглянулся на родной город. Он покинул его вовремя — у ворот кипела свалка. Доносился характерный звон клинков, слышались отчаянные крики. В сгущающихся сумерках было невозможно понять, что именно там происходит, да это уже и не волновало изгнанника. Он свернул на старую болонскую дорогу и поехал в направлении горы Фальтероны.

Никогда еще ему не доводилось бывать одному на ночной дороге. Она оказалась светлой из-за почти полной луны и какой-то нереальной, словно картины из его фантастических снов, которые он часто видел в молодости. Они исчезли, когда он стал политиком. Сейчас, лишенный всего самого дорогого, он будто снова возвращался к себе.

Серебристо поблескивал склон Фальтероны. У подножия горы залегла абсолютная тьма старого леса. Дорога шла туда. Интересно: водятся ли в нем дикие звери?

Небольшой, причудливой формы куст у опушки напоминал фигуру согнутого человека. Алигьери подъехал ближе, куст пошевелился и распрямился. Теперь среди веток и впрямь кто-то стоял, кто-то очень знакомый.

— Луций, — прошептал Данте, — почему я не удивлен?

— Здравствуй, мальчик, — сказал странный птичник, поднимая к небу пустую клетку. — Теперь ты убедился, насколько душа привыкает к тюрьме. Твоя дверка распахнулась, а ты продолжаешь сидеть нахохлившись. Один раз ты уже предал себя, неужели повторишь ошибку и сейчас?

— Что ты предлагаешь мне? — с ужасом спросил Алигьери. — Неужели продать душу?

Бельмо птичника сверкнуло в лунном свете:

— Я не покупаю души, я лишь прикармливаю их и ловлю.

— Но ловцом человек называл себя Христос.

— Что ты! — усмехнулся Луций. — Куда мне до человек. Мне

хватает маленьких птиц. А человеки — они приходят сами и просят, и покупают, но не всё можно купить... Главное, что они могут сделать, это освободить свою птицу, но мало кто может это сделать, потому что трудно понять, где она сидит.

Данте прыгнул на землю и подошел к кусту.

— А где сидит моя птица? — еле слышно спросил он.

— В большой власти, — прозвучал ответ, — потому ты так рвался в политику. Но это путь в клетку. Твоя власть в поэзии.

— Странно слышать от тебя такие слова. Разве не Бог дал мне поэтический дар?

— Разумеется. И Он не терпит, когда человек зарывает свой талант в землю.

— Но кто же тогда ты? — пораженно спросил Данте. — Неужели мой ангел-хранитель?

Луций помолчал. Аккуратно поставил клетку на землю и с достоинством промолвил:

— Врать не буду. Нет. Не он.

— Тогда зачем?..

Луций помолчал, повернулся к собеседнику красивым римским профилем:

— Мне нравится, когда люди исполняют свои желания, когда они упиваются своей силой и преображают мир. А Бог — он же дает им выбор.

— Послушать тебя — так все, кто совершает нечто значительное, — идут по пути дьявола.

— Я вовсе так не говорил, — обиделся птичник. — Если хочешь, я вообще сейчас уйду, а этот лес кишит хищниками, и ты не доживешь до утра. Такой выбор у тебя тоже есть.

— Как ты смеешь мне угрожать! — воскликнул Данте, надвигаясь на обнаглевшего собеседника, и осекся. Никакого Луция не было. В лунном свете чуть шевелились от ветра ветви куста, отбрасывая на землю причудливые тени. Рядом чернел лес.

Вдруг совсем близко раздался волчий вой. Данте показалось: что-то мелькнуло у опушки. Лошадь испуганно всхрапнула. Он задумался: как поступить дальше? Дорога шла как раз в сторону зарослей. Может, вернуться? Но позади — Большой Барон со своими головорезами. Он охотно расправится со своим врагом, не дожидаясь суда. А главное — пострадают Пьетро, Якопо и маленькая Антония. Они — лишь наполовину Донати, и их жизнь висит на волоске. Поэтому их отцу лучше скрыться, не напоминая о себе. Впереди же, за лесом — владения графа Гвиди, который

не относит себя ни к черным, ни к белым, ни к гвельфам, ни к гибеллинам. Зато разбирается в поэзии не хуже папы римского.

Папа Бонифаций... это он поддержал разбойника Корсо и создал во Флоренции хаос, это из-за него у Алигьери теперь нет ни дома, ни семьи, ни родины.

Ненависть прибавила ему решимости. Не раздумывая больше, он погнал кобылу в лесную черноту.

Волков там оказалась целая стая. Стегнув бедное животное изо всех сил, он заорал и поскакал прямо на хищников. От неожиданности звери бросились врассыпную, но быстро оправились от испуга и начали преследование. Луна мелькала в черных ветвях, ветер бил в лицо, мелкие камешки вылетали из-под копыт, но погоня не отставала. Лошадь слишком сильно устала, она ведь преодолела путь от самого Рима и стоянок ей досталось меньше, чем следовало. Волки же, наоборот, только что вышли на охоту. Расстояние неумолимо сокращалось, вожак клацнул зубами у самой ноги всадника.

«Ну вот и встречусь с Беатриче. Теперь уже ничто не встанет между нами», — пронеслось в его голове. Навалилась непреодолимая слабость. Он больше не понукал лошадь — та сама мчалась из последних сил, пытаясь спастись. «Помоги!» — сами прошептали его губы, обращаясь непонятно к кому — то ли к Господу, то ли к Богородице, а может, к той удивительной девочке из детства, которой ему так не хватало все эти годы.

И победным набатом раздался в ответ звонкий многоголосый собачий лай. Волки разом сбросили скорость. Некоторое время они еще трусили сзади, потом один за другим начали разворачиваться и убегать. Впереди тускло замаячило огненное пятно факела, закрепленного на стене какой-то небольшой постройки.

— Эй, куда едешь так поздно?! — послышался оклик.

— А что это за земли? — спросил Алигьери, пытаясь разглядеть в темноте лицо говорящего.

— Графа Гвиди, — отозвался тот, — но ты не ответил на мой вопрос.

— Я... — Данте поспешно слез на землю, чувствуя неприятный стук собственных зубов. — Волки... — с трудом проговорил он и потерял сознание.

Глава двадцать восьмая

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Какими бы прекрасными ни были сонеты Данте из «Новой жизни», его канцоны и политические трактаты, он бы никогда не поднялся выше уровня Гвидо Кавальканти, если бы не «Божественная комедия». По меткому выражению одного из русскоязычных биографов нашего героя, Алексея Дживелегова, «Комедия» подводит итог всему, что было пережито и передумано феодальной культурой: в ней «впервые заговорили десять немых столетий».

Целые поколения исследователей трудились над этим шедевром. Объем комментария в десятки, а может, и в сотни раз превышает текст творения Данте. Еще бы. Им приходилось обращаться к архивам, чтобы понять контекст, но историческая реальность оказывалась лишь видимой частью айсберга. Как говорит о «Божественной комедии» современный русский поэт Глеб Симонов, «смыслы не присущи, они конструируются. У поэмы в 14 тысяч строк, где действие каждой песни происходит в другом месте и с новыми персонажами, просто не может быть какого-то одного смысла, который можно оттуда взять и, вот, показать. Так что попробуем тезисно. Поэма представляет собой гибрид жития ветхозаветного пророка, античного эпоса и духовной автобиографии Августин-style. Это не только модель поэмы о мире, это также модель поэмы о себе. В сущности, поэму можно читать как non-fiction, и таковое прочтение будет совершенно легитимным».

Итак, что смогли узнать исследователи?

«Божественная комедия» писалась почти 14 лет. Само название «Комедия» восходит к чисто средневековым смыслам: в тогдашних поэтиках комедией называлось всякое произведение с печальным началом и благополучным, счастливым концом, а не драматургическая специфика жанра с установкой на смеховое восприятие. Для Данте же, помимо прочего, это была комедия, понимаемая вне связи с драматическим каноном, — как соединение возвышенного с обыденным и тривиальным. Эпитет же *divina* — «божественная» впервые употребил Боккаччо, подчеркивая поэтические совершенства поэмы, а вовсе не ее религиозность. Так что название одного из самых известных поэтических произведений не являлось плодом долгих авторских раздумий, а сложилось

как бы само собой.

Со времени смерти нашего героя и до наших дней исследователи добивались точности в определении времени написания отдельных песен этого шедевра или хотя бы его трех частей. Но до сих пор все имеющиеся даты спорны, поскольку не существует документов или писем, подтверждающих появление тех или иных стихов. И сам автор, заканчивая песнь, даты не ставил.

Бесспорно лишь одно: «Божественная комедия» — песнь изгнания. Данте начал писать ее, потеряв право жить на родине. И неизвестно, написал ли он ее вообще, если бы не политическая катастрофа, разделившая его жизнь на «до» и «после».

По мнению большинства исследователей, именно создавая «Ад», Данте острее всего переживал изгнание. Даже Беатриче, прославить которую он поставил целью жизни, немного отходит на второй план. В первой части настоящей «Божественной комедии», а не аниме «Ад Данте», мы встречаем лишь упоминания о ней и ссылки на нее. В «Аде Данте» ее как раз много, но там и не планируется продолжение в виде «Чистилища» и «Рая».

Известно суждение, что в момент написания «Ада» Данте больше всего интересовала политика, рассматриваемая под углом зрения итальянской коммуны. В образах «Ада» поэт якобы выразил все горечи и обиды, которыми его обильно наградила родина. Конечно, изгнание из родного города — тяжелое испытание, но навряд ли верующий человек, каким несомненно являлся наш герой, стал бы сравнивать его с адом. Тем более вся поэма была задумана как памятник, прославляющий Беатриче, а значит, первые наброски вполне могли появиться еще во время жизни поэта во Флоренции.

Есть и иная версия, согласно которой Данте начал писать «Божественную комедию» только в сентябре 1313 года, после кончины императора Священной Римской империи Генриха VII. Поэт тогда уединился в горном бенедиктинском монастыре Святого Креста в аббатстве Фонте-Авеллана (Санта-Кроче-ди-Фонте-Авеллана), где и работал над «Адом», который завершил двумя годами позже в Лукке. По этой хронологии «Чистилище» написано в Вероне на рубеже 1316–1317 годов и в том же 1317-м «Ад» начинает распространяться в виде рукописных списков.

Начало создания шедевра точно не установлено, но по поводу написания заключительной части разногласий нет. Данте работал над ней в доме, подаренном Гвидо да Полентой, правителем города Равенны.

Параллельно он обменивался стихотворными посланиями на латинском языке с болонским профессором Джованни дель Вирджилио.

«Рай» был закончен незадолго до смерти поэта, но опубликован уже после его кончины.

А мы возвращаемся к началу «Божественной комедии», к I песни «Ада».

*

Данте лежал на земле, рядом с опушкой леса, глядя на бледный еле занимающийся рассвет. Он не понимал, как попал сюда, а также куда подевались лошадь и давешний крестьянин с факелом. Волчьего воя больше не слышалось. Не успел он обрадоваться этому обстоятельству, как неподалеку над пригорком появилась принимающая волчья морда. Теперь уже не волк, а волчица — худая, облезлая, будто только убежавшая от стаи собак. Лежащего человека она не замечала.

Не отрывая взгляда от хищника, он начал медленно отползать в тень куста. Ему удалось скрыться больше чем наполовину. И сторона вроде бы оказалась подветренной. Послышался хруст веток с другой стороны. Алигьери с ужасом обернулся, ожидая увидеть еще одного волка. Но дело обстояло еще хуже: сквозь ветви глядела львиная морда. Еще какой-то хищник кошачьего происхождения, мягко ступая, спускался с холма.

«Это уже как-то слишком, — подумал Данте, вжимаясь в куст, — разве так может быть?» Почему-то он чувствовал не страх, а лишь глубокое уныние. Крупная дикая кошка (скорее всего, пантера) приближалась. Волчица начала рыть яму на своем пригорке деловито и яростно, только комья во все стороны летели. Лев не двигался, продолжая внимательно озирать окрестности. Глупо надеяться на милосердие хищников. Рано или поздно они все равно обнаружат свою жертву, и тогда счастьем будет умереть поскорее.

Вдруг перед самой волчьей мордой неторопливо прошел человек в серых ниспадающих одеждах. Волчица не обратила на него внимания, продолжая рыться в земле. Путник поравнялся с кустом.

— Эй... — нерешительно позвал Данте, — помоги, а?

— Смени путь, — тотчас отозвался незнакомец. — Здесь тебе никто не поможет.

— А ты кто? — поинтересовался Алигьери, поднявшись с земли. Звери не обратили на его движения никакого внимания.

— Я ломбардец. Поэт. Когда-то был человеком.
— О Господи... — прошептал Данте, — значит, я умер?
— Пока нет, — ответил путник. — Но я бы не назвал твоё положение полностью безопасным. Ты на плохом пути. Нужно уходить отсюда. Пойдем за мной.

Он двинулся к подножию гор, где тень лежала наиболее густо. Это место выглядело очень неприятно. Почувствовав нерешительность Алигьери, проводник обернулся:

— Ничего не поделаешь, иного входа в царство мертвых нет.

Данте остановился как вкопанный:

— А почему я должен туда идти? И кто ты вообще такой?

Незнакомец засмеялся:

— Сомневаюсь, что мое имя скажет тебе о чем-то. Хотя она утверждала, будто ты знаешь мою поэму наизусть. Она тоже ее любит.

— Какая еще поэма?

— «Энеида», — промолвил провожатый и вдруг стал прозрачным, и сквозь него протянулись первые лучи восходящего солнца.

— Так ты Вергилий... — прошептал Данте, — но кто же тогда «она»? Кто? — попытался он повысить голос, но получилось лишь невнятное шипение...

*

— Ох ты, батюшки, очнулся! Мы уж и не чаяли! — раздался над ухом женский голос. С трудом разлепив веки, Алигьери увидел над собой немолодое рябоватое лицо и много раз латанную рубаху. — Муж мой тебя подобрал на дороге, уж третий день как. Я все боялась: помрешь, нам потом головы не сносить — видно ж: такой важный господин!

Бормоча так, она ушла на кухню, загремела горшками.

Данте протянул руку и понял, что лежит не на кровати, а на куче соломы. Тут же вспомнил все, что случилось накануне, и не смог понять, как же теперь существовать дальше. Подобную непереносимую боль души он уже чувствовал, когда умерла Беатриче. Правда, тогда, в юности, это чувство было пронизано какой-то мрачной торжественной красотой. Теперь, на тридцать шестом году, после пяти лет политических интриг и постоянной нехватки денег он уже не мог укрыть невыносимую действительность в поэтической дымке. Ему захотелось обратно в сон. Но там ожидали свирепые звери и... Вергилий. Почему именно он?

Вернулась хозяйка. Принесла жидкой похлебки, довольно неаппетитно пахнувшей. Данте поморщился:

— Я не хочу есть. Принеси мне мою сумку.

— Ох ты, батюшки! — снова забормотала крестьянка. — Уморит себя голодом, как пить дать, а нам потом — отвечай!

Сумку все же принесла. Слава богу, деньги не пропали. Порывшись, он вытащил мелкую монету и попросил хозяйку принести молока с хлебом. Сам же достал бумаги, которые взял с собой, будто предчувствуя грядущую катастрофу, и начал перебирать их. Нашел прощальную баллату Гвидо Кавальканти, свои юношеские стихи. Задумался, вспоминая недавние видения, удивительно яркие, совсем непохожие на сон. И вдруг вспомнил. «Она — вдруг послышался голос, непонятно откуда, — это та, кто любила Энея и Дидону. Как ты мог забыть о ней?»

Ему явственно вспомнились слова Беатриче, произнесенные в те далекие майские дни: «Самоубийство — тоже предательство, ведь когда ты убиваешь себя, то предаешь Бога, который тебя сотворил». А разве не предал он себя, променяв поэзию на политическую карьеру?

Алигьери начал лихорадочно рыться в поисках чистого листа. Письменные принадлежности тоже нашлись. Он обмакнул перо и застыл, не зная, что делать дальше.

«В тебе большая сила, мальчик, вот что я хотел тебе показать. Надо лишь развить ее, и ты многое сможешь» — так говорил птичник с именем дьявола.

А почему бы не попробовать? Переписать свою жизнь так, чтобы из нее ушла эта нестерпимая боль. Только ведь вряд ли получится поверить в созданную идиллию. Значит, это должна быть не идеальная картинка, а долгий путь. Из игрушечного ада в настоящий рай, где его ожидает возлюбленная. В любом случае он окажется в выигрыше хотя бы тем, что отвлечется от своих страданий.

«Решено, — сказал он сам себе, — с этого момента начинается большая игра и другая жизнь. Тридцать пять лет — вполне рубежный возраст. Середина жизни, если, конечно, повезет».

...С пера упала клякса. Раздраженно он отбросил испорченный лист, хотя бумагу следовало экономить. Взял чистый и решительно начал писать:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины*^[57].

Пришла хозяйка с кружкой молока. Поглядела на недавнего умирающего, черкающего строчку за строчкой. Спросила робко:

— Письмо посылать хотите? Нарочный нужен? А то мой сынок старший съездит, коли недалеко.

— Иди, не мешай, — нелюбезно отозвался постоялец.

— А, так сами поедете? — не отставала она. — Так еще слабенький поди, столько в беспамятстве пролежать!

Не откладывая перо, Алигьери левой рукой порылся в сумке и достал золотой флорин. Крестьянка сразу подобралась, даже руки в кулаки стиснула.

— Что нужно сделать, господин? — бодро спросила она, не отрывая взгляда от новенькой блестящей монеты. — Любой еды, вина можно.

Он молча сунул ей монету, продолжая лихорадочно записывать стихи. Никогда еще ему не писалось с такой скоростью. Хозяйка истолковала молчание по-своему:

— Вот только, ежели развлекаться — так у меня муж есть. Прибьет меня и дело с концом. Хотя он иногда в город ездит.

— Иди, я уже нашел себе развлечение, — сказал ей Данте. — Ну?

Последнее слово он произнес на редкость убедительно. Предприимчивую тетку как ветром сдуло.

Бывший приор Флоренции лежал в бедной лачуге, на не очень чистой соломе, но уже не замечал этого. Руки его нервно комкали бумагу, а мысли снова бродили в опасном лесу. Невнятным шепотом он пытался докричаться до Вергилия, кроме него никто не сможет указать верный путь...

*«О вещей муж, приди мне на подмогу,
я трепещу до сокровенных жил!»^[58]*

Словно игральные кости, из глубины сознания выпали рифмы — «дорогу» и «логу»:

*«Ты должен выбрать новую дорогу, —
Он отвечал мне, увидав мой страх, —
и к дикому не возвращаться логу,
Волчица, от которой ты в слезах...»^[59]*

Неслышной тенью в комнату проскользнула хозяйка с кружкой молока и большим ломтем хлеба. Не поскупилась на белый. Он взял ломоть не оборачиваясь. Она что-то бормотала. Как некстати. Только сейчас ему послышался голос Вергилия, глухой, будто доносящийся из-под тяжелой плиты четырнадцати веков. Несносная женщина, разглядев невидящий взгляд постояльца, испуганно ретировалась.

— Я тут еще поживу у вас, — сказал он ей вслед, — пока что...

Дни сменялись ночами, за первым золотым флорином последовал второй, а Данте не спешил покидать своего случайного пристанища. Странная игра захватила его полностью. Он угадывал и воплощал строение ада, прописывая мельчайшие подробности. Осталось только заселить его... Кем же? Великими грешниками прошлого? Разумеется. Но этого мало.

Перед внутренним взором встало надменное лицо папы Бонифация. Он что-то говорил, сжимая в руках скипетр и державу. И вдруг черты его словно подернулись пеплом, руки безвольно обвисли и все тело, увлекаемое неведомым вихрем, понеслось и втянулось в черную дыру перевернутого конуса. Сильное смешанное чувство охватило Данте. Радость мщения, ужас при виде гибели человека, торжественный строй вершащейся справедливости. И пугающе-пьянящее ощущение собственного влияния на происходящее. Будто в детстве, у тайной ямки под лимонным деревом, которого уже не существует...

*

За дверью послышались решительные, явно мужские шаги.

«Хозяину тоже денег захотелось?» — с раздражением подумал Алигьери.

— Ха-ха-ха! — раздалось с порога. — Твои пути снова проходят через мои земли? Это уже входит в обычай, и весьма неплохой, по моему мнению. Приветствую тебя, первый поэт Флоренции!

— Мессир Гвиди... — Данте растерянно отряхивал солому с поизносившегося дорогого костюма. — Но как вы узнали, что я здесь?

— Почему бы мне не знать, что творится в моих владениях? А я еще к тому же интересовался твоей судьбой. Ты очень вовремя уехал.

— Еще бы, — вздохнул Алигьери, подвигая графу кособокую скамью, — если твой злейший враг пришел к власти...

Гвиди задумался, сдвинув и без того сросшиеся брови:

— Ты имеешь в виду Корсо Донати? Нет, он никогда не станет вашим

подеста — кишка тонка. Отравить кого-нибудь или из подворотни ночью напасть — это ему под силу, но не больше. К тому же флорентийцы решили вернуться к старинному обычаю: не выбирать градоначальника из числа горожан. Подеста уже назначен мессир Канте Габриэль ди Губбио.

— Так может... — В глазах изгнанника затеплилась надежда.

Но мессир Бартоломео тут же разрушил ее:

— Ди Губбио не лучше Донати. Он славится жестокостью. Но вам, мессир Алигьери, должно быть безразлично, при каком подеста вас сожгут на костре.

Данте непонимающе посмотрел на графа:

— Вы шутите?

— К сожалению, нет. Ты теперь — политический преступник. К твоему дому приезжал главный флорентийский герольд Кьяро ди Кьяриссимо и под звуки серебряных труб огласил приговор.

— И в чем же конкретно меня обвиняют?

Бартоломео насупился:

— Список велик. Среди главного — утаивание денег, принадлежащих коммуне, и употребление их для организованного сопротивления понтифику.

— Что?! — воскликнул Данте. — Это клевета. Никаких денег коммуны я не утаивал. Я просто был против того, чтобы их отдавали папе. У нас и своих трат хватает.

— Опрометчивое заявление, — заметил граф, — но это еще далеко не всё. На суде отмечалось, что приор Алигьери стремился всеми силами помешать приезду господина нашего Карла Валуа, а также пытался нарушить мирное состояние города и внести разлад в партию гвельфов.

— Партия разделилась на черных и белых без моей помощи, — начал было Данте, но замолк. Разве Гвиди требовал этих бессмысленных оправданий?

Граф между тем подошел к грубо сколоченному столу, на котором лежали исписанные листы, и начал перебирать их. Алигьери хотел возмутиться, но передумал. В конце концов, Гвиди — не враг, и к тому же знаток поэзии. А поклонники творчества нужны изгнаннику — золотых флоринов хватит ненадолго.

— Хм! — произнес граф тоном крайнего удовлетворения. — Да тут, я вижу, нечто весьма годное!

«Годное? — растерянно подумал Данте. — Кому же могут пригодиться странные стихи о путешествии в ад?»

Он приподнял голову и присмотрелся. Гвиди рассматривал вовсе не

описание странного леса с волчицей и Вергилием. Он держал в руках последний листок, исписанный сегодня утром. Там, еще не обработанное до конца в стихи, было запечатлено странное предрассветное видение. Огненные ямы, из которых торчали ноги грешников, причем грешников особых — сидевших при жизни на Святом престоле.

*Торчали ноги их из каждой ямы,
До самых икр, а остальная часть
Была внутри, и все с такою силой
Горящими подошвами сучили,
Что крепкие на них веревки порвались бы...
Над ямою склонившись, я стоял,
Когда один из грешников мне крикнул:
«Уж ты пришел, пришел ты, Бонифаций?
Пророчеством на годы я обманут:
Не ждал, что скоро так насытишься богатством,
Которое наградил ты у Церкви,
Чтоб растерзать ее потом!»*^[60]

Гвиди усмехнулся и подмигнул:

— Теперь ты можешь с легким сердцем навсегда забыть жестоких и несправедливых гвельфов. За такие стихи гибеллины тут же признают тебя своим.

— Я не собираюсь публиковать их, — возразил поэт.

Граф бросил на него пронзительный взгляд из-под сросшихся бровей:

— Драгоценный мессир Алигьери! Я мог бы поверить твоим словам, будь ты тихим домоседом, живущим за счет своего имения. Но когда такие строки пишет человек, достигший определенного успеха на политическом поприще...

— Вы смеетесь? — горько вздохнул Данте. — Политика лишила меня всего — благополучия, положения в обществе, семьи и даже родины!

— Это может быть поправимо, — уклончиво отозвался Гвиди. — Сейчас многие достойные люди собираются под знамена императора. Если сделать правильный выбор и стать глашатаем дум...

Алигьери резко протянул руку и пододвинул к себе бумагу, сложил ее в стопку, покрыв сверху чистым листом.

— Благодарю за совет, — сказал он, — однако становиться чьим-либо придворным поэтом не входит в мои планы. Скорее уж я пополнию ряды

сражающихся за императора. Мой уважаемый предок Каччагвида явил собой прекрасный пример не только для меня, но и для всего моего рода. А вы, граф, по-видимому, перестали держать нейтралитет, раз так убежденно показываете симпатии к гибеллинам?

Гвиди пожал плечами:

— Вовсе нет. Просто много путей проходят через мои земли. А еще я люблю поэзию и мне жаль хорошего поэта, попавшего в беду. Так что вспомни мой совет, если придется трудно.

С этими словами он вышел, оставив Данте в тягостном раздумье. Честно говоря, хозяин здешних земель говорил правильные вещи. Изгнанника ожидало полуголодное существование, если не хуже. Он принадлежал к книжникам, такие люди находили себя в преподавании. Но для успеха в подобной деятельности требовался диплом, а мессир Алигьери так и не завершил образования в Болонском университете. Как раз политические пасквилы и могли принести ему нужность для сильных мира сего, которая непременно выразилась бы в материальной поддержке. Да и по своим взглядам не признающий светскую власть папы Данте более походил на гибеллина, нежели на гвельфа... И все же речи Бартоломео Гвиди его не убедили. Уж слишком мелким и суетным выглядело это ангажированное твяканье по сравнению с ужасной и величественной красотой адских картин, являвшихся ему теперь ежедневно.

«Нет уж, — прошептал он, — не ты вложил мне в сердце этот дар и не тебе дано им распоряжаться!»

Он обращался вовсе не к Гвиди.

В ответ послышался тихий отрывистый звук — то ли короткий вздох, то ли усмешка...

Глава двадцать девятая

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Быстрым решительным шагом, будто она и не жена государственного преступника, держа под мышкой увесистый сверток, Джемма подходила к суровому монументальному дворцу Барджелло. Увидев стражника, она потупилась на несколько секунд — ради приличия, — потом бросила на него возмущенный взгляд из-под платка.

— Пропустите! Мне нужно к мессире Канте Габриэлю ди Губбио.

— К подеста?! — удивленно переспросил привратник. — Он ждет вас?

— У меня к нему дело, — сказала Джемма столь уверенно, что стражнику послышался утвердительный ответ на его вопрос.

Прямая, словно струна, не оглядываясь по сторонам, она быстро пересекла пустую залу и поднялась по лестнице, моля Бога найти ди Губбио как можно быстрее, пока ее не выдворили отсюда. Она не очень хорошо представляла себе, о чем будет говорить. Приходилось уповать на помощь Бога. Еще одна трудность заключалась в том, что Джемма не знала подеста в лицо.

Послышались шаги и звуки разговора. Все ближе. Женщина быстро отступила в тень. Один голос был басовитый, будто воркующий, он уговаривал... уговаривал не гнушаться помощью таких людей... потому, что такие люди, как Корсо Донати... Второй, высокий, отрывистый, отвечал уклончиво. Его обладатель явно не чувствовал особых симпатий к Большому Барону.

Беседующие прошли мимо мадонны Алигьери и остановились за углом. Бас поворковал еще немного, наконец закончил:

— Что ж, не смею утруждать вас более, мессир ди Губбио. В конце концов, вам решать. Прощайте.

Джемма, зажмурившись, перекрестилась. Постояла мгновение с закрытыми глазами и решительно вышла навстречу возвращавшемуся подеста.

— Глубокоуважаемый мессир! Не откажите бедной женщине — жене бывшего приора Алигьери!

Подеста имел вид вовсе не величественный. Небольшого роста, с желтоватой нездоровой кожей и бегающим взглядом.

— Пришла просить о прощении для мужа? — пробурчал он. — Не

получится. Его вина слишком велика.

— Милостивый синьор! У меня и в мыслях такого не было! Я всего лишь женщина и ничего не понимаю в мужских делах. Если осудили — значит, задело.

Ди Губбио взглянул на нее с легким любопытством:

— Вот как? А зачем пришла?

— Чтобы подарить вам вот это. — Джемма развернула сверток, оказавшийся роскошным гобеленом, изображающим льва на охоте.

— Хм. — Градоначальник удивился. — Чем обязан таким вниманием?

— Я хочу просить вас остановить несправедливость, — быстро заговорила она. — По закону имущество моего мужа подлежит конфискации, только оно на самом деле не его. Это — мое приданое.

Подеста усмехнулся:

— Ну уж не всё, наверное. Тебя бы не выдали за нищего.

— У мужа был только один дом и ничего больше.

— Ну это надо выяснить. Может, мессир Корсо Донати посвидетельствует на процессе.

— Милостивый синьор! Мой родственник также не имеет к этим домам и землям никакого отношения. Все досталось мне по материнской линии из семьи Вернани.

— Интересно как... Проверить нужно...

— Я молюсь о благе нашего города, — тихо, но отчетливо произнесла Джемма, — может, какой-нибудь из моих домов стал бы полезным для городских нужд, а не для... нужд мессира Корсо Донати?

— Ты, видно, сильно любила мужа, раз осмеливаешься так поступать с Корсо? Не боишься?

— Нужно бояться только Бога, — твердо сказала Джемма. — А Бог... он не поддержит того, кто вытащил сестру из монастыря и отдал своему дружку замуж.

Ди Губбио помолчал, разглядывая гобелен. Потом сказал:

— Дом, в котором ты жила с мужем, спасти не получится. Завтра его разрушат. Но можно ведь жить и в других... твоих домах? Иди, не бойся, ты достаточно богата и умна.

— Я буду молиться за вас! — горячо прошептала Джемма его удаляющейся спине.

...Детей она перевезла к матери еще до оглашения заочного приговора. Слава богу, погрома они не видели. Но сейчас ей захотелось зачем-то в последний раз посетить разоренный дом мужа, пока его не сровняли с землей.

Она выскользнула за ворота и привычным быстрым шагом пошла по переулку.

— Мама! — послышался сзади истошный крик. — Ты домой пошла? Возьми меня!

— Зачем тебе, Антония? — Джемма сердито выдирала юбку из цепких девчоночьих пальчиков. — Мы больше не будем там жить. Наш дом теперь здесь.

— Я должна найти свою Люцию!

— Какую еще Люцию?

— Куклу.

— Вот еще глупости. Иди к бабушке, я сама найду.

Антония разрыдалась:

— Ты забудешь! Ты всегда про нее забываешь! Вот только сейчас сказала: «Какую еще Люцию?» И еще ты не пускаешь нас к папе! Пошли, — я хочу поговорить с ним!

— Его нет там, — сердито буркнула Джемма.

— Я не верю тебе! — всхлипывала девочка. — Ты всегда была злая!

Мадонна Алигьери вдруг схватила ребенка за руку и потащила за собой:

— Хорошо, пойдем. Я не хотела тебе показывать. Увидишь — поймешь сама, что у нас теперь ни отца, ни дома!

Почти бегом они достигли знакомого квартала. Из придорожной канавы торчало поломанное лимонное дерево. В его пожухлых ветвях запуталось что-то темное, склизкое. Джемма знала, что это один из ее гобеленов, но даже и не подумала спасти его. Крадучись, будто воровки, мать с дочерью проскользнули в перекосившуюся дверь. Внутреннее пространство оказалось незнакомо гулким, из-за отсутствия ковров. Дойдя до кабинета Данте, они остановились. Наступила мертвая тишина. Лишь Антония изредка сдавленно всхлипывала. И вдруг обе услышали скрип входной двери.

«Грабители, — подумала Джемма, — найдут нас и убьют, а то и чего похуже».

Сделав предостерегающий знак дочери, чтобы не шумела, она повела девочку в бывшую детскую, располагавшуюся под самой крышей. Им удалось пройти почти бесшумно, но на самом верху крутой лестницы Антония споткнулась и упала. Зажав ей рот, чтобы не закричала, мать подхватила ее и втащила в детскую. Они сели на пол, прижавшись друг к другу, и стали прислушиваться.

Снизу доносились тихие осторожные шаги, но разговоров не было

слышно. Внезапно Джемма вспомнила, как она носила первенца, Якопо, и покойная мадонна Лаппа не пускала ее в эту комнату из-за слишком крутой лестницы. Рассказывала, что, когда Данте был маленьким, его няня сломала шею, поскользнувшись на этих ступенях.

Шаги теперь слышались ближе. Кто-то поднимался на второй этаж. Скрипнула дверь кабинета. Человек потоптался на пороге, снова подошел к лестнице.

— Джемма! — раздался тихий оклик.

Значит, это не грабители. Они бы не пошли в разоренный дом, зная, что там хозяйка. Кто-то специально следил за мадонной Алигьери. Она даже подозревала, кто это мог быть.

— Лаиса, ты? — нарочито громко и радушно отозвалась Джемма, будто приветствовала гостью, пришедшую на пирог. — А мы ищем куклу.

— Мама, мы ее вовсе не ищем! — сердито прошептала Антония.

Мать, не слушая ее, продолжала:

— Поднимайся, твоя помощь нам пригодится!

Верная подруга подобрала тяжелые юбки и, кряхтя, полезла по крутым ступеням. Джемма действительно бросилась рыться в сундуке с детскими вещами, но кукла не находилась. Лаиса между тем поднялась, но в комнату входить не спешила. Она встала в дверях, оперевшись о косяк, и занялась своим любимым делом — жалеть подругу:

— Кариссима, все же тебе не повезло с мужем. Я еще тогда, в детстве говорила тебе: смотри, какой он странный. А ты мне — хоть сумасшедший, зато мой, помнишь, небось?

— Сумасшедших не избирают приорами. — Джемма с остервенением перебирала заношенные тряпки. Все, что поновее, она успела увезти еще до погрома.

— Да иногда быть сумасшедшим-то и лучше, — продолжала рассуждать добрая подруга, — какой спрос с безумца? А сейчас тебе аукнется до седьмого колена, уж будь уверена, и детей выгонят и все ваши дома порушат.

— Мама! Там Люция! — закричала Антония. — Я видела ее синий башмак!

Девочка выхватила куклу и прижала ее к груди.

— Ну что же, поблагодари Бога и пойдем домой, — ровным голосом произнесла мадонна Алигьери. Лаиса отодвинулась от двери, но спускаться не начала.

— Это куда же «домой», деточка? — спросила она своим особенным приторно-ласковым тоном. — У вас больше нет дома. Его разрушат завтра,

я слышала, об этом кричал глашатай на Меркато-Веккьо. А вы будете ютиться у родственников, а потом, когда твои братья подрастут — их выгонят вслед за отцом.

В виски Джеммы набатом заколотила кровь. Сквозь гул донесся голос умершей свекрови, мадонны Лаппы: «Не ходи там, закружится голова у ступеней, и не дай бог тебе такой ужасной кончины, как у нашей бедной Паолы».

Джемма сделала шаг к краю лестницы, у которого стояла Лаиса, и, слабо ахнув, резко, как подрубленное дерево, свалилась на подругу. Та не удержалась на ногах и полетела вниз. Раздался истошный крик, потом воцарилась тишина, прерываемая всхлипами Антонии. Девочка села на корточки рядом с матерью, лежащей на краю лестницы, и прерывающимся голосом спрашивала:

— Мама... ты живая? Мама...

Внизу застонала Лаиса:

— О! Что с моей ногой? Она вывернулась. О-о-о! Как мне перенести это? Я не могу ходить.

Джемма не отзывалась. Лаиса, стеная, подползла к ней и ощупала.

— Вероятно, твоя мать умерла от разрыва сердца, — сообщила она. Девочка зарыдала.

— Нет. Я жива, — слышался слабый голос мадонны Алигьери, — мне просто дурно стало... Что с тобой, Лаиса? Ты ушиблась?

— Я, наверное, сломала ногу. О-о-о! — опять застонала подруга. — Но главное, ты, кариссима, не умерла. О! Даже представить страшно, что бы стало с твоими детишками, останься они круглыми сиротами — без отца, без матери.

— Бог милостив. — Джемма медленно встала и склонилась над подругой: — Бедняжка Лаиса! Твоя нога выглядит просто ужасно! Придется тебе пока побыть здесь, а я сбегаю за лекарем, да еще здесь надобно несколько крепких мужчин, чтобы отнесли тебя на руках. Пойдем, Антония!

— Не оставляй меня здесь! — закричала Лаиса. — Мне страшно здесь, я умру!

— Как же я позову на помощь, оставаясь здесь? — пожала плечами Джемма, осторожно спускаясь по крутой лестнице.

— Надеюсь, ты вернешься быстро. О-о-о! — опять застонала Лаиса. — Кариссима, ты ведь не бросишь меня здесь? — испуганно и жалобно спросила она, прислушиваясь к затихающим внизу шагам. Она попыталась подняться, ногу снова пронзило нестерпимой болью.словно в ответ

противно закололо в груди. Уже не сомневаясь, что ее бросили умирать в пустом доме, Лаиса начала кричать — сначала неуверенно, потом все громче. Никто не отвечал. Квартал, где стоял дом Алигьери, отличался малолюдностью. Женщина быстро сорвала голос. Тогда она встала на руки и здоровое колено и осторожно перевалилась на ступеньку пониже. Получилось терпимо, правда, следующая попытка вновь заставила ее стонать. На третьей ступеньке колено соскользнуло, и она сильно ушибла здоровую ногу. Тогда в отчаянии она перестала двигаться и начала молиться.

Мадонна Алигьери с дочерью торопливо шли по переулку.

— И хорошо, что этого дома завтра не станет, — говорила Джемма с несвойственной ей живостью, — сломают эту ужасную лестницу, люди больше не будут разбиваться на ней.

— Мама, а ты хотела убить мадонну Лаису? — робко спросила Антония.

— Что у тебя в голове, ужасный ребенок! — закричала та и отвесила дочери оплеуху. — Как ты можешь говорить такое родной матери?

— Просто она ведь злая и мучает тебя, — прошептала девочка еле слышно, потирая щеку. — Я подумала...

— Убийство — страшный грех, — отдельно и четко проговорила мадонна Алигьери, — тот, кто убьет — отправится в ад, и никакие молитвы не спасут его. Запомни это. И убивать я ее вовсе не хотела, просто мне стало дурно от ее болтовни. А сейчас поторопись. Мы должны ей помочь.

...Лекарь наложил повязку, закрепив сломанную кость мадонны Лаисы. Четверо сильных молодых мужчин положили даму на носилки и осторожно понесли домой. Мадонна Алигьери шла рядом, держа подругу за руку.

— Кариссима, мне так страшно, — вдруг тихо сказала Лаиса. — Я же совсем одна. Муж умер, сыновья разъехались.

— Я не покину тебя, — весело сказала Джемма. — Буду приходить каждый день. Тебя будет кому пожалеть.

...Нога Лаисы срослась неправильно, ее пришлось снова ломать, потом началось воспаление. Бедная женщина исхудала от страданий, еле выжила и смогла ходить потом лишь с клюкой. Все эти долгие месяцы Джемма ходила к Лаисе, будто на службу, помогая служанке ухаживать за больной, причем делала это самоотверженно. Каждый ее приход начинался с экспрессивного воззвания:

— Бедная, бедная моя Лаиса!

Проговорив это, мадонна Алигьери снова превращалась в обычную

сдержанную Джемму и кротко терпела Лаисину невыносимую болтливость. Правда, та больше не осмеливалась учить жизни подругу, отводя душу обсуждением недостатков различных соседок.

Глава тридцатая

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В последние годы XIII века (а точнее, с понтификата Бонифация VIII, 1294 год) враждебность по отношению к власти Святого престола вышла за пределы борьбы двух итальянских политических партий. К конфронтации подключилась Франция. В результате этого в 1303-м папа Бонифаций VIII оказался в плену у короля Филиппа IV Красивого, после чего скончался. Следующего папу, Климента V (1305–1314), вынудили покинуть Рим. Он поселился в Авиньоне в печальном статусе пленника французской короны, с этого момента начался странный период в жизни папской империи, вошедший в историю как Авиньонское пленение.

Конечно, папы в Авиньоне были далеко не в реальном плену. Это более походило на грамотный политический ход: обменять привилегии на сотрудничество с французскими королями, которые тогда имели огромное влияние в Европе. Папы оказались как бы послами и выразителями воли этих королей, они исполняли их важные дипломатические миссии. На рейтинг Святого престола эта ситуация повлияла двояко. С одной стороны, папство как институт сильно сдало свои позиции в политической жизни Европы. С другой — внутрицерковный авторитет при поддержке статусных королей усилился.

А что же происходило в Вечном городе, покинутом понтификами? Там начались беспорядки. Давняя борьба за власть между двумя самыми знатными родами — Орсини и Колонна вылилась в гражданскую войну. Затем Рим покорил император Генрих VII, но ненадолго. После его изгнания произошло общегородское восстание граждан во главе с Кола ди Риенцо, патриотом города. Он был настоящим гуманистом. Дружил с Петраркой и первым в истории начал бороться за идею объединения всей Италии вокруг Рима. Современные итальянцы чтут его память: на Капитолийском холме ему как национальному герою поставлен памятник.

Авиньонское пленение закончилось в 1377 году, когда папа Григорий XI вернулся в Рим. Но спокойной жизни Святому престолу это не принесло. Уже через год начался Великий западный раскол, когда конкурирующие папы, один в Авиньоне, другой в Риме, поделили между собой весь католический мир. Можно представить, сколько сложностей это внесло в дела Церкви. Пришедший в 1389 году к власти папа Бонифаций IX

(1389–1404), пытаясь хоть как-то выправить сложившуюся ситуацию, предложил, чтобы Римом управляли три выбранных консерваторами гражданских лица. Для этой «троицы» на Капитолийском холме даже выстроили специальную резиденцию — поныне существующий величественный Дворец консерваторов. К сожалению, попытка добавить объективности завершилась очередными беспорядками. В городе началось запустение, вскоре Рим был захвачен войсками короля Неаполя Владислава, это привело к всплеску очередной волны насилия, беззакония и грабежей. Но все-таки Святой престол выжил. После Собора в Констанце в 1417 году удалось выбрать кандидата, признанного всеми враждующими сторонами. Им стал Мартин V (1417–1431), при котором Вечный город смог возродиться. И тогда началась новая счастливая эпоха бурного развития литературы, искусства и архитектуры.

Возможно, Бонифаций VIII предчувствовал этот более чем вековой период несчастий и разорения Рима. Поэтому и умер, не пережив унижения Святого престола.

*

В один из сентябрьских дней 1303 года Джемма, как всегда, пришла к подруге со свертком еще теплых пирогов. Лаиса стояла у окна, опираясь на клюку, с выражением ужаса на постаревшем лице.

— Кариссима, ты слышала? Грядет конец света. Французы подожгли Рим и взяли в плен папу.

— Бог милостив, — тихо сказала мадонна Алигьери, разворачивая снедь. — Помолимся за святейшего отца, чтоб ему хватило сил вести себя достойно.

Вечером того же дня к матери Джеммы заявился пьяный Корсо Донати. Он требовал выпить с ним заупокойную чашу за великого человека. Услышав его голос еще с улицы, Джемма поспешно затворилась в своей комнате.

Мадонна Донати приказала служанке налить гостю лучшего вина, сама же пить отказалась.

— Я ведь не знаю твоих друзей, досточтимый племянник. И вообще по мне так лучше заказать по ушедшему поминальную мессу, чем пьянствовать.

— Глупая женщина! — прохрипел Большой Барон. — Он такой же твой друг, как и мой! Вчера скончался человек, прославивший наш род на

века, человек, за которого я бы с радостью отдал свою жизнь, если бы только оказался в нужный момент поблизости. О, зачем меня не было в Риме?

Джемма, сидя в своей бывшей детской, напряженно прислушивалась к басовитому рокотанию ненавистного голоса. Вдруг послышались быстрые шаги и в комнату вошла мать:

— Дочка, выйди к столу, пришел Корсо, он говорит, что в Риме умер папа.

— Зачем мне ради этого выходить, мама? — поинтересовалась Джемма.

Мать сердито шикнула:

— Ты что? Он разозлится, если ты не придешь.

С безупречной осанкой и непроницаемым выражением лица Джемма поклонилась троюродному брату. Его лицо выглядело багровым от вина, но он продолжал жадно пить.

— Тебе уже сказали, сестрица? — прохрипел Большой Барон. — Звезда нашего рода закатилась. Но зато он показал всем, чего стоит. Когда они подожгли замок, он воссел на Святой престол в полном облачении. И так, с ключами святого Петра, встретил их. И сказал им... Да, сказал — им самим пришлось запомнить его слова: «Если я стану жертвой, как стал Господь наш, Иисус, то я встречаю смерть с радостью».

— Они убили папу? — вырвалось у Джеммы, хотя она и не собиралась разговаривать с братом.

— Убили... Да. — Корсо поперхнулся вином и закашлялся. Приступ оказался таким долгим, что мадонна Донати уже хотела бежать за лекарем. Наконец Большой Барон отдышался и продолжил: — Они убили его, только не мечом, а унижением и поруганием. Этот французский прихвостень Гийом Ногаре не постыдился дать пощечину... кому?! Самой матери-Церкви! Папа не смог перенести этого и вчера отошел к Богу. Теперь для нас грядут черные времена.

Мадонна Алигьери потупилась так сильно, что подбородок ее уперся в грудь. Она боялась, что Корсо прочтет в ее взгляде ликование.

— Скоро... да, скоро белое станет черным, а черное белым, — бормотал Корсо. — Слушай, сестренка! — вдруг выкрикнул он. — Пока я еще силен, сделаю для тебя кое-что приятное. Добьюсь, чтобы твой брак признали недействительным, и выдам тебя замуж за нормального мужика.

— Как это возможно? У нее трое детей, — осмелилась подать голос мадонна Донати.

— А! Тетка! Ты уже так стара, что ум, видать, слабеет. Запишем твою

дочку вдовой. Кстати, недалеко от истины. Ее супруг уже почти что в гробу, ибо перешел к гибеллинам и собрался воевать... Ха-ха... Он думает, будто можно скрипеть пером, сидя на скамье, а потом вдруг взяться за меч! Хе-хе-хе!

Джемма стиснула зубы и сжала губы, чтобы, не дай бог, не поддаться гневу и не ответить Большому Барону. Она не имела права рисковать жизнью детей.

На следующее утро мадонна Алигьери собрала вещи и переехала в самый дальний из сохранившихся домов мужа. Он стоял неподалеку от городских стен. Жили в том районе в основном ремесленники и всякий подозрительный люд, но Джемме это беспокоило гораздо меньше, чем внимание троюродного брата. Она попросила мать говорить всем, что они уехали в Лукку к богатому дяде мужа, и жила на новом месте, стараясь не обращать на себя внимания. Но все равно каждую ночь ей чудились стук в дверь и грубый бас Большого Барона.

...Между тем опустевший Святой престол занял Бенедикт XI, который не стал поддерживать ни гвельфов, ни гибеллинов, но, наоборот, собрался примирить воюющие партии. В знак своих свободных взглядов новый понтифик не побоялся назначить кардиналом одного из сторонников императора, гибеллина Никколо да Прато, которого тут же послал наводить порядок во Флоренции.

Джемма узнала эти новости от служанки матери и затаилась, моля Бога, чтобы мужа вернули прежде, чем он погибнет в каком-нибудь сражении.

Данте тоже надеялся на да Прато. Он написал ему канцону о трех добродетелях, которые бродят, будто нищенки, отвергнутые всеми. Три дамы — Справедливость, Правда и Законность... этой горькой аллегорией поэт хотел обратить внимание кардинала на флорентийские беды, но в итоге оказался пророком новой несправедливости.

Никколо да Прато действительно приехал и старательно проводил переговоры со многими влиятельными людьми, но ситуация запутывалась все больше.

Подеста Флоренции ди Губбио с самого начала не поддерживал Большого Барона, с помощью которого пришел к власти. А к моменту приезда папского кардинала партия черных гвельфов и вовсе распалась надвое, поскольку у Корсо Донати появился мощный соперник — мессир Россо делла Тоза. В то же время изгнанные белые гвельфы окончательно объединились с гибеллинами и стягивались под знамена императора Генриха VII.

Титаническими усилиями кардиналу да Прато удалось зазвать во Флоренцию 14 изгнанников из числа новообразованной белой гвельфско-гибеллинской группировки. Черные открыли им ворота, но встречали так холодно, что да Прато всерьез обеспокоился за жизнь приглашенных.

На переговорах Большой Барон сидел, развалившись, во главе стола и неучтиво выказывал удивление на все претензии изгнанников. Россо делла Тоза, терпевший ради переговоров общество Корсо, согласился с обоснованностью притязаний, но не выказал желания изменить что-либо.

Кардинал сидел среди них, умирая от стыда, и не мог ничего сделать.

К концу встречи Большой Барон посоветовал изгнанникам обратиться как можно скорее, если они дорожат своими жалкими жизнями.

— Как вы смеее?! — задыхаясь от возмущения, перебил его да Прато.

— Ради Христа, простите, ваше высокопреосвященство! — с наигранной горячностью отвечивал Корсо. — Но вы не знаете милой Фьоренцы, как знаем ее мы. Мы печемся лишь о ее благе, а оно невозможно, если эту благословенную землю будут топтать ноги нечестивцев!

Кардинал молча встал и, не прощаясь, вышел. Часом позже, когда он со своей свитой направлялся к резиденции, откуда-то из подворотни вылетела толпа оборванцев в масках, которые начали швыряться помоями и камнями. Да Прато и его люди, не готовые к нападению, метались по улице, пытаясь увернуться от ударов. Спас положение Большой Барон, появившийся верхом из ближнего переулка.

— Немедленно оставьте святого отца в покое! — грозно проревел он, и нападавших как ветром сдуло.

Кардинал, белый, как полотно, молча посмотрел снизу вверх на Корсо.

— Не стоит благодарности, — с наглой предупредительностью поспешил заявить тот, — хоть я и спас ваше высокопреосвященство.

— Я и не собираюсь благодарить, — отчетливо произнес да Прато.

В этот же день он покинул Флоренцию, не исполнив папского поручения. А вскоре и поручать стало некому. Бенедикт XI внезапно умер. По слухам, его отравил все тот же Гийом Ногаре, который послужил причиной смерти предыдущего папы. Бонифаций и Бенедикт проводили совершенно разную политику, но имели общий трон и общего врага — французского короля Филиппа IV Красивого.

Для Джеммы наступили черные дни. Она не смогла ужиться в бедном квартале — дети ремесленников постоянно колотили ее сыновей. Антонию пришлось забрать из школы после того, как она еле спаслась от пьяного насильника. Но мадонна Алигьери не хотела оставлять девочку

безграмотной, но и не хотела увидеть своих мальчиков калеками. После двух лет мучений она вернулась вместе с детьми в дом матери, надеясь, что Корсо не вспомнит о своей пьяной болтовне и оставит ее в покое. Однако ей не повезло. Уже на следующий день, рассматривая цветы в материнном садике, она услышала знакомый наглый голос:

— Э, сестренка! Какая встреча! Как дела? Все вдовствуешь?

— Слава Христу, мессир Корсо, — сдержанно, но учтиво ответила Джемма. — Я рада, что моя жизнь вам небезразлична, но, право, она не стоит вашего внимания.

— Ну почему же! — хохотнул Корсо. — Хотя нет, насчет жизни ты, пожалуй, права. А вот дома и земли, которые ты задумала умыкнуть у рода Донати, вполне меня интересуют.

— Они принадлежат роду моей матери, есть документ с печатью подеста, — тихо сказала мадонна Алигьери.

Большой Барон хмыкнул:

— Разумеется, сестрица! Но ты ведь — одинокая слабая женщина, ты не сможешь управиться с таким имуществом. А с мужем, которого я тебе присмотрел, дело пойдет веселее. Да и пареньков твоих, глядишь, дома оставят.

— Что вы такое говорите, мессир Корсо! — Джемма не замечала, что мнет пальцами самый красивый цветок. — Я никогда не выйду замуж при живом муже.

— Ну это можно исправить, — неожиданно спокойноотреагировал Корсо, — муженек твой, правда, больше мечом не машет, но по-прежнему сует свой нос, куда не следует.

Большой Барон расхохотался и, не попрощавшись, ускакал. Джемма швырнула на каменную дорожку кровавый комок, еще минуту бывший прекрасным цветком, и тяжело задумалась. Никаких способов защитить себя от посягательств ей в голову не приходило. Корсо боялась вся Флоренция. Единственный его соперник, Россо делла Тоза, вроде бы осмеливался не подчиняться Большому Барону, но с какой бы стати он стал помогать жене бывшего приора, попавшего в опалу? А что, если сделать вид, будто она согласилась с предложением Корсо, а потом, сославшись на нездоровье, откладывать свадьбу, а за это время попытаться узнать про Корсо нечто такое, что пригодилось бы Россо делла Тоза? Хотя, если Большой Барон захочет, он выдаст ее замуж и мертвую. А так ли уж надо противиться? Ведь за Алигьери ее тоже выдали безо всяких намеков на любовь.

И вдруг она вспомнила, как когда-то в прошлой жизни ее муж сидел во

дворе на скамейке, окруженный детьми, и рассказывал им устройство ада.

«Дьявол всегда все переворачивает. Поэтому ад представляет собой перевернутый конус. Чем глубже, тем меньше места для грешников. Так сделано потому, что самые страшные грехи встречаются гораздо реже обычных».

И тут же до нее донесся другой голос — ее собственный, старательно выговаривающий:

— Клянусь быть с тобой в счастии и несчастьи, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя до конца жизни моей...

...В это время в замке графа Гвиди ее супруг решал сложную и трудновыполнимую задачу: как, будучи изгнанником, принятым под кров из милости, произвести впечатление на юную белокурую особу, именуемую мадонна Пьетра. Он и в юности-то не слыл повесой. Сколько раз в Болонском университете ему доводилось пугать Чино да Пистойю своей задумчивостью, доходившей до того, что он переставал отзываться на вопросы. А теперь он к своему не самому удачному характеру еще и немолодой, бездомный, живущий фактически на подаяние. Но ангельские кудряшки никак не выходили из головы...

Он вскрикнул от неожиданности, когда в дверь постучали.

— Войдите...

И, не веря своим глазам, увидел белокурые пряди.

— Чем обязан? — выдавил он внезапно охрипшим голосом.

— Мне прочитали ваши стихи про ад, — сказал ангел, — я в удивительном восторге... я просто не знаю... не знаю... Боже, в ваших глазах бездна...

Сколько он потом ни вспоминал, но так и не смог понять, почему это юное существо оказалось в его объятиях...

...Джемма подняла раздавленный цветок и осторожно положила в траву.

— Но, Боже, — прошептала она, — молю, защити моих детей! Если я откажу ему — он может убить их.

И словно в ответ послышался крик Якопо:

— Мама! Что происходит? Там огромный пожар!

...На этот раз уже сами флорентийцы не могли разобраться, кто против кого воюет. Все улицы позапирали на цепи, на площади перед Барджелло, пугая всех, встала телега с городским знаменем как знак большой войны. Говорили, будто кто-то из черных гвельфов поддерживает французского короля и мутит воду, желая разорения милой Фьоренцы. Иные продолжали твердить, что все зло от гибеллинов, кто-то призывал просить защиты у

императора.

К матери Джеммы опять заехал Корсо.

— Ну как, сестренка, пойдешь замуж? — спросил он, пристально глядя на Джемму.

— Моя судьба в руках Божиих, — ответила она, — как Он сотворит, так и будет.

— Хм... — задумчиво произнес Большой Барон, — пусть так. Пока он сотворил твоему муженьку печальную участь. Он сейчас в Вероне, и туда за его головой поехали веселые ребята с большой дороги. Посмотрим... Мне дома твои не нужны, сестренка, я не нищий. Просто твой супруг руку на меня поднял, а я такого не прощаю. Потому на будущее счастье не надейся. Тот, за кого я тебя сосватал, чужих детей не любит. Да и жены у него мрут как мухи.

Он вышел, по обыкновению, не прощаясь. Джемма бросилась в свою комнату и упала на колени перед распятием:

— Боже! Не оставляй меня! Я правда не желала зла Дайсе, только хотела, чтобы она замолчала. Неужели ты накажешь меня так страшно?

*

В это время в Вероне ее муж уговаривал синьора города Бартоломео дела Скалу восстановить справедливость и помочь белым гвельфам. Немолодой правитель терпеливо выслушивал Алигьери, однако соглашаться не торопился.

— Твои стихи прекрасны, — наконец сказал он, — я бы с удовольствием сделал тебя придворным поэтом, но ты выбрал не самую лучшую партию.

— Даже если и так, — отвечал Данте, — с нами поступили несправедливо. Разве недостойно защитить угнетенных от произвола?

— Вы сами выбрали свою судьбу, — возразил синьор Бартоломео, — ваши идеи не вполне честны. Гвельфы всегда поддерживали папу — так делают и сейчас черные. Гибеллины — за императора. А вы? Сначала выступали за независимость своей республики, а теперь хотите пойти на нее войной.

— К прискорбию своему, вынужден со многим согласиться, — вздохнул Алигьери, — правда, мои личные воззрения отличаются от собратьев по партии. Мой идеал — императорская власть, подобная Римской империи прошлого. Это — настоящая земная власть, которой не

должен заниматься римский первосвященник. Таким образом, меня можно причислить к гибеллинам, просто по рождению я оказался гвельфом. Но все же: если белые гвельфы были бы совсем неправы, разве их поддержала бы Болонья?

— На словах, мой дорогой, только на словах, — усмехнулся правитель Вероны. — На деле же некоторые особенно шустрые болонцы охотятся за твоими товарищами по партии, дабы получить за их головы награду во Флоренции. Но я не говорю тебе «нет». Прежде, чем принять решение, я должен многое обдумать и кое-что узнать. Поэтому давай перенесем наш разговор на следующую неделю.

С чувством досады Данте вышел на улицу. Три дамы — Справедливость, Правда и Законность, — а существуют ли они в жизни или только в умах идеалистов?

Он шел по Рыночной площади, рассматривая кость какого-то непонятного животного, висящую в арке одного из домов. Солнце палило все ярче, направо манил прохладной тенью переулок. Алигьери завернул туда. У него оставалось немного времени. После обеда его ожидали занятия латынью с малолетними племянниками делла Скалы.

Шум он услышал в последний момент — видимо, за ним охотились и выскочили внезапно, из подворотни. Туда поэта и затащили, накинув заранее приготовленные веревки. Трое крепких мужчин с лицами, скрытыми масками, связали его, засунули кляп в рот и кинули на землю. Один куда-то убежал, двое остались караулить жертву.

— Убей меня Бог, не пойму, почему его не придушить, — сказал один, — там же навроде как только голова нужна.

— Не, этого целиком велели. Его жечь будут, видно, важная птица.

...Маленький игрушечный ад вырвался на свободу. Разрушив ямку под лимонным деревом, он начал расти, будто чудовищный гриб, и накрыл черным колпаком всю землю.

«Но это же грех — видеть такое? Или избранность?» — пронеслось у поэта в голове.

И тут же обозначился ответ: «Не ищи себе исключительных грехов. Сейчас тебя убьют и окажешься с обычными прелюбодеями за Джованну и мадонну Пьетру, с которой ты при живой жене...»

— Э! Он вообще жив? Кажись, дух испустил! — раздался голос.

Потом поэт ощутил удар в бок тяжелым ботинком. Он хотел дернуться и застонать, но у него почему-то не получилось.

— Ну тогда чего церемониться? — вмешался второй голос. — Руби голову и побежали, а то еще напоремся на кого-нибудь.

— Да не придет сюда никто. Это дом Большого Барона.

— А его что, знают тут? Это ж не Фьоренца.

— Какая разница — знают или нет, кто сунется в чужой дом?

Раздался топот.

— Э! — отдуваясь, крикнул третий. — Никто не приехал. Зато пока ждал, тут мною сильно заинтересовались. Утекаем, пока целы.

— А голову? Так и вовсе ни флорина не получим.

— Ну кто тут самый смелый? — спросил первый.

Данте, собрав все силы, выдернул себя из небытия и попытался резко подняться, но в ушах зашумело и он пошатнулся.

— Э! Он притворялся! Убить обманщика! — зашумели они, но не успели ничего сделать. Во двор ворвались два рыцаря в белых мантиях с красными крестами и пиками наперевес. Один из злоумышленников выхватил меч, двое других обратились в бегство. Храбрецу не повезло — его проткнули почти сразу.

— Идите с миром и будьте впредь осторожней, — сказал поэту один из всадников.

Второй прибавил:

— За вами явно охотились. Эти люди промышляют головами заочно осужденных. Они приносят их правителям и получают награду.

— Да благословит вас Бог за то, что спасли мне жизнь, — отвечал Данте, — но кто вы? Вероятно, тамплиеры, судя по вашему облачению.

— Да, мы рыцари Храма, — кивнул первый, — ну, с Богом.

...Вечером этого дня Алигьери снова сидел перед правителем Вероны, рассказывая о своих злоключениях.

— К сожалению, вынужден согласиться с вами, — закончил он свой рассказ, — белых гвельфов действительно не любят. Теперь я понимаю, почему вы не спешите помогать нам.

— Почему ты так решил? — возразил Бартоломео делла Скала. — Мне просто не особенно нравятся ваши идеи. Но вам мы поможем, потому что с вашими врагами — папа, а у нас с ним открытая вражда. Верона уже давно находится под интердиктом. У нас не совершают никакие таинства, кроме крещения, и прекращены все службы в церквях. Только францисканцы и причащают народ. Это вызывает у меня возмущение, а теперь я и вовсе взбешен. Какие-то облаглевшие охотники за головами орудуют в моем городе! Мы должны объединиться с Болоньей и дать разбойникам решительный отпор. А тебя ожидает радостная весть. За твою смелость, честность и принципиальность, а также мудрость и просвещенность я хочу назначить тебя советником. Отныне ты больше не будешь нуждаться и

получишь почет и уважение.

— Не знаю, как благодарить вас, мессир Бартоломео... — произнес Алигьери. — Обещаю служить верой и правдой.

— Мы будем готовиться к сражению. А ты пока отправляйся на виллу, поживи там немного и приведи в порядок мою переписку. Я пошлю за тобой гонца, когда ты мне понадобишься.

Данте отправился исполнять поручение. Ему выделили прекрасное жилье с видом на сад. Несколько раз в день приходил слуга с подносом изысканных кушаний. Через несколько дней письма были тщательно отсортированы, работа закончилась, оставалось только ждать гонца.

К концу недели пришел начальник стражи и попросил освободить комнату, потому что синьор Бартоломео скончался, а его преемник не нуждается в советнике.

Глава тридцать первая

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ АДА

В нашей художественной реконструкции биографии Данте есть линия мистики. В компьютерной игре «Dante's Inferno» это уже не мистика, а магия, и доля ее смысловой нагрузки в игре весьма велика, начиная от специфического оружия, о котором здесь уже говорилось, и заканчивая магическими качествами личности героя.

Цитируем описание игры, сделанное одним из геймеров — поклонников «Dante's Inferno».

«Оружие

Коса — это главное оружие ближнего боя. Им можно выполнять множество ударов. Главной веткой ее прокачки является порок.

Распятие / крест — оружие дальнего боя. При помощи его можно метать светящиеся силуэты крестов, которые наносят большой урон всем проклятым обитателям ада, его прокачивает ветка святость.

Реликвии

Помимо простой прокачки и магии, усилить вашего героя можно, надевая реликвии. Набор их в игре достаточно большой и каждая дает уникальные бонусы. Для применения их достаточно просто носить, но для этого нужно иметь определенный уровень порока или святости.

Я находил только те, которые требовали максимум пятый, а большинство первый или третий. Если надеть реликвию и носить, то она так же будет прокачиваться, повышая бонус. Каждая реликвия имеет три уровня прокачки.

Магия

На каждую ветку развития есть по четыре заклинания. Герой имеет всего четыре слота для использования. Ее можно изменить в любой момент игры.

Святость

Мученичество — урон в обмен на здоровье.

Праведный путь — рывок.

Божественная броня — защищает от урона.

Объятия небес — герой метает кристаллы света.

Порок

Грехи отца — кидает самонаводящийся крест.

Плод самоубийства — метает фрукт гнева, взрывающийся и оглушающий врагов.

Буря похоти — щит, наносящий урон врагам».

Можно предположить, что создатели игры сделали из нашего героя почти волшебника без всяких на то причин, только ради увеличения рейтинга их продукта. Но мы уже упоминали о свидетельстве Маттео Висконти на судебном процессе 1320 года. Маттео якобы обращался к Данте за помощью в наведении порчи на папу Иоанна XXII. И этот документ вовсе не единственный источник мистических домыслов вокруг имени поэта. Многие исследователи видели в его творчестве долю эзотеризма. Ставились вопросы: католик он или альбигоец и даже — христианин ли он или все-таки язычник?

Возможно, подобный путь в трактовании своего творчества Данте задал сам, например в этих строках из IX песни «Ада»:

*О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!*^[61]

А вот цитата из книги французского философа Рене Генона^[62] «Эзотеризм Данте»:

«В музее Вены имеется две медали, одна из которых представляет Данте, а другая — художника Петра из Пизы; обе имеют на оборотной стороне буквы F.S.K.I.P.F.T., которые Ару расшифровывает так: Frater Sacrae Kadosch, Imperialis Principatus, Frater Templarius. Для первых трех букв эта интерпретация явно не корректна и не обнаруживает вразумительного смысла. Мы думаем, что надо читать: Fidei Sanctoe Kadosch. Союз «Fede Santa», в котором, вероятно, Данте был одним из руководителей, был Третьим орденом (тринитариев), ведущим свое происхождение от тамплиеров, что и подтверждается названием «Frater Templarius» (храмовые братья), и его высшие чины носили титул «кадош» (древнееврейское слово, обозначающее «святой» или «посвященный»), сохранившийся вплоть до наших дней в высших степенях посвящения масонства. Отсюда ясно, что Данте не без основания в качестве гида в конце своего небесного путешествия берет св. Бернара, основавшего Орден тамплиеров. По-видимому, тем самым он хотел указать, что только через его посредничество в условиях его эпохи возможно получить доступ к высшей степени духовной иерархии».

Далее Генон приводит свои собственные «находки» мистической жизни Данте, обращая пристальное внимание на миры, описанные Данте, особенно «небеса» разных уровней. Генон предлагает считать их некими «духовными иерархиями» и степенями посвящения. В расшифровке своей идеи он доходит до каббалы и исламского эзотеризма.

Возможно, подобный ход мысли происходит из свойств личности самого Генона. В ранней юности французский мыслитель обучался в католической школе, затем, переехав в Париж, познакомился с оккультистом Жераром Анкоссом (Папюсом) и вступил в орден мартинистов, правда, ненадолго. Через несколько лет, в 1908 году, Генон участвовал в конгрессе масонов и спиритуалистов, а годом позднее получил сан «епископа» так называемой «Гностической церкви» под именем Палингениус (греческое слово «возрожденный», именно так переводится французское имя *Rene*). В том же году он выступает с собственным учением в журнале «Гнозис» («La Gnose», 1909–1912), а в 1910-м вплотную знакомится с суфийской традицией от арабского богослова Абдер Рахмана эль Ке-бира. Параллельно французский мыслитель интересовался традициями даосизма.

Примечательно, что все восточные учения он старался постигать не по книгам, а на практике, и даже добился посвящения в суфийский тарикат Шазилия под именем Абдель Вахид Яхья (Служитель Единого). При этом он вовсе не собирался переходить в ислам и заключил брак со своей избранницей Бертой Лури по католическому обряду.

Какими бы ни были духовные искания самого Рене Генона, он является достаточно крупной фигурой в истории философии, и его труды, несомненно, достойны внимания. К тому же в своих исследованиях он ссылается на других дантоведов. Посмотрим, какие еще нюансы «эзотеризма Данте» он описывает:

«Данте сам дал по этому поводу указание, достойное внимания: «Чтобы увидеть то, что подразумевается под третьим небом... говорю, что под небом подразумеваю науку, а под небесами — науки». Но каковы на самом деле эти науки, которые надо подразумевать под символическим обозначением «небеса», и надо ли видеть здесь намек на «семь свободных искусств», которые Данте, впрочем, как и все его современники, так часто упоминает? Так думать позволяет то, что, согласно Ару: «Катары в XII веке имели как знаки отличия или пароль астрологическую доктрину: свои посвящения они производили в день весеннего равноденствия; их научная система основывалась на учении о соответствиях: Луне соответствовала грамматика, Меркурию — диалектика, Венере — риторика, Марсу —

музыка, Юпитеру — геометрия, Сатурну — астрономия, Солнцу — арифметика, или Просвещенный Разум». Таким образом, семи планетным сферам, которые и есть семь первых из девяти небес Данте, соответствовали семь свободных искусств, в точности те же самые, имена которых мы видим на семи ступенях поднимающейся слева Лестницы Кадош (30 степеней шотландского масонства). Восходящий порядок в этом последнем случае отличается от предшествующего лишь перестановкой, с одной стороны, риторики и логики (которые заменены здесь диалектикой) и, с другой стороны, геометрии и музыки. Кроме того, наука, соответствующая Солнцу, — арифметика, — занимает ранг, который обычно принадлежит этой звезде в астрологическом порядке планет, то есть четвертый, середину седмицы, тогда как катары ее располагают на самом верху их Мистической Лестницы, как и Данте это делает для своей поднимающейся справа Веры (Emounah), то есть того самого таинственного «Fede Santa», в которой он сам был кадош».

Генон высказывает мысль, что «Божественная комедия» помимо своих прочих достоинств несет в себе тайную информацию для посвященных. Тогда сам образ ада трактуется, как профанный мир, Чистилище представляет собой место прохождения инициации, а рай, точнее, небо — цель, где пребывают совершенные, которым удалось довести свой разум и любовь до высшего уровня.

Французский мыслитель проводит параллели между строением дантовских небес и иерархией чинов шотландского масонства. Оно вело свое происхождение от тамплиеров, с которыми Данте точно был связан. Генон пишет, что «их собор, или капитул называется Третье Небо; что в качестве символа у них Палладиум или статуя Истины, одежда которой трехцветная, как у Беатриче, зеленая, белая и красная, что их Достопочтенный (титул которого Принц Светлейший, Его Превосходительство), держащий стрелу в руке и носящий на груди сердце в треугольнике, есть персонификация Любви; что мистическое число девять, которое «Беатриче особенно любила» (Беатриче, «которую следует назвать Любовью», — говорит Данте в «Новой жизни»), также предназначено для этого Достопочтенного, окруженного девятью колоннами, девятью подсвечниками с девятью ответвлениями и с девятью источниками света, возраст которого, наконец, восемьдесят один год (девять умножить на девять или, скорее, девятка в квадрате), и в то же время считается, что Беатриче умерла в восемьдесят первом году столетия».

Тщательно анализируя миры Данте, Рене Тенон приходит к выводу, что в произведениях нашего героя полно «отпечатков» ритуалов старинных

рыцарских орденов, связанных с традициями герметизма. Французский мыслитель подчеркивает, что во времена Крестовых походов отношения между христианской и мусульманской культурами было не только враждебным. Существовало активное интеллектуальное взаимодействие, в основном как раз при посредничестве ориентированных на мистику рыцарских орденов. Здесь интересен вопрос об этих орденах: почерпнули они свой эзотеризм на Востоке или же с самого начала имели какие-то свои «наработки», которые и вывели их на контакт с восточными эзотериками?

Не ради ли этих знаний Данте записался в цех аптекарей? Еще раз напомним: во Флоренции существовал цех правоведов, наш герой имел юридическое образование, пусть незаконченное, и не имел медицинского. Какова могла быть логика вступления в заведомо чужой ремесленный цех при наличии своего?

Эта логика очень хорошо согласуется с малоизученным, но все-таки бесспорным фактом взаимодействия нашего героя с орденом Храма, то есть с тамплиерами. Тем самым орденом, который был разгромлен католической церковью, конечно, и по сугубо мирским причинам богатства и власти, но также и по причине своего оккультизма. Среди множества обвинений, выдвинутых тамплиерам, были такие:

«священники ордена не освящали Святых Даров и искажали формулу мессы»;

«они поклонялись некоему коту, который иногда являлся им на их собраниях»;

«в каждой провинции ордена имелись идолы, а именно головы (трехликие, а некоторые с одним лицом) и черепа»;

«они почитали этих идолов, как представителей Бога и Спасителя»;

«идолы дали ордену все его богатства»;

«идолы заставляли землю плодоносить, а деревья цвести».

Закончим этот раздел еще одной цитатой из книги Рене Генона «Эзотеризм Данте»:

«Согласно Данте, восьмое небо Рая, звездное небо (или, скорее, небо неподвижных звезд) — это небо Розенкрейцеров. Совершенные одеты здесь в белое; здесь они обнаруживают символизм, аналогичный Рыцарям Герedom (Chevaliers de Heredom), последние исповедуют «евангелистическое учение» Лютера, противопоставляемое католическому римскому учению. Такова интерпретация Ару, со свойственным ему смешением двух областей, эзотеризма и экзотеризма. <...> Но мы должны сказать, что эти Роза и Крест (начала XVII века) были уж очень внешними и очень далеко отстояли от подлинных первоначальных Розы и Креста,

никогда не составлявших общества в собственном смысле этого слова. Что касается Лютера, то он, по-видимому, был всего лишь чем-то вроде второстепенного агента, без сомнения, весьма даже слабо осознающим роль, которую он должен играть; впрочем, это никогда достаточно полно не объяснялось.

Как бы то ни было, белая одежда Избранных, или Совершенных, очевидно напоминающая некоторые апокалиптические тексты, нам кажется в большей мере намеком на костюм тамплиеров».

*

Мадонну Алигьери всю ночь мучили кошмары. За ней гонялся дракон с огромным хвостом в виде жирной черной стрелы, с которой стекали капли яда. Она бежала крутыми опасными лестницами, перескакивала через заборы, но чудовище настигало. В какой-то момент она устала от преследования и, решив: будь, что будет, остановилась. Дракон занес над ней ужасный хвост, но не удержал равновесия и вонзил отравленный конец хвоста себе в бок.

Джемма проснулась в холодном поту и услышала за стеной ненавистный голос троюродного брата. В комнату заглянула мать.

— Долго спишь, что это с тобой? — нелюбезным голосом поинтересовалась она у дочери и прибавила: — Выходи скорей. Корсо у нас, хочет говорить с тобой. Лучше его не злить, сама знаешь.

Наспех собравшись с помощью служанки, мадонна Алигьери вышла к столу. Дети уже ушли учиться. В зале сидели лишь мать и троюродный брат. Большой Барон уже с утра казался нетрезвым, хотя настроение имел благостное.

— Ну что, сестренка! Твой благоверный пока что жив, но ему уж точно недолго осталось. Его крови теперь жаждут не только черные, но и белые.

Джемма сжала кулаки, чтобы пересилить внезапный озноб.

— Это почему же? — спросила она ровным голосом.

— Такой уж человек, хе-хе. — Корсо щелкнул пальцами, требуя у служанки вина. — В третьем году он уговорил белых воевать. Ну и что? Они собрались на Муджеланском холме, взяли Сан-Лоренцо, который смог бы взять и младенец, позвали себе в помощь болонцев и думали идти на Флоренцию. Только они забыли, с кем имеют дело. Я еще с Кампальдинского сражения затыкал таких за пояс целыми вязанками. Моя

тактика... впрочем, это не для глупых баб.

Он замолчал, почесывая начавшую сесть шевелюру. Джемма осмелилась повторить вопрос:

— Так из-за чего мой муж поссорился с белыми?

— Мы разбили их наголову. И потом еще раз. Они соединились с гибеллинами и собрались мстить, уже надеясь на императора. Хотя ему-то на них наплевать. И вот тут твой супруг посмел призывать их к миру. Он — никакой политик, все всегда делал некстати.

— Зачем вы говорите это мне? — спросила мадонна Алигьери.

— Затем, чтобы ты прекратила тешиться ожиданиями. Тебе не на кого надеяться, кроме меня. Поняла?

— И что мне с этим делать?

— А! По-другому заговорила. — Большой Барон выхватил кубок из рук служанки и, жадно всхрипнув, отпил. — Ничего особенного. Пусть дети, слышишь... пусть дети публично отрекутся от отца, а я позабочусь, чтобы их не изгнали.

— Нет, — обмирая от страха, но все тем же ровным голосом сказала Джемма. Большой Барон, не торопясь, допил кубок и хладнокровно метнул его в голову сестре. Она успела уклониться в последний момент, и летящий предмет лишь задел головную вуаль, чуть сдвинув ее на сторону.

— О Господи! — вскрикнула мать, подбегая к Корсо. — Вот страсти-то! Любезный племянник, видать, вино тебе пошло не на пользу. Ведь и брат твой умер от чрезмерного винопития! Вот ужас-то!

Мадонна Донати сама полезла под стол за кубком. Она решилась на эти телодвижения, чтобы как-то отвлечь Корсо от Джеммы. У нее получилось.

— Этот дурак Форезе? — прохрипел Большой Барон. — Да он и пить-то никогда не умел. Ну, бывайте, родственнички. Еще появлюсь у вас.

Пошатываясь, он удалился, а Джемма тихо, сказала себе под нос:

— Теперь и в Лукку не уедешь. Дядя умер.

— Да ничего он тебе не сделает, — торопливо успокоила мать, — только не раздражай его.

Мадонна Алигьери хотела сказать еще что-то, но промолчала.

После этого Корсо долго не приходил. Она думала, что его нет в городе, и даже стала понемногу о нем забывать, охваченная новыми заботами. Шел 1308 год. Пьетро уже исполнилось 15 лет, скоро такого же рубежа достигнет Якопо. А ведь детям изгнанника позволялось жить в городе лишь до пятнадцатилетия. Что же теперь будет? Джемма сначала думала снова пойти в Барджелло с гобеленом, попытать счастья. Но

молодость прошла, шансы на то, что ей помогут, упали. Можно только навредить делу лишним напоминанием. И она решила ничего не предпринимать.

И тут снова появился ее мучитель. На этот раз он не выглядел пьяным, но доброты ему это не прибавило.

— Вот что, дорогая, — начал он с порога, — есть у меня один преданный человек, которого я должен сильно отблагодарить. Немолодой, правда, да и ты уже не девочка. Не знаю, чем уж ты ему приглянулась, но он о тебе мечтает. Я пообещал, что ты к нему переедешь. Так что собирайся, а приплод можешь оставить здесь, я поговорю, чтоб их не трогали.

Мадонна Донати, слушавшая его из залы, не выдержала:

— Да что же ты продаешь ее, будто лошадь! Это ведь сестра твоя, хоть и троюродная!

— Да я и родную из монастыря замуж отдал, а то бы так и сидела до сих пор, четки перебирала.

— Пикарда хотела посвятить себя Богу! — не унималась мадонна Донати.

Большой Барон хохотнул:

— Хотела да перехотела. Еще мне спрашивать каждую бабу о ее желаниях. Даже с амвона говорят: женщина — вещь, необходимая мужчине для продолжения рода, так-то. В общем, собирайся, сестренка. Завтра к вечеру за тобой приедут.

Он ушел, не прощаясь, с грохотом закрыв за собой дверь. Десятилетняя Антония испуганно выглянула из детской:

— Мама! Куда он тебя повезет?

Ее бабушка, не сдержавшись, заплакала, но Джемма продолжала сидеть, сжав кулаки, прямая как палка.

— Меня никто никуда не повезет, — произнесла она совершенно спокойно.

Мадонна Донати тем временем начала метаться, собирая вещи.

— Оставь, — прервала ее мадонна Алигьери, — ну сама подумай: куда мы убежим? Кто поможет нам? Твои Вернани? Они сами разорились, да еще и погорели. Нам может помочь только род Донати, но никто не станет выступать против старейшины. Я остаюсь.

— Неужели ты... — ахнула бабушка. Девочка испуганно прижалась к ней.

— Нет, я не собираюсь грешить со слугой этого бандита. Я пойду к мессииру ди Губбио и возьму с собой Антонию. Надеюсь, вид невинной

девочки пробудит в нем милосердие.

Мадонна Донати поежилась:

— Люди говорят: ди Губбио еще хуже Корсо. К тому же он скоро покинет Флоренцию и тогда тебя вообще убьют.

— Уж этого я точно не боюсь, — пожала плечами Джемма и пошла перебирать свои гобелены.

Наутро они с Антонией, наряженные в лучшие одежды, шли к дворцу Барджелло. Мадонна Алигьери надела свою кисейную вуаль, которую тщательно хранила, и заплела дочери косы в виде венка.

Они шли быстро, оглядываясь по сторонам. Только бы не встретить его! Ночью Джемме пришла в голову страшная мысль: Корсо ведь может отдать кому-нибудь и девочку. Откровенно говоря, на ди Губбио она тоже мало надеялась. Они ведь могут с ним и не встретиться. В прошлый раз ей сказочно повезло найти его, так бывает редко. Самое плохое — если они встретят Большого Барона в Барджелло — он обо всем догадается.

Корсо вылетел прямо на них у Меркато-Веккьо, они едва не попали под копыта его жеребца. Следом мчались другие всадники. «Все пропало», — мелькнуло у Джеммы в голове.

Вдруг она поняла, что Большой Барон вовсе не о ней сейчас думал. И конники, скакавшие за ним, вовсе не принадлежали к его свите. Его преследовали, пытаясь убить дротиками, но те отскакивали от кольчуги. Корсо оставался собой: спасаясь бегством, он еще успевал оглядываться, выкрикивая своим врагам проклятия.

Уже преодолев площадь, он снова оглянулся. В этот момент жеребец вздыбился. Всадник не смог удержаться и упал на землю, запутавшись одной ногой в стремях, а конь заметался и пустился вскачь, волоча его за собой. Голова подпрыгивала на камнях, оставляя красный след.

Мадонна Алигьери сказала перепуганной дочери:

— Ну что ты встала, будто статуя? Пойдем в церковь, помолимся.

*

По улицам Венеции медленно шли два человека средних лет. Лицо одного из них отличал аристократизм, тонкие черты плохо сочетались с неухоженной бородой. Одежда тоже выдавала некоторую пестроту жизни — довольно новый, незаношенный кафтан из дорогой красной ткани и грубые деревянные башмаки, в каких ходят ремесленники. Он с любопытством озирался вокруг, обращая внимание и на рельеф города, и на

здания, и на местных жителей, сообщая свои впечатления спутнику, который выглядел весьма респектабельно, но имел простоватую внешность. Он не смотрел по сторонам, но не отрывал взгляда от лица собеседника. Первому это надоело:

— Чино, ну что ты вылупился на меня, будто я болонская Гаризенда! Кстати, здесь, в этой Светлейшей республике люди тоже меряются башнями, как во Флоренции?

— Помаленьку и здесь. Как же без этого? — ответил Чино да Пистойя, известный правовед, балующийся стихами. — А смотрю я на тебя, мессир Алигьери, вспоминая наши студенческие беседы. Помнишь, в Болонье ты боялся, что твой отец умер из-за тебя? Ну, ты еще всю ночь не спал, а сидел со свечкой. Тогда я счел это твоим больным бредом, а сейчас мне кажется: ты был прав.

— Ты позвал меня, чтобы обвинить в отцеубийстве? — нахмурился Данте.

— И в мыслях не держал! — поспешно отозвался Чино. — К тому же какое мне дело до твоих родственников? Просто весь Ареццо бурлит сплетнями о твоих связях с дьяволом.

— Интересно... — Алигьери усмехнулся. — Я как-то и вправду слышал обрывки разговора, которым меня провожали две незнакомые дамы. Одна сказала: «Гляди, вот идет человек, который умеет спускаться в ад», а другая тут же согласилась: «Это сразу видно. Смотри, как у него курчавится борода. Это потому, что ее опалило адским пламенем». Если вспомнить, что на родине меня предписывается «жечь огнем, пока не умру»... Кстати, бороду мне пришлось носить, дабы сэкономить на услугах цирюльника.

— Я знаю, — кивнул Чино, — мне показывали твое письмо с извинениями по поводу отсутствия средств для приезда в Лукку на похороны дяди.

— Черт! Я знаю, кто мог показать тебе то, что следует держать в тайне. Но это ведь правда! А я настолько не привык быть нищим! Уже восемь лет прошло, как меня изгнали, но ничего не меняется. Я даже преподавать не могу, потому что университет в свое время бросил, как ты помнишь...

— Ну а другая служба? — спросил да Пистойя. — Насколько мне известно, ты исполняешь секретарские обязанности у разных влиятельных особ?

Данте отмахнулся:

— О Пресвятая Дева! Ну какие там обязанности?! Просто я живу у разных людей и помогаю им вести переписку. Всё происходит

соответственно их желаниям: сегодня они хотят особенной изысканности в письме, а завтра им подходит пара корявых строк. Поэтому мое жалование совершенно невозможно предсказать наперед. Я пытался податься в наемники к гибеллинам, но мое ратное искусство, к сожалению, недорого стоит. А сами гибеллины меня сильно разочаровали. Вместо того чтобы собрать войско и открыто поддержать императора Генриха, они продолжают говорить лозунгами. А мои официальные товарищи по партии, белые гвельфы, назвали меня предателем только из-за того, что я отговаривал их от очередной бессмысленной бойни.

Чино сочувственно вздохнул. Потом задумался:

— Ну а если бы тебе предложили закончить образование, где бы ты хотел это сделать?

— В Париже, — не раздумывая, ответил Данте, — там хотя бы нет ни гвельфов, ни гибеллинов. Только зачем задавать никчемные вопросы? Если у меня нет денег поехать проститься с дядей, откуда я возьму средства на обучение?

— Есть люди, готовые озолотить тебя, лишь бы услышать имена своих врагов в строках твоей поэмы про ад.

— Не думаю. Богачам легче просто расправиться со своими врагами, а не заказывать стихи о воплощении своих желаний.

Да Пистойя остановился и посмотрел своему спутнику прямо в глаза:

— Послушай, дружище, хватит прикидываться простачком. После того как ты помещаешь людей в ад — они больше не жильцы. Смерть папы Бонифация еще могла показаться совпадением, но Корсо Донати погиб именно так, как ты ему предрек. Я ведь помню эти стихи:

*...Зачинщика всех бед
Звериный хвост, — мне это въяве зримо, —
Влачит к ущелью, где пощады нет.*

*Зверь мчится все быстрее, неудержимо,
И тот уже растерзан, и на срам
Оставлен труп, простертый недвижимо...* [\[63\]](#)

— Что?! Корсо нет в живых? — Данте еле сдержался от крика.

— Тебя удивляет сей факт? Мне кажется более удивительным, что это произошло так поздно. Нельзя строить из себя царя, им не являясь, даже если тебя боится пол города.

— Когда это произошло?

— Совсем недавно, шестого октября, если быть точным.

— Как странно, — промолвил Данте, — именно в этот день меня прокляли белые гвельфы и я решил, что стану сам себе партией.

— Ну так что же насчет заработка? — подмигнул Чино. — Думаю, тебе нечего бояться. Ты и так приговорен к костру, врагом больше, врагом меньше. А деньги нужны всегда, особенно в твоём положении.

Алигьери пристально посмотрел на товарища:

— Знаешь, что меня удивляет больше всего? Твои речи. Если бы подобное предложил покойный Корсо, это выглядело бы как само собой разумеющееся. Правда, он навряд ли поверил бы, что стихи могут стать причиной гибели людей. Но услышать такое из твоих уст!

— Я просто хочу помочь тебе выкарабкаться из нужды, — пожал плечами да Пистойя. — В смертоносные стихи я не верю, но у *меня есть* знакомые, готовые заплатить тебе за описание адских страданий определенных людей.

— А твои знакомые понимают, что тех двоих я хотя бы ненавижу?

— Я думаю, с ненавистью к этим у тебя тоже не будет затруднений. Это весьма известные персоны.

— Кто же они? — спросил Данте.

— Один — Филипп Французский. Другой — Климент V.

— Король и папа...

Проговорив это, поэт надолго замолчал. Чино не торопил его, сосредоточенно шагая рядом.

— Ты прав... эта парочка достойна преисподней, — наконец нарушил молчание Алигьери. — Кардиналы избрали Алкима, следуя воле Димитрия, точно, как сказано в Первой книге Маккавейской... Помнится, флорентийцы так радовались, когда на них обратил внимание брат Филиппа. Даже приготовили торжественную процессию навстречу тому, кто пришел их грабить. Ах, если бы стихами и вправду можно было разить, словно мечом! Только я, как и ты, в это не верю.

— Для того чтобы купить меч, нужны деньги, — усмехнулся Чино, — если ты не побоялся написать те стихи, почему бы не написать за вознаграждение другие, похожие? Тем более особой любви к названным персонам ты явно не испытываешь.

— Но это не значит, что я смогу увидеть их в аду.

— А ты не должен видеть. Просто напиши.

— Ты не понимаешь. Это невозможно. — Данте внезапно помрачнел.

— Ну хорошо, — сказал да Пистойя, — не хочешь — не пиши. Но

прошу тебя зайти со мной в этот дом и поговорить с моими знакомыми, поскольку я обещал привести тебя.

Строение было довольно обветшалым и небогатым. Тем страннее выглядели его обитатели — трое мужчин средних лет благородной внешности и в дорогом платье. Они сидели на грубой скамье и встали, приветствуя вошедших. Вся обстановка вокруг подходила разве что для семьи ремесленника. Лицо одного из присутствовавших показалось Данте очень знакомым, вот только никак не удавалось вспомнить, где он встречал этого человека.

— Я привел к вам первого поэта Флоренции, как обещал, — сказал Чино после приветствия, — но он имеет большие сомнения насчет вашего заказа.

— Отчего же? — доброжелательно поинтересовался один из мужчин. — Мы обязуемся сохранить в тайне имя автора. Вам ничего не будет угрожать, мессир Алигьери.

Данте переступил с ноги на ногу, мучительно пытаясь вспомнить имя обладателя знакомого лица:

— Прошу простить меня, досточтимые синьоры, но мне эта затея кажется бессмысленной. Я считаю простым совпадением сюжет моих стихов и гибель известных вам персон... Но если бы это оказалось правдой, я отказался бы еще скорее, поскольку зарабатывать подобным способом недостойно.

— Мы не нанимаем работника, мы просим о помощи. Правда, за нее мы вас щедро отблагодарим, — прозвучал глубокий бас «знакомца».

И тут поэт вспомнил. Это был рыцарь Храма, спасший его от охотников за головами несколько лет назад в Вероне...

— Храмовник... — непроизвольно вырвалось у него.

Неприятный холодок пополз по спине. В последнее время о тамплиерах говорили ужасные вещи. Будто бы они плевались на распятие, кремировали своих умерших, подмешивая потом пепел в общую трапезу, и тайно поклонялись сатанинскому идолу Бафомету. За это их начали преследовать и судить. С ними не хотелось иметь ничего общего. И в то же время именно храмовник спас Данте от неминуемой смерти. Уж не было ли это все специально подстроено?

— Да, я рыцарь Храма, — подтвердил этот человек, пронизывая поэта прямым взглядом холодных серых глаз. — Мы находимся в беде из-за клеветы завистников. Наш орден рассеян, большая часть братьев арестована и гибнет под пытками инквизиторов, а немногие уцелевшие вынуждены скрываться. Эти бесчинства творятся с согласия и по

договоренности двух персон, вам хорошо известных. У нас нет никакой возможности противостоять им, поэтому мы готовы прибегнуть к любому средству, которое даст нам хоть каплю надежды.

Данте нервно комкал ворот своего плаща:

— Но вы же понимаете: даже если мои стихи действительно повлияли на тех людей — это произошло исключительно из-за ненависти, которую я вложил в свои строки. Папа Бонифаций и Корсо — мои личные враги. А эти... их поведение возмущает меня, но родины они меня не лишали.

— Вы так полагаете? — вмешался тамплиер, начавший беседу. — Поверьте, это ошибка. Флорентийская резня, после которой вы лишились дома и семьи, произошла с подачи короля Филиппа Красивого, а папа Бонифаций поддержал сие злодеяние, поскольку тогда еще был союзником вероломного монарха. Нынешний же папа Климент V полностью поддерживает правителя Франции. Так что они не только причастны к вашему изгнанию, но и являются гарантом невозможности вашего возвращения.

— Возвращение... — прошептал поэт, — разве оно возможно?

— Вам ли сомневаться? — подхватил тамплиер, спасший Алигьери. — Наверняка вы еще в детстве имели возможность видеть, как возвращались домой гвельфы после разгрома гибеллинов.

— Хорошо, — сказал Данте после долгого молчания, — я согласен попробовать. Но я не буду ничего писать, если своими глазами не увижу этих персон в аду, вы понимаете меня.

— Разумеется, — сказал третий из присутствующих, до сей поры молчавший, — скажите, какую еду вы предпочитаете?

Алигьери перестал теребить плащ, удивленно оглянувшись на тамплиера:

— В каком смысле?

— Нам придется раздобывать вам пищу, пока вы будете работать.

— Вы хотите сказать, что не выпустите меня отсюда, пока я не напишу?

— Мы не причиним вам вреда, — сказал веронский спаситель, — но у нас нет уверенности, что вы не передумаете, поэтому лучше бы вам приступить к работе прямо сейчас. Итак, подумайте, какое блюдо вам бы хотелось на ужин. Мы будем рядом.

И все трое вышли в соседнюю комнату, предварительно оставив на грубом деревянном столе бумагу и письменный прибор, инкрустированный самоцветами.

— Чино! Как ты мог? — Поэт воззрился на друга, испуганно

сгорбившегося в углу.

— Я сам не ожидал ничего подобного, — шепотом произнес тот, — но они ведь рыцари, а значит, всегда держат данное слово.

Данте недоверчиво хмыкнул:

— Они ведь могут и убить, не нарушая слова. Наградят и выпустят, а через час меня случайно задушат и кинут в ров какие-нибудь безвестные бродяги.

— Не думаю. Они ведь сами висят на волоске от гибели и надеются на спасение. Было бы странно в такой момент отягощать душу преступлением.

— Остается на это надеяться, — проворчал поэт.

Окунув перо в чернильницу, задумался над чистым листом, но тут же в гневе отшвырнул его:

— Они думают, будто это можно сделать на заказ! До чего я дожил: от меня требуют спуститься в ад, да еще за вознаграждение!

— Христос спускался, и ты попробуй, — кажется, к Чино вернулась прежняя уверенность. — Ты ведь делаешь это не ради денег, а ради возвращения домой.

Алигьери недоверчиво посмотрел на него, но снова присел к столу и закрыл глаза. Перед внутренним взором предстала картина, уже виденная им однажды в полубреду: папа Бонифаций, торчащий вниз головой в раскаленной каменной щели. И вдруг какое-то темное тело сверзилось прямо на него, подобно ласточке, которая, сложив крылья, камнем падает вниз, и продавило его вниз, в круглое отверстие.

— Злые щели, — пробормотал Данте. — Они проглотили его!

Вскрикнув, он начал с безумными глазами метаться по комнате. Чино снова забился в угол, не решаясь издать ни звука. В дверь осторожно заглянул один из тамплиеров и удовлетворенно кивнул.

...Солнце уже проделало свой дневной путь по небу, и в комнате почти стемнело, когда на листе бумаге, наконец, появились строки:

*В те дни увидят в Божием суде
Того, кто явный путь и сокровенный
С ним поведет по-разному везде.*

*Но не потерпит Бог, чтоб сан священный
Носил он долго; так что канет он
Туда, где Симон волхв казнится, пленный...* [\[64\]](#)

— Не знаю, устроит ли вас сие, — устало сказал Алигьери заказчиком, — там нет имени. Но я видел Климента.

— Устроит, — ответил веронский спаситель, — но он не главная фигура этой ужасной игры против нас. Гораздо большая опасность исходит от короля.

— Но я не знаю, что о нем писать, — развел руками Данте, — я не смог его увидеть. Может, все-таки в основном вам грозят из Рима?

— Рима больше нет, — скорбно промолвил второй храмовник. — Папское государство на грани распада. Климент собирается переносить резиденцию в Авиньон.

Поэт молчал, будто оглушенный этой новостью. Он и раньше слышал о притязаниях Франции на Святой престол, но не придавал сплетням значения. Теперь же, в четкой формулировке тамплиера, новость поразила его. Он почувствовал запах большой войны.

Но «увидеть» Филиппа Красивого так и не получалось. Может быть потому, что поэт никогда не бывал во Франции. Он вспомнил французские названия: Париж, Сена. И вдруг сами собой в голове появились три строки:

*Там узрят, как над Сеной жизнь скудна,
С тех пор как стал поддельщиком металла
Тот, кто умрет от шкуры кабана...* [\[65\]](#)

— Это про него! — тут же отозвался один из рыцарей Храма. — Он не брезгует связываться с фальшивомонетчиками.

— Я не знал об этом, — изумился Данте.

— Тем лучше! — Заказчики радостно переглядывались.

— «...умрет от шкуры кабана», это как же? — задумался веронский рыцарь.

— Неважно. Главное — умрет, — прервал его второй.

...Тамплиеры сдержали свое слово. На следующий день мессир Алигьери, верхом на только что купленной лошади, покидал Венецию, направляясь в Париж. Он вез внушительный кошель за пазухой и легкий, удобный, но очень качественный меч на поясе для охраны богатства. Впрочем, в случае нападения разбойников поэту навряд ли удалось бы отбиться: грабители обычно ходят бандами, да и оружием владеют получше книжника. Однако Данте беспокоило другое. Деньги, тяжело колотившие ему в грудь, были заработаны неоднозначным, почти преступным образом. А еще он ехал в страну, правителя которой обрек на

смерть или хотя бы намеревался это сделать. Теперь, когда давняя детская игра обрела такую зримую материальную цену, он сам в нее уже почти поверил.

Глава тридцать вторая

ПРИЗРАК МЕЧТЫ

О пребывании нашего героя в Париже известно не намного больше, чем о его связях с тамплиерами. Но этот факт также считается бесспорным, правда, даты немного разнятся. Некоторые исследователи называют время с 1308 по 1310 год, другие думают, что парижский период продолжался не два года, а один — с 1309-го по 1310-й. Собственно, это не столь уж важно. Гораздо интереснее другое: что привело поэта в иноязычный город?

По словам Боккаччо: «...в Париже Данте выступал на многих диспутах и стяжал такую славу блеском своего гения, что тогдашние его слушатели и поныне рассказывают об этом с превеликим изумлением».

Зачем он выступал именно там? Разве мало ему было итальянских городов с их университетами?

Очевидно, да. Парижский университет, он же Сорбонна, расположившийся в Латинском квартале на левом берегу Сены, представлял собой полную противоположность учебным заведениям итальянских городов-республик. *Studium generate* — основным направлением в образовании было богословие. Именно оттуда вышли величайшие средневековые мыслители, такие как Фома Аквинский, Альберт Великий, Раймунд Луллий, Роджер Бэкон, Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам...

Некоторые из них были духовными авторитетами для нашего героя. Уже одного этого хватило бы, наверное, чтобы поехать в Париж. Но и без личного присутствия великих уровень преподавания в Сорбонне, несомненно, был выше, чем в других университетах. Кстати, термин «Сорбонна» (фр. *la Sorbonne*) во времена Данте с университетом не ассоциировался. В Париже Сорбонной называли старинное здание, в котором с XIII века располагался богословский коллеж, основанный французским теологом Робером де Сорбоном. Парижский университет появился раньше, и некоторое время два этих учебных заведения существовали изолированно друг от друга. Крестным отцом, «нарекшим» этим именем университет, стал уже в XVII веке небезызвестный кардинал де Ришелье. Именно при нем было принято решение об объединении коллежа с богословским факультетом Парижского университета, и по декрету его высокопреосвященства название «Сорбонна» перешло к

реорганизованному учебному заведению.

Наш герой, несомненно, искал в Париже живительную интеллектуальную и духовную среду, но не только. Имелась и другая причина его поездки.

В трактате «Пир» есть такие строки: «...Я, как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь». Он ходил — увы! — не в поисках новых впечатлений, а банально в поисках работы. Ему не раз приходилось исполнять обязанности секретаря или библиотекаря. И каждый раз что-то не получалось или складывалось лишь на время, потому что заказчик умирал или просто переставал нуждаться в его услугах. А для обретения нового рабочего места (как и сегодня!) требовалось хорошее резюме, такое, в котором бы способности соискателя были представлены в наиболее выгодном свете. В те времена рейтинг значительно повышался от участия в ученых диспутах, и Данте искал таких возможностей. Ему помогала феноменальная память, о которой сохранились свидетельства. Однажды во время одного из диспутов в Сорбонне против нашего героя выступили 14 (!) оппонентов, и каждый из них имел свои теологические обоснования. Он четко запоминал все выступления и, пользуясь их же формулировками, приводил блестящие контраргументы. Подобный опыт сравнивают с сеансом одновременной игры в шахматы.

Такой интеллектуальный рейтинг теперь был нужен Данте уж точно не ради удовлетворения амбиций и не только ради выживания. Он знал, что как только его дети достигнут пятнадцати лет, может встать вопрос о их изгнании из Флоренции, если только... если они публично не отрекутся от своего отца. Хотя иногда и это не спасало. Достоверной информации о связи Данте с семьей в годы изгнания не существует, но он, по-видимому, верил, что сыновья и дочь останутся верны ему. Тем не менее для него было крайне важно найти им надежное пристанище, вторую родину. В этом ему очень бы помогло широко известное, уважаемое имя, которое Данте и пытался, среди прочего, заслужить в Париже.

В разное время поэт безуспешно надеялся на содействие различных покровителей, включая самого императора. Манифест, который обнародовал Генрих VII, полностью соответствовал мировоззрению Данте. Генриха хорошо принимали в Италии — почти во всех североитальянских городах. Но не во Флоренции. Это сильно огорчало нашего героя. 31 марта 1311 года он написал флорентийцам послание, в котором пытался пробудить в их умах понимание идеи всемирной монархии. Не дождавшись от соотечественников ответа, поэт обратился с посланием к Генриху VII с

призывом похода на Флоренцию. В августе того же 1311 года флорентийское правительство объявило амнистию для многих изгнанников. По понятным причинам, имя Данте в списке прощенных отсутствовало.

Два последующих года наш герой, проживая то в Пизе, то в Казентино, заканчивал уже неоднократно упоминавшийся трактат «О монархии». В это время Генрих VII осаждает Флоренцию, но неудачно. А 24 августа 1313 года «идеальный» император скончался от малярии. Так же внезапно и по той же причине, как некогда Гвидо Кавальканти... Это перечеркнуло для Данте все надежды на возвращение.

А в мае 1315 года флорентийское правительство вновь объявило амнистию для изгнанников, включая, как ни странно, нашего героя. Но с одним обязательным условием: ему надлежало отказаться от своего трактата «О монархии». Он с данным предписанием не согласился, и его уже во второй раз заочно приговорили к смерти, только теперь вместе с сыновьями. Этот приговор был отменен только в 1966 году.

Да, флорентийские правители далекого XIII века не разглядели масштаба личности и дарования Данте и не смогли предугадать, что опозорят себя, обойдясь с великим поэтом подобным образом. Потом Флоренция долгие века будет спорить с Равенной о том, кто из них больше осиян славой Данте. Но ему давался шанс. Такой же, какой предоставлялся инквизиторами Джордано Бруно: требовалось изменить свои взгляды...

*

Конь уже еле плелся, хотя Данте недавно давал ему отдохнуть. Наверное, недостаточно. Ну что же делать, если хозяину не терпелось поскорее добраться до царства свободы, где нет ни гвельфов, ни гибеллинов, зато есть возможность исправить досадную оплошность в своей судьбе, закончив, наконец, свое образование? В последнее время, пресытившись бесконечными дразгами между, казалось бы, мыслящими людьми, он стал относиться ко всему итальянскому со смесью скепсиса и горечи.

В конце пути погода испортилась: не прекращалась мерзкая холодная морось, к тому же сгустился туман. Алигьери сбился с дороги и подъезжал к Парижу не с юга, что было бы правильнее, а с северо-востока. Проголодавшись и промокнув, поэт попытался отвлечься, разглядывая архитектуру города, в котором ему теперь предстояло жить. Впереди как

раз замаячил весьма необычный дворец кубической формы, а может, это был недостроенный собор. Он плыл в тумане — ажурный, с колоннами и многочисленными арками, будто бы лишенный стен. Данте начал присматриваться. Конь, воспользовавшись тем, что его перестали понукать, замедлил шаг и вовсе остановился.

— Что? Дивишься на наше чудо света? — сказал кто-то на латыни у него за спиной. Обернувшись, Алигьери увидел бродягу, бодро шлепающего по грязи.

— А чей это замок?

— Хе! Замок! — обрадовался тот. — Такие замки, наверное, только в аду и строят, а наш король вот не побоялся. Монфокон это, не слыхал?

— Нет. — Данте покачал головой. — А что это?

— Виселица такая особенная, чтобы сразу до полсотни людей на тот свет отправлять. Для нашего устрашения сделано. Чтобы мы не рыпались, когда нас в очередной раз налогами оберут. Вон видишь — еще с прошлого раза несколько недовольных болтается, пока вороны их не до конца растащили.

— Это построил король? — Алигьери не верил своим ушам.

— Король, король, — подтвердил бродяга. — А ты сам-то откуда? Я сразу понял, что не местный, оттого не стал говорить по-французски. Я сам-то из Швабии. Учился в Париже, да деньги кончились.

— Я из Италии, — ответил Данте и стегнул коня, не желая больше разговаривать. Настроение было испорчено. Будущее, с таким трудом выстроенное в мыслях, разрушилось, будто дом из песка.

Тем не менее Алигьери не собирался отступать от намеченной цели, потому, достигнув Парижа, он нашел веронского профессора, о котором ему рассказывал тамплиер, вселился в самое дешевое студенческое общежитие Юлиана Милостивого на левом берегу Сены и уже через неделю принял участие в учебном диспуте. За время изгнания он прочитал много философских трактатов и сам удивлялся легкости, с которой ему удавалось разбить в пух и прах положения своих оппонентов. Студенты притихли, внимательно, но с неприязнью оглядывая нового сокурсника.

— Я бы посоветовал вам поосторожнее проявлять свое дарование, — тихо сказал ему профессор по окончании диспута. — Сегодня здесь много слушателей из разных стран.

Данте не понял, что имел в виду наставник. Однако уже вечером ему пришлось признать справедливость совета. Выходя из университета, он столкнулся с группой студентов-германцев.

— О, вот идет наше светило, — сказал один из них на латыни.

Алигьери посмотрел на компанию. Все почти вдвое моложе его, явно не обремененные излишним миролюбием, некоторые к тому же изрядно пьяные. Чуть склонив голову, будто в полуприветствии, Данте попытался обойти их, но не тут-то было.

— Куда это ты двинулся, купец? Зубрить? Не надоело еще? — поинтересовался на латыни один из германцев.

— Я не купец, — возразил Алигьери, сожалея, что ввязался в разговор.

— Да ладно! Все итальяшки — купцы! — развязно пояснил какой-то прыщавый губастый хмырь. — Ты вообще из какого города?

— Из Флоренции он, я слышал, — вмешался первый. Компания захохотала.

— А флорентийцы вообще все жулики, — выдал губастый, — и к тому же ростовщики!

Последнее слово оказалось роковым. Забыв о своем возрасте и полном отсутствии поддержки, поэт выхватил меч. Германцы закричали:

— Эй! Тут нарушитель с оружием! Вяжи его. Сейчас сдадим в тюрьму — там у него быстро отобьют охоту к диспутам!

Вдесятером они быстро связали ему руки каким-то грязным платком, не забывая презрительно и довольно ощутимо пинать. Данте угрюмо молчал.

— Мессир Алигьери, а я вас искал! — звучно прозвучала итальянская речь.

— Еще один итальяшка? — Губошлеп явно не думал сдаваться. — Сейчас и его скрутим.

— Ты что! — зашептали другие. — Это их царек. Сам ректор ему кланяется.

Руки поэта тут же оказались свободны, а его обидчики мгновенно исчезли, будто их и не было. Опасность снова отступила в последний момент. Видимо, Господь зачем-то берег певца преисподней.

— Вы помните меня? — Очередной спаситель имел смутно знакомый гордый орлиный профиль. — Я Кангранде делла Скала, правитель Вероны. По недоразумению я потерял вас из виду после смерти Бартоломео. А сейчас, приехав в Париж, вдруг узнал о вашей учебе в здешнем университете и решил найти вас. Как вы смотрите на то, чтобы вернуться в Верону?

— С благодарностью, — ответил Алигьери, отряхивая кафтан, — но я прошу позволить мне вначале все-таки завершить свое образование, дабы лучше соответствовать вашему обществу.

— К сожалению, здесь я ничем не смогу помочь вам, — промолвил

Кангранде, — придется подождать. Но помните: в моем доме вам будут рады. И в знак дружбы примите этот образок святого Зенона Веронского, покровителя моего города.

Вручив подарок, вельможа удалился, одарив поэта милостивой улыбкой.

«Не знает чем помочь... Помог бы деньгами, — подумал Данте со злостью. — Какая мне польза от веронского святого в Париже?»

За неделю, проведенную в сердце Франции, Алигьери уже вполне проникся ненавистью к Филиппу Красивому, которого до того поместил в ад. Парижские цены оказались так высоки, что даже довольно внушительная сумма, данная тамплиерами, грозила истаять задолго до окончания обучения. А еще ведь, согласно обычаю, выпускнику университета предстояло оплатить прощальную пирушку! Помимо драконовских цен парижане страдали от нехватки воды, которой каждому жителю доставалось в день по маленькому кувшину на все нужды. Кроме того, каждый горожанин старше восьми лет был обязан еженедельно покупать определенное количество соли и платить на нее налог, называемый «габель». Вдобавок ко всему король начал выпускать низкопробную монету, что окончательно разорило большую часть жителей. Голодные, истощенные люди часто болели, и город постоянно балансировал на грани эпидемии.

Несмотря на невзгоды, Париж вернул поэта к земной жизни. Игра в ад перестала затягивать до безумия, как это было в Вероне или в Венеции. Данте всерьез озаботился дипломом. Правда, ему пришлось ограничиться бакалавриатом, поскольку на дальнейшее обучение и получение звания магистра средств точно бы не хватило. Зато удалось послушать лекции по философии последователей знаменитого Сигера Брабантского.

Иногда, устав от диспутов, он вспоминал свою странную сделку с тамплиерами и ему становилось нехорошо. Париж полнился слухами о их новых и новых злодеяниях. Якобы они воровали крестьянских детей для страшных оргий и чеканили фальшивые деньги. Данте знал, откуда появляются эти сведения. Рыцарей Храма пытали, и они признавались во всем, что им вменялось. Во всем этом была какая-то ужасная несправедливость, мучившая Алигьери. Как будто он специально ввел людей в заблуждение своими пророчествами о папе Бонифации и Корсо Донати, а потом бросил в беде. Он гнал от себя подобные мысли, веля себе оставить эту глупую детскую игру во всемогущество. Но все равно бывали моменты, когда он верил в это. А вера способна дать нечеловеческую силу.

И вдруг однажды он услышал, что тамплиеры занимались

ростовщицеством, и это уже было настоящей правдой, а не бессвязными воплями измученных людей в камере пыток. То есть он знал об этом и раньше, но не задумывался. А теперь вдруг картина сложилась: они грешили ростовщицеством и обратились за помощью к сыну ростовщика. Какое изысканное издевательство судьбы! Разумеется, нераскаявшиеся грешники не могли получить помощи, даже если бы стихи Алигьери действительно имели приписываемое им смертоносное действие.

После этой догадки Данте стало неинтересно в Париже. Кроме того, и заниматься в университете постепенно стало нечем. Степень бакалавра он защитил, учиться на магистра не хватало денег, хотя он с успехом прочитал несколько собственных лекций. Но постоянной работы в Париже ему, итальянцу, к тому же выступавшему против Святого престола, не предлагали. Решив, что пора воспользоваться гостеприимством Кангранде, поэт начал сочинять письмо веронскому правителю. Дело не складывалось, поскольку Алигьери никак не мог найти верного тона, позволяющего выказать вельможе достаточное почтение и не задеть собственной гордости.

В один из дней, когда он корпел над листком бумаги, дверь его каморки в общежитии Юлиана Милостивого отворилась и вошел друг юности, Чино да Пистойя.

— Что я тебе скажу! — начал он с порога. — Ты сидишь? Так сиди, дабы не упасть. Император Генрих выступил в поход на Италию. И самое главное: он объявил, что не может отличить гибеллина от гвельфа, оттого обещает свою милость каждому, кто будет верно служить ему.

— Боже! Неужели я дожид до этого славного момента? — тихо произнес Данте. — А насколько велико его войско?

— Достаточно велико. Более пяти тысяч солдат, — ответил Чино, — скоро жизнь в наших землях сильно изменится.

Алигьери отшвырнул незаконченное письмо со словами:

— Милая Фьоренца! Неужели я вновь тебя увижу?!

*

На кухне дома Джеммы гремела горшками дряхлая служанка ее матери. В зале переговаривались сыновья. Они уже стали совсем взрослыми, и мадонна Алигьери каждый день с ужасом ждала известия о их изгнании, но пока никто о них не вспоминал. Антония вышивала гобелен. Ей ничего не угрожало, кроме разве что отсутствия женихов, хотя

ей уже исполнилось 12 лет. В этом возрасте мать уже давно просватали. Но Антонии не везло. Несмотря на миловидную внешность, никто не хотел связываться с бедной дочерью опального изгнанника.

...У дверей раздался и смолк стук копыт. Джемма вся сжалась, но, не подавая виду, улыбнулась детям. Зазвенел колокольчик.

— Может, Лаиса приковыляла? — пробормотала она.

— Лаиса?! На лошади? — воскликнул Пьетро. — Что ты, мама? Пойду посмотрю.

Лицо вошедшего казалось знакомым, но мадонна Алигьери никак не могла его вспомнить.

— Слава Христу, — сказал он. — Я Франческо. Брат вашего мужа.

— Что, он умер? — упавшим голосом спросила Джемма.

— Вовсе нет, — родственник явно удивился предположению, — наоборот, у него наконец появилась возможность вернуться домой.

Пьетро, прислушивавшийся к разговору, обрадовался:

— Мама! Бог услышал наши молитвы!

— Да, но есть одно небольшое препятствие, — осторожно начал Франческо. — Видите ли, ему можно вернуться хоть бы прямо сейчас, и он стремится на родину, только вот одна небольшая процедура смущает его. Я приехал к вам просить, чтобы вы написали ему письмо.

— А о какой процедуре идет речь? — вмешался в разговор Якопо.

— Ну... это можно назвать покаянным жестом. Ничего особенного, но он отказался наотрез. Вот, прочитаю вам его письмо: «Дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом. Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные мной к наукам? Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения!»

— Этот декрет о прощении сам по себе чудо, — пояснил Франческо, — он появился по настоянию императора Генриха, но другого такого случая не будет. Данте, видимо, не понимает этого, оттого артачится. Но, может быть, получив умоляющее письмо от жены и детей, мой брат смягчит свой гордый нрав?

— А что за церемония? — спросила Джемма.

Франческо досадливо хмыкнул:

— Да ничего особенного. Просто надо встать на колени и попросить прощения.

— Но он же ни в чем не виноват! — воскликнула мадонна Алигьери.
— Нет! Я ни за что не стану уговаривать его на такое унижение.

— Упрямая женщина, — пробормотал брат.

— Мать права, — вступился Пьетро, — отец не должен этого делать. Пусть лучше мы никогда больше его не увидим, зато наш род не будет опозорен.

— Я тоже так думаю! — поддержал Якопо.

Антония, не отрываясь от гобелена, тихо произнесла:

— А наш папа и так никогда не встанет на колени.

Франческо не выдержал:

— Тебе-то откуда это известно, девочка? Ты же не можешь его помнить!

— Отчего же? — вмешалась Джемма. — Ей было четыре года, когда отца изгнали. К тому же она читала его стихи.

Брат Данте переводил удивленный взор с одного на другого.

— Я изумлен и возмущен до глубины души! — наконец сказал он. — Вы недостойные дети. Не пожелали даже попытаться вернуть на родину вашего отца! А о вашей матери я просто не знаю что сказать! Прощайте!

Сердито топая, он сбежал по лестнице.

На следующее утро Джемма с Антонией по обыкновению пошли в Санта-Репарату на утреннюю мессу. У самого входа в храм их догнал Франческо. Он выглядел крайне расстроенным.

— Вы всё знали, мадонна Джемма? — спросил он, глядя ей в глаза.

Та испуганно оглянулась на дочь:

— Знала? Что? Вы о чем?

— О Флоренции, — упавшим голосом произнес родственник, — оказывается, мы заключили союз с королем Робертом Неаполитанским, чтобы воевать против императора. Не видать Данте своей родины... да и меня никогда не изберут в Совет ста! О, как жестоко я обманулся!

*

«И весной и зимой ты сидишь в Милане, и ты думаешь так умертвить злую гидру, отрубив ей головы? <...> Чтобы уничтожить дерево, недостаточно обрубить одни только ветви, на месте которых будут появляться новые, более густые и прочные, до тех пор пока остаются

здоровыми и нетронутыми питающие дерево корни. Как ты думаешь, о единственный владыка мира, чего ты добьешься, заставив мятежную Кремону склонить перед тобой голову? Может быть, вслед за этим не вздуется нарыв безрассудства в Брешии или в Павии? И хотя твоя победа сгладила его, новый нарыв появится тотчас в Верчелли, или в Бергамо, или в другом месте, пока не уничтожена коренная причина болезни и пока не вырван корень зла и не зачахли вместе со стволом колючие ветки».

Дописав письмо, Данте запечатал его и задумался. Еще пару лет назад он почел бы за великую удачу возможность показать свой трактат «О монархии» тому, кого считал единственным законным властителем. И вот ему довелось приблизиться к императорской семье. Он может написать самому Генриху VII, поскольку занимался перепиской между императрицей Маргаритой и графиней Баттифолле. Своего рода дипломатическая миссия, ибо графиня тесно связана с графами Гвиди, а они, традиционно не принадлежащие ни к гвельфам, ни к гибеллинам, могли стать тем малым камешком, который может склонить чашу весов. Но не стали. Гвельфские города как бунтовали против императора, так и бунтуют. Императрица умерла, не выдержав тягот походной жизни.

А Генрих по-прежнему так и не может выбрать своего стиля правления. То возвещает о Италии — лилии мира, то унижает ее жителей, заставляя их выходить к нему в одних рубашках и с веревками на шее, как это случилось в Кремоне. В итоге его уже начинают ненавидеть даже гибеллины — оплот императорской власти! И нет никакой возможности повлиять на него, хотя послания поэта он, скорее всего, читает...

*

— Ох, ну что ему опять от нас надо? — тяжело вздохнула Джемма, увидев в окно подъезжающего к дому Франческо Алигьери.

Брат мужа торопливо привязал коня у дома и взбежал по ступеням.

— Слава Христу! — начал он прямо с порога. — Мадонна Джемма, досточтимая моя невестка, позвольте пригласить вас к мессииру ди Губбио, с которым вы имеете честь быть знакомой.

— Это еще зачем?

— У него к вам важное предложение, касающееся судьбы нашего отечества. Более я не могу ничего сообщить.

Уже в третий раз Джемма шла во дворец Барджелло. Теперь уже не в роли авантюристки или жалкой просительницы. Ее пригласили

официально. Вот только радости она не чувствовала, только сильную тревогу.

Ди Губбио сильно постарел за десять с лишним лет. Как, наверное, и мадонна Алигьери. Впрочем, ее внешность уж точно не имела для него никакого значения.

— Я не слишком-то верю, что от вас может быть какая-то польза, — сказал он, когда Франческо представил ему свою спутницу, — однако ваш родственник настаивает. И если вы попыгаете помочь нам — мы отблагодарим.

— О какой помощи идет речь? — спросила Джемма.

— О сущем пустяке. Вам нужно только поставить свою подпись под письмом, которое мы отошлем вашему мужу.

— Император идет войной на Флоренцию, — торопливо начал объяснять Франческо, — а Данте...

Ди Губбио прервал его властным жестом и снова повернулся к жене изгнанника:

— Что скажете?

— Я должна знать содержание письма, — ответила Джемма.

Ди Губбио досадливо крякнул:

— Это не для женского ума.

— Но ведь оно же от моего лица. Значит, я его смогла продиктовать, — резонно заметила Джемма.

— Хорошо. Там будет про то, что все флорентийцы страшно ненавидят императора, вы очень боитесь за исход сражения и советуете мужу даже не приближаться к Флоренции с императорскими войсками. Получив это письмо, ваш супруг наверняка передаст его Генриху, именно это нам и нужно.

— А как вы намерены отблагодарить меня?

Он сердито засопел, но сдержался:

— Ты, помнится, умела понимать без слов. Но я скажу, коль разучилась. Если у тебя получится, черные постараются простить грехи твоего мужа.

— Насколько меня учили, грехи прощает только Бог, — тихо, но твердо произнесла мадонна Алигьери, — а еще нельзя лжесвидетельствовать.

— Какое тут лжесвидетельство! — вмешался Франческо, — У нас действительно все настроены против императора.

— Проводите даму домой, — прервал его ди Губбио, — ничего не выйдет, да проку немного, если б даже и вышло.

С прямой спиной и непроницаемым взглядом Джемма быстро шла по переулку к дому Лаисы. Мадонне Алигьери срочно понадобились свежие сплетни, а верная подруга, несмотря на хромоту, продолжала ходить на Меркато-Веккьо и слушать разговоры торговков.

— Конечно, война, кариссима, — подтвердила Лаиса. — Они уже стоят вокруг Ареццо, но наших так просто не возьмешь.

— Каких «наших»? — вырвалось у Джеммы. — В императорских войсках тоже полно флорентийцев, мне сказали.

Лаиса возмутилась:

— Какие они флорентийцы? Это изгнанники, которых лишили рассудка! Они забыли свою родину, сражаются за какого-то иностранного императора!

— Что ты понимаешь под родиной? — воззрилась на нее Джемма. — Если тот бесконечный хаос, когда каждый день твой дом могут разрушить, а тебя выгнать, то зачем это нашему городу?

И тут Лаису понесло:

— Ты никогда не понимала, что творится вокруг, хоть и муж твой был политик. Надо же хоть немного думать. А ты говоришь такую чушь, как будто наслушалась этих гадких имперских глашатаев!

— Я не слышала никаких глашатаев, — сказала мадонна Алигьери, еле сдерживаясь, чтобы не послать подругу к черту, — скажи, не слышно ли, когда будет сражение?

— Я же не солдат, откуда мне знать о сражении, — пожала плечами Лаиса, — болтают, будто до битвы дело не дойдет.

Вскоре в городе стало плохо с едой. Торговков поубавилось, а те, кто приезжал, — жаловались на огромные продуктовые поборы для императорской армии, стоящей под Флоренцией. Ситуация все больше и больше начинала напоминать осаду.

Джемма решила перебрать свои гобелены, желая успокоиться.

— Отчего я всегда вышивала львов и драконов и ни разу не попробовала вышить лик Пресвятой Девы? — прошептала она, вдруг упав на колени. Ей захотелось отчаянно попросить Богородицу... но о чем? все желания казались неоднозначными, и она не осмелилась.

...В это время ее муж находился совсем недалеко, у берегов Арно с императорской армией. Он с ужасом наблюдал, как его родина предпочла хаос и бандитское правление сразу нескольких кланов порядку и законности под скипетром императора. Шла вялотекущая осада. Много селений вокруг Флоренции перешли на сторону императора, но город сопротивлялся, и было понятно: черные гвельфы будут стоять до конца, ибо

не надеются на прощение. Ситуация могла разрешиться только завоеванием города и сменой власти. Данте хотел этого и не хотел. Власть императора и действие римского права — о такой родине он мечтал. Но призывать кровавый штурм на город, в котором остались его дети?

Он решил написать соотечественникам открытое письмо:

«...Вы не видите, глупцы, как неверны во мраке ночи шаги вашего больного сознания... что стоите чуть ли не на пороге темницы и все-таки отталкиваете того, кому случается пожалеть вас, чтобы он ненароком не избавил вас от тюрьмы и от тяжести наручников и колодок. И, будучи слепыми, вы не замечаете, что именно владеющая вами жадность обольщает вас ядовитыми речами, и помыкает вами при помощи безумных угроз, и насильно втягивает вас в грех, и мешает вам руководствоваться священными, основанными на природной справедливости законами, соблюдение которых, когда оно в радость и по доброй воле, не только не имеет ничего общего с рабством, но по здравому рассуждению является проявлением самой совершенной свободы...»

Ему казалось, что его вот-вот услышат. Но по непонятной причине императорские войска начали отходить в Пизу. «Почему туда?!» — хотелось крикнуть Данте. Пиза — гибеллинский город, разумеется, императора там встретят с ликованием, но разве за этим был нужен Великий итальянский поход?

Попозли слухи о планах императора воцариться в Риме. 7 мая 1312 года Генрих с гибеллинской свитой действительно въехал в Вечный город. Святой престол к этому времени уже находился в Авиньоне, Латеранская базилика сгорела, а Папскую область поделили между собой три кардинала. В самом Риме ситуация не сильно отличалась от Флоренции — сферы влияния делили между собой могущественные кланы. Большую часть города контролировали Орсини, настроенные против Генриха, меньшую — род Колонна, поддерживающий императора. Также в Риме находились солдаты короля Неаполя Роберта Мудрого и уже подъезжали флорентийские лучники и пехотинцы, желающие отомстить Генриху за попытку взять их город.

Данте в Рим не поехал. Официально на службе у императора он не состоял, а пользу делу все равно приносили его тексты, а вовсе не оружие. Поэт остался дорабатывать трактат «О монархии» в Пизе, в доме товарища по несчастью — такого же флорентийского изгнанника — по фамилии Петрарка. В качестве благодарности за гостеприимство Алигьери занимался латынью с восьмилетним сыном Петрарки, Франческо, который писал стихи, удивительные для такого юного возраста.

Дом стоял на отшибе, окруженный большим садом. Глашатаев там не было слышно, новости доходили не сразу. Да и сама Пиза находилась слишком далеко от Рима. Поэтому Данте не мог следить за ситуацией, ему оставалось только заниматься своей работой, положившись на волю Божию. В конце лета он с радостью узнал о коронации Генриха VII в Риме 29 июня папским легатом.

— Господь услышал мои молитвы! — сказал он Петrarке-старшему. — Наконец-то законность восторжествует над хаосом и каждый займется своим делом — папа душами паствы, а император земной властью. Климент оказался вовсе не так уж плох.

Алигьери умолчал о своих стихах для тамплиеров, обрекших понтифика на адские муки. Воспоминание о них всегда неприятно сжимало сердце. Но в конце концов, что могут сделать какие-то рифмованные строчки, которых никто и не знал, кроме некоторых рыцарей Храма. А они уже умерли в тюрьмах от пыток или находятся в бегах.

Между тем жители Рима не выражали особой радости по поводу нового властителя. По слухам, во время коронационного пира гостей пытались обстрелять флорентийские лучники.

Данте продолжал совершенствовать свой трактат, надеясь преподнести его императору после усмирения мятежных итальянских городов. У поэта еще оставалась надежда на объединение итальянских земель под императорским скипетром. Ведь сам папа поддержал эту идею!

На Страстной неделе 1313 года Данте отправился в собор в честь Успения Пресвятой Девы Марии (Санта-Мария-Ассунта), что находится на соборной площади Пизы. Настоятель узнал поэта и начал расспрашивать, над чем тот нынче работает.

— Над трактатом «О монархии», — ответил тот с гордостью, — я рад, что делаю это сейчас, во время долгожданного союза земной и духовной власти.

— Ох, лучше бы не спешить с подобными выводами, — осторожно возразил настоятель. — Видите ли, в данный момент его святейшество находится в союзе не только с императором, но и с его врагом — французским королем Филиппом.

«В конце концов, это может быть не так уж плохо, — думал Данте по пути из церкви, пытаясь отвлечься от своего разочарования, — может, и Генрих с Филиппом также прекратят вражду. Правда, верится с трудом...»

Наконец трактат «О монархии» был завершен. К этому времени император настолько окреп, что предательство папы Климента уже не имело никакого значения. На его стороне воевал герцог Австрийский

Леопольд I. Сильные войска собрали брат императора, архиепископ Трирский Болдуин, и сын Иоанн. Мятежные города (среди них и Флоренция) серьезно задумались.

Узнав, что Генрих, готовясь к новому визиту в Рим, остановился в местечке Буонконvento неподалеку от римской дороги, Алигьери собрался туда.

Конец лета 1313 года выдался на редкость жарким. Поэт, уже подошедший к пятидесятилетнему рубежу, чуть не умер в дороге в первый же день. Отлежавшись, он решил продолжить путь ночью, но попасть в Буонконvento ему все же не довелось. На закате солнца, едва покинув постоялый двор, он встретил пышную похоронную процессию, сопровождаемую императорскими рыцарями. Они направлялись в Пизу.

— Какую знатную персону провожаете в последний путь? — поинтересовался Данте.

— Императора Генриха, — последовал ответ.

*

Подобное состояние поэт уже испытывал много лет назад, когда умерла Беатриче. Жизнь схлопнулась до абстрактного существования, утратив краски, звуки, запахи... Чино да Пистойя, вовремя появившийся в Пизе, уже не знал, каких лекарей звать к другу, не желающему принимать пищу и медленно умирающему на постели в чужом доме. Какая-то монахиня посоветовала Чино отвезти Данте в какой-нибудь уединенный горный монастырь. Там, высоко в горах, наедине с Богом, люди излечивались от самых тяжелых скорбей и разочарований.

Алигьери не сопротивлялся переезду в монастырь и даже согласился немного поесть. После трапезы да Пистойя посадил безучастного друга на осла, привычного к горным тропам, сам оседлал второго такого же, и они поехали в Апеннины, где высоко под самым небом, вдали от суеты и политических интриг, стоял монастырь Санта-Кроче-ди-Фонте-Авеллана.

Привезя туда поэта, Чино отдал монахам щедрые пожертвования и уехал, пообещав другу молиться за него. Через несколько месяцев он собирался навестить его.

Из кельи виднелись ослепительные снега. Редко-редко пролетала большая птица. На столе лежало лишь две книги: Библия и «Житие святого Бенедикта». Данте чувствовал себя бесплотным духом, забывшим прежние привязанности. Свет свободно проходил сквозь его существо. И как же

прекрасно оказалось, что те стихи про ад не имели никакой колдовской силы! Пусть живут и понтифик-интриган, и жестокий король. Может, еще успеют искупить свои грехи? Игрушечный ад остался в детстве, под лимонным деревом, которое давно уже сгорело и пепел развеялся.

Теперь каждый день поэт начинал с чтения Священного Писания и удивлялся, почему он не делал так раньше. Дни тянулись медленно, будто во времена Ветхого Завета. Высокогорное лето мало отличалось от зимы. Данте потерял счет времени и не удивлялся, почему не приезжает да Пистойя.

А Чино боролся с болезнью. Он был уверен, что это чума, но умирать не смел, потому как обещал другу приехать. А главное — у него имелись важные вести для мессира Алигьери. Правда, они нуждались в проверке. И ради этого да Пистойе пришлось выздороветь.

Только в декабре 1314 года исхудавший и бледный правовед добрался до горного монастыря и предстал перед другом. Тот сильно постарел, но его вид не вызывал беспокойства.

— Мне хорошо здесь, — подтвердил он, — я много думал о прошлом и вполне успокоился. Богу виднее. Жаль только, что так много времени потрачено мной на эти мрачные стихи о преисподней. В них мало толку. Лучше, если бы я больше оттачивал перо в том новом сладостном стиле, что открыл нам покойный Гвидо Кавальканти.

— Нет, — возразил Чино, — твои стихи об аде — это нечто особенное. Они и впрямь влияют на мир.

— Влияют? Тамплиеры тоже на это надеялись. И пошли на корм червям.

— У тамплиеров были свои отношения с Господом. Но папа Климент-то все же мертв, разве ты не знаешь?

— Да, слышал. И что? Я не имею к этому никакого отношения.

— А ты знаешь, что Климента, уже мертвого, поразила молния? Его положили в церковь перед погребением, от удара молнии произошел пожар такой силы, что тело потом не смогли найти. Он канул в огненную щель, как ты и написал.

Алигьери поморщился:

— Ты притягиваешь за уши. И потом: Филипп Французский ведь жив.

— Нет! — Чино почти закричал. — Он умер совсем недавно, 29 ноября! Ради этого я так спешил к тебе. И знаешь, что произошло? На охоте прямо на него выскочил огромный кабан. Никто не знает, ударил ли он короля клыками или просто испугал, но через несколько дней его величество отошел к праотцам.

Данте долго молчал. Потом медленно произнес:

— Значит, все-таки не игра. Интересно, как бы назвал это старый птичник: свободой или тюрьмой?

— Какой еще птичник? Ты не болен ли часом? — беспокоился Чино.

— Нет, — спокойно ответил Алигьери, — да мне теперь и нельзя болеть. Нужно написать очень большую книгу.

— Я бы на твоём месте все-таки побольше отдыхал, — сказал да Пистойя, опасливо оглядывая друга.

— Нет у меня времени, — вздохнул Алигьери, — и так уже наотдыхался больше половины жизни.

Глава тридцать третья

«ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ»

Семнадцать лет длились скитания нашего героя по городам и синьорам. Постоянное самосовершенствование, попытки приблизиться к сильным политикам, стать их советником. Призывы к Генриху VII, письма императрице Маргарите от имени графини Баттифолле в качестве ее секретаря, сочинение политических трактатов и — урывками — своей великой поэмы... Именно она в итоге принесла ему собственный дом и покой, хотя бы на недолгое время, и стала опорой в жизни его детей.

Синьор города Равенна Гвидо Новелло да Полента никогда не являлся сильной политической фигурой, да и не стремился к этому в отличие от многих своих родственников. Он был настоящим гуманистом, более всего ценящим мир, искусство и просвещение. Почему да Полента обратил внимание на Данте? Возможно, он действительно хорошо разбирался в поэзии и смог оценить гениальность своего современника. Может быть, роль сыграло сочувствие к горькой судьбе изгнанника. Есть и еще одна немаловажная причина. Франческа да Римини, так ярко и красиво описанная нашим героем, приходилась синьору Равенны теткой, и, конечно же, да Полента не мог не обратить внимания на этот факт. Кроме того, как раз в эти же годы в Равенне работал Джотто. Правда, биограф Данте Джорджо Вазари считал, что художник приехал в Равенну как раз по приглашению Данте.

Гвидо Новелло позвал поэта жить в свой город и подарил прекрасный дом. Он не прогадал — Данте принес ему славу, тем более — пребывание поэта в Равенне чудесным образом совпало с годами ее наибольшего расцвета. Наш герой обрел в Равенне почет и уважение, чего не добился в родном городе. В последние годы вокруг поэта собрался кружок почитателей, среди них были врачи, юристы, ученые. Данте обучал их стихосложению, и сам правитель очень любил посещать заседания, на которых читал наизусть отрывки из «Божественной комедии».

Здесь хочется нарисовать картину идиллической гармонии в отношениях творческого человека с его меценатом, но, скорее всего, в полной мере таких отношений не было. Существует некое довольно резкое послание Данте к Гвидо Новелло, хотя некоторые исследователи сомневаются в его подлинности. Возможно, да Полента не соответствовал

представлениям Данте о покровителе или поэт вообще не мыслил себя объектом меценатства, а только самостоятельной фигурой. Кстати, не потому ли он так упорно стремился к дипломатическим поручениям и добился их на свое несчастье?

При всех своих мирных устремлениях Гвидо Новелло да Полента не всегда мог оставаться в стороне от бурлящих итальянских междоусобиц. Например, в начале 1319 года Равенне пришлось участвовать в стычке с Баньякавалло по поводу спорных долин и лесов, а в 1321-м — он приказал своему брату Джованни захватить в плен их родственника.

Дипломатическая миссия Данте, стоившая ему жизни, касалась отношений с Венецией. Они оставляли желать лучшего уже довольно давно. Обстановка обострилась из-за контрабанды соли, которая в те времена представляла большую ценность. В результате Венеция установила строгую монополию на соль и другие товары, которые проходили через порт Равенны, и начала осуществлять очень строгий надзор за торговыми делами в Равенне, в частности, построила форт Маркабо. Правителя это радовать не могло. Он посылал Данте в Венецианскую республику не один раз, возможно, первое общение по поводу уступок и смягчения венецианских требований состоялось в 1318 году.

Несмотря на красноречие Данте, переговоры оказались бесплодными. В августе 1321 года и без того неважные отношения ухудшились еще больше. Равеннские пираты напали на венецианский торговый корабль, в результате стычки погибли венецианцы. Венеция собралась заключать союз с соседними городами, чтобы идти войной на Равенну. Тогда нашего героя снова отправили послом в Светлейшую республику, и на этот раз переговоры оказались успешными. По легенде, Данте смог подавить своим красноречием дожа и венецианских сенаторов, которые якобы испугались его влияния. На самом деле, конечно, трудно представить себе правителей, боящихся абстрактного красноречия, вопрос, что именно произносилось. Единственный козырь, который имелся у Данте, — это личное покровительство Кангранде, правителя Вероны, и угроза привлечь веронские войска на помощь Равенне, — как раз и мог возыметь нужное действие.

*

Здесь не было видно моря, но в воздухе ощущалась морская свежесть,

покрывавшая город невидимым шатром, купол которого поддерживала высокая башня базилики в честь святого Франциска Ассизского (Сан-Франческо). Данте часто заходил сюда, нагулявшись по холмам, и сидел в тишине, наблюдая, как длинные клинки солнечных лучей рассекают мозаику надвое. Ему нравилось в Равенне всё — красота города, большое количество ясных дней, умиротворенный покой. Но более всего — милость правителя города Гвидо да Поленты, даровавшего изгнаннику дом. Теперь Алигьери мог больше не бояться встретить старость на улице.

Он не чувствовал обиды на Кангранде. Веронский правитель приглашал его жить к себе и делал щедрые подарки. Подарить жилье вельможа не догадался — разве это повод обижаться? К тому же Верона казалась поэту слишком суетной.

Данте посадил во дворе своего нового дома лимонное деревце. Оно росло на удивление быстро и вскоре стало точной копией погибшего флорентийского сородича. Иногда поэту казалось, что, если хорошо порыться под его корнями, — отыщутся коралловые шарики тех разорванных четок. Но вместо этого он рылся в своих воспоминаниях и познаниях, выстраивая адское здание со множеством людей, — которых ему доводилось знать лично и о которых он прочитал в исторических хрониках. Перевернутый собор из человеческих судеб становился все больше, врастая в центр земли. Маленькие кирпичики терцин образовывали прочную поэтическую кладку, способную пережить века.

Он так сроднился с Вергилием, некогда явившимся ему во сне, что порой обращался к нему с вопросами, будто к приятелю, находящемуся в соседней комнате. Однажды, просидев над рукописью двое суток подряд, Алигьери позвал своего выдуманного наставника и вздрогнул, услышав в глубине своего сознания далекий, странно знакомый голос:

— Данте, зачем ты зовешь, кого не знаешь? Позови меня, я спасу тебя от неверного пути, на котором ты стоишь.

— Кто ты? — не спросил, а скорее подумал он. И так же мысленно услышал ответ:

— Это я, это я, поистине я Беатриче. Послушай, что скажу тебе:

*Когда я к духу вознеслась от тела,
И силой возросла и красотой,
Твоя душа к любимой охладела.*

*Ты устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,*

Чьи обещанья — лишь посул пустой^[66].

Пришедший к своему подопечному Гвидо да Полента обнаружил поэта лежащим на полу в глубоком обмороке. Тут же позвали лекаря, который пустил кровь. Данте быстро пришел в себя. Правитель Равенны встревоженно сказал ему:

— Послушай, не от своей ли поэмы ты болеешь? Не полезно человеку пребывать в преисподней хотя бы и лишь одним воображением.

— Но ведь вы так любите это произведение и даже учите его наизусть, — Алигьери с болью смотрел на своего благодетеля, — и потом, я... я уже не смогу бросить эту работу.

— Но зачем же бросать? — удивился Гвидо. — Просто не нужно делать ад главным героем. Пусть он будет лишь не самой большой частью твоего замысла. Например, одной третью. А две другие подели между чистилищем и раем.

— Да! Она говорила то же самое! — вскричал поэт с такой страстью, что да Полента испугался за его рассудок.

— Спокойно, спокойно. Тебе просто нужно хорошо отдохнуть, — бормотал он, расплачиваясь с лекарем.

На следующий день Данте пришел к нему с черными кругами под воспаленными глазами.

— Не знаю, что со мной, — пожаловался он, — но, вероятно, мне придется уехать. Я должен попасть на родину, чтобы хоть раз увидеть детей перед смертью.

Речь поэта звучала столь убедительно, что Гвидо да Полента захотелось схватить его за руку, дабы не отпускать из Равенны. Разумеется, правитель сдержался и сказал успокаивающим тоном:

— Не стоит. Ты же понимаешь, что это невозможно. Особенно теперь, когда ты отказался от возможности прощения.

— От этого унижения?! — вскричал Данте. — Пусть они сами ползут на коленях с веревками на шее за то, что выгнали меня!

Помолчав немного, он тихо добавил:

— Но все же ехать придется, пусть даже меня там убьют. Я не смогу умереть, не увидев детей.

— Зачем думать о смерти, тебе даже еще нет шестидесяти, — возразил правитель Равенны, — а дети... Почему бы им не переехать к тебе? Я готов дать жилье и даже подумать о доходе для них.

...Джемма ходила по отчому дому, что-то бормоча себе под нос. После смерти матери она никак не могла понять, сколько лет ей самой. То казалось, что она глубокая старуха, поскольку уже никто больше не стоял между ней и смертью. То, наоборот, в ней оживали воспоминания детства. Она узнавала трещинки в стене, которые много лет назад напоминали ей диких драконов, которых она мечтала вышить на гобелене. Вспоминала свои юные мечты о прекрасном женихе, который будет любить ее до гроба... Где он сейчас? Помнит ли о ее существовании?

Гулкий топот нескольких пар ног вывел ее из задумчивости. В залу быстро вошли сыновья. За ними в дверь просунулась Антония со своим неизменным вышиванием.

— Мама, справедливость все-таки восторжествовала, хотя и не в нашем городе, — начал Пьетро.

— Отец смог добиться высокого положения в Равенне и зовет нас туда, — продолжил Якопо, — нам даже обещаны небольшие бенефиции.

— Какие бенефиции, у вас же нет духовного звания, — устало напомнила Джемма.

— Если решение исходит от самого правителя города, то все возможно, — объяснил старший сын.

Мадонна Алигьери обвела сыновей грустным взглядом:

— Ну что же, в добрый час. Верю, что вас ожидает достойное будущее, намного лучшее, чем здесь. Жаль, я больше не увижу вас, ведь вам будет опасно возвращаться. Наши, скорее всего, сочтут ваш отъезд за измену.

— Но ты можешь навестить нас, мама, — сказал Пьетро.

— Я? Нет, — вздохнула Джемма, — у меня нет ни сил, ни денег, чтобы путешествовать. К тому же меня никто не звал. Мы с Антонией останемся. Что такое? — поморщилась она, столкнувшись с отчаянным взглядом дочери. Та зарыдала:

— Я тоже поеду к отцу.

— Это глупо и даже неприлично. Даже не думай, — отрезала мадонна Алигьери, — что ты будешь делать там, незамужняя девушка, в компании друзей отца?

— Я поступлю в равеннский монастырь. — Антония яростно вытерла слезы. — Мама! Мне был сон. Я обязательно должна увидеть отца! Хотя мое сердце разрывается при мысли, что я оставляю тебя.

Джемма взяла шитье из рук дочери, села в кресло, задумчиво рассматривая узор.

— Ты все-таки решилась вышивать Пресвятую Деву? — спросила она так спокойно, будто ничего не произошло.

— Да... — робко кивнула Антония, — но еще так много работы...

— Я закончу ее, — пообещала мать, — езжай спокойно. Надеюсь, твои братья будут охранять тебя в дороге. Правда, мальчики?

Они кивнули, не в силах сдержать слез.

— Мама... Давай ты поедешь с нами, — попросил Якопо, — мы выпросим у правителя Равенны кров и для тебя.

— Ну что вы? — Джемма неожиданно улыбнулась. — Мой кров здесь. Я не пропаду. К тому же нельзя оставить одну Лаису. Ей-то уж точно будет плохо без меня. С Богом. Благословляю вас, мои любимые дети. Антония, ты ничего не хочешь мне сказать на прощание?

Дочь помотала головой, тихо всхлипывая. Она не могла говорить.

На следующий день после обеда они выехали втроем на двух лошадях. Маленькую хрупкую Антонию посадили перед Якопо, лошадь которого была более выносливой. На привале сестра ничего не ела. Сидела, молча глядя на пламенеющий закат, в котором будто сгорала ее прежняя жизнь.

— Не переживай так. Мать поймет, — сказал Якопо.

— Да, время лечит. Хотя признаться, ты, сестрица, и меня поразила до глубины души, — добавил Пьетро, разламывая лепешку.

— Я не могла иначе, — объяснила Антония. — Правда, кое о чем пришлось все-таки умолчать, дабы уберечь маму от дополнительного расстройства. Я не сказала ей имя, под которым собираюсь принять постриг.

— И какое же? — хором спросили братья.

— Беатриче.

*

В тихой спокойной Равенне, будто в волшебной стране, воплощались давние мечты. Данте сидел в своем доме, окруженный почитателями. Сам правитель города декламировал наизусть его стихи, а сыновья поэта писали к ним комментарии. Нежданной радостью стала единственная дочь. Она поступила в один из равеннских монастырей и совершала много добрых дел, помогая бедным. Но главное — она приняла имя той, что вывела заблудившегося мессира из адских глубин, имя Беатриче. Он никогда не

спрашивал дочь, почему ей пришло в голову совершить такой поступок, но постоянно благодарил за это небеса.

Вообще, жизнь в Равенне текла так радостно, что Данте порой казалось, что он спит. Он сочинял стихи о рае, соединяясь в них со своей настоящей и единственной возлюбленной, отнятой у него злой судьбой, но вновь возвращенной силой поэзии. «Твоя власть не в политике, а в поэзии», — говорил старый птичник Луций. Кем бы он ни был на самом деле, он оказался прав.

Но политической деятельности все же не хватало. Данте намекал правителю Равенны, что мог бы неплохо справиться с какой-нибудь дипломатической миссией. Да Полента обещал подумать и вновь возвращался к восторженному декламированию терцин своего поэтического кумира.

Стоял 1321 год. «Рай» неуклонно двигался к завершению, и это пугало Данте. Он не знал, что делать после завершения поэмы — «Комедии», как он ее называл. Уже были должным образом отмечены добрые люди прошлого. Ему хотелось поскорее начать писать финальную сцену, где он гуляет со своей возлюбленной среди райских куц. Внутреннее чувство говорило ему, что нельзя заканчивать произведение таким образом, но он так настрадался за жизнь. Неужели в своих стихах, где он является полноправным творцом, ему не будет позволено подчинить сюжет своей воле? Нет, он сотворит этот финал, как последний аккорд торжествующего гимна своей божественной любви!

*Данте начал писать завершение:
Я видел много лиц, любви достойных,
Украшенных улыбкой и лучом,
И обликов почтенных и спокойных.*

*Когда мой взор, все обошед кругом,
Воспринял общее строенье Рая,
Внимательней не медля ни на чем,*

*Я обернулся, волей вновь пылая,
И госпожу мою...^[67]*

В это мгновение все завертелось у него перед глазами. В следующий момент он воочию разглядел райский ландшафт, который описывал, но на

месте Беатриче находился старец в белых одеждах.

— Где она?! — закричал поэт, забыв, что находится в воображаемом мире и никто ему не ответит.

Но случилось чудо, и старец заговорил:

*«К тебе твоим я послан другом,
Чтоб ты свое желанье завершил.*

*Взглянув на третий ряд под верхним кругом,
Ее увидишь ты, еще светлей,
На троне, ей сужденном по заслугам»*^[68].

— Да разве в том мое желание?! — с отчаянием выкрикнул Данте и проснулся. Он лежал в своей кровати, за окном щебетали птицы. В дверь робко постучали.

— Войдите! — крикнул он, вспомнив, что сегодня собиралась прийти дочь.

— Как ваше здоровье, отец? — с нежной внимательностью спросила она и прибавила с улыбкой: — Мне позволили первой сообщить вам радостную весть, о которой вы долго мечтали. Синьор да Полента счел возможным сделать вас своим дипломатом в Венеции.

На самом деле, причина этого поручения не несла в себе ничего радостного. Равенна оказалась на грани войны со Светлейшей республикой из-за какого-то доморощенного пирата, осмелившегося напасть на своем суденышке на корабль венецианского купца. И тут Гвидо да Поленте очень повезло с Данте, которому покровительствовал Кангранде делла Скала. Имя могущественного веронского правителя могло стать аргументом в переговорах и убедить венецианцев не объявлять войну Равенне.

Спустя три месяца после того удивительного сна на прекрасном белом коне, снабженный высочайшими полномочиями, поэт ехал в Венецию и сам себе удивлялся. Те-перь-то сбылись его самые смелые мечтания. Он не только известный поэт, живущий в собственном доме, окруженный почитателями и любящими детьми, но и политик, которому доверили судьбу целого города. Двадцать лет назад Данте бы ночами не спал, готовясь к такому событию. Теперь же его будто вовсе не волновало, как пройдут переговоры. Перед глазами стояло лицо да Поленты, желающего получить полную рукопись «Комедии» до конца года.

— Я не уверен, что закончу ее, — сказал поэт. — Ни до конца года, ни

вообще когда-либо...

— Вы говорите невозможные вещи, — тоном, не терпящим возражений, отреагировал правитель, — разве вам не ведомо: рукопись ждет Кангранде? Он даже уже получил ее, за исключением нескольких последних песен и знает: работы вам осталось совсем немного. Неужели вы хотите испортить с ним отношения в такой важный для нас момент?

Алигьери не стал говорить своему благодетелю, что «Комедия» завершена, но последние 13 песен автор спрятал в тайнике в своей спальне, не желая делиться с миром своей любовной неудачей.

Думая об этих тринадцати ненавистных песнях, Данте говорил с венецианским дожем. Он объяснил дожу, что Кангранде ожидает поэму и поэтому уж точно позаботится о покое в Равенне, а у самого Кангранде много союзников в других итальянских городах. И пусть венецианские дожи сами решают, как лучше: забыть про глупого пирата, которого уже наказали равеннские власти, или ввязываться в долгую утомительную войну. От поэта веяло мрачной уверенностью. Дожи подумали и решили сделать вид, будто пирата не существовало.

Обратно он поехал, желая сократить дорогу, болотистыми низовьями По. Пробираясь сквозь туман, думал о том, как, не меняя пришедших во сне стихов, написать финал, соединяющий его с Беатриче. И вдруг его озарило: он вернется на землю и будет оставшееся время искупать грехи праведной жизнью, а потом, может быть...

Конь резко вздыбился, скинув седока. Чертыхаясь, Данте поднялся. С костюма стекала вода и грязь, мгновенно он промок до нитки. Стуча зубами от холода, Алигьери снова забрался в седло и начал оглядываться в поисках жилья. Но вокруг до горизонта расстилались болота. Ему пришлось ехать в мокрой одежде несколько часов, прежде чем он достиг ближайшего селения.

Ночью у него начался жар. В полубреду он взывал к Беатриче:

*«О госпожа, надежд моих ограда,
Ты, чтобы помощь свыше мне подать,
Оставившая след свой в глубях Ада,*

*Во всем, что я был призван созерцать,
Твоих щедрот и воли благородной
Я признаю и мощь и благодать.*

Меня из рабства на простор свободный

*Они по всем дорогам провели,
Где власть твоя могла быть путеводной.*

*Хранить меня и впредь благоволи,
Дабы мой дух, отныне без порока,
Тебе угодным сбросил тлен земли!»*^[69]

Ему нравилось. «Вот так-то лучше!» — шептал он, дрожа и натягивая на себя негреющее одеяло. Но вдруг вспомнил: он уже писал эти строки, они входят в те отверженные 13 песен, спрятанных в тайнике.

Через пару дней за ним приехал сын Пьетро, каким-то чудом узнавший о болезни отца и отыскивший его. Было уже поздно. Больной никого не узнавал, призывая Гвидо. Когда правитель Равенны пришел к своему подопечному, тот закричал на него:

— Не ты! Я зову Гвидо Кавальканти. Пусть он перестанет мстить мне. Это он завел меня в болото...

К исходу третьего дня больной пришел в сознание, но был совсем слаб.

Монахиня Беатриче стояла у его изголовья и утешала его:

— Отец, ты выздоровеешь! Бог милостив.

Он посмотрел на нее и вымученно улыбнулся:

— Ничего не выйдет. Она отказалась быть моей. Она ко мне свой обратила взгляд. И вновь — к сиянию Вечного Истока.

— Кажется, опять бред, — прошептал Якопо.

— Нет, — вздохнула Антония-Беатриче, — он просто видит нечто, недостижимое для нас.

Через несколько дней Данте Алигьери отпевали в базилике Сан-Франческо, куда он так часто приходил в последние годы. На похороны приехал Кангранде делла Скала.

— Какой ужас! — сказал он да Поленте. — Поэма осталась незаконченной.

— Да, — ответил правитель Равенны, — но мне гораздо более жаль автора. Теперь моя жизнь станет пустой.

С этими словами он возложил на голову усопшего лавровый венок, восстанавливая справедливость, нарушенную неблагодарными соотечественниками великого поэта.

После похорон да Полента призвал к себе сыновей Данте и в присутствии Кангранде попросил их завершить «Комедию». Пьетро и

Якопо стояли, ошарашенные, не зная, как ответить. Да, они баловались стишками, но взяться за столь явный шедевр?

Правитель Вероны вмешался и намекнул: бенефиции выделялись им только ради отца. Теперь, дабы сохранить доход, придется сделать эту работу.

Растерянные братья шли домой. Особенно переживал Якопо, не имевший в последние годы другого дела, помимо редакторской помощи отцу. Пьетро хотя бы был неплохим юристом.

...Якопо остался ночевать в доме отца. Он долго не мог заснуть и лишь под утро провалился в тяжелый сон. Вдруг кто-то схватил его за руку, в глаза ударил яркий свет, который исходил от одежд человека, стоящего перед ним. Он узнал отца и, дрожа от страха, спросил:

— Ты закончил поэму?

— Закончил, — ответил тот и, без усилия выдернув сына из постели, повел его в свою спальню. Затем прислонился к стене и исчез.

Якопо проснулся в своей комнате на полу и тут же побежал к брату. Вместе они обыскали спальню Данте и увидели, что одна стена прикрыта циновкой. За ней обнаружилась потайная ниша, в которой лежала рукопись — отсыревшая и уже начавшая покрываться плесенью.

Братья осторожно вытащили ее. Это были последние недостающие песни.

— Неужели это свершилось? — произнес Пьетро шепотом, словно боясь спугнуть чудо. — Поразительно! Господь не допустил горя человечества. А оно было бы велико, если бы такой грандиозный труд остался бы незаконченным.

— Меня поражает другое, — отозвался Якопо, — как он, наш отец, создал эту машину? Мне кажется, такое под силу разве что целому народу, но никак не одному человеку.

— А тут все сказано в конце, — Пьетро осторожно перелистывал влажные страницы, — смотри:

*Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенья всех его усилий.*

*Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,*

Любовь, что движет солнце и светила^[70].

— Да, любовь великая сила, — согласился Якопо, — впрочем, тут нечто другое... я хочу сказать... Пьетро! Я вдруг понял, что подразумевают, когда говорят: «Бог есть любовь!»

*

Звезда Гвидо Новелл о да Поленты вскоре тоже закатилась. Он планировал построить своему любимому поэту пышную усыпальницу, словно королю, но утратил власть в городе и не смог осуществить своего грандиозного проекта. В 1327 году Бернардо Каначчо написал эпитафию:

«Государевы права, небеса, воды Флегетонта
я воспевал, идя своей земной юдолью.
Теперь душа моя ушла в лучший мир и блаженствует,
созерцая среди светил своего Создателя,
здесь покоюсь я, Данте, изгнанный из отечества,
родной Флоренции, мало любящей матери».

Тело Данте покоилось в Равенне, в портике базилики Сан-Франческо. В 1483 году градоправитель Бернардо Бембо для могилы Данте заказал скульптору Пьетро Ломбарди барельефный портрет поэта, который сохранился до наших дней.

Со временем во Флоренции поняли, какого великого человека изгнали. Начались разговоры о перенесении праха Данте на родину. В 1519 году Микеланджело обратился с этой просьбой к папе Льву X. Понтифик издал соответствующий указ, и гроб повезли из Равенны во Флоренцию, но когда его открыли — он оказался пустым.

Оказывается, монахи-францисканцы из соседнего монастыря решили не отдавать останки поэта во Флоренцию и похитили их. Возможно, Данте все же успел стать францисканцем-терциарием, и они считали его своим. С целью похищения в гробнице проделали отверстие и прокопали тоннель под монастырской стеной. Останки тайно похоронили на территории монастыря в Сиенцо. Более столетия спустя, в 1677 году, прах Данте поместили в деревянную раку, на которой настоятель монастыря Антонио Санти распорядился вырезать латинскую эпитафию.

При Наполеоне, проводившем секуляризацию церковной собственности, монастырь был распущен, но францисканцы успели перепрятать деревянную раку в портике монастыря Браччиофорте, неподалеку от нынешнего мавзолея Данте. Интересно, что это название (ит. *Braccio forte*) переводится как «сильная рука», в данном случае имеется в виду рука Господа Иисуса Христа.

Раку нашли в 1865 году во время работ по благоустройству территории монастыря Браччиофорте и по эпитафии опознали, что в ней — прах Данте. Его перенесли в мавзолей и поместили в саркофаге. Там останки великого поэта нашли постоянное пристанище, эвакуировались лишь только раз во время Второй мировой войны, поскольку армия союзников бомбила Равенну.

Сегодня на месте, где францисканцы прятали прах, висит мемориальная доска.

Мавзолей великого поэта — *Tomba Di Dante* — находится в Равенне на улице Алигьери, 9, — близ базилики Сан-Франческо.

Над захоронением можно увидеть тот самый барельеф работы Пьетро Ломбарди конца XV века. Данте на нем задумчиво листает толстую книгу. И саркофаг, и барельеф гораздо старше самого мавзолея, построенного в 1780 году архитектором Камилло Мориджей. А вот крест с позолотой установили намного позже — в 1965 году, к 700-летию юбилею поэта по поручению папы Павла VI. Венок из бронзы и серебра у подножия саркофага появился в 1921 году — это дар Данте от ветеранов итальянской армии. Муниципалитет Триеста преподнес сосуд на мраморной подставке работы скульптора Джованни Маера. Но самый значимый из подарков, сделанных нашему герою благодарными потомками, — маленькая колокольня от правительства Италии. Она находится прямо за мавзолеем, в углу маленького дворика. Каждый вечер на закате солнца в память о Данте раздается колокольный звон...

А во Флоренции, изгнавшей своего гения, тоже есть гробница Данте, в 1829 году ее установили в базилике Санта-Кроче, и она пуста. Зато у нее прекрасное соседство — могилы художника Микеланджело, ученого Галилео Галилея, философа Никколо Макиавелли, композитора Джоаккино Россини.

Есть у родины Данте только одно небольшое утешение: ежегодно в сентябре к традиционным Дантовским дням Флоренция, по договору с Равенной, отправляет туда масло для лампадки, которая висит над настоящим местом упокоения великого поэта...

Эпилог

АД И РАЙ

Художественная реконструкция биографии Данте Алигьери закончена. В ее основе, помимо множества легенд, сложившихся вокруг имени Данте, — подлинные исторические документы. Теперь, когда путь пройден и перед глазами сформировалась достаточно цельная картина, — приведем для окончательного сравнения бесхитростный пересказ содержания аниме «Ад Данте», сделанный все теми же анонимными геймерами. И постараемся, наконец, ответить на вопрос: имеют ли этот мультфильм и одноименная компьютерная игра какое-либо культурное значение и как стоит оценивать появление подобных проектов?

«Перед тем как отправиться в новый Крестовый поход, он (Данте. — А. В.) клянется в верности своей возлюбленной Беатрис, причем на кресте. Данте обещает вернуться из похода и взять ее в жены.

Война сильно изменила Данте. Хороший и верующий человек превратился в жесткого и расчетливого воина, который исполнял все приказы обезумевших от религии епископов. Они обещали отпустить ему все грехи, лишь бы он продолжал воевать против мусульман.

Опьяненный безнаказанностью и ненавистью, Данте изменяет своей возлюбленной с одной иноверкой, которая отдалась ему, чтобы спасти своего мужа. После этого он пустился во все тяжкие и нагрешил как следует.

И однажды Данте получает смертельный удар в спину, и когда за ним явилась смерть, он не отправился в ад, а убил посланницу мертвых собственной же косой. Пересмотрев свои поступки, он решает воссоединиться со своей любимой.

Вернувшись домой, он обнаруживает, что его отец и возлюбленная убиты. Причем клинку предал их тот самый несчастный, чья жена грешила с Данте ради его спасения. Убитый горем воин становится свидетелем, как прибывший за душой Беатрис дьявол забирает ее. И хоть она была невинна и безгрешна, Люцифер все же нашел лазейку, как прибрать эту чистую душу.

Беатрис была настолько уверена в своем возлюбленном, что поклялась, можно даже сказать, поспорила с дьяволом, что Данте останется ей верен и когда вернется, то всё у них будет хорошо. Слабым звеном в этой цепи

оказался сам Данте, его грехи и пороки позволили Люциферу заполучить такую чистую душу.

Несогласный с таким положением вещей, Данте отправляется на поиски своей любимой, причем не куда-либо, а прямо в преисподнюю. Ему суждено пройти все девять кругов ада, по одному на каждый смертный грех, и сразиться с самыми жуткими стражами преисподней. А в конце помериться силами с властелином этого вечного кошмара. В этом нелегком приключении Данте будет помогать один из обитателей Лимбо, поэт Вергилий, он, как и множество других, вполне не плохих людей, застрял в первом кругу ада.

Пробираясь по преисподней, Данте созерцает весь ужас и мучения грешников, коим является и он сам. Постепенно главному герою напоминают о его прегрешениях, на каждом кругу он будет встречать знакомых людей и даже родственников. С трудом продираясь сквозь ряды жутких созданий, Данте добирается до своей любимой и освобождает ее. Но для того, чтобы воссоединиться с ней, ему придется отправиться еще глубже и сразить повелителя тьмы.

Прорубаясь через толпы мерзких обитателей и стражей, Данте спускается в логово Люцифера. В тяжелом бою он убивает громадное создание, но неожиданно дьявол раскрывает свои карты. Оказывается, похищение Беатрис было всего лишь обманным ходом, Люцифер хотел, чтобы Данте пришел и освободил его. Используя собранные им души, Данте снова запирает Люцифера в его теле, после чего отправляется в чистилище».

Да, авторы сценария аниме намеренно переиначили многие моменты биографии нашего героя. Как уже говорилось, им требовалось учитывать интересы очень широкой аудитории, и с персонажем, «далеким от народа», проект бы попросту не состоялся. Но так ли уж сильно они исказили само произведение и мировоззрение его автора? Даже сама история появления у Данте его «супероружия» — косы, отнятой у смерти, — абсолютно точный пасхальный символ.

«Смерть стала достоянием смерти, / В свою ловушку угодив» — цитата из литургического сборника русской католической церкви.

Достаточно точно передана структура ада, упомянуты уважительное отношение нашего героя к выдающимся деятелям Античности и его конфликт с церковными структурами.

Теперь об игре. Тут все гораздо сложнее. Да, конечно, самый далекий от исторических событий и христианских ценностей геймер, поиграв в «Dante's Inferno», начинает мыслить совершенно новыми для себя

категориями. Ему придется вести свою виртуальную войну, прикидывая, что выгоднее — порок или святость.

Вот список боевых приемов «Dante's Inferno»:

«Первый уровень

Воздаяние — отражение атак дальнего боя.

Касание смерти — апгрейд захвата.

Порочный торнадо — круговой удар.

Второй уровень

Буря похоти-2 — магия, наносящая урон врагам.

Крушитель душ — усиленный удар в прыжке.

Порочный циклон — круговой удар в воздухе.

Третий уровень

Буря похоти-3 — апгрейд магии, блокирует дальнобойные атаки.

Ячейка искупления — ячейка к шкале искупления.

Осколок души — подкидывает врага в воздух мощной атакой.

Четвертый уровень

Грехи отца — апгрейд магии, увеличено расстояние.

Слот реликвии — дополнительный слот под реликвию».

Перечень сильно сокращен. Помимо вышесказанного, можно усилить распятие и все связанные с ним приемы, например:

«Святой взрыв — удар двумя волнами крестов.

Божественная сила — усиленный удар крестом.

Небесная сила — накапливает энергию для мощной атаки.

Первый уровень

Святой залп — три волны крестов.

Святое правосудие — двойная сосредоточенная атака.

Ячейка искупления — дополнительный слот для шкалы искупления.

Святая защита — урон снижен на 10 процентов.

Праведный путь — повышен урон от рывка.

Мученичество — за здоровье и манну наносит огромный урон всем окружающим.

Благословенный дух — убивая врагов крестом, вы будете получать дополнительные жизни.

<...>

Седьмой уровень

Благословлённый дух — увеличивает количество получаемого здоровья».

Конечно, крайне сомнительно выглядит использование христианских категорий в контексте магии. Но существует мегапопулярное литературное

произведение, полностью построенное на подобном смешении. Это «Гарри Поттер», книга, прогремевшая на весь мир и оказавшая немалое воздействие на современную культуру. Отношение к ней со стороны христианского мира, мягко сказать, неоднозначное. Эту книгу даже публично сжигали при участии священнослужителей, причем даже не один раз и не в одной стране. В то же время существуют священники, предлагающие использовать ее как помощь в катехизации детей. Все это зачастую происходит в рамках одной и той же конфессии.

Твердой официальной позиции по эпопее Джоан Роулинг не существует ни в католицизме, ни в православии. Кардинал и архиепископ Сидней Джордж Пелл начал писать эссе о «Гарри Поттере» в своей постоянной колонке издания «Санди телеграф» («Sunday Telegraph») с момента выхода первой книги. Он благодарил Роулинг за отображение ценностей, которые «подлинно совместимы с христианством». А кардинал Йозеф Ратцингер, он же папа Бенедикт XVI, похвалил немецкого критика, разгромившего Роулинг: «...хорошо, что вы просвещаете людей о Гарри Поттере, потому что это один из тех тонких соблазнов, которые действуют незаметно и при этом глубоко в душе искажают понимание христианства до того, как оно сможет взрасти». Примерно в это же время официальное лицо папского совета по культуре, священник Питер Флитвуд выступил в поддержку эпопеи: «...если я правильно понял намерения автора Гарри Поттера, книга помогает детям увидеть разницу между добром и злом. И Роулинг очень ясно выразилась по этому вопросу». Он добавил, что автор — «христианка по убеждениям, христианка по своему образу жизни, даже по манере писать».

Отношение поместных православных церквей к эпопее о Гарри Поттере было более негативным. Критики писали, что эти книги «знакомят людей со злом, колдовством, оккультизмом и демонологией». Также критиковали предполагаемую аналогию между Гарри Поттером и Иисусом Христом. Тем не менее и православие не выступило единодушно. Например, известный русский богослов Андрей Кураев в своей книге «Гарри Поттер в Церкви: Между анафемой и улыбкой» написал: «Его противники — это безнадежно повзрослевшие люди. Знаете, чему на самом деле учат эти книжки? Тому, что материнская любовь защищает лучше любого пистолета. Что мужество и верность хороши. Что друзьям надо помогать. Что бояться зла нельзя и очевидное могущество зла не есть повод к тому, чтобы перейти на его сторону. Что, если настанет время делать выбор между легким и правильным, надо выбирать правильное».

Воздержимся от высказывания какого-либо мнения по поводу

творчества Роулинг, наша книга посвящена другой фигуре. Но в этом сравнении игрового проекта «Dante's Inferno» и эпопеи «Гарри Поттер» прослеживается похожая тенденция. С одной стороны, наше общество действительно приобрело некие черты, позволяющие не только писать подобные книги, но и с легкостью относиться к шедеврам классики. С другой — а действительно ли это показатель «постхристианства» и упадка европейской культуры? Возможно, Роулинг когда-нибудь назовут миссионером, как уже сейчас к ним робко пытаются причислить Толкина и Льюиса. А что касается «надругательства» над шедевром Данте, из которого сделали игрушку на потребу массам, — так ведь были же в Средние века площадные мистерии, показывающие в очень упрощенном виде для неграмотных сюжеты Священного Писания. В любом случае проявление массового интереса к Данте — благодаря мультикам и игрушкам, роману Дэна Брауна — это все-таки признак жизни европейской цивилизации. Было бы хуже, если бы «Божественная комедия» пылилась на витринах музеев в нетронуто-первозданном виде.

Здесь хочется снова вспомнить слова Христа:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»^[71].

Итак, не стоит печалиться о падении нравов, стоит восхищаться универсальностью гения Данте, способного найти общий язык с людьми, живущими спустя 700 лет после написания его произведения.

Есть еще один интересный момент в восприятии Данте. Как правило, его фигура прежде всего ассоциируется с адом, хотя главной частью, «венцом творения» своей «Божественной комедии» он сам считал рай. На первый взгляд это кажется закономерным, ведь «ужасник» всегда интереснее какой-то абстрактно-красивой истории. Всё не так просто. Даже на коротком отрезке времени тенденции сильно меняются. В СССР второй половины XX века существовал культ интеллигентских пьянок на кухнях, сам факт участия в подобных мероприятиях уже будто мог духовно обогатить человека. Сейчас мало кто поймет сакральность мероприятий подобного рода. Зато советского интеллигента наверняка бы возмутил современный интеллеktуал, исповедующий здоровый образ жизни.

В связи с этим можно заключить, что, возможно, мы скоро дорастем до понимания рая. Умберто Эко, например, считал, что просто когда-то критики «низко оценили «Рай», и это проклятие висело над произведением во все последующие века».

На самом деле, «Рай» стали осмысливать уже в XIX веке — и не где-нибудь, а в нашей стране. Такая русская и даже советская фраза: «Из искры возгорится пламя» — на самом деле принадлежит Данте. В I песни «Рая» есть строки «...искра здесь живая, / Чье пламя разрослось, пыланьем став»^[72]. В другом дантовском тексте, в трактате «Пир» она звучит еще привычнее нашему уху: «...малая искра разрастается в большое пламя».

Задумаемся: а с какой целью создавалась «Божественная комедия»? Ведь в те времена не существовало массовой литературы, да и вообще литературы в сегодняшнем понимании. Писались ученые трактаты, духовные гимны, песни менестрелей, прославляющие прекрасных дам. Собственно, в шедевре Данте хотя он и замышлял его как памятник своей Даме — Беатриче, есть признаки всех трех жанров. Но, наверное, более всего в «Божественной комедии» проявляется именно энергия гимна, восхваляющего Творца. Ведь только дочитав «Рай» до последней строки, понимаешь величие общего замысла, в котором ад не всеобъемлющ, но строго заключен в свои упорядоченные круги, зато Божие милосердие бесконечно.

Данте воплотил в поэзии философию Фомы Аквинского, который искал общие черты в законах физики, движении планет и людской жизни и нашел лишь одну — любовь, которая движет всем.

Русский поэт и дантовед Ольга Седакова выражает эту «позитивность» Данте как «служение надежде».

«Говоря о Данте, первом поэте европейской цивилизации, *delli altripoeti onore e lume*, я думаю о поэзии вообще, о том «сообщении», которое она несет в мир. Я думаю о том, что все искусство самым интимным образом связано со «служением надежде»... То освободительное наслаждение, которое мы, читатели, зрители, слушатели, переживаем при встрече с великим произведением искусства, сводится к переживанию некоей таинственной надежды. Оно выводит нас из той глухой, замкнутой — и в каком-то отношении удобной — безнадежности, в которую человека тянет как будто по закону «тепловой смерти». Оно выводит нас из привычки, из жизни вне начала, из забвения о начале...

..привел меня к этой догадке Данте, «верный Надежде», на отлично сдавший экзамен по этому предмету апостолу Иакову (Рай. Песнь XXV) и получивший от него задание: увидав воочию истину Небесного града, Данте будет укреплять надежду на него в себе и в других».

Вот и ответ, почему поэт из запредельно далеких «темных веков» вдруг оказывается удивительно близок человеку XXI столетия, порядком разуверившемуся, но еще не потерявшему надежду.

И очень возможно, что прав Умберто Эко, написавший уже в наши дни в одном из своих эссе «О литературе»: «Рай» Данте может быть сегодня прочитан и распробован лучше. Чтобы поразить воображение молодых читателей или тех, кого не интересует ни Бог, ни разум, добавлю, что «Рай» Данте — это апофеоз виртуальной реальности, в чистом виде нематериальный *software*, не отягощенный земным и адовым «жестким диском», от которого остаются только обрезки «Чистилища». «Рай» — это даже не современность: для читателя, не очень хорошо разбирающегося в истории, он может стать пугающе прекрасной моделью будущего. Это торжество чистой энергии, какое обещает нам веб-паутина, не способная, однако, его дать. Это воспевание световых потоков, бесплотных тел, поэма, созданная из карликовых звезд и непрерывного Большого взрыва. Это история, события которой тянутся световыми годами; это, если хотите более близкий пример, славная «Космическая одиссея» со счастливым концом. При желании вы можете прочесть «Рай» именно так. Ничего дурного в этом не будет, и он покажется вам увлекательнее стробоскопической дискотеки или экстази. Потому что, в отличие от экстази, третья часть «Божественной комедии» сдерживает свои обещания».

Закончим эту книгу словами профессора Лэнгдона из романа Дэна Брауна «Инферно»:

«— Друзья мои, переоценить влияние творчества Данте попросту невозможно. За исключением разве что Священного Писания, во всей нашей истории не найти такого произведения искусства, — будь этим искусством музыка, живопись или литература, — которое породило бы большее количество восхищенных отзывов, вариаций, подражаний и комментариев, чем «Божественная комедия».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

1265, вторая половина мая — во Флоренции у гвельфа Алигьеро Алигьери и госпожи Белы родился сын Дуранте (Данте).

1277, 9 февраля — по воле отца обручен с Джеммой Донати.

Около 1283 — после смерти отца остается старшим в семье, состоящей из мачехи, единокровных сестер и брата.

1285–1287 — учеба в Болонском университете. Начало дружбы с Чино да Пистойей.

1289, 11 июня — участие в сражении при Кампальдино, закончившемся победой флорентийцев, предводительствуемых Аймериком де Нарбонном, над войском аретинцев.

Август — осаждает замок Капрону близ Пизы, присутствует при капитуляции гарнизона крепости.

1290, 8 июня — смерть Беатриче Портинари, в замужестве деи Барди, возлюбленной поэта.

1291 — написана «Новая жизнь».

1291–1292 — женитьба на Джемме Донати.

1294, март — в составе почетного рыцарского эскорта флорентийцев Данте сопровождает от Сиены до Флоренции номинального короля Венгрии Карла Мартелла.

1295, 1 ноября — становится членом Особого совещания при капитане народа. Избирается одним из старейшин своей части города — Сан-Пьер-Маджоре (по 30 апреля 1296 года).

1296, май — сентябрь — входит в Совет ста, ведающий финансовыми делами Флорентийской республики.

1297 — состоит членом совета подеста.

1298–1299 — продолжение политической деятельности (архив флорентийской коммуны за эти годы утерян, данных о занимаемых Данте должностях нет).

1290-е годы — рождение сыновей Якопо и Пьетро и дочери Антонии.

1300, 15 июня — избрание одним из семи приоров Флоренции. Участие в приорате (по 15 августа), по словам Данте, стало началом всех

его бедствий.

1301, июль — направляется послом от белых гвельфов к папе Бонифацию VIII в Рим.

Декабрь — тайное возвращение во Флоренцию, находящуюся с ноября во власти черных гвельфов.

1302, начало января — навсегда покидает родной город.

27 января — обнародован обвинительный акт против бывшего приора Алигьери за хищение денег коммуны, организацию сопротивления папе Бонифацию VIII и Карлу Валуа, внесение разлада в партию гвельфов.

Январь — осень — проживание в горных замках графов Гвиди.

10 марта — новое решение суда черных гвельфов: если Данте вернется во Флоренцию, «то пусть его жгут огнем, пока не умрет».

8 июня — в Сан-Годенцо вместе с шестнадцатью другими представителями белых гвельфов подписывает прошение к семейству Убальдини о помощи изгнанным из Флоренции белым гвельфам. Участие в гражданской (первой Муджеланской) войне между черными гвельфами с одной стороны, белыми гвельфами и гибеллинами с другой.

Осень — служит секретарем правителя Форли Скарпетты де-льи Орделаффи.

1303, начало года — уезжает из Тосканы для переговоров с синьором Вероны Бартоломео делла Скалой из партии гибеллинов о помощи белым гвельфам.

1303–1304 — проживание в Вероне. Работа над трактатами «Пир» и «О народном красноречии».

1304, 7 марта — смерть «великого ломбардца» Бартоломео делла Скалы, покровительствовавшего Данте.

1305–1306, лето — странствует по городам и замкам Северной Италии (Тренто, Тревизо, Венеция, Реджо, Виченца, Падуя, Парма, Мантуя).

1306, лето — проживание в Луниджане в замках маркизов Маласпина (по 1308 год).

6 октября — по уполномочию семейства Маласпина заключает мирный договор с епископом и графом Луни Антонио Камуллой. Продолжает писать трактат «О народном красноречии», создает цикл стихов «О каменной даме».

1308 — приезд в Париж, где слушает лекции в Сорбонне и преподает (по 1310 год).

1310, 23 октября — начало итальянского похода германского короля Генриха VII.

1311, январь — приезд в Милан на коронационные торжества.

Обращение с посланием «К правителям и народам Италии».

31 марта — гневное послание Данте к соотечественникам. *Апрель* — посещает в Пизе дом флорентийского изгнанника Петрарки, где его видит семилетний Франческо, будущий знаменитый поэт Возрождения.

18 апреля — письмо императору Генриху VII с призывом направиться в Тоскану.

Апрель — май — составляет три письма императрице Маргарите от имени графини Баттифолле.

1312 — окончание работы над политическим трактатом «О монархии».

1313, 24 августа — скоропостижная смерть императора Священной Римской империи Генриха VII в местечке Буонконвенто.

Сентябрь — уединяется в горном монастыре бенедиктинцев Святого Креста в аббатстве Фонте-Авеллана (Санта-Кроче-ди-Фонте-Авеллана), где пишет первую часть «Комедии».

1314, июнь — письменное обращение к итальянским кардиналам. *Октябрь — ноябрь* — покидает монастырь Санта-Кроче.

1315 — проживание в Луке. Завершение работы над «Адом». В письме «к флорентийскому другу» отказывается от возвращения на родину на условиях декрета об амнистии изгнанников.

1316, начало года — проживание в Вероне у Кангранде делла Скалы (до конца 1317 года). Работа над «Чистилищем».

1317 — появление полных рукописных списков «Ада».

1318 — поселяется в Равенне в доме, подаренном правителем города Гвидо да Полентой. Дописывает последние песни «Чистилища».

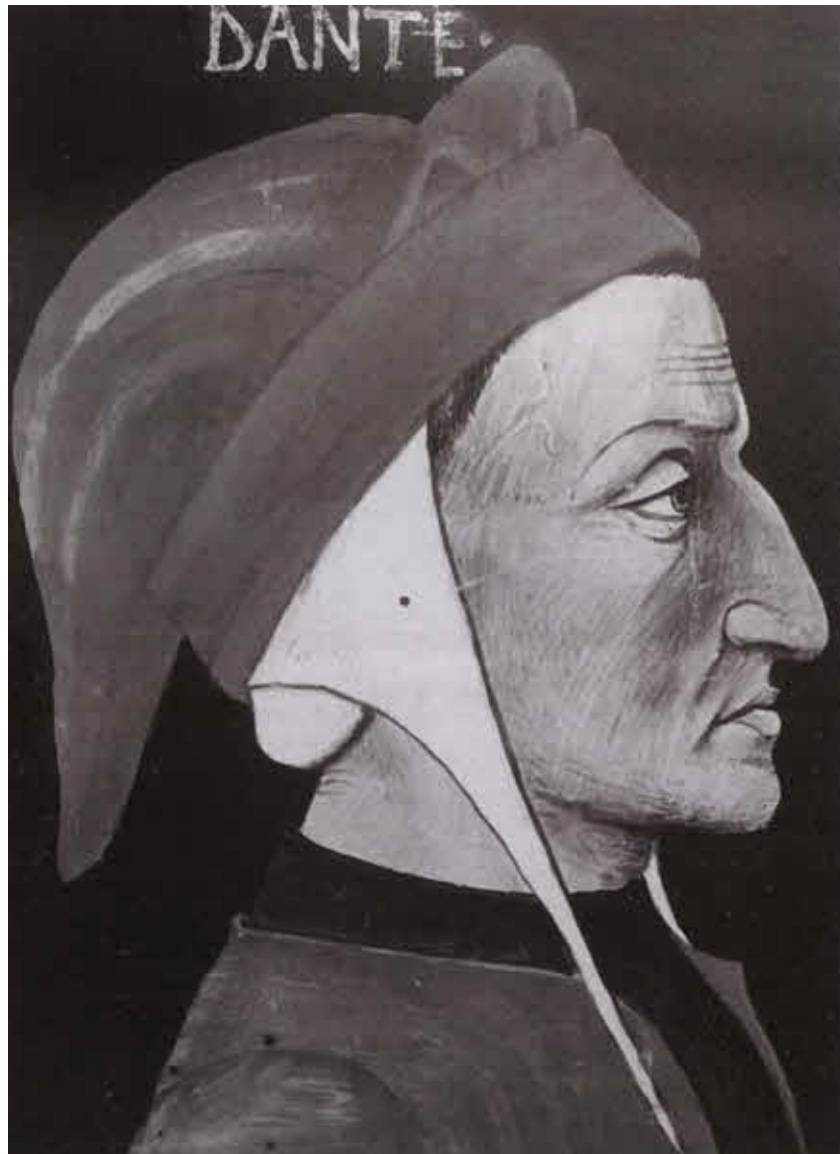
1319–1321 — работа над последней частью «Комедии» — «Раем». Обмен стихотворными посланиями на латинском языке с болонским профессором Джованни дель Вирджилио.

1321, лето — посольская миссия в Венецию для предотвращения войны между Светлейшей республикой и Равенной.

Осень — по возвращении из Венеции заболевает лихорадкой.

14 сентября, в ночь — Данте Алигьери скончался.

ИЛЮСТРАЦИИ

Данте Алигьери.

Художник Дж. дель Понте (?). XV в.

Флоренция. Библиотека Риккардиана

Дом-музей Данте во Флоренции на улице Санта-Маргерита.

Здание, принадлежащее семье Алигьери, воссоздано в 1910-х гг.

Современный вид

Вид Флоренции. 1493 г.

*Ксилография из латинского издания «Нюрнбергской хроники» Х.
Шеделя*

Юный Данте. Фрагмент фрески Джотто (?). XIV в.

Флоренция. Музей Барджелло

Вход в церковь Святой Маргариты Антиохийской (Санта-Маргерита-деи-Черки).

Флоренция. Современный вид

Первая встреча Данте и Беатриче. Художник Э. Сонрель. Конец XIX в.

Фрагмент триптиха «Сцены из «Новой жизни» Данте Алигьери»

Данте встречается Беатриче у моста Святой Троицы.

Художник Г. Холидей. 1883 г.

Ливерпуль. Уокерская художественная галерея

Встреча Данте и Беатриче на свадьбе.

Художник Г. Россетти. 1855 г.

Оксфорд. Эшмолеанский музей искусства и археологии

Развитие взаимоотношений Данте и Беатриче по версии создателей компьютерной игры «Dante's Inferno» и фильма «Ад Данте: Анимированный эпос» (2010).

Кадр из аниме

Поэт Брунетто Латини.

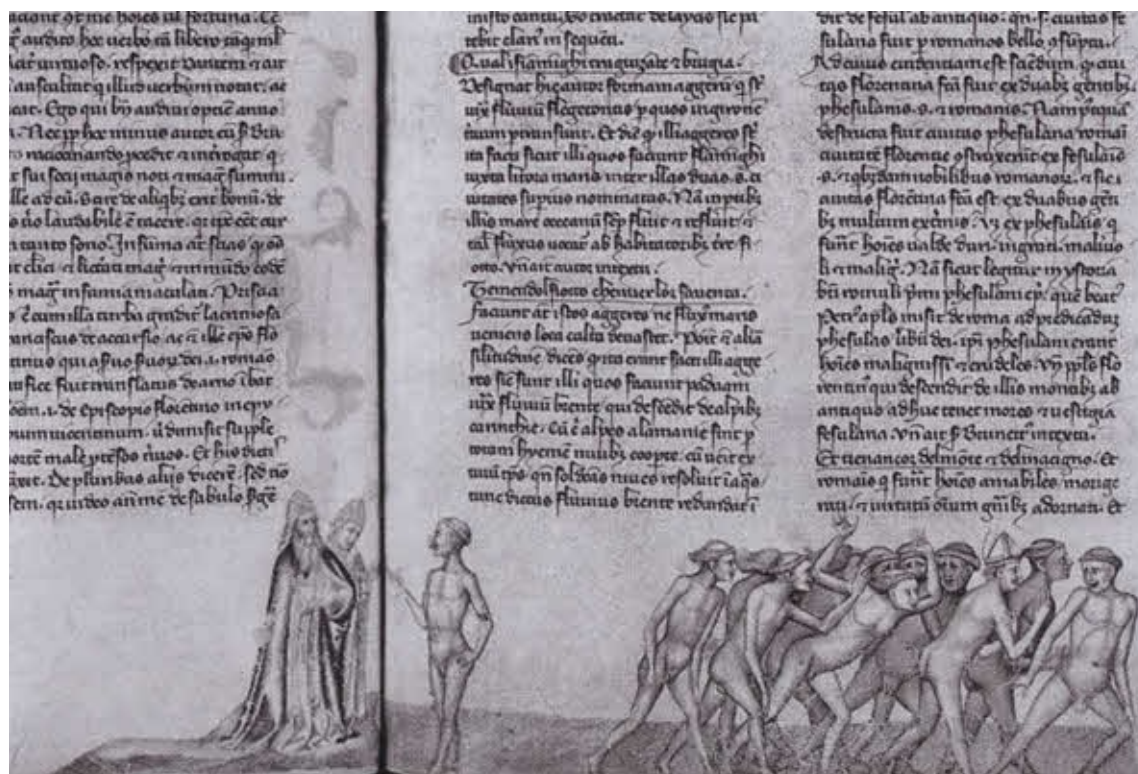
Художник Дж. Трабаллези. 1761 г.

Гравюра из «Серии портретов знаменитых тосканцев» Дж. Аллегрини.

Лондон. Собрание Королевской академии художеств.

Предположительно, Латини — автор рифмовки терцинами, которую перенял Данте

Брунетто Латини в аду среди содомитов.

Около 1345 г. Гравюра из «Комментария Гвидо да Пизы к
«Божественной комедии» Данте»

Беатриче и Данте лицезреют Пресвятую Троицу. Архангелы Михаил и Гавриил побивают падших ангелов.

Художник Дж. ди Паоло. 1440-е гг. Лондон.

Британская библиотека.

Считается, что Данте писал «Комедию» терцинами из религиозного чувства, усматривая в числе «три» образ Троицы

Баттистерий Сан-Джованни. Освящен в 1059 г.

Флоренция. Современный вид

Чино да Пистойя, итальянский юрист, поэт и прозаик.

XIX в.

Гравюра из энциклопедии «Британника»

Средневековая Болонья — город башен.

Компьютерная реконструкция.

Болонский центр научных исследований «Синеса»

*Прием студентов в немецкое землячество Болонского университета.
1497 г.*

Миниатюра

Башни Гаризендаи Азинелли.

Начало строительства 1110-е гг.

Болонья. Современный вид

Поэт Гвидо Кавальканти. Художник Дж. Масони.

1761 г. Гравюра из «Серии портретов знаменитых тосканцев» Дж. Аллегрини.

Лондон. Собрание Королевской академии художеств

Битва гвельфов и гибеллинов при Монтаперти 4 сентября 1260 года, в которой сражался Гвидо Кавальканти.

Миниатюра из «Новой хроники» («Nuova Cronica») Дж. Виллани 1348 г.

Библиотека Ватикана

Джотто за работой над портретом Данте. Рядом с Данте — Гвидо Кавальканти.

Художник Г. Россетти. 1852 г.

Частная коллекция

Битва при Кампальдино 11 июня 1289 года, в которой принял участие Данте.

Макет. Флоренция. Дом-музей Данте

Данте и Беатриче.

Скульптор Г. Почини (?). XIX в. Частная коллекция

*Место предполагаемого захоронения Беатриче деи Барди (Портинари)
в церкви Санта-Маргерита-деи-Черки.*

Флоренция. Современный вид

В анимированном эпосе «Ад Данте» Беатриче погибла от меча жестокого сарацина.

Кадр из аниме

Францисканская церковь Святого Креста (Санта-Кроче) во Флоренции.

Скульптор А. ди Камбио (?). Строительство с 1294 г. Современный вид.

Рядом располагался францисканский монастырь, где в 1290 году жил Данте, оплакивая смерть Беатриче

*Дворец Барджелло — резиденция подеста и городского совета
Флоренции.*

Начало строительства XIII в. Современный вид

Данте.

Художник А. дель Кастаньо.

Около 1495 г. Флоренция. Галерея Уффици

Изгнание Данте из Флоренции в январе 1302 года.

Художник Дж. ди Паоло. 1445 г.

Миниатюра к «Раю» Данте

*Памятник Данте во Флоренции на площади Санта-Кроче,
установленный к шестисотлетию поэта.*

Скульптор Э. Пацци. 1865 г. Современный вид

Крест и коса смерти — орудия борьбы главного героя с силами зла в анимированном эпосе «Ад Данте».

Кадры из аниме

Данте.

Художник С. Боттичелли. Около 1495 г.

Частная коллекция

Встреча Данте с Вергилием и начало их странствия по загробному миру.

Неизвестный художник из Сиены. Миниатюра к «Божественной комедии» Данте.

Перуджа. Библиотека Августы

Данте. Художник Д. Сток.

1882 г. Великобритания.

Музеи и галереи Кирклиса

Папа Бонифаций VIII.

Скульптор А. ди Камбио. Около 1298 г.

Флоренция. Музей Опера-ди-Санта-Мария-дель-Фьоре

Смерть Бонифация VIII 11 октября 1303 года. 1480 г.

Миниатюра из рукописи «О судьбах знаменитых людей» («*De Casibus Virorum Illustribus*») Дж. Боккаччо.

Лондон. Британская библиотека

Башня Донати в ряду домов на улице Дель-Корсо во Флоренции.

Начало строительства XIII в. Современный вид

*Смертельно раненный Корсо Донати в церкви Сан-Сальви во
Флоренции.*

Художник Р. Сорби. 1861 г.

Галерея Академии Флоренции

Папа Климент V.

Художник А. Серрур. XIX в.

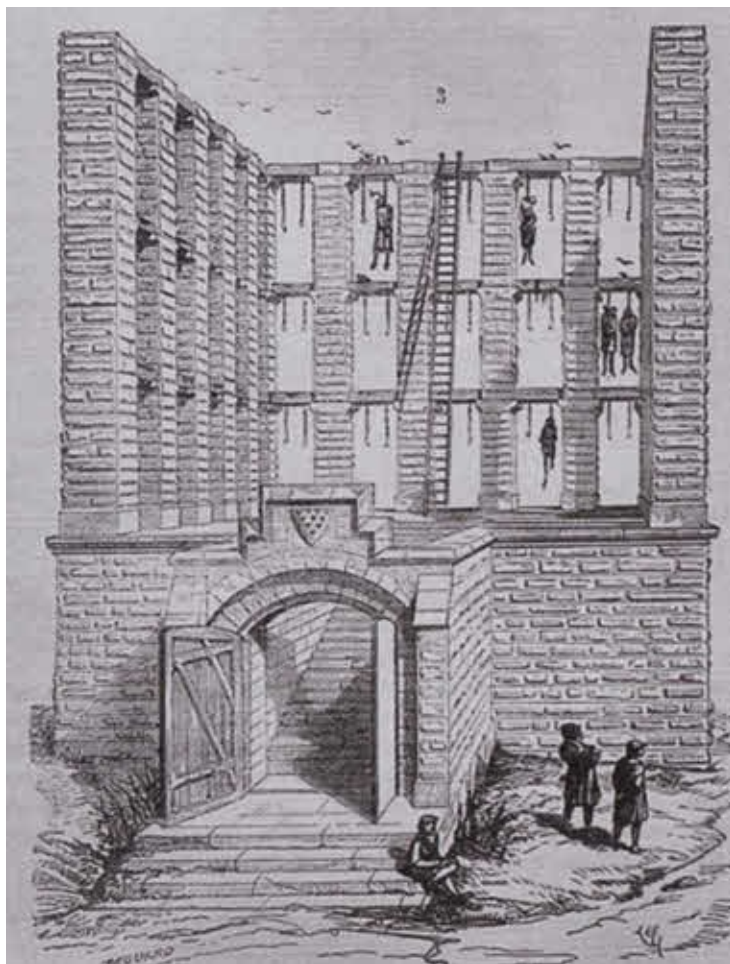
Ватикан. Папский дворец

Король Франции Филипп IV Красивый.

Художник Ж. Л. Бездар. 1837 г. Париж. Версаль

***Каменная виселица Монфокон, построенная под Парижем в XIII веке.
1875 г.***

***Иллюстрация из «Толкового словаря французской архитектуры XI–XVI
веков» Э. Виолле-ле-Дюка***

Вид Парижа.

*1493 г. Ксилография из латинского издания «Нюрнбергской хроники» Х.
Шеделя*

Казнь тамплиеров. 1480 г.

*Миниатюра из французской рукописи «О судьбах знаменитых людей»
Дж. Боккаччо.*

Лондон. Британская библиотека

Смерть короля Филиппа IV 29 ноября 1314 года. 1480 г.

Миниатюра из рукописи «О судьбах знаменитых людей» Дж. Боккаччо.

Лондон. Британская библиотека

Имперская армия во главе с королем Германии Генрихом VII в 1310 году переходит через Альпы в Италию. 1340 г.

Миниатюра из кодекса «Балдуини Тревиренсис» («Balduini Trevirensis»).

Кобленц. Государственный архив Рейнланд-Пфальца

*Возведение Генриха VII в императоры Священной Римской империи
тремя кардиналами в Сан-Джованни-ин-Латерано в Риме 29 июня 1312
года. 1340 г.*

Миниатюра из кодекса «Балдуини Тревиренсис».

Кобленц. Государственный архив Рейнланд-Пфальца

*Смерть императора Генриха VII 24 августа 1313 года в Буонконvento.
1348 г.*

Миниатюра из «Новой хроники» Дж. Виллани. Библиотека Ватикана

Гробница императора Генриха VII.

Скульптор Т. ди Камайно. 1313 г.

Пиза. Собор Пресвятой Девы Марии

Данте Алигьери.

Художник Л. Синьорелли.

Орвьето. Собор Успения Богородицы, капелла Сан-Бризио

Бенедиктинский монастырь Святого Креста в аббатстве Фонте — Авеллана (Санта-Кроче-ди-Фонте-Авеллана) — место уединения Данте в 1313–1314 годах. Начало строительства XI в. Современный вид

Правитель Вероны Кангранде делла Скала.

Миниатюра

Встреча Данте и Вергилия с поэтом Фореze Донати в чистилище.

Художник Г. Доре. XIX в.

Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте

Данте.

Художник А. Рункальдьер. Середина XIX в.

Равенна. Музей Данте

Данте читает «Комедию» при дворе Гвидо Новелло да Поленты в Равенне.

Художник А. Пьерини. 1850 г.

Флоренция. Палаццо Питти

Данте и Беатриче в раю.

Художник Г. Доре.

1892 г. Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте

Церковь Святого Франциска (Сан-Франческо) в Равенне, где в сентябре 1321 года отпевали Данте.

Начало строительства XI в. Современный вид

Мавзолей Данте Алигьери в Равенне рядом с церковью Сан-Франческо.

Архитектор К. Мориджа. 1780 г. Современный вид

Барельефный портрет и саркофаге прахом Данте.

XV в. Равенна. Современный вид

Посмертная (?) маска Данте, изготовленная по приказанию правителя Равенны.

В 1520 г. передана во Флоренцию. Палаццо Веккьо

Кенотаф (символическая могила) Данте в базилике Санта-Кроче во Флоренции.

Скульптор С. Риччи. 1829 г. Современный вид

Данте и его «Божественная комедия». Художник Д. ди Микелино. 1465 г. Флоренция. Собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Поэт изображен под небесными сферами между семью террасами горы чистилища и городом Флоренция, позади него — вход в ад

Павильон компьютерной игры «Dante's Inferno» на выставке комиксов и фильмов в жанре фэнтези «WonderCon-2010».

США. Штат Калифорния. Район залива Сан-Франциско

ЛИТЕРАТУРА

Данте Алигьери. Божественная комедия. [Любое издание.]

Данте Алигьери. Монархия. [Любое издание.]

Данте Алигьери. Новая жизнь. [Любое издание.]

Данте Алигьери. Пир. [Любое издание.]

Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004 (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

АррибасХ. Круги Данте. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009.

АсоянА. А. Данте в русской культуре. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015.

Байкель В. Б. Вертикаль Данте. М.: Алетейя, 2008 (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы).

Байрон Дж. Г. Пророчество Данте // Байрон Дж. Г. Избранное. М.: Правда, 1986.

Боккаччо Дж. Жизнь Данте. М.: Эксмо, 2006 (Зарубежная классика).

Борхес Х. Л. Девять эссе о Данте // Вопросы философии. 1994. № 1.

Браун Д. Инферно. М.: АСТ; Neoclassic, 2016.

Брюсов В. Я. Данте — путешественник по загробью // Дантовские чтения: 1971. Вып. 7 [Сборник]. М.: Наука, 1971.

Буслаев Ф. И. Трехдневное празднование во Флоренции шестисотлетнего юбилея Данта Алигьери // Почин: Сборник Общества любителей российской словесности при Московском университете на 1896 год. М., 1896.

Ватсон М. В. Данте: Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк: С портретом Данте, гравированным в Лейпциге Геданом. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1902 (Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

Вегеле Ф. Данте Алигьери: Его жизнь, сочинения и политическая теория. М.: Книга по требованию, 2012.

Вейфер Р. Данте. М.: Армада, 1998 (Великие писатели в романах).

Генон Р. Эзотеризм Данте // Генон Р. Избранные произведения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: Беловодье, 2003.

Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. М.: Молодая гвардия, 1967 («ЖЗЛ»),

Данте Алигьери в отечественной и мировой культуре [Сборник]. СПб.: Пальмира, 2017 (РХГА).

Данте: Pro et contra [Сборник] / Авт. В. Я. Брюсов, О. Д. Форш, Д. С. Мережковский; ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Пальмира, 2017 (РХГА).

Дживелегов А. К. Данте Алигьери. М.: Журнально-газетное объединение, 1933 (Жизнь замечательных людей. Вып. XVI).

Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990 (Мыслители прошлого).

Жильсон Э. Данте и философия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Иванов В. И. Договор об издании «Комедии» Данте // <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/documents/ob-izdanii-komedii-dante.htm>

Макьявелли Н. История Флоренции / Общ. ред., послесл. и коммент. В. И. Рутенбурга. М.: Наука, 1987 (Памятники исторической мысли).

Маколей Т. Б. Данте (январь 1834) // http://az.lib.ru/rn/makolej_t_b/text_1834_dante-oldorfo.shtml.

Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1994. Т. 3.

Мережковский Д. С. Данте. М.: Книга по требованию, 2011.

Мережковский Д. С. Данте: В 2 кн. М.: Директ-Медиа, 2010. Кн. 1: Предисловие. Жизнь Данте; Кн. 2: Что сделал Данте.

Мешаненкова Е. А. Данте: Жизнь. Инферно. Чистилище. Рай. М.: АСТ, 2013.

Минский Н. М. От Данте к Блоку // Современные записки. 1921. Кн. VII.

Нембрини Ф. Данте, поэт желания: Комментарии к «Божественной комедии»: Ад. Киев: Дух і Літера, 2014.

Седакова О. Дело Данте // <https://www.pravmir.ru/delo-dante/>

Скартаццини И. Данте / Пер. О. А. Введенской; под ред. и со вступ. ст. проф. СПб. Высших женских курсов Д. К. Петрова. СПб. [«Электротечтания» Я. Кровицкого], 1905.

Эко У. Чтение «Рая» // Эко У. О литературе. М.: CORPUS, 2016.

Элиот Т. С. Данте // Элиот Т. С. Назначение поэзии: Статьи о литературе. Киев: AirLand, 1996.

INFO

Ветлугина А. М.

В 39 Данте Алигьери / Анна Ветлугина. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 350[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1822).

ISBN 978-5-235-04358-9

УДК 821.131.1.0(092)"12/13"

ББК 83.3(0)4-8

знак информационной продукции 16 +

Ветлугина Анна Михайловна

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Редактор *Е. С. Писарева*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 25.11.2019. Подписано в печать 28.12.2019.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2003390.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

Анна Ветлугина

Анна Ветлугина — член Союза писателей России и Союза композиторов России. Награждена медалью «За заслуги в культуре и искусстве». Занимает пост титулярного органиста в Кафедральном римско-католическом соборе Москвы.

Лауреат литературных премий. Ранее в серии «ЖЗЛ» выходили ее книги «Игнатий Лойола» и «Франциск Ассизский».

Обстоятельных работ о Данте в нашей стране не выходило уже более полувека. Между тем фигура флорентийского гения все плотнее окутывается ореолом мистики, а его «Божественная комедия», веками будоражащая лучшие умы, берется за основу бестселлеров и компьютерных игр. Как отличить правду и вымысел о Данте? Как оценивать его бессмертный труд, который в современной Европе предложено изъять из школьных программ за «недостаточную толерантность и элементы расизма»?!. Стоит ли воспринимать компьютерную «бродилку» и анимационный боевик «Ад Данте» как

надругательство ради денег над памятником культуры? Или это новаторский способ популяризации классики и даже некий путь миссионерства? Эти и другие важные вопросы побудили автора углубиться в изучение биографии и творчества великого Данте и написать эту увлекательную книгу, базирующуюся на серьезных историографических изысканиях и документах.

---

notes

Примечания

«Epitaph for the Young: XII Cantos» (*англ.*).

«Inferno» (*лат.*).

«Escape from Hell» (англ.).

«Linden Hills» (англ.).

«Dante's Inferno: An Animated Epic» (англ.).

«Kite» (англ.).

«Mezzo Forte» (англ.).

«Ergo Proxy» (*англ.*).

«Witch Hunter Robin» (англ.).

Ин. 12:23.

См.: Асоян А. А. Пушкин — читатель Данте. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2017.

Пополаны (от *ит.* *popolo* — народ) — так в Центральной и Северной Италии называли ремесленников и торговцев.

1 Кор. 5:9-11.

Мф. 18:3.

Джованни Конверсини да Равенна (1343–1408) — один из первых гуманистических педагогов.

В Италии праздник наступления весны (*ит.* Calendimaggio).

Перевод М. Лозинского.

Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости —
восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь... (Пс. 89:10).

Перевод Д. Минаева.

«Il Tesoretto» (*um.*).

Данте «Божественная комедия» (*ит.* «La Commedia», позже «La Divina Commedia»). Ад. Песнь XV: 28–36. Перевод М. Лозинского. Далее это произведение цитируется в том же переводе (иное оговаривается) без указания имени автора и названия.

Данте «Новая жизнь» (*лат.* «Vita nova»). Перевод А. Эфроса.

Джованни Андреа Скартаццини (1837–1901) — итальянский литературовед, один из самых крупных европейских специалистов XIX века по творчеству Данте Алигьери. В настоящем кратком очерке исследователь дал наиболее удачное для своего времени полное представление о литературном творчестве Данте и об истории его души. Эта книга стала одной из первых переведенных на русский язык европейских работ, детально осветивших биографию поэта и ее связи с творчеством.

См.: *Дубинский М. И.* Женщина в жизни великих и знаменитых людей.
Минск: Беларусь, 1996.

Карроччо — передвижная платформа на колесах, на которой был установлен походный алтарь и закреплен штандарт итальянского города.

Глоссатор (от др. — *греч.* glossa) — юрист (доктор права или студент), занимавшийся римским правом в средневековой Европе в рамках традиции, развитой в Болонском университете. Школа права глоссаторов была распространена в Италии, Франции и Германии в XI–XIII веках. Результаты работ всей школы глоссаторов были соединены в одно целое Аккурсием, написавшим, под заглавием «Glossa ordinaria», общий комментарий к юстиниановым сборникам.

Чино да Пистойя (Пистоя; полное имя Гуиттончино де Сигибульди; около 1270–1336 или 1337) — итальянский поэт и юрист из знатного рода.

Ад. Песнь XXXI: 136–138.

Ад. Песнь V: 139–142.

Нобили (от *ит. nobilta* — дворянство) — так в Северной и Центральной Италии называли аристократов.

Ад. Песнь X: 58–63.

Там же 67—69

Там же 70–73.

Ад. Песнь X: 103–115.

Данте «Новая жизнь». Перевод А. Эфроса.

Перевод Эллиса.

36 башен клана Умберти находились на нынешней площади Синьории (Пьяцца-делла-Синьория), сменившей несколько названий (площадь Приоров, площадь Великого герцога, площадь Нации).

Ад. Песнь X: 83–93.

Мф. 5:28.

Im. salve — привет.

Здесь и далее прозаические фрагменты «Новой жизни» Данте цитируются в переводе И. Голенищева-Кутузова.

Перевод М. Чаяновой.

Lat. volgare — вульгарный.

Перевод И. Голенищева-Кутузова.

Ит. carissima — дорогая.

Ит. beatus — счастливый, благословенный, блаженный.

Перевод В. Зубова.

От *um. paglia* — солома.

Капитан народа — военачальник и глава малой (пополанской) коммуны Флорентийской республики.

Отче наш.

Im. dolce stil nuovo — сладостный новый стиль

Война восьми святых (*um. Guerradegli Otto Santi*) — война между папским государством во главе с папой Григорием XI и коалицией итальянских государств во главе с Флоренцией в 1375–1378 годах. Флорентийская комиссия называлась Коллегией восьми по ведению войны, или — с традиционной флорентийской лаконичностью — Восемь войны (*Otto della guerra*). Поскольку они возглавляли войну против самого римского папы, их шутя именовали Восемью святыми (*Otto santi*), так как только святые могли набраться смелости воевать с наместником Бога на земле. Отсюда вся война получила такое название.

Подеста (от *лат.* potestas — власть) — глава администрации (подестата) в итальянских городах-государствах в XII–XVI веках.

Лат. limbus — край, кайма.

Пелагий (около 360 — после 431) — ересиарх IV века, известен своими взглядами на свободу воли, отрицающими доктрину первородного греха. Его учение получило название пелагианства, превратившись в одну из важнейших христианских ересей V века на почве вопросов о благодати Божией, о человеческих силах и заслугах, о первородном грехе и смерти, о свободе и предопределении.

Данное философское течение возникло примерно в 1230-х в Париже под влиянием комментариев арабского мыслителя Ибн-Рушда к работам Аристотеля. Концепция латинского аверроизма сводилась к четырем принципам: первый — вечность мира, второй — ограниченность божественного всеведения, третий — бренность индивидуальной души, четвертый — вечность и единство надындивидуального человеческого интеллекта.

Ад. Песнь I: 1–3.

Там же. 89–90.

Ад. Песнь I: 94–97.

Цит. по: *Мережковский Д. С. Данте (киносценарий)*. — <https://iknigi.net/avtor-dmitriy-merezhkovskiy/20588-dante-kinoscenariy-dmitriy-merezhkovskiy/read/page-3.html>.

61-63.

Рене Жан Мари Жозеф Генон (1886–1951) — французский философ, автор трудов по метафизике, традиционализму, символизму и инициации.

Чистилище. Песнь XXIV: 82–87.

Рай. Песнь XXX: 142–147.

Там же. Песнь XIX: 118–120.

Чистилице. Песнь XXX: 127–132.

Рай. Песнь XXXI: 49–56.

Там же. 65–69.

Рай. Песнь XXXI: 79–90.

Рай. Песнь XXXIII: 139–145.

Ин. 12:24–25.

Рай. Песнь I: 145–146.